

И

И.М. МИЗИЕВ

стория

БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ПОХОДОВ ТИМУРА

И

И.М. МИЗИЕВ

стория

БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ПОХОДОВ ТИМУРА

Издательский центр
Нальчик · 1996

Исмаил Муссаевич Мизиев — известный ученый, разработавший оригинальную концепцию древней истории и этнокультуры тюркских народов. Более 150 научных статей и 12 монографий, опубликованных им в издательствах Москвы, Алма-Аты, Баку, Ташкента, Уфы, Нальчика, Грозного, Казани, Стамбула, Черкесска, Махачкалы, Омска, Йошкар-Олы, излагают новые взгляды на этногенез балкарско-карачаевского народа.

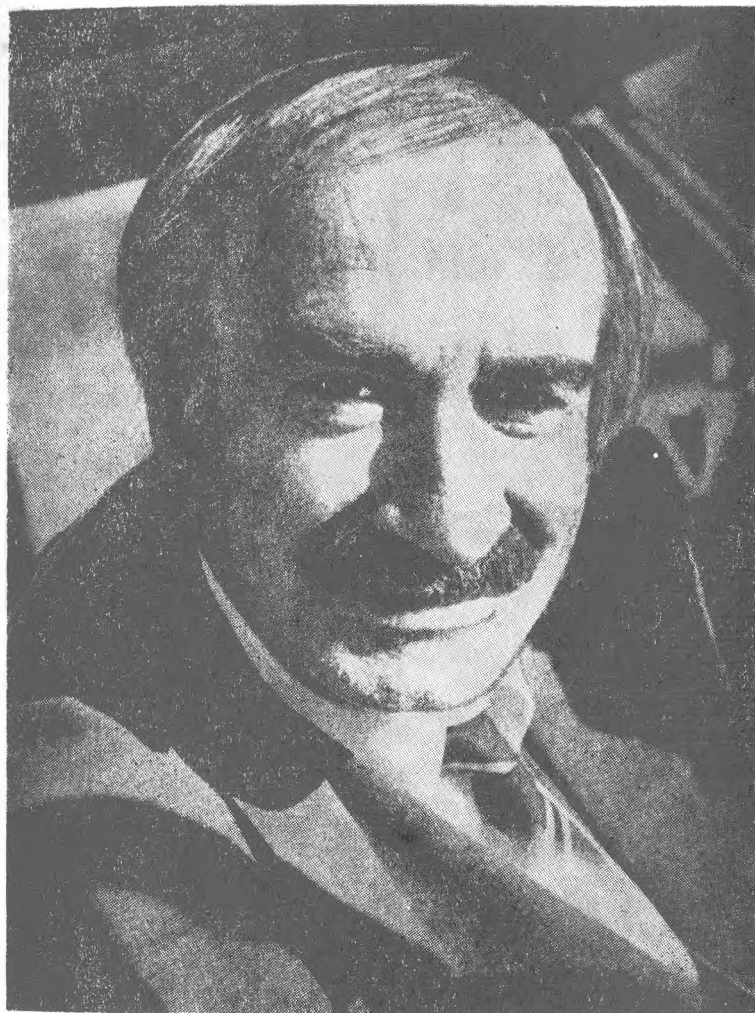
Автор, являясь инициатором настоящего издания, предоставляет возможность читателям вынести свое суждение относительно его концепции, вызвавшей неоднозначные отклики.

Книга выходит в авторской редакции

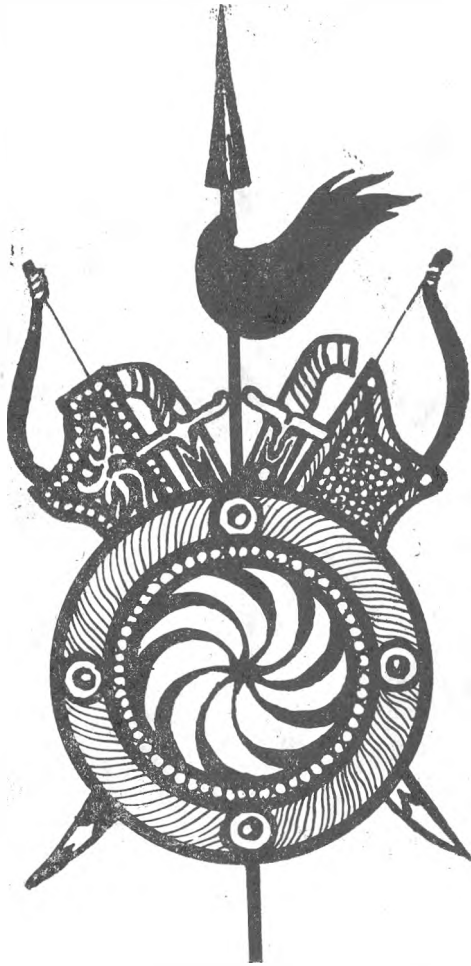
М $\frac{4702010201-019}{Т43(03)-96}$ Без объявл.

ISBN 5-88195-177-8

© И. М. Мизиев, 1996
© Издательский центр
«Эль-Фа», 1996

W. H. H. H.

Введение

Имеющийся в распоряжении историко-археологической, этнолингвистической науки материал говорит о том, что по пути продвижения из Евразийских степей на юг и юго-запад, в ущельях Центрального Кавказа, между реками Терек и Кубань, сохранились «как в вечной мерзлоте» носители древнейших этнокультурных черт пратюркских племен, для которых характерен был курганный обряд погребения древнейшей археологической культуры эпохи IV—III тыс. до н. э.

В указанных ущельях еще в IV тыс. до н. э. «застряла» курганная культура — одна из тюркских основ древнейших кавказских тюркоязычных народов — балкар-карачаевцев. Таким образом, сложившаяся историческая ситуация оправдывает исследователей, рассматривающих комплекс материала сквозь призму этнической истории балкарцев и карачаевцев.

Кавказ был заселен, освоен и облюбован еще первобытными людьми. Он является одним из древнейших очагов становления человека как существа разумного. Выдающаяся горная система даже в эпоху древнекаменного века (палеолит) не представляла собой непроходимой преграды для древнейшего населения, а в эпоху среднекаменного века (мезолит) здесь уже сложилась некоторая культурная близость между населением степей и Кавказа¹. Особенно большие сдвиги в культурно-историческом развитии Кавказа происходят в эпоху новокаменного (неолит) и меднокаменного (энеолит) веков.

Народам, обитавшим на огромных просторах Евразийских степей, нельзя было миновать Кавказ, нельзя было его не заметить. Он не мог не привлечь их внимания хотя бы потому, что представлял собой громадный

горный массив на пути бесконечных миграций племен из Азии в Европу, с Востока на Запад, с Юга на Север. Не мог он не привлечь внимания еще и потому, что его предгорья представляли собой богатейшие пастбищные и пахотные угодья.

Древнее знакомство с Кавказом породило множество легендарных и космогонических фантазий в представлениях древних народов. Достаточно сказать, что ни один горный хребет не занял столь популярного места в мифологии древних греков, как Кавказ. В определенной мере можно сказать, что Кавказ оплодотворил многие основополагающие сюжеты их мифологии. С Кавказом они связывали свой бессмертный миф о Прометее, сюда, в золотоносную Колхиду, отправился их герой Язон со своими Аргонавтами, которые по возвращении домой рассказывали об Эльбрусе: «Задолго до того, как солнце осветит гребни волн, эта таинственная вершина уже купается в золоте первых лучей улыбающейся Эос (Богини утренней зари), и в то время, когда на море уже наплывают сумерки, снега загадочной вершины еще горят рубином закатных лучей».

Греческие мифы связывают с Кавказом борьбу богов земли — титанов с новыми, более одухотворенными богами Олимпа, борьбу Тифона — подземного огня с Зевсом — огнем небесных молний. Очень примечательно, что Плутарх, комментируя книгу Клеанта «Борьба богов», рассказывает такой мифический сюжет: «Гора Кавказ прежде называлась «*Ложем Борей*» и вот почему: Борей силой увез Киону — дочь Арктура на так называемый холм Нифат и произвел там с нею Гирпака, который наследовал трон Гениоха. После того и гора стала называться «*Ложем Борей*». Имя же Кавказ она получила по причине того, что после борьбы Гигантов Сатурн, желая избежать угрозы Юпитера, бежал на самую высокую вершину «*Ложа Борей*» и спрятался там, превратившись в крокодила. Но Прометей зарезал *одного туземного пастуха по имени Кавказ* и, осмотрев его внутренности, сказал, что недалеко находятся враги. Когда же пришел Юпитер туда, то связал своего отца *плетеной шерстью* и сбросил его в Тартар, а к горе, которую *назвал в честь того пастуха Кавказом*, привязал Прометея и заставил его страдать от орла»² (выделено мной.— И. М.).

Таким образом, впервые появившийся в греческой мифологии термин «Кавказ» воспринимался как вполне определенный человек — пастух, обитавший у подножия гор.

На наш взгляд, в этом мифологическом сюжете внимание этнографа не может не привлечь «плетеная шерсть», т. е. обыкновенный шерстяной аркан — один из необходимых бытовых предметов и грозное боевое оружие древних и современных кочевников. Вспоминаются слова римского историка Аммиана Марцеллина о том, что гунны издали очень умело набрасывали на врага аркан и опрокидывали его наземь³. Древнеармянские историки рассказывают, как их царь Трдат едва не проиграл схватку с царем базилов (предков хазар), который умело набросил на Трдата издали свое грозное оружие — перевитый кожей шерстяной аркан⁴.

Есть соблазн сопоставить имя сына Борея и Кионы — Гирпак с карачаево-балкарским и общетюркским термином *Къырпакъ* — «иней», что можно отождествить с заиндевелыми снежно-скальными вершинами вокруг Эльбруса — Ложа Борея. Весьма заманчиво обратить внимание на тот факт, что Гирпак унаследовал трон Гениоха — эпонима племени «гениохов — кучеров», или пастухов. Не один ли из этих пастухов был жертвенным Кавказом? Стоит заметить, что и в древнегрузинской хронике Кавказ воспринимался как одухотворенный человек — эпоним кавказских народов: «Прежде всего упомянем, что... у всех этих народов (кавказианов — кавказцев. — И. М.) был единый отец по имени Таргамос... Среди сынов его отличались восемь братьев, герои многосильные и славные, которых звали так: первого — Гаос, второго — Картлос, третьего — Бардос, четвертого — Мовакан, пятого — Лек, шестого — Эрос, седьмого — Кавкас, восьмого — Эгрос»⁵.

В связи с приведенными фактами следует обратить внимание на значение самого слова «Кавказ», которое не находит объяснения ни в греческом, ни в грузинском, армянском, иранском и кавказских языках. В литературе бытует предположение П. Услара, что слово «Кавказ», отсутствующее и в Библии, и санскритской литературе, является искажением туземного *Кох-аз* и будто бы означает с позиций осетинского языка понятие «Гора азов»⁶. Но такое толкование не согласуется с законами иранских языков, в которых существительное *лох* — «гора»

всегда стоит на втором месте, например, в названиях: *Адай-хох*, *Джимарай-хох*, *Зылги-хох* и т. д. Стало быть, по этой закономерности должно было бы быть не *Хох-аз*, а *Аз-хох*. Этот факт опровергает мнение П. Услара.

Кроме того, известно, что Плиний приводит скифское название Кавказа — *Крауказ*, т. е. «Белеющий от снега». Некоторые авторы XIX в., например Болен, полагают, что этот термин происходит от санскритского *Каз* — «блестеть» и *граван* — «камень, скала». Однако еще Бюрнюф справедливо подметил, что такое толкование идет вразрез с законами санскрита, где должно было быть *Каза-граван*, а не наоборот.

Со своей стороны мы предлагаем следующее объяснение термина. В слове «Кавказ» явно видны слова *Кабак* или в арабской транслитерации *Кабк* — «ворота» и этноним *Аз*. Отсюда термин может означать «Ворота азов». Следует заметить, во-первых, что *Аз* — это древнейший тюркский этноним, ныне сохранившийся у многих народов в виде родо-племенных, родовых патронимических названий. Во-вторых, термин *аз* запечатлен в осетинском языке как название балкарцев. В-третьих, термин *каз*, завершающий название «Кавказ», является древнейшим именем хазар и означает «кочевать» или «кочевник». Таким образом, *Кавказ* может означать понятие «Ворота кочевников». В-четвертых, слово *каз* (*кас*), *каш* означает на тюркских языках «возвышенность», «холм», «гора»⁷. Отсюда термин *Кавказ* можно сравнить с понятием «Ворота-горы».

Все предложенные варианты тюркского толкования термина *Кавказ* не далеки от реальности, если учесть, что Кавказом назывались не только нынешние горы между Каспием и Черным морями, но и вся гряда гор, являющихся воротами, разделяющими Среднюю и Центральную Азии от Передней и Малой Азии, население древнейших кочевников и древних земледельцев.

Продолжая этот этюд, мы вновь обращаем внимание на древнегреческую мифологию, в которой *Азы*, или *Азия*, рисуются то как жена, то как мать Прометея. А поскольку греки считали себя потомками Девкалиона, сына Прометея и Азии, стало быть, в их воображении они кровнородственно связывали себя с Кавказом. А настоящая древняя Азия греков примыкала к Кавказу и гнездилась в их представлениях у ног Кавказа, как у своей колыбели. По воображению древних, Ной и Дев-

калион именно отсюда начали расселение людей⁸. Таким образом, греки в древности Азией называли Предкавказье и лишь позднее этот термин перекинулся на Среднюю, Центральную, Малую и Переднюю Азии. Недаром отец географической науки Страбон знал и описал город Азов на Танаисе (на Дону), а историк Плиний упоминает в этих районах народ «Ассиак», имя которых современные осетины сохранили за своими извечными соседями — балкарцами⁹.

Из всего сказанного вытекает, что древние греки воспринимали Кавказ как колыбель азов, с ним прочно связывались первобытные мифические представления и легенды о Кавказе и Азии.

Нельзя обойти молчанием и тот примечательный факт, что древние тексты, легенды и саги скандинавских народов — «Старшая Эдда», «Младшая Эдда», «Сага о Скьельдунгах» и др. — повествуют о том, что их легендарный герой Один был родоначальником асов, которые первоначально жили в Азии и оттуда заселяли Скандинавию. В текстах прямо говорится, что заселившие их страну племена под предводительством Одина были тюрками из Азии¹⁰.

В Кавказских горах зацепились и заселили у подножий заоблачных вершин остатки многих древних племен, здесь обнаруживаются многие обрывки древней истории и культуры человечества. «Можно смело сказать, — писал Г. И. Радде в 1883 г., — что никакая другая местность мира не имела такой разнообразной истории. Следы этих бесчисленных исторических населений, этого беспримерного смешения и столкновения самых противоположных народов древнего и нового мира сохранились на Кавказском перешейке до наших дней»¹¹. Буквально такую же характеристику давал Кавказу и другой выдающийся академик — В. Ф. Миллер¹². Оттого-то Кавказ представляет собой теперь истинный музей исторических, этнографических и археологических сокровищ, редко уступающий другому региону мира.

По мнению многих ученых, изучить Кавказ — это значит изучить историю и этнографию почти всего человечества. Даже десятки и сотни специалистов различных областей знания до сих пор не могут исчерпать бесценные этнографические данные, которыми кишит каждая местность, каждый народ, почти каждое ущелье Кавказа, Филологи имеют на Кавказе живой институт

кавказских, индоевропейских, тюркских и других языков. Здесь нередко еще можно встретить также наречия, которые составляют первобытные ступени развития древнейших языков мира. В ущельях Кавказа можно натолкнуться на такие сочетания и сплетения разнородных течений человеческой речи, которые наука еще не в состоянии объяснить. Тут и древнейшие уникальные шумерские слова, и целые фразы и выражения, бытующие у горцев Центрального Кавказа — в языке балкарцев и карачаевцев, здесь же древние корни индоевропейских языков, сохранившиеся в армянском языке.

В этнографическом отношении Кавказ сохранил нам редкие образцы всех последовательно прошедших общественно-экономических формаций от родового строя и средневековья, подобно тому как природа сохранила последовательные наслоения когда-то существовавших животных и растительные организмы в геологическом напластовании земной коры.

Все изложенное позволяет сказать, что на Кавказе мы можем, в некотором смысле, услышать язык и наблюдать быт народов, исчезнувших многие столетия назад. Особенно это можно видеть в ущельях Дагестана, Дигорни, Балкарни, Карачая, Грузии, Армении и др., точно так же, как в ледниках отложения Севера ученые обнаруживают шерсть, кости и даже целые организмы допотопных мамонтов. Именно в этом смысле понимают ученые многообразный мир Кавказа, его оригинальные особенности природы, специфику жизни и быта горцев. Самобытными горскими народами Кавказа являются балкарцы и карачаевцы, этногенетическая и этнокультурная история которых, к сожалению, до сих пор изучена и освещена недостаточно.

Лежащая перед Вами книга, уважаемый читатель, есть усиленная попытка автора этих строк обобщить свои многолетние изыскания в разрешении этого вопроса и внести свою скромную лепту, никак не претендуя на окончательность предлагаемых выводов.

Данная книга посвящена этногенезу балкаро-карачаевцев, составляющему неотъемлемую часть общей проблемы соотношения древнейшего Кавказа и тюркоязычного мира. Эта тема волновала автора почти с 1960 г. и являлась основой всей его научно-исследовательской деятельности. Его многие археолого-этнографические,

этнолингвистические поиски и многочисленные публикации неизменно вращались вокруг названной темы.

Вполне понятно, что такая фундаментальная тема могла бы состоять из нескольких взаимосвязанных томов, быть богато иллюстрированной картами, схемами, чертежами и рисунками, но судьба распорядилась по-иному. В силу ряда объективных причин боязнь «утонуть» в материале заставила меня изложить накопленный материал в том виде, в каком теперь оказалось мне под силу. И тем не менее я уверен, что этот труд послужит плодотворным стимулом для новых исследований и поисков по названной интереснейшей проблеме кавказоведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Археология СССР. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 94. (Далее: Энеолит СССР.)

² *Ган К.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. Ч. 1. С. 153.

³ *Марцеллин А.* История. Киев, 1906—1908. Вып. 1—3. С. 338.

⁴ История Армении (приписываемая Моисею Хоренскому) / Пер. Н. О. Эмина. М., 1893. С. 131.

⁵ *Мровели Л.* Жизнь картлийских царей / Пер. с древнегр.; Коммент. Г. В. Сулая. М., 1979. С. 21.

⁶ *Услар П.* Древнейшие сказания о Кавказе // ССКГ. Тифлис, 1881. Вып. 10. С. 130, 486—491.

⁷ *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 265.

⁸ *Услар П.* Указ. раб. С. 464; Живописная Россия. М., 1883. Т. 9. М., С. IV.

⁹ *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 98; *Латышев В. В.* Известия древних авторов... Т. 2. Ч. 1. СПб., 1904. С. 172.

¹⁰ *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения / Тексты, переводы, комментарий. М., 1986. С. 95—99.

¹¹ Живописная Россия... С. XIV.

¹² *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3. С. 3.

Древнейшие предки балкарцев и карачаевцев

Несмотря на свой тюркский язык, будто бы не свойственный древнейшему Кавказу, балкарцы и карачаевцы являются древнейшими кровнородственными народами Кавказа¹ и представляют собой классический образец так называемого кавкасионского типа европеоидной расы².

Два этих фактора, в сочетании с тем обстоятельством, что балкаро-карачаевцы издавна заселяют самые высокогорные районы Северного Кавказа, неизменно заостряют пристальное внимание многих представителей смежных областей знания. В принципиальном плане сумма многих вопросов истории и культуры названных народов может быть сведена к одной общей проблеме: каким образом, в результате каких событий и в какую эпоху древнейшие кавказские племена впервые вступают в контакт со степными народами и каким образом тюркоязычные слагаемые процесса этногенеза балкаро-карачаевцев оказались почти на самом гребне седого Кавказа в тесном окружении представителей кавказских языков? Таким образом, мы вплотную подходим к еще плохо разработанной проблеме соотношения: горы и степи, Кавказ и кочевники.

Чтобы верно подобрать ключи к решению поставленных вопросов, необходимо прежде всего хотя бы вкратце охарактеризовать, что из себя представлял древнейший кавказский субстрат, на который стали накладываться внедрявшиеся сюда степные элементы, а также попытаться проследить, как протекал процесс смешения кавказских и степных культур.

Почти вся территория Закавказья, прилегающие к ней горные районы Дагестана, отчасти Чечено-Ингушетии, и Северо-Западное Причерноморье в этот период

характеризуются обширной куро-аракской культурой оседлых земледельцев и скотоводов. Культура эта отличается своеобразной расписной керамикой коричневатобурой, красно-коричневой окраски, со сглаженной поверхностью с сосцевидными, миндалевидными и подковообразными налестками, с разным геометрическим орнаментом в виде квадратиков, кружков и т. п. Куро-араксинцы производили захоронения в бескурганых грунтовых ямах и каменных ящиках — либо на самом поселении, либо прямо в жилищах. Широко были распространены т. н. глиняные очажные подставки с изображениями крупных рогатых животных.

Будто бы кольцом опоясывая горный Кавказ, куро-аракская культура в Дагестане и Западном Кавказе охватывала огромные пространства, примерно совпадающие с ареалом распространения кавказских языков. Дагестан и Чечено-Ингушетия — это территория нахско-дагестанской группы, а Западный Кавказ — территория распространения абхазо-адыгского массива.

Хотя абхазо-адыгские и нахско-дагестанские языки относятся к кавказской семье языков, между ними нет ярко выраженных и четких лингвистических параллелей, не прослеживается и близкий территориальный контакт и непосредственное соседство. Важно, что территориальный разрыв между этими языковыми группами представляет собой относительно «свободную зону», в которой не прослеживаются и четкие куро-аракские культурные особенности. Именно в эту зону приходится основное сосредоточение впервые проникавших на Кавказ групп кочевников-степняков.

Все сказанное особенно ярко проявляется на памятниках у г. Нальчика, у сел. Ак-баш, у ст. Мекенской и других пунктах Кубано-Терского междуречья, представляющего вышеочерченную «свободную зону».

Древнейшие кавказские языки составляют три четко ограниченные друг от друга генетические группировки: западнокавказскую (абхазо-адыгскую) — на северном и южном склонах Западного Кавказа, южнокавказскую (картвельскую или иберийскую) — в Закавказье и восточнокавказскую (нахско-дагестанскую) — в восточной части Кавказа³. По мнению Г. А. Климова, «вряд ли могут быть сомнения в том, что максимальные структурные расхождения налицо именно между западнокавказскими (абхазо-адыгскими) языками, с одной сторо-

ны, и восточнокавказскими (нахско-дагестанскими) — с другой»⁴. Такой лингвистический вывод поддерживается и историко-культурными, археологическими фактами, ставящими западную часть Северного Кавказа особняком от восточной. Археологическая наука свидетельствует: «Мы видим, что керамика Агубековского поселения отличается от глиняной посуды энеолитических памятников Закавказья, Северо-Восточного Кавказа и Кавказского Причерноморья.. Таким образом, культура позднего неолита и энеолита Центрального Предкавказья имела свои локальные особенности»⁵. Следовательно, в Центральном Предкавказье, в междуречье Кубани и Терека, мы не наблюдаем ни территориальной, ни археологической, ни лингвистической смычки. Здесь мы видим как бы подковообразный разрыв в общей цепи древнекавказских языков и культур. Именно на этот разрыв приходится распространение в IV—III тыс. до н. э. новой, не свойственной прежде Кавказу, археологической курганной культуры, именуемой древнеямной. Все сказанное соответствует утверждениям Н. Я. Марра, что «позднейшие победители, ироны и карачайцы, занимали именно главные проходы хребта и прилегающие к ним районы и тем, сделав брешь в непрерывной ближайшей цепи родственных племен, разобщили абхазо-черкесскую группу от чеченских, лезгинских народов и племен»⁶. Далее он продолжал: «...если черкесы или адыги еще сохранили с абхазами в речи более близкое сравнительно сродство, оба они, с одной стороны, и горские языки восточного Кавказа — с другой, значительно разошлись...»⁷.

Агубековское поселение и Нальчикский могильник, в которых наблюдаются (и не могли не наблюдаться) отдельные элементы культуры куро-аракцев, в то же время доказывают существование на Центральном Предкавказье во второй половине IV тыс. до н. э. четко выраженной локальной культуры. Несмотря на то, что в этих памятниках прослеживаются тесные связи с куро-араксинскими памятниками типа Гинчи и Тетрамица (в Дагестане и Грузии), в то же время в указанный период более определенные и глубокие связи наблюдаются с северными степными районами Волго-Донского междуречья, например, с Мариупольским могильником на Нижнем Дону. Неопровержимым свидетельством проникновения в Предкавказье степняков-кочевников является появле-

ние во второй половине IV тыс. до н. э. обычая погребения под курганной насыпью — этническим паспортом степняков⁸. В то же время Кавказ не без оснований считается одним из важнейших очагов, откуда в Северное Причерноморье, Подонье и Поволжье проникала культура земледелия и металлургии⁹.

Таким образом, можно констатировать, что Кавказ, на юге примыкая к Передней Азии и Закавказью, находился в непосредственной близости от древнейших очагов возникновения и развития мирового земледелия¹⁰. На севере предкавказские районы, смыкаясь со степными районами Северного Причерноморья, Подонья, Поволжья, издревле являлись связующим звеном между Передней Азией и Юго-Восточной Европой.

В системе этих связей особенно важную роль должна была играть центральная часть Предкавказья, заключенная в географических рамках между Кубанью и Терреком, Эльбрусом и Казбеком, где, как указывалось, была определенная «пустота» куро-аракской культуры. Неудивительно поэтому, что наиболее ранние памятники оседло-кочевнического облика были обнаружены в самом центре Предкавказья, в пределах нынешнего г. Нальчика.

Благоприятные климатические условия этого региона, богатая флора и фауна, густая водная сеть не могли не привлечь внимания древних людей, полностью зависящих от природных условий обитания. Здесь густые лесистые хребты предгорий Большого Кавказа окаймляют плодородную предгорную долину.

Культура древних племен эпохи неолита и энеолита Северного Кавказа и сопредельных областей в значительной степени представлена отмеченными выше памятниками типа Агубековского поселения и Нальчикского могильника, изученных М. И. Ермоленко, А. П. Кругловым, Е. Ю. Кричевским еще в 20—30-х гг.¹¹

Жилища древних поселенцев представляли легкие плетеные хижины, в принципе дожившие в этих краях до XIX — начала XX в. Керамика на поселении была плоскодонной, за исключением одного фрагмента круглодонной чашечки. Среди керамического материала важное место занимает фрагмент сильно стилизованной глиняной статуэтки, изображающей человека. Моделировка лицевой части головы ограничилась одним широким защипом по всей длине «лица».

На поселении в большом количестве встречались разнообразные каменные орудия из кремня и обсидиана местного происхождения: скребки, ножевидные пластины, различные острия, используемые для обработки кожи, дерева, кости и пр.

Типичными для Агубековского поселения предметами считаются каменные терки, терочники и песты. Размеры терок колебались от 22—25 см длиной до 10—14 см шириной. Растирание злаков на них производили терочниками, представлявшими собой небольшие гальки или валуны, поверхности которых от длительного использования были в некоторых частях достаточно стертими.

Изучив добытый археологический материал, исследователи писали: «У нас нет оснований предполагать у древних обитателей Агубековского поселения наличия земледелия. Среди всех терок, представленных в нашем материале, нет ни одной, которую можно было бы считать зернотеркой. Все они слишком незначительны по своим размерам для того, чтобы употребляться для растирания зерна. Этому также противоречит пористая структура камня. С другой стороны, эти терки могли быть удобными для растирания съедобных корней, диких плодов, орехов или желудей. Набор терок Агубековского поселения дает возможность говорить не о земледелии, а о собирательстве».

На поселении встречались кости дикой свиньи, которые также не давали исследователям основания говорить о домашнем скотоводстве, а скорее свидетельствовали об охоте на диких животных. Весь набор найденного материала позволяет датировать поселение неолитическим временем — второй половиной IV тыс. до н. э.¹² Этот же материал позволяет судить о широких культурно-экономических связях поселенцев Агубеково. Такие предметы, как полированные топоры и наверхия булавы, позволили археологам связать этот памятник с неолитическими культурами Моравии, Югославии, Южной Украины с памятниками т. н. трипольской неолитической культуры земледельцев Восточной Европы. Глиняная статуэтка очень похожа на найденную в Ульском кургане, а моделировка лица зашипом — это прием, широко известный в неолитической и энеолитической пластике. Таким же образом было оформлено лицо и на статуэтке из кургана Катараагач-тапа в Дагестане¹³. Каменные орудия из Агубековского поселения в общих чертах похо-

жи и на соответствующий инвентарь из закавказских памятников, в частности с поселения Тетрамицы. Такую же близость эти орудия проявляют и с Гинчинским поселением в Дагестане. Все это позволило ученым говорить о близости агубековцев с оседлым населением Дагестана и Грузии¹⁴. Вместе с тем анализ всего комплекса находок из Агубекова в целом, особенно его керамического материала, дает право ведущим специалистам по неолиту и энеолиту Кавказа считать, что неолитическая или поздненеолитическая культура Центального Кавказа имела свои ярко выраженные локальные особенности. Эту особенность, кроме всего прочего, подчеркивает и упомянутая статуэтка. Подобные антропоморфные статуэтки в памятниках Кавказа чрезвычайно редки, причем агубековская находка относится к числу наиболее древних. Она почти ничем не отличается от ранних трипольских терракоток, близость их подчеркивает и моделировка лицевой части, и имеющиеся ряды маленьких дырочек¹⁵.

Перекликаясь с памятниками трипольской культуры Восточной Европы, с Мариупольским могильником, Криволучским погребением и другими находками на севере от Кавказа, с поселениями Тетрамицы и Гинчи в Грузии и Дагестане, а через них и с культурными достижениями древнего Востока, Нальчикское неолитическое поселение имеет решающее значение в деле изучения истории всего степного юга и Кавказа¹⁶.

Вторым важным памятником, почти одновременно с описанным, является Нальчикский могильник, также прочно вошедший в арсенал золотого фонда советской науки о древней истории Кавказа и Восточной Европы.

Могильник имел низкую насыпь, резко отличающуюся в этом отношении от курганных высоких насыпей эпохи бронзы. Высота насыпи была равна 67 см, а диаметр — 30 м. Именно исходя из этих размеров некоторые авторы не считают могильник курганом¹⁷, хотя дошедшие до нас древнейшие курганы едва достигали высоты 40—50—70 см, а в диаметре 1 м¹⁸.

Раскопанное на могильнике 121 погребение размещалось небольшими группами: от 5 до 8 могил в каждой. Поэтому ученые полагают, что каждая семейно-родовая ячейка имела здесь свой участок. Захоронения в таких группах производились неодновременно. «Однако,— пишут исследователи,— мы не можем предполагать наличие большого промежутка времени между моментами за-

хоронения покойников, образующих отдельные группы. Этому противоречила бы замечающаяся правильность в расположении, хотя бы в отношении ориентировки, а также скученность группы, которую пришлось бы в таком случае объяснить простой случайностью. По всей вероятности, на поверхности могильника имелись какие-то знаки, которыми и руководствовались при последующих захоронениях». Вполне возможно, что отмеченные черты могли быть следствием тесно расположенных мелких курганчиков, впоследствии оплывших в единую невысокую возвышенность, каковой предстал перед археологами Нальчикский могильник.

Очень важно отметить, что 10 % погребенных покоились в грунтовых ямах, расширяющихся к изголовью, лежали на спине с подогнутыми вверх коленями. Эти погребения особенно подчеркивают принадлежность к т. н. древнеямной (курганной) культуре степняков-кочевников IV—III тыс. до н. э., хотя и скорченное состояние костяков для этой культуры столь же характерно.

Среди археологического инвентаря Нальчикского могильника надо отметить частые находки подвесок из коренных зубов быка, просверленных клыков кабана, медведя, лисы, фрагменты оленьих рогов. В погребениях № 46, 83, 86 и вблизи могил № 54 и 55 были найдены каменные браслеты, вырезанные из плиток сланца острым орудием, в качестве которого служили всевозможные скребки, отщепы и пластинки из кремня, обсидиана. Подобные браслеты были найдены на поселении в местности Тетраицы близ г. Кутаиси, у ст. Криволучье-Ивановка на Волге в Куйбышевской области, в кургане между станицами Тульской и Севастопольской в Краснодарском крае и других местах. Все это вновь подтверждает оживленные связи племен Центрального Предкавказья с севером и югом Кавказа.

При раскопках могильника было найдено много фрагментов глиняной посуды, однако исследователи «с полной уверенностью утверждают, что они попали в погребения случайно, а не преднамеренно»¹⁹. Исходя из этого утверждения первооткрывателей современные археологи считают, что керамика населением, оставившим Нальчикский могильник, не производилась²⁰. Эти существенные факторы позволяют предполагать, что Нальчикский могильник мог быть оставлен древнейшими кочевниками. В связи с таким предположением привле-

кает внимание упоминавшаяся «маленькая глиняная пшощка в виде круглодонного бокальчика» или чашечки из раскопок М. И. Ермоленко²¹. Подобные предметы были характерной особенностью древнейших кочевников.

Ближайшей аналогией Нальчикскому могильнику А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий считали могильник у г. Мариуполя. Однако последний, по их же мнению, относился к несколько более ранней эпохе, так как в нем не было медных предметов и пастовых бус. Отличительной особенностью последних погребений, на наш взгляд, является и вытянутое положение покойных, чего нет в Нальчикском могильнике. В поздних погребениях Мариупольского могильника наблюдается такое же, как и в Нальчикском, положение усопших — на спине с подогнутыми в коленях ногами, что получает распространение и в районах Донца и Волги²².

Касаясь идеологических представлений и анализируя в этой связи различные изделия из клыков и зубов диких животных, авторы раскопок писали: «Нам кажется, что мы не ошибемся, если подчеркнем особую значимость в представлениях изучаемого общества двух животных — кабана и оленя... Именно на обработанном кабаньем клыке нанесены изображения двух змей. Говорить о том, что кабаньий клык в данном случае был использован лишь как наиболее подходящий поделочный материал и тем самым отрицать органическую смысловую связанность между предметом и нанесенным на нем изображением было бы неправильно». Подтверждение своих мыслей они видят в факте изображения змеи на бронзовом клыке из Казбекского клада. В то же время исследователи отмечали особую культовую значимость кабана и на материалах Мариупольского могильника.

О социальной структуре общества, оставившего Нальчикский могильник, по предположениям исследователей кое-что могут сказать обнаруженные ими на могильнике группировки могил, несомненно, образующие каким-то образом определенные семейно-родовые общественные отношения. Следует добавить, что подобные группировки или отдельные участки могил кровнородственных или фамильных ячеек соблюдались у народов Северного Кавказа вплоть до недавнего прошлого.

Неоднократно обращаясь к материалам Нальчикского могильника, археологи подчеркивают, что в его ин-

вентаре ведущее место занимают украшения и *отсутствует керамика*, что затрудняет *возможность* назвать общество, оставившее его, древними земледельцами. Таким образом, Агубековское поселение и Нальчикский могильник являются выраженными памятниками древнейших кочевников Предкавказья, вступившими в теснейший контакт с древними кавказскими племенами. Одновременно можно констатировать, что рассмотренные два памятника являются наглядными примерами того, как Северный Кавказ выступал во второй половине IV тыс. до н. э. в роли связующего звена между культурами Передней Азии, Южного Кавказа и степного юга европейской части нашей страны.

Смешанный охотничье-скотоводческий облик культуры с возможными зачатками раннего земледелия позволяет наметить соединительное звено в хрупкой цепочке раннеземледельческих поселений: у сел. Гинчи в Дагестане, у селений Мачара и Гантиади на горе Гуад-Иху в Абхазии, у сел. Тетрамыцы близ г. Кутанси, которые связывают между собой огромный земледельческий мир Европы (Трипольская культура), Южного Кавказа и Передней Азии. Обнаруженные в Абхазии земледельческие орудия — мотыжки сухумского и сочи-адлерского типа — весьма близки по форме к северомесопотамским орудиям VI—IV тыс. до н. э. из Джемдет-Насра, Тепе-Гавра и др. В археологической науке принято мнение, что появление подобных мотыжек на западнокавказском Причерноморье является результатом влияния и тесных связей с Передней Азией через Восточную Анатолию и бассейн Чороха. Такая же связь с Передней Азией и Южным Кавказом отмечена в науке относительно земледельческой культуры Дагестана, особо ярко представленной поселением Гинчи.

Отсутствие таких явно выраженных земледельческих атрибутов, как каменные мотыжки, крупные зернотерки, расписная керамика, мощные каменные строения и жилища оседлого населения, отсутствие керамики в Нальчикском могильнике и пр. — все это свидетельствует о том, что в прослеживаемой цепочке район Центрального Предкавказья, представленный памятниками Нальчика, является наиболее слабым звеном в распространении куро-аракской земледельческой культуры в Предкавказье, что именно здесь проявляются очевидные кочевнические элементы в древней культуре региона.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что «разрыв» в цепочке распространения земледельческой культуры совпадает с отмечавшимся выше разрывом между кавказскими языками в Предкавказье.

Второй момент, на котором следует остановиться, это то, что до IV тыс. до н. э. ни в Европе, ни в Передней и Малой Азии, Иране и Индии, ни на Южном Кавказе археологические культуры не содержат курганных насыпей и курганного погребального обряда.

В то же время два круглодонных сосудика из Нальчика и возможно древнейшие невысокие курганные насыпи над упомянутыми 12 погребениями дают основание говорить о связях населения Предкавказья с Евразийскими степями, для подвижного населения которых весьма характерны были круглодонные сосуды, удобные в кочевой жизни, а также впервые появившийся обычай возводить над могилой сородичей невысокие, достигающие до 1 м курганные насыпи. Одновременно с Нальчицким могильником и позднее в окрестностях Нальчика и ближайших районах Северного Кавказа появляются неоспоримые археологические «паспорта» кочевого степного населения — курганы, которые отныне надолго становятся неотъемлемой деталью пейзажа на огромной территории Евразийских степей от Алтая до Карпат, на севере и юге Кавказа, в Передней и Средней Азии.

Есть основания думать, что древнейшим кочевникам удалось впервые внедриться в зоне того самого слабого звена в цепочке древнеземледельческих культур Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа, о котором мы говорили выше. Вполне возможно, что именно в этой зоне стыка аборигенных абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков удалось вклиниться на Центральном Предкавказье тюркским и иранским племенам — древнейшим предкам нынешних балкарцев, карачаевцев и осетин.

Мы предполагаем, что «древнеямники», непосредственно представленные в Нальчицких памятниках, вероятно, были в сравнительном меньшинстве и в значительной степени позднее растворились в местной этнокультурной среде. В общем комплексе погребального обряда им удалось сохранить только ее самые консервативные элементы — положение самого покойного, бедность инвентаря, подсыпку из охры, отсутствие керамики.

Но прежде чем приступить к анализу памятников Северного Кавказа, связанных с кочевым миром Евразийских степей, необходимо охарактеризовать основные этнокультурные черты археологической культуры «древнеямников» — древнейших овцеводов-кочевников и проследить пути их миграции по бескрайним степным просторам. Без анализа этих общих вопросов расселения кочевников мы постоянно будем спотыкаться на частностях, заключенных в узких рамках Предкавказья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Происхождение балкарцев и карачаевцев: Материалы научной сессии. Нальчик, 1960. С. 30. (Далее: МНС); *Алексеева Е. П.* Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1962.

² *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии // МНС. С. 321, 331; *Джанберидзе Г. К.* Выступление... // МНС. С. 224; *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974 С. 26.

³ *Климов Г. А.* Кавказские языки. М. 1965. С. 14.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Энеолит СССР. С. 129.

⁶ *Март Н. Я.* Избранные труды. 1933. Т. 1. С. 77.

⁷ Там же. С. 77, 210.

⁸ Археология СССР. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 131. (Далее: Энеолит СССР.)

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ *Массон В. М.* Проблемы неолитической революции в свете новых данных археологии // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 75—77.

¹¹ *Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.* Неолитическое поселение близ г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1941. Вып. 3. С. 51—62. (Далее: МИА.)

¹² Там же. С. 61; Энеолит СССР. С. 130.

¹³ *Русов А. А.* Отчет о летних и осенних работах в Дагестане // Пятый археологический съезд в Тифлисе: Труды подготовительного комитета. М., 1882. С. 569, табл. XVI.

¹⁴ *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. С. 84; *Бетров Р. Ж.* К древней истории племени Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1982. С. 27; *Гаджиев М. Г.* К выделению северокавказского очага каменной индустрии // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978. С. 27—29.

¹⁵ *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений // МИА. М., 1949. Вып. 10. С. 6, рис. 67.

¹⁶ *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 44—45.

¹⁷ *Мунчаев Р. М.* Указ. раб. С. 138; *Бетров Р. Ж.* Указ. раб. С. 25 и сл.

¹⁸ *Крупнов Е. И., Синицин И. В.* Древнее население Нижнего Поволжья // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 73; *Смирнов К. Ф.* Древняя культура в оренбургских степях // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 156.

¹⁹ МИА. Вып. 3. С. 112, 120.

²⁰ Энеолит СССР. С. 130; *Мунчаев Р. М.* Указ. раб. С. 139.

²¹ МИА. Вып. 3. С. 121.

²² Там же. С. 126.

Прародина и расселение древнейших кочевников-овцеводов

Ближе к концу второй половины IV тыс. до н. э., а возможно и к рубежу IV—III тыс. до н. э., в междуречье низовьев Дона, Волги, Урала (Джайка), в бассейнах небольших рек — Еруслан, Узень, Большой и Малый Иргыз, Таргун и др. — формируется новая археологическая культура, содержащая в своем развитии большую потенциальную силу. Эта культура первоначально занимала степные районы нынешнего юга Башкортостана, Оренбургские степи, низовья Волги и Урала, прилегающие районы Казахстана. Она была сформирована древним населением, преимущественно занятым подвижным скотоводством, главным образом овцеводством. В силу специфики своего хозяйства эти племена были чрезвычайно подвижными из-за постоянной необходимости поисков все новых и новых сезонных пастбищ для своих стад. Именно поэтому на древнейшей прародине этой культуры археологи до сих пор не располагают сведениями об их поселениях¹. Лишь в прибрежных долинах изредка обнаруживаются небольшие кратковременные стойбища пастухов. Небольшие поселения этих племен известны только в тех районах, где эти племена приходили в столкновение, долгосрочные контакты с древними земледельцами, смешивались с ними и оседали.

Многолетние исследования видных русских и советских археологов А. В. Городцова, С. В. Киселева, К. Ф. Смирнова, И. В. Силицина, О. А. Кривцовой-Граковой, Н. Я. Мерперта, Э. Федоровой-Давыдовой и других установили основные черты этой культуры.

Для погребения усопших эти племена вырывали

обширную подквадратную, овальную или прямоугольную яму, стены ее облицовывали деревянными брусьями, плахами, а дно ям устилали камышом, травой, корой дерева, грубой рогожей, органической подстилкой или войлоком. Умершего укладывали на спину, головой ориентировали на восток, иногда с небольшими отклонениями, ноги в коленях подгинали вверх. Подстилающий грунт и самого покойного обильно обсыпали красной охрой. Погребальную яму сверху перекрывали пакатом из деревянных бревен, плах, застилали камышом или древесной корой и пр. Поверх всего этого возводили курганную насыпь, которая сохраняла возможность не затерять место захоронения своих сородичей при кочевой жизни.

В наиболее ранних погребениях вместе с умершим клали очень бедный инвентарь, чаще всего это были ножевидные кремневые пластинки с ретушированными краями, рубленые пастовые бусы. Как правило, в могилах обнаруживаются части туши жертвенной овцы или барана, зачастую это были голова, лопатки, кости конечностей, астрагалы и пр. Иногда в погребениях обнаруживаются круглодонные с широким туловом или остродонные яйцевидной формы глиняные сосуды грубой, ручной лепки из низкокачественной глины. Поверхность этих сосудов была заглажена травой или покрывалась сплошными нарезками, насечками, отпечатками штампа. Все это резко отличает ее от высококачественной, расписной, орнаментированной керамики земледельческих культур, в т. ч. куро-аракской керамики. В более поздних погребениях обнаруживаются изделия из меди — ножи, кинжалы, стрелы, шилья и др. По подсчетам Н. Я. Мерцера, в ранних могилах инвентарь обнаруживается не более чем в 30 % погребений.

Из-за характерной погребальной ямы вся культура получила в литературе название древнеямной, иногда ее называют курганной культурой.

Подвижный характер жизни «древнеямников» вызвал необходимость использования населением тягловой силы домашних животных, вызвал всадничество. Последнее предположение можно подкрепить тем фактом, что в отдельных памятниках данной культуры 50 % домашних животных составляли лошади².

Прямыми наследниками древнеямников были племена срубной культуры, хоронившие своих умерших в срубках. О. А. Кривцова-Гракова писала, что генетически

родственные срубники впускали свои захоронения в уже существовавшие курганы ямников. Она проследила четкую стратиграфию двух последовательных этапов развития ямной культуры. Наиболее древние погребения, по ее наблюдениям, были перекрыты поперечными и продольными бревенчатыми накатами. В некоторых захоронениях под бревнами и над ними нередко обнаруживаются камышовые и тростниковые настилы или тлен от таковых. В отдельных случаях выявляется под погребениями кора дерева, используемая в качестве подстилки. По утверждениям Кривцовой-Граковой, камышовые и тростниковые настилы имитировали крыши хижин. Она уверена в том, что древнеямные захоронения несли в себе «несомненные признаки того, что при устройстве могилы воспроизводилось жилище живых. Все приемы ее устройства, очевидно, были выработаны при устройстве земляночных, полуземляночных жилых помещений»³.

Таким образом, основными и ведущими археологическими, этнокультурными признаками культуры древнеших кочевников-овцеводов были:

- курганная насыпь;
- погребальная грунтовая яма, облицованная и покрытая деревом, устланная камышом, тростником, рогожей, войлоком и пр.;
- наличие в могиле костей мелких животных — астрагалы, лопатки, черепа и конечности жертвенных овец или баранов;
- умершего клали на спину с подогнутыми ногами или скорченно на боку.

Эти признаки являются спецификой этнокультурного облика древнеямников и позволяют выделить памятники этой культуры на больших территориях, далеко отстоящих от отмеченной прародины ее зарождения. Огромная потенциальная сила и миграционный характер культуры были заложены в самой движущей силе общества, т. е. в скотоводческой подвижной системе хозяйствования.

Характеризуя энеолитическую культуру Евразийских степей, ведущий специалист по древнеямной культуре Н. Я. Мерперт приходит к заключению, что различные типы и группы скотоводческих племен, «соприкасаясь с древнейшими центрами производящего хозяйства и подвергаясь их влиянию, приспособляли достижения последних к специфике естественных условий своего су-

ществования. В степных, горных, полупустынных областях появились коллективы, ведущей отраслью хозяйства которых было скотоводство в подвижных его формах (отгонное, полукочевое, а далее кочевое), резко ограничивающих или даже исключаящих возможности одновременной земледельческой практики»⁴. Справедливости ради к наблюдениям Мерперта следует добавить, что и земледельческие племена, сталкиваясь со скотоводами, не чуждались перенимать у последних новейшие достижения их материальной культуры, навыки разведения и ухода за скотом, пользоваться их способами передвижения на значительные расстояния и т. п. Такое дополнение само собой напрашивается, если вспомнить одно важное замечание Ф. Энгельса о том, что «в Азии они (древние пастухи-скотоводы) нашли животных, которых можно было приручить и в дальнейшем разводить в прирученном состоянии. За самкой дикого буйвола нужно было охотиться, прирученная же — она ежегодно приносила теленка и, кроме того, давала молоко. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимый ими продукт и средства к жизни были другие. Они имели сравнительно с теми не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возрастающее с увеличением массы сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен»⁵.

Численность скота увеличивалась, стада росли, и скотоводы осваивали все новые участки степи. Так вслед за расширением пастбищ расширялись и основные территории скотоводческих племен. На огромных просторах от Эмбы на востоке до Днепра на западе сложилась в конце IV — начале III тыс. до н. э. наиболее древняя из культурно-исторических областей, получившая название древнеямной⁶.

Огромная степная полоса, занятая этой областью, непосредственно соприкасалась с тремя раннеземледельческими центрами — Европой, Передней и Средней Азией. Основные территории степей — их внутренние открытые участки — не были практически заселены. Широкое их освоение могло начаться лишь с возникновением подвижного скотоводства. Когда появилась потребность в таком освоении, возможность его осуществления стала реальной с приручением коня, изобретением кочевниче-

ской повозки. «С этого времени, как справедливо подметили археологи, степные пространства из фактора разделяющего превратились в фактор соединяющий. Они способствовали значительным перемещениям больших групп скотоводов, сложным процессам смешения и ассимиляции, а также широкому и быстрому распространению экономических и культурных достижений как самих этих групп, так и населения разных районов, с которыми они соприкасались»⁷. Именно поэтому древнейшая и первая культурно-историческая область — древнеямная знаменовала собой первую ступень широкого освоения степных просторов, распространение в них производящих видов экономики, выработку подвижных форм скотоводства. История ее предстает перед нами как длительный, сложный и многообразный этап развития и взаимодействия ряда племен Каспийско-Черноморского междуморья.

Разумеется, что на такой огромной территории эта культура не могла быть единообразной и, в соответствии с миграцией из древнейшего очага зарождения — Волго-Уральского междуречья, она видоизменялась, обогащалась новейшими достижениями культуры иных племенных групп, с которыми приходила в контакт, или смешивалась.

Памятники древнеямной культуры впервые были выявлены А. В. Городцовым в 1905 г. на Северском Донце, где они составляли конкретную локальную группу. Дальнейшие исследования многих археологов, и прежде всего Н. Я. Мерперта, открыли памятники этой культуры на огромной территории от Южного Приуралья на востоке до Балкано-Дунайского района на западе, причем древнейшие памятники сосредоточены в междуречье Дона, Волги, Урала и Эмбы. В период своего расцвета культура в максимальных границах ее распространения представлена рядом локальных вариантов, отмеченных целым рядом объединяющих черт — прежде всего погребальным обрядом и керамикой. Основных вариантов насчитывается девять: Волжско-Уральский (наиболее древний), Предкавказский, Донской, Северско-Донецкий, Приазовский, Крымский Нижнеднепровский, Северо-западный, Юго-западный⁸.

Ученые справедливо отмечают, что «не только развитие, но и происхождение каждого из этих вариантов

должны рассматриваться особо: они обусловлены своеобразием местных компонентов, экономическими особенностями каждой конкретной территории, куда внедрялись древнейшие кочевники, историческим окружением и системой связей»⁹.

Учитывая все изложенное, попробуем теперь рассмотреть различные этапы и пути диффузии этой обширной степной культуры, а также попытаемся проследить, в каких позднейших культурах продолжали бытовать ее основные этнокультурные компоненты и ведущие признаки. Но прежде обратим внимание на то, что периоды неолита и энеолита являлись в целом эрой революционной перестройки всей материальной базы первобытного общества и представляют собой своего рода «эпоху великих географических открытий», когда происходит открытие и заселение человеком земель, ранее остававшихся необитаемыми. Этот процесс, по словам С. П. Толстова, приводит к концу неолита, на заре металла, т. е. ко времени нальчикских памятников, к образованию многих локальных вариантов человеческой культуры, обусловленных прежде всего многообразием источников существования на осваиваемых человеком территориях. Это наглядно видно и в перечисленных девяти вариантах древнейшей культуры. К этому же времени относится и формирование современных человеческих рас, наиболее значительные различия которых объясняются адаптивным приспособлением к различным условиям физико-географической среды обитания¹⁰. Подобные «географические открытия», надо полагать, были более всего возможны для племен, имевших в своем быту средства передвижения — древнейшие повозки, верховую лошадь и пр., которые, по выражению Г. Чайлда, «произвели переворот в способах передвижения и явились большим вкладом в цивилизацию»¹¹.

Когда речь заходит о перемещениях древних племен, во избежание подмены основного хода истории только миграциями, необходимо в каждом конкретном случае выявлять не отдельные, вырванные из общего комплекса культуры элементы, а сумму возможно полного набора этнокультурных признаков той или иной древней культуры. Да и в этом случае исследователь не может быть застрахован от ошибки, выясняя: было ли обнаружение тех или иных черт отдельной культуры вдали от основной территории ее бытования связано с миграцией

носителей этой культуры или же это результат культурных, соседских контактов? Ошибки эти могут быть связаны с тем, что между сторонниками теории эволюции и теории распространения, или миграций, все еще идет горячий спор. Первые утверждают, что вследствие общего единообразия человеческих умов любое общество на соответствующей стадии технологического, экономического, культурного и социального развития должно сделать то же самое открытие. Вторые утверждают, что каждое крупное изобретение было сделано лишь однажды на протяжении истории, и относят таким образом зарождение металлургии, гончарного круга, земледелия, изобретение лука, приручение и оседлание коня и т. п. к одному определенному району земли. Современные достижения археологической науки могут внести существенный вклад в разрешение этого спора. Находки морских раковин, изделий из минералов в местах, где этот минерал в природе не встречается и куда они не могли быть занесены естественным путем, или же обнаружение изделий человека вдали от места их изготовления — гончарный круг, повозки на колесах, вращающиеся мельницы, или обычай возведения курганной насыпи, использование верхового коня и пр. — все это является неоспоримым доказательством межплеменных связей, а может быть, и миграций племен, освоивших эти изобретения. Конечно, передача предметов быта, так же как и распространение идей, служит в определенной степени указаниями на перемещение людей с места на место. Но поскольку чисто археологические предметы, взятые в отдельности, слишком сомнительны в решении этих вопросов, археологи давно придерживаются того мнения, что если «движение вещей» в эпоху неолита и бронзы не сопровождается керамикой, которую за редчайшим исключением вряд ли когда могли экспортировать в древности (по причине ее чрезвычайной хрупкости), тогда говорить о перемещениях этнических групп нет достаточных оснований¹². Если даже наблюдаются отдельные сходные черты в профилировке и орнаментации сосудов, то все же остается большой риск видеть за этим сходством этнические перемещения, так как эти детали нередко могут оказаться результатом культурных связей и изучения технологических навыков соседей, в то время как этническая подоснова культуры может оставаться неизменной или малоподверженной смещениям.

В связи со сказанным уместно вспомнить, что многие ведущие археологи не раз предупреждали, как ошибочно делать выводы о генетических связях населения только на сходстве керамики: «Сходство керамики нередко может говорить,— как писал П. Н. Третьяков,— лишь о том, что население заимствовало у своих соседей неизвестное ему ранее искусство выделки и орнаментации сосудов»¹³. Живым примером в данном случае может быть знаменитая майкопская культура. До сих пор археологи ведут жаркие споры о происхождении этой культуры и ее этногенетических основах. Сложность эта объясняется, на мой взгляд, тем, что самый стойкий этнический признак — погребальный обряд этой культуры во всем своем комплексе — еще никем не рассматривался при решении вопроса о происхождении «майкопа». Все дело в том, что происхождение майкопской культуры постоянно пытаются объяснить только на основе резко бросающегося в глаза богатого погребального инвентаря, преимущественно переднеазиатского происхождения¹⁴.

Так рождалась и популяризовалась теория о переднеазиатском происхождении этой культуры. Феномен — сочетание курганного погребального обряда с материальной культурой, содержащей в своем составе предметы переднеазиатского происхождения,— и не дает возможности отдельным авторам раскрыть действительную суть этой культуры. А между тем когда легкоподвижный археологический инвентарь — украшения, оружие, чаще всего являющиеся предметами обмена¹⁵, — сочетается с керамикой, а все это вместе поддерживается еще и погребальным обрядом, тогда говорить об этнических перемещениях можно достаточно обоснованно.

При всем этом к подобным вопросам нужно подходить крайне осторожно, чтобы не подменить миграциями племен незначительные признаки культурно-экономического контакта. Как справедливо подметил А. П. Окладников в своей рецензии на книгу В. М. Массона «Средняя Азия и древний Восток» (М.; Л., 1964), «передвижения людей и переселение племен реально существовали и нередко играли важную роль в истории общества, хотя и не всегда и не везде определяли его развитие»¹⁶.

Руководствуясь высказанными соображениями, мы и попытаемся теперь проследить, в каком окружении нахо-

дились носители древнейшей культуры и какие черты степняков-кочевников нашли отражение в культуре близких и дальних соседей.

§ 1. Движение на юг и юго-восток

Как отмечалось выше, Евразийские степи на юге и юго-востоке соприкасались с древнейшими земледельческими регионами Средней Азии и Ирана. Степные племена сталкивались здесь с мощной, тысячелетиями формировавшейся земледельческой цивилизацией VI—III тыс. до н. э., представленной культурами Джейтун и Анау, простиравшимися по югу Туркмении, вдоль Копет-Дага, захватывая Иран и Афганистан¹⁷. Энеолитическая культура Средней Азии IV—III тыс. до н. э. по первому изученному поселению на холме Анау между Ашхабадом и Кызыл-Арватом получила в литературе название «Культура Анау». Пустыня Каракум явилась линией, разделяющей южных земледельцев от северных охотников-рыболовов т. н. кельтеминарской культуры Приаралья и северо-западных областей Казахстана.

Из 27 известных энеолитических поселений культуры Анау 19 изучены с четкой стратиграфической разработкой хронологии. Специфической особенностью среднеазиатских и вообще ближневосточных поселений земледельцев является последовательное расположение друг над другом глинобитных домов, представляющих почти идеальные условия для вертикального членения культурных напластований¹⁸. Главнейшими памятниками этого круга являются поселение Намазга-тепе у г. Каахка, уже в IV тыс. до н. э. занимавшее до 15—20 га, поселение Кара-тепе у г. Артыка, поселения в бассейне рек Теджен, Геоксюр, у г. Теджен, знаменитое поселение Алтын-тепе и мн. др. Некоторые из них имели культурный слой мощностью до 30 м.

Земледельческие племена Средней Азии возделывали ячмень, пшеницу, имели в своем быту гончарный круг, изготавливали многообразную расписную, многоцветную керамику. Очень богато представлена у них глиняная пластика, преимущественно женские фигурки, изображавшие покровительниц земледелия, плодородия¹⁹. Жили земледельцы в многокомнатных глинобитных и сооруженных из сырцовых кирпичей домах. Устойчивый по-

гребальный обряд для этих племен характеризуется возведенными из сырца коллективными усыпальницами, располагавшимися рядом с жилыми комплексами. В этих усыпальницах хоронили от 3 до 10 человек²⁰. В расписной керамике и в изобразительном искусстве чаще всего встречались рисунки козла, барса, орла, исполненные в различных стилистических вариациях²¹.

Земледельцы Средней Азии и прилегающих областей в IV—III тыс. до н. э. не возводили курганных насыпей над могилами усопших, не были знакомы с прирученной лошадью, не имели войлочных изделий, не обкладывали могильные ямы деревом, камышом и т. п.

Между древними земледельцами и древнеямниками в степях Приаралья, Северо-Западного Казахстана обитали племена т. н. кельтеминарской культуры IV—III тыс. до н. э. В низовьях Амударьи, на территории древнего Хорезма, расположено одно из самых замечательных поселений этой культуры — Джанбек-кала. Культура эта была оставлена охотниками и рыболовами. В слоях этого поселения, как и в Агубеково, нет костей домашних животных, нет признаков возделывания культурных растений. Зато, как и в слоях Агубековского поселения, в Джанбек-кала в избытке найдены кости дикой свиньи, благородного оленя, косули и др. Но отличает Джанбек-кала наличие там множества костей рыбы, особенно щуки и сома, встречаются здесь и кости птиц, скорлупа птичьих яиц и пр.²²

Стоянка Джанбек-кала находилась неподалеку от наполненного в то время русла Акчадарьи (Су-Ярган). Население жило родовыми группами до ста человек в огромных хижинах-шалашах, покрытых камышом. Камышовая крыша покоилась на деревянных столбах, во множестве стоящих концентрическими кругами²³. Кельтеминарцы пользовались кремневыми ромбовидными, листовидными, подтреугольной формы наконечниками стрел, изготавливали крупные шлифованные каменные топоры. Керамика их представляла собой в основном глубокие овальные чаши с узким дном. Они покрывались орнаментом из треугольников и зигзагов, образованных вдавленными ямками и защепами, резными линиями и т. п. Исследователи отмечают, что некоторые узоры на керамике связываются с украшениями сосудов южных соседей — земледельцев Южной Туркмении и Ирана. А весь каменный инвентарь и бытовые условия жизни,

основные орудия труда кельтеминарцев уходят корнями в мезолит (среднекаменный век) Северного Прикаспия. Опираясь на сходство орнаментальных узоров, некоторые авторы считают, что кельтеминарцы «генетически связаны с земледельческой культурой южных областей или испытывали с самого начала сильное влияние культур своих южных соседей»²⁴. По правде сказать, археологический материал и хозяйственная деятельность кельтеминарцев не дает почти никаких оснований для такого категоричного и далеко идущего вывода, наоборот, эти данные свидетельствуют о том, что культура кельтеминарцев вряд ли может быть генетически связанной с несравнимой культурой земледельцев Анау, особенно синхронного этапа Намазга-тепе, Кара-тепе, Алтын-тепе, Геоксюр и др. Речь может идти лишь только о культурных соседских контактах, но не о генетическом родстве столь разных культурных течений. Не потому ли другие авторы считают, что с культурой Анау кельтеминарцы имели лишь отдельные и отдаленные связи, прослеживаемые по некоторым орнаментальным узорам, но зато, пишут они, прочные связи были с северо-западными сибирскими и «казахстанскими» племенами²⁵.

Впервые на сходство среднеазиатской и уральской неолитической керамики обратил внимание и высказался по этому поводу С. П. Толстов²⁶ после открытия стоянки Джанбек-кала IV. Теперь считается установленным, что он сумел уловить те общие традиционные черты, роднящие столь далеко отстоящие друг от друга памятники Приуралья и Приаралья. «Так или иначе, несмотря на некоторый скептицизм отдельных авторов, С. П. Толстов оказался прав»²⁷. На культуру кельтеминарцев серьезное влияние оказала степная культура кочевников. Это прежде всего легкие хижини-шалаша, покрытые камышом, по всей вероятности могущие служить древнейшими прототипами кочевнической юрты, грубая лепная керамика и обнаруживающиеся в верхних слоях поселений кости домашних овец²⁸. Как известно, овцы более всех прочих видов домашних животных приспособлены к жизни в Волго-Уральских степях — территории древнеямников и в прилегающих районах Приаральских и Казахстанских степях. Заметное преобладание их в стадах скотоводов этих регионов само по себе является показателем подвижной формы скотоводства,

единственно возможной при освоении степей²⁹. Связи Восточного Прикаспия со степной полосой документируются, помимо экономических свидетельств, и другими археологическими материалами, связывающими между собой древнейшие очаги овцеводства — пещеры Прикаспия и территорию древнеямных племен, являвшихся древнейшими овцеводами Евразийских степей³⁰.

Просуществовавшая в низовьях Амударьи, в Приаралье и степях Северо-Западного Казахстана до конца III тыс. до н. э.³¹ кельтеминарская культура, как и ее южные соседи, не содержит еще курганных насыпей и других компонентов погребального обряда степняков-овцеводов.

На рубеже III—II тыс. до н. э. влияние кельтеминарской культуры сказывается на последующей в этих областях Заман-бабинской культуре медно-каменного века. По мнению ученых, носители последней культуры были потомками и наследниками культурных достижений своих предшественников — кельтеминарцев³².

Таким образом, в более северных районах Средней Азии, в пустыне Кызылкум, к западу от Бухарского оазиса, в начале II тыс. до н. э. появляется культура, более, чем кельтеминарская, связанная со степной зоной. Примером служит интереснейший могильник Заман-баба, в котором впервые появляются в Средней Азии насыпи над могилами умерших. На этом могильнике различались два вида погребений — одни в грунтовой яме, перекрытой камышом или деревянными плахами. Погребенный покоился на спине с подогнутыми вверх ногами, умершего обильно обсыпали красной охрой. И бескурганные могилы, представлявшие собой т. н. катакомбы, т. е. подземные овальные камеры с входом в виде дромоса-коридора. В ямных погребениях были найдены весьма архаичные типы круглодонных лепных сосудов в виде полусферических чаш и остродонные, яйцевидных горшков, покрытые характерными штрихованными бороздками. Эти сосуды, по единодушному заключению археологов, весьма близки керамике древнеямной культуры Поволжья и Южного Приуралья, а также сосудам из афанасьевской культуры Южной Сибири, Минусинской котловины, Прииртышья³³. В катакомбных же погребениях наряду с лепными сосудами встречаются и формованные на гончарном круге. Хотя они и не расписаны, как посуда южных соседей, но по соста-

ву и цвету глины и технологии изготовления очень близки культуре Анау. Есть в этой керамике и цилиндрические сосуды, которые сближают ее с посудой Намазга-тепе IV и V, с Анау III, т. е. конца III тыс. до н. э. и некоторых поселений того же времени в Северном Иране³⁴. Таким образом, налицо видно слияние двух культурных течений: северного степного и южного — земледельческого.

Особый интерес представляют заман-бабинские катакомбы в связи с погребениями катакомбной культуры Восточно-Европейских областей. Прежде всего близок обряд строительства сводчатого погребального помещения — катакомбы. Кроме того, среди лепных сосудов имеются экземпляры, очень близкие к катакомбным. В археологической литературе уделено большое внимание глиняным сосудам из Заман-баба в виде подквадратной коробочки с отдельной перегороденной частью в одном из углов сосуда. Эти сосудики уже вошли в типологическую классификацию т. н. курильниц катакомбной культуры Причерноморья и Северного Кавказа³⁵. В настоящее время подобные сосудики применяются узбеками в качестве кормушки и поилки для птиц. Очень возможно, что они имели это же назначение и в древности, но в могилу ставились как связанные с птицей — символом солнца, света, очищения огнем³⁶. К этому предположению можно добавить, что курильницы могли ставиться в могилу вместе с заупокойной пищей и как культовые поилки и кормушки птиц, в которых, по поверьям древних, превращались души умерших. Новейшие археологические исследования убеждают в том, что подобные курильницы являются эталоном, «чрезвычайно оригинальным атрибутом комплексов катакомбной культуры и не являются в ней наносным элементом, очевидно, что общий вопрос об истоках катакомбной культуры нельзя решить, пока не будет выяснен более частный вопрос — о происхождении катакомбных курильниц»³⁷. Анализ всех известных комплексов, содержащих подобные курильницы, приводит ученых к выводу, что истоки их уходят в неолитическую Керешскую культуру левобережного Подунавья и Балкан, датирующуюся IV—III тыс. до н. э., куда, в свою очередь, они могли попасть из восточного Средиземноморья, где древние традиции двучастных бытовых и ритуальных чаш имели наиболее древние формы. Чаши с внутренними перего-

родками, близкие заман-бабинским, были известны в неолите Меримде, в позднеамратской культуре Египта IV тыс. до н. э., а в III тыс. до н. э. они появляются на Крите и в Восточной Анатолии³⁸. Из этих районов навыки изготовления или идея их применения попали на Балканы и Подунавье, где в XXI веке до н. э. широко известными стали в баденской культуре, а оттуда могли продвигаться на восток в степи между Днестром и Волгой³⁹. Однако заман-бабинские чаши вряд ли попали сюда с севера из степей Евразии, так как на огромном пространстве от Волги до Кызылкумов нигде не обнаружено для этого пути связующих находок подобного типа. Вероятнее всего, они попали в Приаральские степи низовьев Амударьи с юга, где земледельческие племена культуры Анау были тесным образом связаны с древнейшими очагами цивилизации Ближнего Востока и Передней Азии. Этот путь представляется более реальным, если учтем, что в заман-бабинских катакомбах найдены и бронзовые изделия, а также разнообразный инвентарь — бусы из агата, берилла, халцедона и других камней. Высокий уровень техники изготовления бус и формы некоторых бронзовых изделий, например, так называемых «жезлов», заставляют ученых видеть в них предметы, попавшие на северо-западную окраину Бухарского оазиса с юга, из области культуры Анау и из Ирана⁴⁰. Этот тезис прекрасно согласуется с недавно выявленной И. Н. Хлопиным суяргинской культурой древнейших катакомб IV тыс. до н. э. Крупнейший специалист по бронзовому веку Евразийских степей С. В. Киселев считал, что «сейчас еще рано говорить о том, каково соотношение заман-бабинских находок с теми памятниками юга и севера, в которых заметно с ними сходство. Являются ли они центром возникновения сравниваемых явлений или, наоборот, одним из мест их отражения? Все это может быть выяснено лишь в будущем, после широких исследований. Однако уже самый факт наличия в центре Средней Азии памятников, сочетающих элементы юга и севера, представляет исключительную важность, показывая взаимосвязанность исторического развития различных районов нашей страны в бронзовом веке»⁴¹.

Рассмотренные археологические материалы позволяют сделать вывод о том, что на рубеже III—II тыс. до н. э. из степей Южного Приуралья (территории за-

рождения древнейшей культуры) на юг и юго-восток в степи Приаралья, северные области Средней Азии и северо-западные районы Казахстана стали впервые проникать такие ведущие элементы степной культуры, как курганная насыпь, камышовый настил в могилах, скорченное на спине с подогнутыми ногами положение скелетов, ориентировка головой на восток, и все это в сопровождении лепных остродонных, яйцевидной формы сосудов. Продвижение керамического материала в сопровождении таких стойких черт погребального обряда, не имеющих местных азиатских истоков, позволяет говорить и об этнических перемещениях носителей степной культуры. Этот процесс прекрасно иллюстрирован археологическим материалом последующих, связанных с «кельтеминаром» культур: тазабагыбской и суяргинской. Приведенные факты полностью согласуются с выводом Н. Я. Мерперта о том, что культура древнейших племен не появилась и не могла появиться в готовом виде откуда-то с юго-востока, несмотря на ее тесные контакты и взаимодействие с культурами юго-восточного региона⁴².

Прослеженные контакты еще более развиваются в период последующих культур, о которых речь пойдет в соответствующих разделах этой книги.

§ 2. Движение на восток от Урала

В Южной Сибири, в бассейне верхнего Енисея и на юге Минусинской котловины прогрессивный метод ведения хозяйства был освоен племенами, создавшими так называемую афанасьевскую археологическую культуру конца III—II тыс. до н. э.⁴³ Эта культура была выделена более 60 лет назад С. А. Теплоуховым и явилась первой древнейшей ступенью предложенной им тогда же и ныне принятой периодизации памятников Минусинской котловины. Здесь под Афанасьевской горой близ сел. Батени в Хакасии был раскопан могильник, захоронения в котором производились в грунтовых ямах под небольшими курганными насыпями из земли и камней. Таким образом, сразу бросается в глаза, что и в этом регионе впервые начинают появляться курганные насыпи над могилами.

В развитии афанасьевских и пастушеских, скотоводческих племен древнеямной культурно-исторической области было много общего, что объясняется не только сходными историческими условиями, но и активнейшими связями, характерными для всей степной полосы Евразии, а это, в свою очередь, позволяет исследователям обобщить их собирательным термином «ямно-афанасьевские племена»⁴⁴.

Механика и конкретные пути ранних контактов древнеямников и племен Южной Сибири освещены еще недостаточно полно, но сам факт движения племен на восток от Эмбы и Урала является несомненным. С этим движением связаны описанные контакты не только с югом Средней Азии, но и с более восточными районами, вплоть до Алтая, Минусинской котловины и даже до монгольских степей⁴⁵. Важнейшим итогом этого движения и явилась афанасьевская культура, в которой сейчас выделяются два локальных варианта: Минусинский и Алтайский, определенные С. В. Киселевым. Именно последнему принадлежит и доказательство синхронности и синстадиальности афанасьевской и древнеямной культур⁴⁶.

Как и в основном районе формирования древнеямной культуры, так в Минусинской котловине и на Алтае, несмотря на тщательные и многолетние поиски, оседлых и долговременных поселений ямников в степях таких крупных рек, как Волга, Дон, Днепр, насчитывают единицы, а в Минусинской котловине таких поселений вообще нет⁴⁷.

В афанасьевских могилах погребенные покоились в грунтовых ямах, устланных корой дерева, стенки ямы облицовывались деревянными брусьями, плахами, ими же они накрывались сверху. Над могильной ямой возводили курганную насыпь. Усопших клали на спину с подогнутыми в коленях ногами, головой обращали к востоку. Вместе с ним клали в могилу лепные яйцевидной формы остродонные сосуды, круглодонные чаши. Сосуды сплошь покрывались резными или штампованными узорами. Здесь не может не обратить на себя внимания почти полная идентичность обряда и погребального инвентаря с древнеямными погребениями.

На примере горноалтайского энеолита археологические исследования устанавливают особенно рельефно проявляющиеся глубокие параллели между афанасьев-

ской и древнеямной культурами. Более того, эта схожесть особенно обнаруживается с наиболее ранними погребениями Волго-Уральского варианта древнеямной культуры. В горах Алтая сейчас известно более десятка могильников этой культуры, расположенных по берегам рек Катунь, Башкаус, Бн. Соответственно по хронологической культурно-исторической традиции они подразделяются на три этапа: Арагольский, Куротинский и Куюмский⁴⁸. В урочище Арагол на правом берегу р. Ян-Улаган (приток Башкауса) могильники представляют собой грунтовые ямы под небольшими курганными насыпями. Погребенные обильно посыпаны красной охрой, покоились они на спине с подогнутыми в коленях ногами, лежали на подстилке из коры дерева, ею же были накрыты. В могилах найдены характерные яйцевидные сосуды. Арагольские курганы, подобно древнеямным погребениям Нижнего Поволжья, проявляют наиболее ранние традиции⁴⁹. Куротинский тип представляет группу на р. Курот (приток Урсула). Здесь под курганные ямы были накрыты бревенчатым накатом, а под погребенными обнаружена подстилка из коры дерева и растительности. Костяки лежали на спине, колени согнуты, кости сильно окрашены красной охрой. Могильник в устье р. Куюм (правый приток Катунь) представлял подобные же захоронения с яйцевидными сосудами.

В этих более поздних погребениях начинают встречаться кости домашних животных, в первую очередь овцы и лошади⁵⁰. Исследовательница М. Д. Хлобыстина приходит к заключению, что можно утверждать несомненную, принципиальную близость этой культуры горного Алтая и древнеямной, вызванную, по всей вероятности, развитием в рамках культурно-генетических, родственных этнических общностей⁵¹. И в то же время в исторической науке считается давно установленным фактом то, что племена, оставившие афанасьевские курганы, резко отличались по своей культуре от охотничьих и горно-таежных жителей Саяно-Алтайского нагорья⁵². По установленным многими факторами положениям принято считать, что племена афанасьевской культуры являлись не только первыми скотоводами-пастухами Южной Сибири и Алтая, но и первыми металлургами края. В их погребениях впервые начинают появляться медные изделия и кости домашних животных, главным

образом овцы и лошади. Афанасьевцы впервые начинают прясть шерсть⁵³. По мнению С. В. Киселева, у прямых потомков афанасьевцев—андроновцев уже были в стадах тонкорунные и грубошерстные овцы⁵⁴. Следовательно, можно предполагать наличие этих особей и у самих афанасьевцев.

Изучив памятники Южной Сибири, С. В. Киселев констатировал, что «при сложении афанасьевской культуры заметны связи главным образом с Западом, доходя до Поволжья, может быть до Причерноморья»⁵⁵. Далее, развивая эту мысль, он писал, что «люди, оставившие памятники афанасьевской культуры, принадлежали к тому палеоевропейскому типу, который особенно отличает древнее население восточноевропейских степей. Поэтому едва ли можно считать племена афанасьевской культуры потомками коренного населения Саяно-Алтайского нагорья. Их физический облик и многие особенности культуры связывают их со степным населением Восточной Европы»⁵⁶. Антропологически афанасьевцы характеризуются долихокранионией, сильно выступающими носовыми костями, широким и невысоким лицом. Их физический тип, по Г. Ф. Дебецу, представляет собой протоевропейский тип, широко распространенный в неолите в Западной Европе⁵⁷. Таким образом, близость афанасьевских и древнеямных племен фиксируется и антропологическими фактами: афанасьевцы были европеиды, как и древнеямники, а прибайкальские неолитические племена — монголоиды.

Все изложенное дает основание констатировать, что «сам факт распространения в обеих культурах единых, достаточно специфических, форм хозяйства свидетельствует о едином их источнике — в данном случае Прикаспийской части Среднеазиатского очага хозяйства. Близость антропологических типов афанасьевцев и древнеямников позволяет говорить об их общей праоснове»⁵⁸.

§ 3. На север и северо-запад

Многие археологи — А. П. Окладников, А. Я. Брюсов, П. Н. Третьяков, В. Н. Чернецов, А. Х. Халиков и др.—давно отмечали определенные связи урало-камских племен с южными соседями, уходящими в глубь неолитической эпохи. Так, по словам П. Н. Третьякова, «в глиня-

ной посуде уральских племен — ее орнаментации — обнаруживаются черты значительного сходства с керамикой неолитического Приаралья, известного под наименованием кельтеминарской культуры. В Зауралье и Приаралье на некоторых неолитических стоянках найдены кремневые наконечники стрел кельтеминарского типа»⁵⁹. На основании этих данных С. П. Толстов предполагал наличие тесных контактов между уральско-камскими и кельтеминарскими племенами⁶⁰. Разумеется, что эти связи не могли осуществляться, минуя территорию, лежащую между ними в Волго-Уральском междуречье. Подобные контакты стали еще более ощутимыми на рубеже III—II тыс. до н. э., когда в Волго-Окском бассейне и соседних областях Заволжья обитали протофинно-угры, носители т. н. фатьяновской культуры, получившей свое название по могильнику у с. Фатьяново близ г. Ярославля. Территория, занятая этой культурой, огромна. На севере она проходила где-то по линии волжского левобережья от г. Твери до Юрьевца, на востоке она доходила до Вятки и Камы, на западе и северо-западе эта культура простиралась до Брянска, возможно достигая районов между Селигером и Ильменем: южные ее границы менее определены, вероятно, они достигали водораздела долины Оки⁶¹. На этой обширной территории фатьяновская культура делится на три локальных варианта: 1) московский, или западный; 2) ярославский, или центральный; 3) балановский, или чувашский, на востоке.

Фатьяновская культура считается привнесенной в эти районы и резко отличается от культуры местного неолитического населения рыболовов-охотников⁶². По словам П. Н. Третьякова, «бесспорных фатьяновских поселений на основной территории расселения этих племен не известно ни одного»⁶³ и наши представления о ней формируются только по данным могильников. Фатьяновцы не возводили курганов над могилами, покойных хоронили в скорченном состоянии, в грунтовой яме, устраивая в ней гробовище из коры, лозняка и пр. Могильники обычно небольшие, содержащие от 3—5 до 30 могил⁶⁴. Они отличались большим разнообразием и богатством погребального инвентаря: шаровидные, круглодонные, богато орнаментированные отпечатками шнура или штампа сосуды; плоские шлифованные клиновидные топоры, долота, кремневые ножи, стрелы; боевые сверленные топоры-

молоты; украшения из зубов животных, из трубчатых костей и т. п. Богатство и разнообразие форм сверленных боевых топоров, множество их находок на территории фатьяновской культуры делают ее, по словам С. В. Киселева, крупнейшим центром распространения этого вида оружия в Европе⁶⁵.

Наряду с каменным оружием фатьяновцы имели большое количество металлических изделий. Особенно важны частые находки прекрасно отлитых бронзовых проушных вислообушных топоров особого фатьяновского типа, ближе всего стоящих к волжско-камским и степным катакомбно-кавказским вислообушным топорам III — начала II тыс. до н. э.⁶⁶ Одним словом, фатьяновские племена — население, обладающее гораздо более высокой культурой, чем окружавшие их племена местного неолита. Объясняется это высоким уровнем их скотоводческо-пастушеского хозяйства. Во многих фатьяновских могильниках обнаружены кости домашних животных — овцы, козы, свиньи, коровы, лошади. Следовательно, полагают ученые, фатьяновские племена представляли собой племена скотоводов, освоившие все виды домашних животных. В связи с этим очень интересно отметить, что местные рыболовы-охотники не имели с фатьяновцами никаких связей на протяжении почти 500 лет и даже не переняли у них скотоводство. Подтверждая этот вывод, П. Н. Третьяков пишет: «Отличаясь от охотников-рыболовов по культуре, бытовому укладу и несомненно по языку, группы фатьяновских племен не смешивались с местным населением и не оказывали на его жизнь заметного влияния, как это предполагают отдельные авторы»⁶⁷. Зато все исследователи фатьяновской культуры — А. Я. Брюсов, П. Н. Третьяков, О. Н. Бадер, А. Х. Халиков, Д. А. Крайнов, П. Д. Степанов и др. — признают разносторонние и тесные культурно-экономические связи фатьяновцев с южными районами — Северным Причерноморьем, низовьем Волго-Донского междуречья и Северным Кавказом.

Естественно предположить, что население именно южных окраин и восточного варианта фатьяновской культуры более прочих приходило в тесное соприкосновение с племенами степной полосы Евразии и с носителями древнейшей культуры. Если, например, западный и центральный варианты этой культуры были тесно связаны со среднеднепровской культурой позднего три-

полю, то восточный — балановская группа фатьяновцев имела более тесные связи с северным Причерноморьем и Северным Кавказом. По этому поводу П. Н. Третьяков писал: «Если предков фатьяновцев следует искать среди племен, связанных, по-видимому, не столько с Нижним, сколько со Средним Поднепровьем, то исходная территория балановцев должна была лежать южнее, а путь их на Волгу проходил через лесостепные пространства днепровского Левобережья, по верховьям Дона, минуя поречье Оки, относительно густо заселенные охотничье-рыболовческими племенами»⁶⁸.

Для нашего дальнейшего повествования очень важно отметить, что культура племен Среднего Днепра, т. е. среднеднепровская культура, настолько близка фатьяновской, что украинские археологи, по словам Третьякова, называют ее «днепровским фатьяном»⁶⁹.

Связь фатьяновской и древнеямной культур можно вывести с того установленного в археологии факта, что среднеднепровская культура, сложившаяся к третьей четверти III тыс. до н. э. и просуществовавшая более тысячи лет, уходит своими корнями в среднеднепровский вариант древнеямной культуры середины III тыс. до н. э., представленной на Киевщине погребениями в курганах⁷⁰. По данным И. И. Артеменко, памятники ранней ступени среднеднепровской культуры и многие среднеднепровские захоронения являются впускными в древнеямные курганы.

Исследуя проблему происхождения угро-финских народов, П. Н. Третьяков писал, что есть все основания связывать группу среднеднепровских древностей с древнейшими фатьяновскими, лишь в более позднее время, в первой половине II тыс. до н. э., когда складывались характерные черты той и другой культур, основные орнаментальные узоры керамики каждой из них начинают заметно различаться. «Но,— продолжает исследователь,— представляется бесспорным, что они имели общего предка, или предков, между собой очень близких»⁷¹.

Из всего сказанного становится очевидным, какая историко-культурная общность может оказаться общим предком для них, если среднеднепровская культура уходит своими корнями в древнеямную культуру, и, в свою очередь, считается «днепровским фатьяном». Ответ здесь может быть в достаточной степени однозначным — этот

предок мог вызреть в недрах древнейшей историко-культурной области. Но если для западного и центрального вариантов фатьяновской культуры эта связь с древнейшими племенами может быть прослежена через посредника, т. е. среднеднепровскую культуру, то восточная чувашская, или балановская группа фатьяновцев, т. е. балановская культура, могла эту связь иметь непосредственно с потомками древнейших.

Балановский вариант фатьяновской культуры выделен по могильнику в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии. В Баланово впервые в этом регионе появляются курганные насыпи над могилами. Балановцы хоронили усопших в подкурганных ямах, стены которых облицовывались деревом, а сверху яма накрывалась накатом из бревен, плахами, камышом или корой дерева. В отличие от фатьяновцев западного и центрального вариантов, балановцы «являлись полновластными хозяевами если не всей территории фатьяновской культуры, то во всяком случае ее значительной части. Об этом говорят и большие размеры могильников, и оседлый характер поселений»⁷².

Балановские племена во II тыс. до н. э. были богаты металлом, они имели медные топоры, наконечники копий, ножи, разнообразные украшения. Период металла у них, по общему мнению, наступил значительно раньше, чем в Верхнем Поволжье. Исследователи О. Н. Бадер и А. Х. Халиков говорят о больших связях балановцев с югом. Это видно по формам топоров-молотов, по орнаментации сосудов, в изделиях из металла, находящих аналогии в памятниках Северного Кавказа⁷³.

Очень важным указанием на эту связь балановцев с югом является, на наш взгляд, обнаружение в их могилах глиняных колесиков от модели древней повозки, остатки которых — очень частая находка в Калмыцких степях, в курганах Краснодарского края, Дагестана. Модель балановской повозки весьма близко напоминает Лчашенскую повозку из курганов Армении. Еще более неопровержимым свидетельством этих связей, наряду с курганами, являются показания антропологов, которые говорят, что фатьяновцы западного и центрального вариантов были представителями европейского типа, широко известного в Средней Европе, а балановцы являются представителями восточносредиземноморского типа с примесью монголоидности⁷⁴. Все эти факты вместе с уси-

ленным развитием коневодства свидетельствуют о тесных связях балановцев с югом.

Завершая свое исследование по балановской культуре, О. Н. Бадер писал: «Представляется наиболее вероятным, что исходная область балановского населения находилась в пределах территории, которая, с одной стороны, входила в ареал древнего распространения средиземноморского антропологического типа, с другой стороны — в историко-культурную область с боевыми топорами и шаровидной керамикой. Эта территория локализуется в Северном Причерноморье между Поднепровьем и Волгой»⁷⁵.

Для более наглядной иллюстрации этнокультурной ситуации на севере и северо-западе от древнейшей историко-культурной области необходимо вкратце напомнить, что на территории Верхней Волги, Волго-Окского междуречья и Прикамья в III — начале II тыс. до н. э. на смену неолитическим курганам лесной полосы европейской части СССР появляются новые культуры, объединенные в одну большую волосовскую историко-культурную область⁷⁶. Своих усопших волосовцы хоронили на поселениях около жилищ, а иногда и в самих жилищах. Обычно погребения располагались в культурном слое на глубине от 10 до 40 см. Проследить могильные ямы и другие ритуальные сооружения в этих случаях невозможно. Курганов волосовцы, как и фатьяновцы, не воздвигали. В их антропологическом облике довольно явно выступают монголоидные черты⁷⁷. По отношению к волосовцам и их культуре многие специалисты — А. Я. Брюсов, О. Н. Бадер, П. Н. Гретьяков, А. Х. Халиков — отмечают местные неолитические истоки, развивают гипотезу восточного происхождения волосовцев⁷⁸. Доводы эти подкрепляются исследованиями Акимовой, выявляющей в их облике монголоидные черты⁷⁹.

В конце первой половины II тыс. до н. э. в связи с активными контактами и внедрением балановцев в волосовскую среду начинается их этнокультурное смешение. В составе населения Балановского могильника появляются местные типы, несущие черты монголоидной примеси⁸⁰. Следовательно, можно констатировать, что в III—II тыс. до н. э. в Волго-Камье сталкиваются европеоидные восточноевропейские типы (балановские племена), носители одного из вариантов европейской культуры боевых топоров, с волосовцами, имевшими яв-

ные монголоидные черты и тяготевшие к восточному происхождению. С середины II тыс. до н. э. в балановской культуре, на Атли-касинском этапе ее развития, впервые появляются курганы и подкурганные захоронения. Процесс внедрения курганов в среду балановских племен впервые четко прослеживается в таких могильниках Чувашии и Средней Волги, как Атли-касинский, Раскильдинский, Куман-касинский, Чурачинский и др.⁸¹

Отмечая, что путь балановцев с юга на Волгу лежал по верховьям Дона, П. Н. Третьяков констатировал: «...отдельные особенности культуры, свойственной ярославской фатьяновской группе, сложились под влиянием балановской культуры, более передовой и богатой,— в частности, в большей мере обеспеченной металлом». Он допускал и языковую близость между отдельными группами фатьяновцев⁸².

Многочисленные исследования по фатьяновской и балановской культурам приводят к выводу, что «сразу же после середины II тыс. до н. э. основная территория этих культур была занята новой группой скотоводческо-земледельческих племен новыми пришельцами с юго-запада, носителями т. н. абашевской культуры, о которой речь пойдет несколько ниже.

§ 4. Юго-западное направление

Диффузия древнеямной культуры в этом направлении представляет огромный интерес. В период расцвета северопричерноморского земледельческого очага — на среднем этапе трипольской культуры (в середине IV тыс. до н. э.) — непосредственно к востоку от ее ареала сложилась среднестоговская энеолитическая культура. Эту культуру еще не именуют степной, т. к. основная часть ее памятников находится в лесостепи Поднепровья и Левобережной Украины, на пограничье лесостепи и степи. На западе памятники этой культуры локализируются в Поднепровье (между городами Никоподем и Черкассами) и в Днепрово-Донецком междуречье, в бассейне Оскола и Северского Донца. На востоке ее памятники доходят до низовьев Дона⁸³. Третий вариант этой культуры — нижнедонской, или константиновский, представляет особый интерес, т. к. именно здесь впервые появляются курганные насыпи в могильниках Яма и Кой-

суг, явно иллюстрирующие нарождающуюся степную традицию в восточных окраинах среднестоговской культурной области. Именно здесь очень слабо прослеживаются земледельческие навыки населения, зато преобладают скотоводческие черты уклада — прежде всего разведение овец и лошадей⁸⁴. Таким образом, «не случайно,— пишет Н. Я. Мерперт,— доминант овцеводства отмечен в восточной части ареала среднестоговской культуры, т. е. там же, где зафиксировано и появление курганов, что также связывается с распространением собственно степной традиции... Трипольские импорты на поселениях среднестоговской культуры сочетаются с появлением степной керамики»⁸⁵. Когда речь заходит о древнеямно-среднестоговском культурном синкретизме, очень важно учитывать вывод В. И. Цалкина и Н. Я. Мерперта: «По-видимому, именно коневодство было основой хозяйства племен культуры Средний Стог II и что у них впервые в истории животноводства мы встречаем племена коневодов»⁸⁶. Но в то же время крайне важно иметь в виду и тот факт, что северопричерноморский очаг — раннее и среднее триполье — в первоначальном процессе формирования культуры степных скотоводческих племен, по выражению Н. Я. Мерперта, «должен быть сразу же отсечен»⁸⁷.

Взаимодействие раннеземледельческих культур со степными энеолитическими традициями, безусловно, отражает этнокультурные изменения при переходе к раннему бронзовому веку. Среднестоговская культура, лесостепная в своей основе, в восточных районах своего ареала знаменует начало этого этнокультурного процесса на Днепро-Донском участке степной полосы. Сыграв в нем роль местного субстрата в первой половине III тыс. до н. э., она вошла в качестве местного компонента в состав специфической степной древнеямной культурно-исторической области⁸⁸.

Древнеямная культурно-историческая область, как известно, является хронологически первой из гигантских общностей, характерных для древнейшей истории степной полосы. Именно она знаменовала первую ступень широкого освоения степных пространств, распространение в них производящих форм скотоводства, главным образом подвижного овцеводства. История ее, как отмечалось, предстает как длительный и сложный, многооб-

разный процесс развития и взаимодействия ряда племенных групп Каспийско-Черноморских степей.

В восточных пределах ареала среднестоговской культуры появляются черты, характерные для древнейших племен, продвинувшихся на запад от районов зарождения основных форм своей специфической культуры. По выражению Н. Я. Мерперта, здесь происходит вклинивание среднестоговской культуры в собственно степные районы. Соответственно в стадах доминируют овцы, здесь же впервые фиксируются курганные насыпи над могилами, не свойственные среднестоговской культуре. По мнению того же ученого, «широкое освоение степи и массовое распространение курганного обряда начались в междуречье Урало-Волги и Дона одновременно с формированием среднестоговской культуры в смежном с запада Днепро-Донском районе в период, когда еще были живы традиции раннеземледельческих культур типа Мариупольских могильников в Приазовье», имевших, кстати, так много общего с рассмотренным выше Нальчикским могильником.

В XXVI—XXIV вв. до н. э. основные черты погребального обряда среднестоговской культуры из бассейна Северского Донца и Оскола продвигаются далее на северо-запад и фиксируются на Среднем Днепре. Здесь в 14 пунктах впервые обнаружены курганы, составившие ранний этап среднеднепровской культуры. На этом этапе названная культура представлена только курганами и известна только по курганным захоронениям. Могильные ямы прямоугольной формы с закругленными углами длиной 1,8—2,2 м, шириной до 1,5 м перекрывались деревом. На дне ям прослеживаются следы деревянных настилов, остатки подстилки из камыша, бересты, органических остатков. В могилах обнаруживается красная охра. Погребальный инвентарь крайне беден, керамика изготовлялась из грубой глины с примесью песка и шамота. На этом этапе для среднеднепровской культуры характерны сосуды с шаровидным или округлым тулобом, круглым и уплощенным днищем. На среднем этапе среднеднепровской культуры (XXIV—XVIII вв. до н. э.) известны уже два вида погребальных памятников — подкурганные и в грунтовых ямах без курганных насыпей. Раскопано более 70 курганов, содержащих около 112 погребений. На дне могильных ям по-прежнему прослежи-

ваются берестяные, камышовые и органические подстилки, деревянные конструкции и пр.

На позднем этапе (XVIII—XV вв. до н. э.) курганы все еще продолжают играть одну из ведущих ролей в этнокультурном облике среднеднепровской культуры. Раскопано 40 курганов, содержащих 50 погребений данного этапа названной культуры. Эти факты позволяют предположить, что на среднем и позднем этапах данной культуры происходит смешение этнокультурных традиций местных и пришлых — «грунтового» и «курганного» обрядов погребения, т. е. налицо симбиоз и синкретичность культурных традиций.

В настоящее время в археологической науке принято считать, что для древнеямной и среднеднепровской культур характерны захоронения под курганами, могильные ямы перекрывались накатом деревянных бревен или плах, дно ям устилалось камышом, берестой, подстилкой из органических остатков, в могилах обнаруживалась красная охра. Ученые единодушны в том, что «в конце первой и начале второй половины III тыс. до н. э. перечисленные черты погребального обряда в Поднепровье были характерны только для древнеямной культуры... В позднетрипольской, среднестоговской (кроме ее нижнедонского ареала в восточных окраинах) и других культурах они отсутствовали»⁸⁹. Новейшие стратиграфические исследования показывают, что погребальный обряд и инвентарь свидетельствуют о нескольких волнах проникновения племен древнеямной культуры на запад и продолжительное их существование не менее тысячи лет⁹⁰. Такое активное продвижение носителей древнеямной культуры в Донские степи и Причерноморье не могло не затронуть или миновать предгорные районы Кавказа, составлявшие естественное продолжение Волго-Донских степей евразийского континента.

§ 5. Древнейшие овцеводы-кочевники и Кавказ

В кавказском направлении процесс внедрения древнеямников в местную среду ученые отмечали давно. Здесь мы затрагиваем упомянутую выше большую и неизученную во всей полноте проблему: кочевники и Кавказ, горы и степи.

О первом столкновении степной и местно-кавказской культур неоспоримо говорит сам факт появления в Предкавказье курганных насыпей — существенно нового, прежде не характерного элемента в этнокультурном комплексе погребального обряда в неолитическую эпоху на севере и юге Кавказа, а также в прилегающих к Кавказу с юга, юго-востока и юго-запада территориях. Отсутствие курганов, как автохтонных факторов в ареале куро-аракской и смежных культурах Кавказа, является наглядным примером этого нововведения в традиционные местные культуры эпохи неолита и ранней бронзы. Древнейшие курганы появились на Северном Кавказе еще в энеолите, а известная курганная майкопская культура Предкавказья сама «испытывала заметные степные воздействия, в том числе и в погребальном обряде, и уж ни в коем случае ни по материалу своему, ни хронологически не может рассматриваться в качестве компонента или основного источника воздействия в процессе выделения ранних групп древнеямных племен». Очень важно отметить, продолжает Н. Я. Мерперт, что в целом ранний этап древнеямных погребений предшествует майкопской культуре, лишь в самом конце доживая до начала формирования последней. И не случайно, что в наиболее ранних майкопских поселениях кости мелкого рогатого скота, по подсчетам Н. Я. Мерперта, составляют лишь 18 % (при 50 % костей свиньи), а позднее — под явным воздействием самих степных племен — число их возрастает⁹¹ до 48 %. Если ко всему этому добавим утверждение Мерперта, что «ни в инвентаре, ни в погребальном обряде, ни Кюль-тепе, ни последующая куро-аракская культура никаких связей с культурой древнеямных племен не имеет», то мы можем констатировать: культура древнеямных племен не могла появиться ни с запада, ни с севера, ни с юга или юго-запада. Она зародилась в степях между Волгой и Уралом.

Исследователи располагают огромным материалом, чтобы признать тот факт, что появление т. н. майкопской культуры Северного Кавказа целиком связано с курганами, т. е. степным погребальным обрядом. И в этом смысле не будет чрезмерно смелым заявление, что майкопская культура в ее этногенетическом и этнокультурном аспектах, и главным образом по погребальному обряду, обязана своим зарождением культуре племен древнеямной историко-культурной области. Чтобы в

этом убедиться, достаточно обратиться к домайкопским памятникам и раннемайкопским курганам Северо-Кавказского региона. Очень раннее соприкосновение древнеямных племен с Кавказом документируется достаточно четко. Приведем несколько фактов:

1. Находки весьма архаичных, не свойственных неолитической и энеолитической керамике Северного Кавказа, яйцевидных, шаровидных круглодонных сосудов древнеямного типа в курганах у станиц Кубанской, Казанской, Тифлисской, Усть-Лабинской; каменного скипетра из кургана у аула Терекли-Мектеб⁹².

2. Упомянутые 12 погребений из Нальчикского могильника с явно древнеямным погребальным обрядом и круглодонной чашечкой.

3. Курган у сел. Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии, в котором майкопское захоронение (№ 10) оказалось впускным в курганную насыпь, сооруженную над могилой древнеямника (погр. № 11). Это погребение датируется XXVII—XXVI вв. до н. э.⁹³, т. е. временем более древним, чем ранние майкопские курганы, не уходящие глубже XXV в. до н. э.⁹⁴

4. Такая же картина наблюдается в большом Кишпекском кургане, в котором майкопское захоронение (№ 3) было совершено на вершине курганной насыпи, возведенной над ямным погребением⁹⁵ № 8.

Таким образом, имеются серьезные основания говорить о том, что носители курганной (древнеямной) культуры вступили в самый тесный контакт с кавказскими племенами еще задолго до майкопской культуры, а это, несомненно, сказалось на процессе распространения производящих форм хозяйства в степной полосе Предкавказья.

Но особенно активными становятся эти связи в период существования майкопской культуры, прежде всего ее раннего этапа, т. е. в XXV—XXIII вв. до н. э. С этого времени уверенно можно говорить о двустороннем характере воздействия друг на друга степной и кавказской культур, о подлинном взаимодействии древнеямных племен со значительным культурным очагом Северного Кавказа. Кавказский металл именно в данный период начинает широко распространяться в Восточной Европе, и в этом решающую роль стали играть степные племена, связывавшие Кавказ с Восточно-Европейскими областями, включая и регион балановской культуры Поволжья.

Основная роль в процессе взаимодействия степного и кавказского миров сохраняется за древнеямными племенами. Об этом хорошо говорят их культурные элементы, проникавшие на Кавказ. Так, например, в ряде погребений и слоях майкопской культуры на поселениях найдены типичные древнеямные сосуды, орудия, украшения⁹⁶. Более того, нередко под майкопскими погребениями, как в случае Верхнеакбашского, Большого Кишпекского курганов, или в одних стратиграфических горизонтах с майкопскими захоронениями открыты древнеямные погребения⁹⁷.

Достижения археологов «позволяют говорить и о более сложных, глубоких, прежде всего о безусловно единых чертах в погребальном обряде древнеямных и майкопских племен: от положения погребенного и оформления могилы до самой курганной насыпи». Может быть, из этого исходила в свое время М. Гимбутас, когда говорила об этническом и культурном единстве степного и северокавказского населения энеолита⁹⁸. Конечно, такое утверждение является слишком большим преувеличением, но отрицать самый тесный этнокультурный контакт этого населения невозможно. Другими словами, можно сказать, что древнеямные племена привнесли на Кавказ курганный обряд погребения, как это они сделали на рассмотренных выше территориях евразийского континента. Вместе с древнеямным обрядом появляются здесь и курганы, являвшиеся «паспортом» древнейших овцеводов-кочевников IV—III тыс. до н. э.

Но прежде всего необходимо сделать одно замечание: приводившиеся выше выводы крупных специалистов, которые могут быть значительно подкреплены множеством дополнительных примеров из археологического материала Северного Кавказа, свидетельствуют о том, что погребальный обряд ранних «майкопцев» типично древнеямный. Вот тому факты:

— просторные грунтовые ямы с округлыми углами, стены укреплены деревянными плахами, дно устлано камышом, корой дерева, органической подстилкой (рогожей, циновкой, войлоком и пр.);

— сверху яма перекрывалась накатом из деревянных бревен, затем насыпался земляной курган;

— усопший покоился в скорченном состоянии на боку, либо на спине с подогнутыми ногами, ориентирован преимущественно по линии В — 3, СВВ — ЮЗЗ;

— кости погребенного и дно могилы обильно посыпались красной охрой.

Но погребальный инвентарь ранних майкопских захоронений явно иной:

— красноглиняные шаровидные и округлые сосуды из хорошо отмученной глины без примесей;

— массивные медные топоры, кинжалы, тесла, шилья;

— украшения из золота, серебра с инкрустацией и пр.— чаще всего переднеазиатского происхождения.

Все эти предметы ничего общего не имеют с бедным инвентарем древнеямников:

— грубые, лепные, остродонные, яйцевидные сосуды плохого обжига;

— кремневые ножи и ножевидные пластины;

— поделки из кости — шилья, проколки;

— мелкий рубленый бисер и пр.

Синкретический характер и симбиоз ямно-майкопского погребального обряда с нехарактерным для ямников инвентарем необходимо всегда иметь в виду при этнокультурной интерпретации раннемайкопских древностей Северного Кавказа.

Археологам нетрудно усмотреть еще один очевидный и давно напрашивавшийся вывод о том, что внедрившийся на Кавказ курганный обряд древнеямников уже ко времени самого майкопского кургана иллюстрирует далеко зашедшее имущественное расслоение и выделение крупных патриархальных вождей, утопавших в роскоши заморских, переднеазиатских украшений из драгоценных металлов и камней.

Этот тезис хотелось бы проиллюстрировать Майкопским курганом, раскопанным Н. И. Веселовским в 1867 г. Курган высотой 10,65 м находился на одной из улиц г. Майкопа, которая теперь носит название Курганной, а сама археологическая культура, аналогичная находкам в этом кургане, именуется майкопской культурой. В центре под насыпью кургана была открыта четырехугольная яма (5,33×3,73×1,42 м) с закругленными углами. Стены ямы были укреплены деревом, по углам были врыты четыре деревянных столба диаметром 0,26 м, поддерживавших, вероятно, перекрытие — балдахин. Могильная яма разделена на две части, а северная ее часть, в свою очередь, разделена еще на две равные половины. Таким образом, могила оказалась

трехкамерной, разделенной деревянной или камышовой перегородкой. В более обширной южной половине в позе спящего на боку лежали останки мужчины, густо засыпанные красной охрой. Погребальный инвентарь из этого погребения говорит, что усопший принадлежал к социальной верхушке общества, оставившего Майкопский курган.

На костяке были найдены 68 золотых штампованных пластинок, изображающих львов, 19 пластинок, изображающих быков, 38 массивных штампованных колец, 10 двойных пятилепестковых розеток. Здесь же лежало богатейшее ожерелье, представляющее собой набор бус из золота, серебра, сердолика, лазурита, морской пены и бирюзы. Уже эти находки свидетельствуют о южном привозе (лазурит из Бадахшана — Средняя Азия, бирюза — из Ирана, морская пена — из Малой Азии). На голове усопшего была коническая тиара с золотыми обручами, украшенными цветками из золотых лепестков. И по рисунку, и по технике выполнения эти цветы совершенно аналогичны украшениям короны царицы Шубад и знатных женщин из могилы «74 скелетов» царского некрополя I династии Ура (XXV в. до н. э.)⁹⁹. Перед костяком, от черепа до берцовых костей, лежали параллельно друг другу шесть серебряных стержней длиной 1,03 м. На концы четырех из них насажены массивные статуэтки быков, отлитые из серебра (2 шт.) и из золота (2 шт.) Их стиль также ближе к стилю шумерийских скульптур середины III тыс. до н. э. Поразительно схож с этими скульптурами медный бык, найденный в одном из древнейших захоронений Аладжа Эйюка (Центральная Турция), датированном XXV—XXIV вв. до н. э.

Вдоль западной и восточной стенок южной части могилы были расставлены 17 сосудов: два золотых, один каменный (шаровидной формы с накладным горлом и крышкой из золота), 14 серебряных, в том числе один с золотыми ручками-ушками, а другой с золотым ободком у основания шейки горловины. На одной из серебряных ваз отчеканены три яруса прекрасного пейзажа. На верхнем ярусе изображена цепь Кавказских гор с несколькими пиками и двугорбыми вершинами Эльбруса и Казбека. С гор стекают две реки, сливающиеся в округлое море. Ученые полагают, что эти две реки можно сопоставить с двумя крупными реками Северного Кавказа либо

с крупнейшими реками Передней Азии — Тигром и Евфратом. На самом же деле это реки Южного Кавказа, потому что двуглавая вершина Эльбруса изображена слева от смотрящего, а не справа, как он видится, если смотреть на хребет с Северного Кавказа. Вторая полоса орнамента на сосуде изображает двух быков по краям, лошадь и льва по центру. Третья полоса изображает вереницу животных: козла, барана, кабана, львицу. Такая же вереница животных была изображена на печати из Урука, на инкрустированных рельефах древнешумерского храма в Эль-Убайде, на серебряной вазе Энтемены — патеси города Лагаша, правившего в XXIV в. до н. э. Эта ваза и по форме своей почти аналогична майкопским, а украшающая ее плечи сцена идущих друг за другом зверей является самой близкой к майкопским чеканным изображениям.

У самой западной стенки могилы стояли восемь почти однотипных глиняных горшков с шаровидными туловами и короткими, резко отогнутыми наружу венчиками. Горшки были серого, желтоватого, красноватого цветов. Металлические орудия также весьма архаичны. Медная мотыга и кинжал сходны с найденными в могилах I династии Ура; топор-тесло ближе всего подходит к найденным на Крите и в Подунавье в слоях XXIV—XXI вв. до н. э; проушный топор сходен с древневосточными топорами середины III тыс. до н. э.

В двух северных камерах лежали останки двух женщин, рядом были найдены золотые, серебряные бусы, медные котлы, ведро и глиняные сосуды.

Приведенный материал не оставляет никакого сомнения в том, что перед нами захоронение крупнейшего патриархального вождя племени, хорошо знакомого с достижениями переднеазиатской цивилизации. Однако продолжим прерванный разговор о первом проникновении курганной культуры на Кавказ. Зона контактов древнеямников с кавказскими племенами охватывает значительную территорию от Калмыцких степей до Кубани и Терека, почти вплотную подходя к входам в глубокие горные ущелья. Эпоха этих контактов, начавшихся еще задолго до майкопской культуры, пожалуй, впервые отражает вопрос о хронологическом соотношении контактов степей и гор, столкновении степной и горской культур, или, как иногда это именуют, вопрос о субстрате и суперстрате в этнокультурном облике Кавказа.

Для того чтобы перелистать первые страницы истории этих отношений, необходимо охарактеризовать новейшую археологическую ситуацию на Северном Кавказе.

Огромным степным плацдармом древнеямников для освоения Предкавказья являлись районы Кума-Манычского междуречья — степные просторы нынешней Калмыкии, имевшие более чем достаточные благоприятные условия для развития подвижного скотоводства, и особенно овцеводства. В последние годы исследованиями И. И. Старостина, У. Э. Эрдниева, Е. В. Цуцкина, Е. В. Шнайштейна и других на Маныче изучено около 600 чисто ямных захоронений с четко выраженными чертами культуры и в погребальном обряде, и в археологическом инвентаре¹⁰⁰. В этих погребениях очень часто обнаруживаются остатки древнейших деревянных повозок со сплошными колесами. Исследования свидетельствуют, что колесный транспорт в степях Калмыкии в III тыс. до н. э. был освоен повсеместно. Судя по остаткам, колеса изготовлялись либо из трех скрепленных штифтами брусьев, либо из цельных сплошных дисков, спиленных из больших бревен. По мнению лесоводов, повозки, найденные в Калмыкии, сделаны из бука, который произрастает вблизи только на Кавказе¹⁰¹. По мнению ряда ученых, с этого плацдарма ямники продвигались на территорию Среднего и Нижнего Прикубанья¹⁰². По подсчетам В. А. Сафронова, только в Среднем и Нижнем Прикубанье в курганах Новосвободненского этапа майкопской культуры более чем в 40 случаях обнаружены остатки повозок с древнейшими сплошными колесами. Вкупе с находками в Калмыкии, Дагестане, Грузии это число во много раз превосходит весь «мировой запас» подобных находок¹⁰³. Любопытно в этой связи напомнить, что, по словам Гордона Чайлда, древнейшие повозки со сплошными колесами появились за 3000 лет до н. э. в Месопотамии, за 2500 лет до н. э. в Индии, на Крите менее чем за 2000 лет до н. э., когда колеса стали делать со спицами и использовались для боевых колесниц. В Египте они появились не раньше 1600 г. до н. э., а в Греции позже, чем в Египте, в Китае и Швеции около 1400 г. до н. э.¹⁰⁴

Из отмеченного плацдарма древнеямники активно продвигались и овладевали предгорьями Кавказа как

в Прикубанье, так и на Центральном и Северо-Восточном Предкавказье. Этот тезис достаточно четко документируется погребениями из Нальчикского могильника, захоронениями под курганами у ст. Мекенской в Чечено-Ингушетии, захоронениями в кургане у сел. Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии. Возьмем, к примеру, Верхнеакбашское захоронение. В Верхнеакбашском кургане обнаружены 11 погребений. Основное погребение (№ 11), в честь которого был возведен курган, находилось в прямоугольной яме с округлыми углами. Погребенный лежал на спине с подогнутыми в коленях ногами и был ориентирован головой на восток (типичный ямник.— *И. М.*). Кости усопшего были окрашены красной охрой, под останками прослежен тлен от органической подстилки, возможно войлока. Вместе с погребенным в могиле были найдены медные полусферические бляшки, кремневый нож, полированный клиновидный каменный топор.

Е. И. Крупнов отнес это погребение к энеолиту, а А. А. Формозов включил его в раннюю группу майкопских памятников. Р. М. Мунчаев пишет по этому поводу следующее: «Нам, однако, думается, что, несмотря на безусловно ранний возраст погребения, относить его без всяких оговорок к майкопским памятникам нельзя. Оно по ряду особенностей (как в обряде, так и в инвентаре) выпадает из общей группы всех известных майкопских захоронений»¹⁰⁵.

Чрезмерная осторожность и оговорки, вероятно, не могут заслонить того факта, что единственным связующим с майкопской культурой звеном здесь является только курганная насыпь, привнесенная в саму майкопскую культуру древнеямниками. Вероятно, прав Р. Ж. Бетров, который более определенно вынес этот курган за пределы майкопской культуры и связал его с первым проникновением курганов на Северный Кавказ в XXVII—XXVI вв. до н. э.¹⁰⁶

Характерный для древнеямников погребальный обряд многократно обнаруживался археологами в памятниках Прикубанья. Так, например, по данным А. Л. Нечитайло и Р. М. Мунчаева, явные черты ямников в Прикубанье следующие:

просторные грунтовые ямы с закругленными углами, перекрытые накатом из бревен или дубовых плах; дно

могилы устлано камышом или органической подстилкой;

ямы ориентированы либо строго по линии В — З, либо с небольшими отклонениями на СВ и ЮЗ;

кости покрыты красной охрой, лежат либо скорченно на боку, либо на спине с подогнутыми в коленях ногами ¹⁰⁷.

Вместе с этими элементами погребального обряда — наиболее стойкого этнического признака — в курганах Прикубанья найдены типичные древнеямные предметы из бронзы, кости, керамики. Характерные ножи ямного типа обнаруживались еще в 1899, 1904 гг. в курганах у станиц Келермесской, Новолабинской, у хутора Зубовского, в которых не было даже признака ритуала, характерного для племен майкопской культуры ¹⁰⁸. Здесь же следует отметить яйцевидные круглодонные сосуды из грубого теста с примесью песка и шамота, с оттисками шнура из кургана 13 у ст. Усть-Джегутинской; костяную булавку с расширяющимся грибовидным навершием из того же кургана, которая также не имеет аналогий в памятниках майкопской культуры.

Не менее явно прослеживается археологический комплекс древнеямной культуры на Центральном Предкавказье. Верхнеакбашское захоронение здесь далеко не единственное. Раскопки последних лет в бассейне рек Баксана и Чегема значительно дополнили наши знания о древнеямниках Центрального Предкавказья. Раскопки 1972—1976 гг. выявили здесь по крайней мере 8 комплексов, неоспоримо связанных с древнеямниками.

Курган 1 (у сел. Чегем I). Основное погребение находилось в грунтовой яме (2,45×2×1 м), дно которой было устлано чистой желтой глиной. Останки скелета лежали на подстилке бурого цвета, напоминавшей тлен от коры дерева или войлока. Кости погребенного и сопровождавший его инвентарь были обильно окрашены красной охрой. Погребенный лежал в скорченном состоянии, головой обращен на запад, на правом боку. Могильная яма была перекрыта деревянными плахами.

В ногах погребенного находились три больших красноглиняных кувшина с шаровидными туловами и небольшими плоскими днищами. В изголовье стояли: один небольшой кувшин и одна небольшая миска из такой же,

как и вышеназванный кувшин, глины. Рядом лежали несколько костей конечностей мелкого жертвенного животного. На уровне правой плечевой кости найден отлично отшлифованный клювовидный каменный молоток-топор из черного камня. Рядом с ним лежала кремневая стрела треугольной формы с асимметрическим основанием и двусторонней пильчатой ретушью. У ног погребенного лежали: бронзовое плоское тесло, два бронзовых удлиненно-листовидных ножа, точильный камень, бронзовое четырехгранное шило, золотое височное кольцо с несомкнутыми концами.

Курган 5 (третья курганная группа у сел. Кишпек). Основное погребение (№ 2) располагалось в грунтовой яме $3 \times 2,4$ м, перекрытой накатом из бревен. Дно могилы было устлано слоем чистой желтой глины толщиной в 6—7 см. Стены ямы облицованы деревянными плахами. Костяк лежал в скорченном состоянии, на правом боку, головой на юг. Скелет и прилежавшие участки могилы обильно окрашены красной охрой. У ног погребенного лежали кости жертвенного животного (овцы — ?). В могиле найдены восемь пронизок из золотой фольги, золотое височное кольцо с несомкнутыми концами, золотая игла, бронзовый наконечник копья, массивный бронзовый кинжал и глиняный сосуд с шаровидным туловом и маленьким дном ¹⁰⁹.

Курган 6 (той же группы). *Погребение 5.* Основное погребение находилось в грунтовой яме ($3,8 \times 2,9 \times 1$ м), ориентированной по линии В — З. Стены ямы облицованы деревом, пол обмазан толстым слоем желтой глины и затем обложен деревянными плахами. Сверху яма была перекрыта накатом из бревен. Останки погребенного покоились на правом боку в скорченном состоянии, головой на юг. Скелет обильно обсыпан красной охрой. В изголовье погребенного найдено бронзовое шило, бронзовый черешковый кинжал, золотая подвеска в виде кольца с несомкнутыми концами ¹¹⁰. Кроме этих предметов, в могиле найдены красноглиняный с шаровидным туловом сосуд с резко отогнутым венчиком и небольшим дном, несколько обломков сероглиняного кувшина с заглаженной поверхностью.

Большой Кишпекский курган. Он насыпался в три приема и в разные периоды. Первоначально, где-то в последние века III тыс. до н. э., был возведен небольшой

курган высотой 4 и диаметром 13 м над погребениями 6 и 7. Затем, после совершения захоронений 4, 5, 8, 10, курган был досыпан. И уже на позднем этапе майкопской культуры на вершине вторично образованного кургана было совершено позднемайкопское захоронение ¹¹¹.

Для нашей темы очень важны погребения 4—10, которые уверенно можно связать с ямной культурой последних веков III тыс. до н. э., соответствующие новосвободненскому этапу майкопской культуры. Особенно четкие древнеямные черты погребального обряда и сопровождающего инвентаря обнаруживаются в погребении 8. Оно было совершено в грунтовой яме, заваленной суглинком и камнями. По краям ямы прослежены остатки облицовки стен из деревянных плах. Яма имела подпрямоугольную форму, скелет здесь покоился на плотном слое красной охры, в скорченном состоянии, на правом боку, головой на восток. Костяк первоначально покоился на спине с согнутыми в коленях ногами, затем под тяжестью грунта несколько завалился вправо ¹¹². В могиле найдены листовидный нож-кинжал, большой костяной наконечник стрелы и фрагменты глиняных сосудов.

Погребение 23 (из кургана у сел. Кызбурун III). Этот курган также насыпался в несколько приемов. Интересующее нас погребение располагалось в центре кургана. Умерший покоился в грунтовой яме, на чистой желтой глине, на спине с подогнутыми в коленях ногами, которые под тяжестью грунта впоследствии опрокинулись вправо ¹¹³. Кости были обильно окрашены красной охрой, головой он ориентирован на восток, как и типичные ямники. В левой руке погребенного лежала сравнительно массивная кремневая ножевидная пластинка размерами 10,8×2,4 см.

Курган 11. Погребение 1 (у сел. Лечинкай). Это погребение находилось в прямоугольной яме, ориентированной по линии СВВ — ЮЗЗ. Скелет покоился на спине со слабо подогнутыми ногами, головой был обращен на В — СВ. Слева от усопшего, на уровне поясицы, лежали компактной массой 17 астрагалов овцы и одна сердоликовая бусина ¹¹⁴. Исследователь погребения В. М. Батчаев справедливо полагает, что это погребение «резко выделяется просторной, приближающейся в плане к квадрату могильной ямой с довольно ровными и

четко выраженными стенками, положением костяка на спине, с подогнутыми ногами при ориентировке его на Е — СВ, крайней бедностью инвентаря. Все эти отличительные особенности в своей совокупности более всего присущи погребальным памятникам степной, «древнеямной» культуры»¹¹⁵.

Курган в местности Шилтрак. Выделяется основным погребением небольшого кургана, расположенного в высокогорной зоне Кавказа у сел. Былым в Кабардино-Балкарии. Захоронение совершено в прямоугольной яме, стены которой постепенно сужались книзу и на глубине 1,8 м образовывали заплечики-уступы. Скелет женщины лежал на спине с подогнутыми ногами, головой на СВВ. Под костяком прослежены остатки подстилки, вещей не было¹¹⁶. В этом же кургане было обнаружено впускное захоронение: погребенный лежал на правом боку, в скорченном положении. В могиле найдены два сосуда (кувшин и чаша) из грубой глины, умеренного обжига, со следами оттиска шнура. Рядом с сосудами лежали кости жертвенной овцы. Эти два погребения, которые исследователь связывает с пришельцами-степняками, являются самыми высокогорными и явно выраженными памятниками древнеямной культуры¹¹⁷.

Таким образом, новейшие исследования выделяют восемь древнеямных комплексов, сочетающих и погребальный обряд, и характерный археологический инвентарь. Вместе с 12 захоронениями Нальчикского могильника они отражают довольно осязаемое внедрение древнеямников на Центральное Предкавказье, вплоть до высокогорья Баксанского ущелья.

Кроме того, в результате раскопок 1972—1976 гг. в Кабардино-Балкарии в разных курганах и различных погребениях III тыс. до н. э. выявлено достаточное количество отдельных проявлений древнеямной культуры, иногда в виде некоторых элементов погребального обряда, иногда в виде специфических предметов степного происхождения. Чтобы раскрыть этот тезис, достаточно отметить такие предметы:

— каменные полированные «клювовидные» топоры-молоты (кург. 5, погр. 2 у сел. Чегем I; кург. 27 у сел. Чегем II);

— молоткообразные предметы из рогов оленя (кург. 27 у сел. Чегем II);

— круглые в сечении костяные шилья с уступом для черенка (кург. 31 у сел. Чегем I);

— большая ножевидная кремневая пластина (кург. 31 у сел. Чегем II);

— бронзовый черенковый наконечник стрелы ромбической формы (кург. 5, погр. 2 у сел. Кишпек);

— наличие костей мелкого рогатого скота, скопление астрагалов и пр.

Исследователи отмечают, что все эти предметы не находят аналогий в майкопских памятниках и связаны с ямной культурой Нижне-Волжского района и Приманчыя ¹¹⁸.

Специалисты по бронзовому веку считают установленным, «что отличительной особенностью ранней группы майкопских курганов является отсутствие камней в их насыпи и сооружение в материковом слое больших прямоугольных ям, ориентированных по линии север-восток — юго-запад или восток — запад, а также частая засыпка их красной охрой»¹¹⁹. К этому следует добавить, что к таким же отличительным особенностям относятся и деревянные накаты, перекрывающие могилы, облицовка их стен деревянными плахами, наличие подстилки из камыша или органических тканей (рогожи, войлока — ?). Подобные элементы были выявлены в погребенных кургана 1 у сел. Кишпек (2-я курганная группа), в погребении 6 кургана 2 той же группы ¹²⁰.

Древнейшие памятники Северного Кавказа отнюдь не ограничиваются захоронениями в Кабардино-Балкарии. Они были известны в Северо-Восточном Предкавказье еще с конца 50-х гг. в курганах у селений Бамут, Новый Аршти, ст. Мекенской, которые, по словам Р. М. Мунчаева, совершенно нехарактерны для неолитических местных погребений региона ¹²¹ и находят прямые аналоги с ямными погребениями Нальчикского могильника ¹²².

Курганы у ст. Мекенской Наурского района Чечено-Ингушетии были исследованы в 1956 и 1959 гг. Е. И. Крупновым и Н. Я. Мерпертом. Здесь были распаны 48 погребений в курганах, из которых основными захоронениями ¹²³ были: погребение 5 кургана 1; погребение 4 кургана 2; погребение 16 кургана 4; погребение 9 кургана 6. Захоронения совершались в подкурганых грунтовых ямах, облицованных деревянными бревнами и плахами. Останки погребенных покоились либо в скор-

ченном состоянии, либо на спине с подогнутыми в коленях ногами. Исследователи писали, «что особенностью мекенской группы является восточная ориентировка погребенных в отличие от южной ориентировки основной группы майкопских курганов»¹²⁴.

Керамический материал из мекенских захоронений говорит о сочетании здесь образцов северного и южного происхождений. Так, например, маленькие тонкостенные сосуды с чернолощеной поверхностью (кург. 4, погр. 16), хотя и близки к керамике из майкопской культуры по своим формам, но прямых аналогий в ней не обнаруживают. Зато они почти тождественны сосудам первой половины III тыс. до н. э. из Закавказья¹²⁵. А грубый круглодонный сосуд из погребения 11 кургана 6 «резко отличается от кавказской керамики эпохи энеолита и ранней бронзы. Этот сосуд с короткой цилиндрической шейкой, несомненно, связан с древнеямной керамикой. Прямые аналогии ему можно видеть среди различных групп памятников древнеямной культуры, как в курганах (на Волге, Северском Донце, Молочной, Днестре), так и в культурных слоях (второй слой Михайловского поселения на Днестре)»¹²⁶, относящихся к первой половине III тыс. до н. э. Исследователи отмечали также, что подобные сосуды на р. Молочной, Нижней Волге и в других местах известны в одних комплексах с характерными костяными пронизками, аналогичными находкам из погребения 16 кургана 4 у ст. Мекенской. Такие пронизки ямного типа, не характерные майкопской культуре, были найдены в нижних древнейших слоях поселения Мешоко¹²⁷.

Стратиграфические данные кургана 6 мекенской группы доказывают синхронность определенного этапа ямной и майкопской культур. В данном случае эти данные важны как еще одно доказательство древности основных погребений мекенской группы курганов. «Отметим, — пишут Е. И. Крупнов и Н. Я. Мерперт, — что если на юге памятники ямной культуры одновременны майкопской культуре и относятся к середине III тыс. до н. э., то на западе они на том же этапе своего развития существуют с памятниками развитой трипольской культуры, что подтверждает ту же дату». К этому справедливому суждению следует добавить, что стратиграфические наблюдения в курганах Кабардино-Балкарии говорят о том, что древнеямные захоронения подсти-

лают майкопские, а значит, и значительно древнее их (Верхнеакбашский, Большой Кишпекский и другие курганы).

Таким образом, по нашим подсчетам, на Северном Кавказе, на территории между станицами Мекенской и Усть-Джегутинской, к древнейшей культуре относятся 33 непо потревоженных комплекса. Любопытно сравнить, что этих памятников в 2,5 раза больше, чем известных погребений 1-го этапа среднеднепровской культуры, почти столько же, сколько погребений 2-го этапа той же культуры, в 1,5 раза больше, чем памятников раннего этапа кобанской культуры Центрального Кавказа, в 11 раз больше, чем известных катакомбных захоронений эпохи бронзы в предгорно-плоскостной зоне Кабардино-Балкарии¹²⁸. Следовательно, говорить о значительном внедрении древнейших в кавказскую среду еще в до-майкопское время более чем резонно.

Завершая экскурс о ямно-майкопском симбиозе и кавказско-степном синкретизме культуры периода ранней бронзы, необходимо напомнить, что майкопская культура не имеет местно-кавказских истоков ни в погребальном обряде, прямо восходящем к ямной культуре, опережающей майкопскую по крайней мере на 500—600 лет¹²⁹, ни в археологическом инвентаре, т. е. материальной культуре, в подавляющем большинстве преимущественно связанной с цивилизациями Южного Кавказа, а через них с Передней Азией, особенно с месо-потамскими городами. Любопытно и то, что материальная культура «майкопцев» не находит генетического продолжения в последующей северокавказской культуре развитой бронзы. Особенно бросается в глаза разительное отличие в технологии и орнаментации керамического материала этих культур при сохранении некоторых сходных черт во внешних формах сосудов. Зато погребальный, курганный обряд надолго сохраняется в последующих культурах Северного Кавказа.

Совершенно справедливо пишет М. В. Андреева, что до сих пор не выяснен вопрос о предшественниках «майкопцев» на Северном Кавказе, т. к. «нет оснований считать, что эта культура существовала на Северном Кавказе в течение тысячелетий»¹³⁰. Стоит добавить, что курганному обряду и культуре нет истоков ни на Южном Кавказе, ни в Передней Азии, ни в европейском Причерноморье, ни в Центральной Азии или Иранском на-

горье. К сожалению, этот феномен не изучен в широком историческом и этнокультурном, этногеографическом планах. Между тем, пытаясь доказать генетическую связь северокавказской культуры развитой бронзы с майкопской, некоторые авторы порой наталкиваются на почти непреодолимое препятствие, вступают в противоречие сами с собой¹³¹. Так, например, В. И. Марковин пишет, что такая связь упомянутых культур «заметна по отдельным формам керамики и изделиям из металла (но именно только по отдельным формам сосудов справедливо это утверждение.— И. М.) и погребальным традициям»¹³². Под этими традициями он видит скорченное положение костяков, посыпку их красной охрой, южную ориентировку¹³³. Но когда эти же признаки другими авторами используются для увязки новосвободненских дольменов с майкопской культурой, Марковин пишет: «Но скорченное положение умерших в эпоху бронзы является почти универсальным, так же как и засыпка охрой и ориентировка на юг, т. е. к солнцу — источнику тепла»¹³⁴. Вероятно, это же надо отнести и к прослеживаемой им «генетической» связи между майкопской и северокавказской культурами. Следующее противоречие в его построениях обнаруживается в том, что, признавая наличие майкопского материала в дольменах, он сетует: «...еще предстоит решить, в силу каких причин он попал в эти сооружения»¹³⁵. Таким образом, наличие майкопских форм в инвентаре и погребальных традициях в одних случаях у Марковина служит свидетельством генетической связи, а в других требует «решения вопроса...». Резонно поставить вопрос о том, как попали майкопские формы предметов в северокавказскую культуру? Не в результате ли культурного общения племен? Коль скоро мы упомянули дольмены у ст. Новосвободной, то следует сказать, что культура древнейших мегалитических сооружений из огромных каменных многотонных глыб уходит своими корнями в средиземноморский мир (Крит, Мальта и др.). Исследователь дольменов северо-западного побережья Кавказа В. И. Марковин пишет: «Во всяком случае с III тыс. до н. э., когда основные исходные типы дольменных построек уже возникли, средиземноморские строители мегалитов пришли в движение на север — территорию Франции, к островным странам, в Скандинавию»¹³⁶. По его мнению, строители дольменов появились в Прикубанье в середине III тыс.

до н. э. и не всегда могли получить земли мирным путем. «Очевидно, под их давлением,— пишет автор,— население майкопской культуры вынуждено было «потесниться» и, в свою очередь, передвигаться к востоку, далеко за пределы Прикубанья. Памятники майкопской культуры сейчас найдены на огромном пространстве — от Прикубанья и почти у границ Дагестана. Здесь носители майкопской культуры столкнулись с населением восточной части Кавказа — племенами куро-аракской культуры»¹³⁷. А. А. Иессен датировал наиболее выразительные дольмены Северо-Западного Кавказа XXIII—XXI вв. до н. э., с чем позднее согласились В. И. Марковин и др.¹³⁸

Рассмотренные нами материалы иллюстрируют продвижение майкопцев на восток именно в указанные века. Крайними восточными проявлениями дольменов могут быть Нальчикская и Кишпекская подкурганные гробницы, датируемые в тех же пределах¹³⁹. Под давлением «дольменников» курганы продвигаются в последние века III тыс. до н. э. вплоть до дербентского прохода. Однако трудно согласиться с тем, что майкопцы перемещаются на восток под давлением дольменников. Во-первых, потому, что нет фактической цепи движения дольменов от Прикубанья на восток. Во-вторых, на своих древних территориях дольмены строились без курганов, а в Прикубанье не степняки подстраиваются под «дольменников», а дольмены «заходят» под курганный насыпь. В-третьих, при наличии многих майкопских курганов на Центральном и Восточном Предкавказье далекими дериватами дольменов могут считаться лишь две подкурганные гробницы: у сел. Кишпек и в г. Нальчике.

А между тем курганы последних веков III и начала II тыс. до н. э. у сел. Утамыш Дагестанской республики и у ст. Ново-Титаревской Краснодарского края представляют большой интерес для нашей темы, так как они имеют прямые аналогии с первыми курганами Южного Кавказа того периода.

Курган у ст. Ново-Титаревской. Особый интерес представляет основное погребение (12) одного из курганов (высота 8 м, диаметр 90 м). Погребение было совершено «в большой прямоугольной яме (2,3×1,3×0,8 м), перекрытой большим овальным покрывалом из кожи или войлока»,— пишет исследовательница¹⁴⁰. Поверх нее, плотно примыкая друг к другу, лежали не ме-

нее 30 тонких деревянных планок шириной 9—10 см. В. И. Козенкова предполагает, что планки и покрывало являлись каким-то надмогильным сооружением — перекрытием, опиравшимся на деревянные колья. По словам исследователя, дно погребальной ямы было ровным, возможно покрытым войлоком коричневого цвета. На войлоке прослеживался орнамент из ярко-красных полос и спиралей.

Погребенный лежал на левом боку, слегка завалившись на спину, ноги были согнуты и перекрещены, головой он был обращен на восток. Все кости окрашены красной охрой. В восточной части погребальной ямы *in situ* лежали четыре колеса от деревянной повозки. Колеса состояли из четырех отдельных кусков каждое и имели односторонние выпуклые ступицы. Диаметр колес достигал 72 см. Вторая повозка была найдена в погребении 8, которое находилось в погребальной яме на метр вышеупомянутой. Вокруг погребальной ямы и здесь выявлены темные отпечатки покрова. Поверх ямы поперек были положены пять деревянных досок шириной 30—35 см, плотно пригнанных одна к другой и орнаментированных резными кругами.

Интересно отметить, что во всех погребениях выявлены деревянные пластины, органическая подстилка из войлока или кожи, камыша, коры дерева. Инвентарь отличался крайней бедностью (несмотря на массивные повозки). Он состоял из костей челюстей, конечностей жертвенных животных — овцы, скопления астрагалов. Мы уже отмечали, что эти детали обряда совершенно чужды раннемайкопским погребениям. Ново-Титаревские курганы датируются последними веками III — начала II тыс. до н. э.

Для выяснения путей продвижения «курганников» на юг Кавказа большого внимания заслуживают курганы у сел. Утамыш Республики Дагестан.

Как пишут исследователи, «сосредоточенные в основном на узкой полосе приморской равнины и прилегающем к ней предгорье, они свидетельствуют о многократно имевших место проникновения сюда в разные периоды древности и средневековья более или менее значительных групп иноэтнического степного населения»¹⁴¹. Сочетание здесь курганов ранней бронзы и гуннской эпохи говорит о том, что районы Дербентского прохода издавна служили дорогой степняков на юг Кавказа.

В одном из курганов в урочище Токачи к северо-востоку от сел. Утамыш было обнаружено погребальное сооружение, перекрытое двумя накатами крупных, толстых бревен (до 25—30 см диаметром). Под этим бревенчатым накатам в сильно деформированном срубе находилась четырехколесная повозка с помещенным на ней массивным саркофагом, изготовленным из двух половинок толстого (до 1 м) ствола, распиленного вдоль. Колеса повозки были изготовлены из трех массивных брусьев, соединенных внутренними шипами.

Как полагает исследовательница, погребенный в колоде-саркофаге покоился на спине с подогнутыми в коленях ногами¹⁴².

На этом могильнике археологи исследовали еще два кургана: курган 1 имел высоту 1 м, диаметр — 18 м. Погребальная яма размерами 4×3,8 м имела подквадратное очертание с закругленными углами и была ориентирована по линии ССВ — ЮЮЗ. По описанию археологов, в этой яме находился сруб, ориентированный с З на В. Венцы срублены в «лапу» из крупных, предположительно дубовых плах, представлявших расколотые пополам бревна. Вдоль южной стены сруба находилась повозка с саркофагом, изготовленным из короткого (до 2 м) и чрезвычайно толстого (диаметром не менее 1,2 м) отрезка дубового ствола, расколотого вдоль на две равные части. В каждой из частей была выдолблена полость полуцилиндрической формы. Саркофаг-колода был положен на четырехколесную повозку. Сложные массивные колеса повозки имели крупные ступицы, выступающие с обеих сторон на 0,1—0,15 м. Каждое из колес изготовлено из трех плоских брусьев, соединенных внутренними шипами. Как и в предыдущем кургане, сруб и здесь был перекрыт двумя накатами бревен, а затем завален не менее чем 70 кубометрами камня и засыпан землей.

Среди погребального инвентаря нет керамики, что, по предположению археологов, является особенностью погребального обряда населения, оставившего эти курганы. Зато в достаточном количестве представлены украшения:

— небольшие височные кольца в полтора оборота из серебряного прута;

— бронзовые браслеты с заходящими друг за друга концами;

- бронзовые булавки с двувалютной головкой;
- бронзовые подвески, крестобразно соединенные посередине стержнем;
- бусы из горного хрусталя.

В этом инвентаре интерес представляет сочетание предметов месопотамского происхождения (серебряные серьги) и предметов степного характера (крестообразно закрепленные подвески), не имеющих аналогий на Кавказе¹⁴³. Отсутствие керамики также говорит о степном характере погребального обряда.

Курган 3. В центре прямоугольной ямы (4,2×3,2 м), ориентированной по линии В — З, было обнаружено перекрытие из девяти плотно подогнанных одна к другой плах длиной 1,9—1,95 м при ширине 0,2—0,4 м. Под перекрытием находился деревянный сруб размерами: 2,8×2,9×2,1×2,2 м. В центре сруба обнаружен саркофаг длиной 2,25, диаметром 0,8 м, по своей конструкции аналогичный только что описанному.

В саркофаге лежал скелет в вытянутом состоянии, на спине, головой на запад. Среди погребального инвентаря особо следует отметить бронзовый клинок-нож степного типа и раздавленный керамический сосуд с яйцевидным туловом.

Авторы раскопок датируют эти курганы концом III — началом II тыс. до н. э., а погребальный обряд сближают с ранними курганами майкопской культуры¹⁴⁴, где особенно отчетливо видны древнеямные черты.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет говорить о том, что носители древнеямной культуры еще во времена Нальчикского могильника, т. е. на самых ранних этапах своего становления — в конце IV — начале III тыс. до н. э.¹⁴⁵, стали проникать на Северный Кавказ, принесли с собой сюда курганный обряд погребения, прежде не характерный для Кавказа и примыкающих к нему областей юга, юго-востока и юго-запада. Весьма важно, что этот погребальный обряд повсюду сопровождался специфическими археологическими предметами материальной культуры — яйцевидной формы круглодонными сосудами, орнаментированными отрисками шнура, костяными проколками, булавками, иглами, листовидными клинками-ножами и пр. Сочетание погребального обряда с комплексом археологического инвентаря придает гипотезе о проникновении древ-

них ямников вескую аргументацию. В этой связи не-
безынтересно утверждение Р. М. Мунчаева о том, что
керамика майкопской культуры не находит никаких ана-
логий в керамике куро-аракской культуры¹⁴⁶, что, в
свою очередь, противоречит его же утверждению, что в
майкопское время произошло какое-то этническое пере-
селение на Северный Кавказ из Передней Азии и Юго-
Западного Кавказа¹⁴⁷.

Достаточно хорошо изученная майкопская культура
и многочисленные «импортные» вещи переднеазиатского
происхождения в захоронениях этой культуры говорят
лишь о тесных культурно-экономических связях «майкоп-
цев» с Передней Азией и Южным Кавказом, при полном
сохранении всего комплекса погребального обряда «ям-
ников», совершенно чуждого Передней Азии и Южному
Кавказу. Поэтому видеть за отдельными импортными
предметами и этнические перемещения на Северный или
Северо-Западный Кавказ не представляется резонным,
так как в результате тесных культурно-экономических
контактов бросающиеся в глаза предметы, особенно
украшения, оружие и т. п., имеют и свои «ноги». Отдель-
ные археологические предметы быта, украшения, ору-
жие, не подкрепленные стойкими признаками погребаль-
ного обряда, никак не могут говорить об этнических пе-
ремещениях.

Прочно овладев Северным Кавказом в центре и на
окраинах, носители курганной культуры проникали и на
Южный Кавказ. Вероятно, это продвижение осуществля-
лось через северо-западные и северо-восточные пути,
так как первые курганы Южного Кавказа прямо анало-
гичны по своей конструкции и погребальному обряду
описанным курганам Краснодарского края и Приморско-
го Дагестана.

Курганы Южного Кавказа. Ранние курганы на Юж-
ном Кавказе известны во многих районах и относятся
к различным эпохам. Но самые древние из них раскопа-
ны в урочище Уч-тепе (Три холма), которое находится
в Мильской степи в 4—6 км к югу от реки Каркар-чай.
Известный советский археолог А. А. Иессен, раскопав-
ший один из трех Уч-тепинских курганов, отнес его к
концу или второй половине III тыс. до н. э.¹⁴⁸ Определяя
место и этнокультурную атрибуцию этих курганов,
К. Х. Кушнарева писала: «В конце III тыс. до н. э. в За-
кавказье «внезапно» появляются крупные курганы со

сложными конструкциями внутри, предназначенные для погребения одного лица и отражающие какие-то новые веяния в социальной жизни древнего общества. Мы говорим «внезапно» появляются, сопоставляя их с известным материалом предшествующего периода. Вспомним хотя бы неолитический могильник Кюль-тепе (Золотой холм) с его почти одинаковыми могилами, лепящимися тут же, среди жилых построек. Камень или черепок под голову, а в лучшем случае низка бус, грубый горшок или примитивный обсидиановый нож, сопровождавший усопших в V—IV тыс. до н. э.»¹⁴⁹.

Выразительные аспекты социальной истории, глубокого имущественного неравенства в среде носителей курганной культуры проявляются в богатейших захоронениях патриархальных вождей в самом Майкопском и других курганах Северного Кавказа¹⁵⁰. Помимо богатого инвентаря об этом говорят огромные курганные насыпи и грандиозные конструкции могильных сооружений из дерева и камня. Есть все основания полагать, что именно на этой высшей точке своего социального и экономического развития носители курганного обряда проникают на Южный Кавказ.

По описаниям А. А. Иессена, в Уч-тепе на месте предстоящего захоронения прежде всего была выровнена площадка, на которой затем вырыли огромную яму, ориентированную с ЮЗ на СВ. Яма по верхнему срезу имела длину 14,3 м, ширину 2,2—2,65 м, а внизу длина была 13,8 м, ширина — 1,56 м¹⁵¹. К сожалению, в этой огромной яме ничего на обнаружено, кроме скопления красной охры. Отсутствие каких-либо следов ограбления позволяют ученым думать, что это был кенотаф — почетное место подражаемого погребения¹⁵². Могильная яма была в два наката перекрыта 88—100 крупными бревнами длиной 7,5—8 м, диаметром 50—70 см (из арчи) и камышовым настилом¹⁵³. На бревенчатом накате были обнаружены фрагменты керамики ручной лепки, которые, по словам А. А. Иессена и Р. М. Мунчаева, в закавказской керамике III—II тыс. до н. э. аналогий не имеют¹⁵⁴. В связи с этим еще раз напомним, что майкопская керамика, по словам Р. М. Мунчаева, также не имеет никаких аналогий в керамике закавказской куроаракской культуры ранней бронзы¹⁵⁵.

Поверх бревен, устланных вперемешку с камышом, был насыпан каменный курган в объеме 700 м³ с «широ-

ким использованием камыша»¹⁵⁶. Сверху всего этого была насыпана земляная насыпь, которая неоднократно наращивалась в процессе позднейших впускных захоронений. «В 30-х годах VII века,— пишет Кушнарера,— первоначальное захоронение со всем реквизитом было вынесено через специальную штольню, а на его месте оказался похороненный хазарский воин».

Интересно отметить, что первоначальная насыпь, включая и каменную, составляет 6500 м³, и в третий раз было насыпано столько же¹⁵⁷. Таким образом, только для возведения насыпи потребовалось 40,5 тыс. м³ земли и камня, что ярко характеризует тот социальный аспект, о котором мы говорили выше.

В историко-культурном осмыслении Уч-тепинских курганов, безусловно, прав Р. М. Мунчаев, который не внес их в круг памятников куро-аракской культуры кавказских народов, так как курганная культура, впервые отраженная в Закавказье в Уч-тепе, является для этих районов явлением новым, не имеющим местных истоков, проникшим сюда с Северного Кавказа. Вряд ли оправдана попытка К. Х. Кушнарера и О. М. Джапаридзе связать этот курган с куро-аракской культурой, если даже найденная там керамика не находит аналогий в куро-араксе, не говоря уже о совершенно ином погребальном обряде¹⁵⁸.

Аналогичные Уч-тепе курганы были обследованы и на высокогорном плато Тетрицкаро у сел. Бедени в Грузии. В огромную грунтовую яму объемом 343 м³ был впущен деревянный сруб с деревянным полом и потолком. Погребенный здесь лежал на разукрашенных золотом носилках, покоящихся на четырехколесной повозке. Г. Ф. Гобеджишвили, открывший и изучивший эти курганы, пишет, что погребальные ямы в них были облицованы и перекрыты бревнами. На полу таких срубов, устроенных в грунтовой яме, лежали циновки, а на них, как правило, расстилался войлок. В курганах 5, 8, 10 погребенные покоились на деревянных ложах или носилках, устроенных на повозках. Повозки были обнаружены в курганах 2, 5, 8, 10. В этих же курганах, как правило, обнаруживались войлок и обрывки циновки. Исследователь отнес эти памятники ко второй половине III — началу II тыс. до н. э., отмечая при этом, что в погребальном обряде, орнаментальных узорах, в отдельных вещах явно видна связь с майкопской культурой.

Он предполагает проникновение курганной культуры с севера ¹⁵⁹.

В беденских курганах обнаружены фрагменты деревянной мебели, деревянной посуды — плоские блюда, подносы и пр. Носилки и повозки были украшены (увешаны) войлочными коврами, шкурами животных. Рядом с одним пышным погребением мужчины лежали останки убитых женщин, у одной из них рядом лежало веретено ¹⁶⁰. К. Х. Кушнарева и Г. Ф. Гобеджишвили отмечают, что «обряд погребения у этого племени был совершенно иным, чем у племен мильской степи». Добавим, что он был совершенно иным, чем у племен куро-аракской культуры, хотя бы по наличию не только курганной насыпи, но и деревянных срубов, деревянной посуды, войлока и пр.

Однако отныне, со времен Уч-тепе и Бедени, курганный обряд надолго сохраняется в Закавказье и получает блестящее продолжение в знаменитых курганах II тыс. до н. э. на плато Триалети, Зуртакети, Лчашени и т. д. Только в этих курганах постепенно вместо огромных просторных грунтовых ям со срубами третьего тысячелетия появляются каменные залы с коридорами, а позднее — относительно небольшие каменные ящики и пр., то есть происходит перерождение погребального обряда, от первоначальных основ которого остается всего лишь сама насыпь кургана, но уже с совершенно иным этнокультурным содержанием. Одним из проявлений этого процесса является, например, обнаружение в одном из курганов Карабаха II тыс. до н. э. останков двух верблюдов, свидетельствующих о степном характере погребенных ¹⁶¹.

Завершая обзор древнейших признаков культуры Закавказья, К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили пишут, что период энеолита Южного Кавказа (V—IV тыс. до н. э.) характеризуется следующими признаками:

1. Небольшие незащищенные поселения со следами длительного обитания.

2. Маленькие круглые, купольные дома из глинобита или сырцового кирпича с очагами и печами, лепившимися к стенкам.

3. Устройство могильников с одиночными, парными и коллективными (до 4 чел.) захоронениями на самих поселениях.

4. Земледельческо-скотоводческое хозяйство с преобладанием крупного рогатого скота ¹⁶².

А в период ранней бронзы, т. е. во время куро-аракской культуры, происходят следующие изменения:

1. Значительное увеличение плотности населения, интенсивное расселение племен в предгорья и даже в горы:

2. Устройство поселений на высоких берегах рек, естественных холмах, склонах гор, иногда и в пещерах, т. е. наблюдается тенденция использования естественно защищенных мест.

3. Устройство могильников на территории поселений, около поселений.

4. Усложнение конструкций могильных сооружений, сосуществуют каменные ящики и грунтовые ямы, «а к концу периода (что особенно важно для нашей темы.— И. М.) появляются большие погребальные камеры со срубами внутри, перекрытые грандиозными курганами»¹⁶³.

5. Постепенное формирование полукочевого яйлажного скотоводства, дающего значительный прибавочный продукт и ведущего сначала к материальной, а затем и социальной дифференциации общества ¹⁶⁴.

В связи с утверждением ученых о «внезапности» появления курганных памятников на финальной стадии куро-аракской культуры, есть необходимость привести новейшие данные о стратиграфически выдержанных хронологических рамках развития данной культуры:

Ранний период: 2700—2600 гг. до н. э.

Второй период: 2600—2300 гг. до н. э.

Третий период: синхронно Уч-тепе, т. е. между 2500—2000 гг. до н. э.¹⁶⁵

Таким образом, устанавливается, что самые ранние курганы впервые появляются в среде куро-араксцев синхронно майкопской культуре, которая также ложится в рамки между 2500—2000 гг. до н. э. Но поскольку каменные курганчики непосредственно над погребальной ямой характерны только для позднего этапа майкопской культуры, которую иногда называют новосвободненским этапом ¹⁶⁶, то Уч-тепе с его 700-кубометровым каменным набросом над перекрытием могильной ямы явно синхронно позднему этапу майкопской культуры, т. е. XXIII—XXI вв. до н. э. А ведь именно в этот период начинается сильная экспансия майкопской культуры на

восток, вплоть до Дагестана, районов Нальчика под давлением носителей дольменной культуры на Западном Кавказе. Именно на этом этапе курганы переваливают через Дербент и Краснодарский край в районы Закавказья, и эти курганы имеют между собой прямые аналогии в инвентаре и погребальном обряде.

В связи с этими уточнениями внимание исследователей не может не привлечь следующее обстоятельство, давно замеченное археологами и историками. Дело в том, что где-то в XXIII в. до н. э. целый ряд ведущих куро-аракских поселений (Амиранис-гора, Хазанаат-гора, Бешташени, Квацхалеби, Караз, Ахалцихское, Коруку-тепе) постигает грандиозная катастрофа, жизнь на них внезапно прекращается. Но, видимо, ненадолго, так как между вновь возникшим культурным напластованием и прежним отсутствует стерильная (безжизненная) прослойка. Исследователи устанавливают, что катастрофа постигает эти поселения в конце XXIII — начале XXII в. до н. э., а жизнь вновь возникает в начале — середине XXII в. до н. э.¹⁶⁷ Любопытно, что в этих верхних, вновь возникших слоях бросается в глаза резкое возрастание костей мелкого рогатого скота (овец) и лошадей. В азано-беденских курганах появляются мощные деревянные конструкции и повозки, «что совершенно нехарактерно для памятников куро-аракской культуры и не вяжется с оседло-земледельческим характером хозяйственного уклада». В поздних слоях куро-аракских поселений Грузии исчезают роговидные очажные подставки — атрибут культа быка; глиняные фигурки быков заменяются фигурками овец и собак, происходит значительное скопление различных антропологических типов¹⁶⁸, значит, налицо расселение нового этнического элемента.

Исследователи отмечают, что богатый инвентарь в курганах, повозки и кости лошадей, обилие украшений и оружия и прочее скорее всего свидетельствуют о новом этнокультурном клине кочевых племен в среду древнейших оседлых земледельцев. Местом формирования этого пришлого этноса ученые, по-видимому, считают юго-западную часть Армянского нагорья, населенного, согласно письменным источникам, кочевыми племенами хурритского происхождения¹⁶⁹. С этим отлично обоснованным тезисом легко можно согласиться, только хотелось бы обратить внимание на тот факт, что курганный

обряд, войлок, срубы, кости лошади и т. п. не имеют истоков в древнейших земледельческих культурах на юге и юго-западе от Кавказа, в т. ч. в культуре куро-аракских племен. Все это позволяет предположить участие в упомянутой катастрофе куро-аракских поселений и племен, носителей курганной культуры, нахлынувших в Закавказье с Северного Кавказа именно в тот период.

Итак, в поисках историко-культурного объяснения того факта, что в древнейшем для Северного Кавказа Нальчикском могильнике 10 % погребенных были носителями древнеямной культуры, мы совершили путешествие на прародину этой культуры. Выяснили, что ее основные черты — курганная насыпь, деревянный накат над просторной погребальной ямой, стены которой укреплялись бревнами, плахами, а дно устилалось войлоком, камышом, корой дерева, подстилкой из органических элементов; специфический инвентарь — яйцевидные, круглодонные сосуды с бессистемными насечками, костяные поделки, характерные ножи и т. п. Родиной этой культуры являлись просторы междуречья Волги и Урала. Отсюда она распространялась через Среднюю Азию к Алтаю посредством афанасьевской культуры, на юг к Приаралью, где обитали племена кельтеминарской неолитической культуры, больше тяготевшие к северным Приурало-Прикаспийским степям, нежели к земледельческой культуре Анау на юге Туркмении. Столкновение и синкретизм степной кочевнической и южной оседло-земледельческой культур нашли здесь отражение на Заман-бабинском могильнике, отражающем и антропологическую разницу в составе населения, оставившего этот могильник.

В своем движении на север и северо-запад курганная культура достигла Среднего Поволжья и на рубеже III—II тыс. до н. э. отразилась на культуре балановских племен атли-касинского этапа.

На западе курганная культура и ее этнокультурный «паспорт» — курганная насыпь — пришли в столкновение в низовьях Дона с восточной периферией поздне-трипольской среднестоговской культуры. Во второй половине III — начале II тыс. до н. э. курганная культура стала одним из составных компонентов среднеднепровской культуры лесостепей Восточной Европы.

В своем движении на юг и юго-запад «древнеямники», или носители курганного обряда, огромной массой

захлестнули Приманычские степи, а оттуда началось интенсивное освоение ими предгорий Кавказа. Знакомство с богатейшей металлургической базой Кавказа и прилегающими цивилизациями Закавказья, а через них и с культурно-экономическими достижениями Передней Азии, способствовали быстрому обогащению нарождающейся патриархальной аристократии, вышедшей на историческую арену в результате выделения пастушеских племен и сосредоточения в руках патриархальных вождей огромных богатств, состоящих прежде всего из несметных стад, которые требовали таких же огромных пастбищных угодий. Патриархальная знать и племенные вожди еще более обогащались за счет переднеазиатского импорта драгоценностей, оружия, украшений. Этот процесс наглядно отражен в богатейших курганах Прикубанья и других районов Северного Кавказа.

На позднем этапе майкопской культуры, в самых последних веках III тыс. до н. э., носители курганной культуры стали интенсивно продвигаться к востоку вплоть до Дербентского прохода. Именно в этот период, как отмечалось, курганы, совершенно чуждые Южному Кавказу, впервые появляются в Закавказье. Здесь они приходят в столкновение с племенами куро-аракской культуры оседлых земледельцев. Вместе с курганами сюда проникают ранее неизвестные археологические детали и инвентарь:

- погребальные срубы;
- войлочные, камышовые подстилки;
- деревянная утварь;
- специфическая керамика и т. д.

Все эти факты, составляющие выразительный археологический комплекс этнокультурного облика, свидетельствуют об осязаемом этническом внедрении степняков на территорию Южного Кавказа. В свете этих данных вряд ли правы авторы, усматривающие этнические перемещения в эти периоды, особенно в майкопское время, именно с юга на север Кавказа. Для них вряд ли окажутся надежной опорой только лишь предметы искусства, украшения и оружие, совершенно не подкрепленные ни погребальным обрядом, ни керамикой, не находящие истоков на юге Кавказа. Вряд ли можно в погребальном обряде считать веским аргументом скорченное положение умерших и подсыпку из красной

охры, которые являются конвергентными элементами чуть ли не по всему Старому Свету, символизирующие внутриутробное положение человека перед рождением, которое он должен был, по представлению древних, приобрести и после смерти в утробе земли, а также очистительную силу огня в образе красной охры. Искать за этими фактами этнические перемещения — значит впадать в безграничные ошибки.

На определенном этапе развития племени куро-аракской культуры, возможно, подверглись двойному удару: с юго-запада Армянского нагорья и с севера Кавказа. Иначе трудно объяснить появление курганной культуры в Закавказье и южнее.

Проникновение через Закавказье в Восточную Анатолию незадолго до III тыс. до н. э. «культуры чужеродного облика, не местного характера», отличающейся наличием курганной насыпи, погребальной камеры, перекрытой деревом, восточной ориентировки усопших, наличием костей лошади и пр., отмечали М. М. Уинн, Ш. Бекенаи в районах Корук-тепе, Норсун-тепе, Тепесик и др. По их мнению, эта культура, не имеющая местных истоков, не фиксируемая в прежних анатолийских памятниках, свидетельствует об инфильтрации нового населения в эти районы в конце энеолитического периода¹⁷⁰.

Продвижение «курганников» в Восточную Анатолию, вероятно, не могло не вызвать соответствующих этнокультурных изменений в данном регионе. Такое предположение оправдано не только упомянутыми новациями в самой Анатолии, но и раскопками Леонарда Вулли в долине Амур на северо-западе Сирии у подножий гор Аманус и сопредельной турецкой провинции Хатай. По его наблюдениям, черная, груболепная и неорнаментированная керамика в этот период появляется на поселениях северо-запада Сирии, а на юге Сирии и Палестине такой керамики нет. Этот факт приводит Вулли к выводу о том, что «самые ранние поселенцы пришли на равнину Амур и к подножию Амануса с севера, возможно, с нагорий Анатолии; они явно отличаются по происхождению и культурным традициям от своих южных соседей. Вся история этого района свидетельствует: развитие Алалаха (древнейшего города в долине Амур. — И. М.) шло под влиянием севера»¹⁷¹. В этих племенах, нахлынувших с се-

вера в долину Амука в конце IV тыс. до н. э., Вулли видит представителей племен хербет-керакской керамики (а по его мнению, это были хетты.— И. М.), продвинувшихся в Анатолию с Южного Кавказа, а оттуда массой переселившихся в долину Амука¹⁷². Причину того, почему эти племена хлынули в долину Амука — на чужбину — массой, с гончарами, детьми, женами, т. е. большой миграционной волной, а не отдельной военной ордой, Вулли конкретно объяснить не может, но предполагает голод, засуху, вторжение более сильных племен. Нам представляется вполне возможным поставить в тесную связь указанные события с внезапным вторжением племен древнеямной, курганной культуры на Южный Кавказ, а оттуда в Восточную Анатолию, что послужило движению племен далее на юг в Сирию, в долину Амука. Та же картина происходит и в Месопотамии. Там период Урук (3400—3100 гг. до н. э.) был временем бурного развития и процветания, а следующий период Джемдет-нарс (3100—2900 гг. до н. э.) становится более скучным в области искусства, лишен творческого порыва, и как характеризует его Вулли: «Население в этот период, безусловно, составляли пришельцы, теми или иными способами подчинившие страну и по крайней мере поначалу не усвоившие более высокую культуру коренных жителей... Со временем они достигли определенного развития и, возможно, подготовили почву для замечательных достижений шумеров раннединастического периода»¹⁷³ (т. е. 2900—2350 гг. до н. э.).

В завершение этого экскурса есть необходимость сказать два слова о древнейших повозках. Отдавая приоритет в их изобретении «праиндийским племенам»¹⁷⁴, Н. А. Николаева и А. В. Сафронов не учли, как мне кажется, некоторые детали:

— до сих пор в Индии обнаружено ничтожно малое число повозок и их изображений;

— даже в колесничной терминологии «Ригведы» нет понятия «переднеазиатские повозки» с высокими передними бортами кузова, которые изображены на пиктограмме из Урука, на рельефах Ура, моделях из Тельхуэйра, Ульского кургана и курганов Калмыкии¹⁷⁵;

— не учтены модели из культуры Анау, балановской культуры, повозки из Приморского Дагестана, Грузии, Армении¹⁷⁶;

— недостаточное внимание обращено на такой

факт — повозки Восточной Европы и Кавказа обнаружены исключительно в подкурганых захоронениях, которых в Индии не было ни до, ни после индо-арийского вторжения, как не было их и в других районах Старого Света до распространения древнеямной культуры и курганов.

Не потому ли модели и изображения повозок обнаруживаются именно там, где археологи не знают самих повозок, и наоборот, там, где имеются массовые находки повозок, там нет изображений их моделей и прорисовок. Такими воображаемыми, фантастическими были, например, изображения повозок на каппадокийской цилиндрической печатке с впряженными в нее крылатыми львами; или на пиктограмме из Урука, где изображены не то сани, не то лодки с юртообразными кабинами над кузовами. Если же исходить из изображений или описаний отдельных предметов в изобразительном искусстве и литературе цивилизованных стран, то нетрудно объявить первооткрывателями или создателями повозок хунну или скифов не самих создателей, а китайцев и греков, с восторгом писавших об этих повозках или домах на колесах и изображавших их.

Движение памятников ямной культуры с запада Европы на восток без целенаправленного насилия над фактами проследить невозможно, потому что курганов, в которых встречены исключительно все известные восточноевропейские повозки, нет ни в Юго-Западном Причерноморье, ни в Прикарпатье, ни на Балканах. Ямные памятники движутся в Западную Европу вместе с курганами из междуречья Волги и Урала. Обнаруженные западнее Буга отдельные предметы ямного происхождения не могут играть существенной роли. В процессе межплеменных контактов в степных просторах эпохи развитого подвижного хозяйства такие предметы имеют, как отмечалось, и свои «ноги», легко переходят из рук в руки на далекие расстояния от места своего изобретения. Достаточно вспомнить древний кавказский металл или средневековые китайские шелка, обнаруживаемые далеко за пределами Кавказа и Китая. Разве подобные явления могут говорить об этнических перемещениях? Для этого обязательно подкрепление отдельных находок стойким этническим определителем — погребальным обрядом. Недаром, говоря об инфильтрации древнеямни-

ков в глубину инокультурных территорий, Н. Я. Мерперт пишет: «Гут уж можно говорить о конкретных данных. И к числу их следует прибавить один из основных объединяющих признаков древнеямников — курганный обряд»¹⁷⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. С. 79 сл.; Археология СССР. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 328; Шилов В. П. Модели скотоводческого хозяйства в степных областях Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // СА. 1975. № 1. С. 5.

² Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 30, 105.

³ Кривцова-Гракова О. А. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА. М., 1962. Вып. 115. С. 6—9; Она же. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. М., 1955. Вып. 46. С. 14—15.

⁴ Энеолит СССР ... С. 322.

⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Госполитиздат, 1950. С. 164—165.

⁶ История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции М.: Наука, 1966. Т. 1. С. 96—97. (Далее: История СССР...)

⁷ Энеолит СССР... С. 323.

⁸ Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 13, рис. 1: Энеолит СССР... С. 326.

⁹ Энеолит СССР... С. 326.

¹⁰ Толстов С. П. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической географии // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1960 года. М.: Наука, 1961. С. 13.

¹¹ Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949. С. 73.

¹² Косарев М. Ф. О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западную Сибирь // СА. 1972. № 4. С. 26.

¹³ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. С. 37.

¹⁴ Мизиев И. М. О создателях майкопской культуры // СА. 1990. № 4. С. 131—136.

¹⁵ Чайлд Г. Указ. раб. С. 117 сл.

¹⁶ Окладников А. П. Рецензия на книгу «В. М. Массон. Средняя Азия и древний Восток» // СА. 1968. № 1. С. 300.

¹⁷ Массон В. М. Средняя Азия и древний Восток. М.; Л., 1964; Энеолит СССР... С. 12—14.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Энеолит СССР... С. 82. Табл. XVI.

²⁰ Там же... С. 56—58; Сараниди В. И. Геоксюрский некрополь // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 103, 105.

²¹ Энеолит СССР... С. 60—62.

²² История СССР... С. 68.

²³ Всемирная история. Т. 1. М., 1956. С. 233.

²⁴ История СССР... С. 69.

- ²⁵ Всемирная история. С. 233; *Грязнов М. П.* О кельтеминарском доме // Новое в советской археологии. С. 99—102.
- ²⁶ *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1. С. 156—157.
- ²⁷ *Чернецов В. Н.* К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 51.
- ²⁸ История СССР... С. 70.
- ²⁹ Энеолит СССР... С. 327; *Шилов В. П.* Указ. раб.
- ³⁰ Там же; *Мелентьев А. Н.* Памятники неолита Северного Прикаспия // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1971. С. 13—14; *Окладников А. П.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды Южно-Туркменской археологической экспедиции. 1956. Т. 7. С. 213—215; *Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев, 1969. С. 181—183.
- ³¹ История СССР... С. 144.
- ³² Там же. С. 71.
- ³³ Там же. С. 143—144; *Киселев С. В.* Бронзовый век // Новое в советской археологии... С. 54.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Киселев С. В.* Указ. раб. С. 56; *Аскарлов А.* Культура Заманбаба в низовьях Зеравшана // Общественные науки в Узбекистане. 1962. № 11. С. 60—62. Рис. 1; *Клейн Л. С.* Прототипы катакомбных курильниц и проблемы происхождения катакомбной культуры // Археологический сборник. Вып. 8. М.; Л.: Советский художник, 1966.
- ³⁶ *Клейн Л. С.* Указ. раб. С. 7.
- ³⁷ Там же. С. 9—10.
- ³⁸ Там же. С. 10—12.
- ³⁹ *Киселев С. В.* Указ. раб. С. 56; История СССР... С. 144.
- ⁴⁰ *Киселев С. В.* Указ. раб. С. 56.
- ⁴¹ Всемирная история... С. 233; История СССР... С. 104; Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 50.
- ⁴² *Мерперт Н. Я.* Указ. раб. С. 145.
- ⁴³ *Потемкина Т. М.* Работы Тоболо-Иртышского отряда // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 273; Энеолит СССР... С. 329.
- ⁴⁴ *Сухачев Н. Л., Хлопин И. Н.* Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы // ВДИ. 1988. № 1. С. 223.
- ⁴⁵ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1950; Энеолит СССР... С. 330.
- ⁴⁶ Цит. по: *Шилов В. П.* Модели скотоводства... С. 5.
- ⁴⁷ *Хлобыстина М. Д.* Древние могильники горного Алтая // СА. 1975. № 1. С. 17 сл.
- ⁴⁸ Там же. С. 18; *Смирнов К. Ф.* Древние курганы у с. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. М., 1959. Вып. 60. С. 307; *Он же.* Быковские курганы // МИА. М., 1960. Вып. 78. С. 235.
- ⁴⁹ *Хлобыстина М. Д.* Указ. раб. С. 24—25.
- ⁵⁰ Там же. С. 20, 32—33.
- ⁵¹ Всемирная история. С. 233.
- ⁵² Народы Сибири... С. 50; *Кызласов Л. Р.* Древнейшие орудия... С. 168.
- ⁵³ Народы Сибири... С. 52.
- ⁵⁴ Всемирная история... С. 234.

- 55 Киселев С. В. Бронзовый век... С. 58.
 56 Народы Сибири... С. 52.
 57 Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б. Афанасьевская культура // История Сибири. Л., 1968. С. 165; Энеолит СССР... С. 330.
 58 Энеолит СССР... С. 331.
 59 Третьяков П. Н. Финно-угры... С. 37.
 60 Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 63—66.
 61 Киселев С. В. Указ. раб. С. 47; Третьяков П. Н. Указ. раб. С. 83—84; История СССР... С. 134.
 62 Там же.
 63 Третьяков П. Н. Указ. раб. С. 87.
 64 Там же. С. 84; Киселев С. В. Указ. раб. С. 47—48.
 65 Киселев С. В. Указ. раб.
 66 Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части в неолитическую эпоху. М., 1952. С. 94; Третьяков П. Н. Указ. раб. С. 87—88.
 67 Третьяков П. Н. Указ. раб. С. 87, 91.
 68 Там же. С. 84—86.
 69 Артеменко И. И. Среднестоговская культура // СА. 1963. № 2. С. 35; Третьяков П. Н. Указ. раб. С. 77.
 70 Третьяков П. Н. Указ. раб. С. 84—87.
 71 Там же. С. 89.
 72 Там же. С. 90; Киселев С. В. Указ. раб. С. 49; Бадер О. Н. Могильник в урочище Карабай близ дер. Баланово в Чувашии // СА. 1940. Вып. 4.
 73 Бадер О. Н. Балановская культура // СА. 1961. № 4; Халиков А. Х. Балановские памятники Татарии // КСИА. 1964. Вып. 97.
 74 Акимова М. С. Антропологический тип населения фатьяновской культуры // Труды института этнографии АН СССР. М., 1947; Т. 1. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу // Труды института этнографии АН СССР. М., 1955. Т. 28. С. 477—519; Третьяков П. Н. Указ. раб. С. 88—89.
 75 Бадер О. Н. Балановская культура... С. 65.
 76 Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 10 сл.
 77 Там же. С. 23—24, 59.
 78 Бадер О. Н. У истоков финно-угорской культуры в Восточной и Северной Европе // Тезисы докладов и сообщений археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. М., 1966; Брюсов А. Я. Восточная Европа в III тыс. до н. э. // СА. 1965. № 2; Он же. Проблема происхождения культур каменного века в Северной части Европейской части СССР // СА. 1968; № 4; Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969; Студзицкая С. В. Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху палеолита и ранней бронзы // Экспедиции ГИМа. М., 1969.
 79 Акимова М. С. Палеоантропологический материал из Балановского могильника // Бадер О. Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963; Эпоха бронзы лесной полосы. С. 82.
 80 Эпоха бронзы... С. 78, 82.
 81 Третьяков П. Н. Указ. раб. С. 91.
 82 Там же. С. 94; Киселев С. В. Указ. раб. С. 50.

⁸³ Телегин Д. Я. Основные черты хронологии среднестоговской культуры эпохи меди // Доклады советских археологов на VII Международном конгрессе доисториков. М., 1966; Бибикова В. Н. Из истории голоценовой фауны позвоночных в Восточной Европе // Природная обстановка и фауны прошлого. Киев, 1963. С. 130.

⁸⁴ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. С. 247; Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы... С. 101, 141.

⁸⁵ Энеолит... С. 425.

⁸⁶ Цалкин В. И. Указ. раб.; Мерперт Н. Я. Указ раб. С. 105.

⁸⁷ Энеолит... С. 326.

⁸⁸ Артеменко И. И. О памятниках раннего этапа среднестоговской культуры // КСИА. М., 1963. Вып. 93. С. 38—48.

⁸⁹ Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 79, 141.

⁹⁰ Там же. С. 141.

⁹¹ Там же. С. 140.

⁹² ОАК за 1901 год. СПб., 1903. С. 67; ОАК за 1902 год. СПб., 1904. С. 19; ОАК за 1903 год. СПб., 1906. С. 70; Иессен А. А. К вопросу о древних связях Северного Кавказа с западом // КСИИМК. Вып. 16. 1952. С. 48.

⁹³ Бетровоз Р. Ж. К древней истории племен Центрального Кавказа. Нальчик, 1982. С. 26.

⁹⁴ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. С. 335.

⁹⁵ Мизиев И. М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик, 1984. С. 91—95.

⁹⁶ Мунчаев Р. М. Указ. раб. С. 324; Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. С. 140; Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я. Курганы у станции Мекенской // Древности Чечено-Ингушской АССР. М., 1963. С. 35. Рис. 15.

⁹⁷ Формозов А. А. Указ. раб. С. 140; Энеолит... С. 328.

⁹⁸ Gimbutas M. The Prehistory of Eastern Europe. Part. 1. Gembidge, 1965. P. 73.

⁹⁹ Мунчаев Р. М. Указ. раб. С. 212, 310, 316; Киселев С. В. Бронзовый век... С. 20.

¹⁰⁰ Эрдниева У. Э. Основные итоги археологического изучения Южной Калмыкии // Тезисы докладов IX Крупновских чтений по археологии Кавказа. Элиста, 1979. С. 3—4; Шнайдштейн Е. В. Погребения срубной культуры в Калмыкии // Тезисы докладов IX Крупновских чтений... С. 17; Цуцкин Е. В. О раскопках в Сарпинской низменности // Тезисы докладов IX Крупновских чтений... С. 31.

¹⁰¹ Эрдниева У. Э. Указ. раб.; Шнайдштейн Е. В. Указ. раб.; Цуцкин Е. В. Указ. раб.

¹⁰² Эрдниева У. Э. Роль контактов в древности: (По материалам археологии) // Тезисы докладов XIII Крупновских чтений по археологии Кавказа. М., 1982. С. 6—7.

¹⁰³ Сафронов А. В. Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани // Тезисы докладов X Крупновских чтений... М., 1980. С. 7—8; Николаева Н. А., Сафронов А. В. Проблемы появления колесного транспорта в Европе. Древние повозки Восточной Европы. Выделение Днепровско-кубанской культуры — культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983. С. 59.

- ¹⁰⁴ Чайлд Г. Указ. раб. С. 73, 124.
- ¹⁰⁵ Мунчаев Р. М. Указ. раб. С. 227.
- ¹⁰⁸ Бетрозов Р. Ж. Указ. раб. С. 23—26.
- ¹⁰⁷ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка, 1978. С. 21—34; Мунчаев Р. М. Указ. раб. С. 232—235.
- ¹⁰⁸ ОАК за 1899 год. СПб., 1902. С. 43; ОАК за 1904 год. СПб., 1907. С. 96.
- ¹⁰⁹ Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. I. Нальчик, 1984. С. 37—38. Рис. 7—8.
- ¹¹⁰ Там же. С. 39. Рис. 9.
- ¹¹¹ Мизиев И. М. Указ. раб. С. 95—96.
- ¹¹² Там же. С. 92, 95. Рис. 4 (11).
- ¹¹³ Там же. С. 106. Рис. 12.
- ¹¹⁴ Батчаев В. М. Погребальные памятники у селений Лечишкой и Былым // Археологические исследования... С. 125.
- ¹¹⁵ Там же. С. 145—146.
- ¹¹⁶ Там же. С. 154.
- ¹¹⁷ Там же. С. 161, 163.
- ¹¹⁸ Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х. Указ. раб. С. 49—50.
- ¹¹⁹ Там же. С. 53.
- ¹²⁰ Чеченов И. М. Вторые курганные группы у селений Кишпек, Чегем II // Археологические исследования... С. 174, 186, 239, 242, 253.
- ¹²¹ Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. М.: Наука, 1962. Вып. 100. С. 140—145.
- ¹²² Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 39.
- ¹²³ Там же. С. 40.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Там же. С. 41.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же. С. 42.
- ¹²⁸ Эпоха бронзы... С. 37—38 (карта); Чеченов И. М. Указ. раб. С. 242; Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. С. 13.
- ¹²⁹ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы... С. 54, 79.
- ¹³⁰ Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1. С. 43.
- ¹³¹ Попова Т. Б. Дольмены у станицы Новосвободной. М., 1963. С. 45.
- ¹³² Марковин В. И. К вопросу о хронологии археологических культур эпохи бронзы на территории Северного Кавказа // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982. С. 8.
- ¹³³ Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА. М.: Наука, 1960. Вып. 93. С. 106—107.
- ¹³⁴ Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974. С. 44.
- ¹³⁵ Марковин В. И. К вопросу о хронологии... С. 9.
- ¹³⁶ Марковин В. И. Дольменная культура... С. 44.
- ¹³⁷ Там же. С. 45.
- ¹³⁸ Иессен А. А. Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседании отделения исторических наук, посвященных итогам полевых исследований 1961 года. М., 1962. С. 19—21;

Марковин В. И. Дольмены западного Кавказа. М.: Наука, 1978. С. 278—281.

¹³⁹ Чеченов И. М. Указ. раб. С. 228.

¹⁴⁰ Козенкова В. И. Новые материалы по бронзовому веку Западного Предкавказья // КСИА. М., 1973. Вып. 134. С. 60—67.

¹⁴¹ Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и средневековье. М.: Наука, 1980. С. 43.

¹⁴² Там же. С. 44—45.

¹⁴³ Там же. С. 48.

¹⁴⁴ Там же. С. 54.

¹⁴⁵ Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 54, 79.

¹⁴⁶ Мунчаев Р. М. Кавказ... С. 313.

¹⁴⁷ Там же. С. 410.

¹⁴⁸ Иессен А. А. Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе // МИА. Вып. 125. М.: Наука, 1965. С. 186, 190.

¹⁴⁹ Кушнарёва К. Х. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. М.: Наука, 1973. Вып. 134. С. 11.

¹⁵⁰ Мунчаев Р. М. Указ. раб.; Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука, 1970. С. 16.

¹⁵¹ Иессен А. А. Указ. раб. С. 170, 187.

¹⁵² Там же. С. 187, 189; Мунчаев Р. М. Указ. раб. С. 312.

¹⁵³ Иессен А. А. Указ. раб. С. 168; Кушнарёва К. Х. Указ. раб. С. 12—13.

¹⁵⁴ Иессен А. А. Указ. раб. С. 184; Мунчаев Р. М. Указ. раб. С. 313.

¹⁵⁵ Мунчаев Р. М. Указ. раб. С. 313.

¹⁵⁶ Иессен А. А. Указ. раб. С. 187.

¹⁵⁷ Там же. С. 188.

¹⁵⁸ Кушнарёва К. Х., Джапаридзе О. М. Рецензия на книгу «Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века» // СА. 1978. № 1. С. 275.

¹⁵⁹ Кушнарёва К. Х. Указ. раб. С. 14; Гобеджишвили Г. Ф. Беденские курганы // Тезисы докладов пленарных заседаний Всесоюзной конференции по итогам полевых исследований археологов и этнографов в 1970 году. Тбилиси: Мацниерсба, 1971. С. 44—48.

¹⁶⁰ Там же; Кушнарёва К. Х. Указ. раб. С. 15.

¹⁶¹ Кушнарёва К. Х. Указ. раб. С. 15, 17.

¹⁶² Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н. Указ. раб. С. 170.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. С. 173.

¹⁶⁵ Там же. С. 182.

¹⁶⁶ Мунчаев Р. М. Указ. раб. С. 314—316.

¹⁶⁷ Там же; Ростунов В. Л., Наглер А. С. Об этнокультурных и социально-экономических процессах в центральном Закавказье в конце III тыс. до н. э. // Археология и вопросы хозяйственно-экономического развития Северного Кавказа. Грозный, 1987. С. 7.

¹⁶⁸ Ростунов В. Л., Наглер А. С. Указ. раб. С. 11—12.

¹⁶⁹ Там же. С. 13.

¹⁷⁰ Уинн М. М. Материалы захоронений и курганная культура в Восточной Анатолии III тыс. до н. э. // Journal of Indo-European Studies. Vol. 9. Nos. 1. (Приношу глубокую благодарность В. Л. Ростунову за информацию об этом источнике.)

- ¹⁷¹ Вулли Л. Забытое царство. М.: Наука, 1986. С. 19—20.
¹⁷² Там же. С. 26.
¹⁷³ Там же. С. 38—39.
¹⁷⁴ Николаева Н. А., Сафронов А. В. Указ. раб. С. 67—68.
¹⁷⁵ Piggott T. S. Prehistoric India Harmondsworth, 1949, fig. 32.
¹⁷⁶ Мнацаканян А. О. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан // СА. 1960. № 2. С. 139 сл.; Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Указ. раб.
¹⁷⁷ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы... С. 131.

Расселение наследников древнеямной культуры

Раскинувшаяся на огромных просторах древнеямная археологическая культура с характерными для нее курганными насыпями, изначально являвшимися явным этнокультурным «паспортом» степных кочевых племен-овцеводов Волго-Уральского междуречья, красноречиво иллюстрирует, сколь далеко в глубь веков уходят всесторонние культурно-хозяйственные, социально-политические контакты предков многих евразийских народов.

Постоянно соприкасаясь, непременно входя в самые разнообразные и тесные взаимоотношения со многими соседями, племена курганной (древнеямной) культуры на разных этапах своего развития и в разных областях смешивались с другими племенами и культурами. Повсюду происходил неизбежный, объективный исторический процесс — симбиоз и интеграция культурных и экономических навыков различных этнических групп. В результате образовывались новые этнокультурные общности с различной долей участия и доминантой той или иной культуры в этно- и генофонде, формирующей новую этнообразовательную основу. В этих культурах иногда от первоначальных «курганников» уже ничего почти не оставалось, кроме самого кургана, но уже с совершенно новым этнокультурным содержанием.

Так происходило и на далеком Алтае и в Прибайкалье, в Минусинской котловине, степях Средней Азии и Казахстана, в Приволжских и Приаральских областях, в Северном Причерноморье, на Северном и Южном Кавказе и даже в Восточной Анатолии. Однако наряду с исторически неизбежными синкретическими этнокультурными процессами в ареале распространения древнеямной культуры прослеживаются и хорошо изучены та-

кие археологические культуры, которые являлись почти прямыми ее наследниками, естественно вобравшие в себя прогрессивные культурно-экономические новшества последующих эпох. Знакомство именно с этими культурами и их ближайшими соседями является темой настоящего раздела нашей работы.

§ 1. Наследники древнеямной культуры

В середине II тыс. до н. э. на территории от Урала до Поднепровья, от Азово-Каспийского междуморья до устьев Камы сформировалась новая археологическая культура, названная срубной. Установлено, что она генетически исходит из древнеямной культуры Нижнего Поволжья. Древнейшие ее памятники возникают именно там в XVI—XV вв. до н. э.

Недавно Н. К. Качалова выделила в Заволжье первый стратиграфический горизонт срубных погребений — бережновский¹. Для этих погребений характерны большие прямоугольные или подквадратные ямы, обычно перекрытые мощным бревенчатым накатом. Скелет в них лежит на боку, головой на восток, в скорченном состоянии. «Инфильтрация поначалу небольших групп срубников «бережновского этапа» в конечном итоге сменилась,— пишет О. А. Кривцова-Гракова,— мощным вторжением потока ранних срубников из-за Волги, принесших свои заволжские традиции»². Часть срубников, ушедших из-за Волги, пишут специалисты, заняла Волго-Донское междуречье и двинулась в юго-западном и южном направлениях. Появление их в районах Причерноморских и Калмыцких степей достаточно убедительно документировано археологическими памятниками. Однако в южном направлении их движение из Калмыцких степей встретило плотный заслон катакомбников Волго-Манычского междуречья³.

Поселения срубников располагались на больших и малых реках, жилища были полуземляночными, стены их укреплялись бревнами. Погребальные сооружения — срубы состояли из нескольких венцов, перекрытых бревнами и бревенчатым накатом. Поверх всего этого воздвигалась курганная насыпь. От таких форм погребальных и жилых построек и происходит название самой культуры, генетически связанной с древнеямной культу-

рой⁴. В этих сооружениях явно бросается в глаза развитие древнеявного погребального обряда с применением бревен и плах при воздвижении могильного сооружения.

В некоторых курганах сооружались довольно сложные конструкции из бревен, ими обкладывалась вся курганная насыпь, нередко над могильным срубом воздвигалась двускатная крыша. Археологи предполагают, что такие курганы, вероятно, принадлежали большим патриархальным семьям, а иногда могли служить родовым кладбищем.

Большой интерес представляют поселения срубников, изученные на Дону, около Волгограда, на реке Иргиз в Башкирии, у д. Хрящевка Куйбышевской области и др. Так, на поселении у Ляпичева обнаружены остатки двадцати жилищ, три из них, как пишет А. И. Мартынов, представляли обширные, врытые в землю полуземлянки длиной 15—20 м, шириной около 8 м. Были жилища и меньших размеров, в них обнаружено по одному, реже по два очага, а вдоль стен устанавливались опорные столбы, поддерживавшие перекрытие. Внутри таких жилищ имелись перегородки из срубов, разделявших помещение на две половины. Одна половина имела коническую крышу, вторая, возможно, предназначалась для содержания скота и имела, по предположениям археологов, плоскую крышу из жердей и камыша. Такое же устройство имели жилища и на других поселениях срубников. Жилища с конической крышей напоминают отмеченные выше дома кельтеминарцев, реконструированные М. П. Грязновым.

Керамика срубной культуры преимущественно баночных форм, чаще без орнамента, ручной лепки из грубого теста, плохого обжига. Иногда она украшалась оттиском шнура, палочки или гребенки, с помощью которых на сырую глину наносили различные штрихи, треугольнички, пересекающиеся короткие линии, образующие нечто вроде крестиков.

Племена срубной культуры достигли высокого уровня металлургии меди и бронзы. Набор бронзовых орудий труда и оружия был довольно обширен. Металлических предметов в быту срубников было много. Находки в погребении бронзолитейщика у д. Калиновка Волгоградской области (две глиняные двустворчатые формы для

отливки топоров-кельтов, одна — для литья клиновидного топора, четыре орнаментированных сопла и другие вещи) являются прекрасным подтверждением сказанного тезиса об огромных успехах срубников в металлургическом деле. По словам Д. А. Авдусина, «набор бронзовых вещей в срубных памятниках велик и разнообразен». Об этом же говорят находки в погребении литейщика у г. Энгельса, в кладах у с. Бородино близ Белгород-Днестровского, у с. Князь-Григорьевка на Нижнем Дону, у с. Сосновая Маза близ Хвалынска на Волге и др. В этих памятниках обнаружено большое количество предметов, свидетельствующих о многообразии оружия, орудий труда, состоящих из бронзовых книжалов, втульчатых копий, топоров и пр., которые имели широкое распространение от Алтая до Молдавии и обнаруживают прямые аналогии на Урале, Кавказе и Сибири. Металл срубники, вероятно, получали с Урала и Кавказа. находка бронзового пояса кавказского происхождения в кладе у г. Киева является тому хорошим примером.

У племен срубной культуры было значительно развито скотоводство. Об этом говорят многочисленные находки костей домашних животных: коров, овец, лошадей, свиней. Как пишут археологи, «шерсть овец широко использовалась для изготовления пряжи и ткани. В домашнем производстве срубников широко применялись шкуры и кожи, из которых они изготовляли одежду и обувь. На поселении срубников очень часты находки орудий для обработки кож и шкур: ложила, специальные скребла, шилья, проколки для сшивания кож и шкур».

К концу срубной культуры появляются огромные курганы, свидетельствующие об исключительно высоком социальном положении погребенных в них людей. Пятнадцатиметровая высота одного из курганов в урочище «Три брата» около г. Степного поражала взор своим величием. Обнаруженные в срубных погребениях псалии, части узды и прочие принадлежности конской сбруи говорят о широкой практике верховой лошади.

В археологической науке признано, что «между срубной и скифской культурами нет принципиальных граней; не исключено, что срубные племена были местной основой последующей скифской культуры». В связи с этим тезисом очень интересно отметить, что на некото-

рых сосудах срубной культуры появляются изображения повозки с запряженными животными — лошадьми, этой специфической особенности скифов, «живущих в повозках». Так, на правом берегу р. Сухая Саратовка в небольшом курганчике высотой 40 см обнаружена могила, представлявшая прямоугольную яму с закругленными углами. Яма была перекрыта накатом деревянных бревен. Скелет лежал на левом боку головой на северо-восток, под головой и ступнями выявлены следы красной охры. На сосуде баночной формы изображена повозка с дышлом и ярмом, крытым полукруглым кузовом. Рядом с повозкой изображен шатер. К настоящему времени известно несколько сосудов срубно-андроновского ареала с изображением таких повозок с запряженными лошадьми⁵. Изображения повозок на сосудах срубников ученые справедливо сопоставляют с подобными рисунками повозок с запряженными лошадьми бронзового века на скалах Центральной Тувы, в частности на горе Сын-Чюрек, Каратау и др. Подводя итог своему исследованию, Л. Л. Галкин пишет: «Таким образом, находки в погребениях сосудов с изображениями повозок определенным образом указывают на их культовое значение, в данном случае связанное с погребальным обрядом. Эти изображения должны были заменить в погребениях реальные повозки и лошадей по известному принципу части вместо целого»⁶. Эта мысль очень продуктивна потому, что позволяет протянуть генетическую нить от реальных целых повозок в древнеямных и древнесрубных погребениях III тыс. до н. э. у упомянутых селений Утамыш в Дагестане, Бедени в Грузии, у ст. Новотитарово на Кубани. Вместе с тем можно вспомнить, что повозки и их изображения в древней Передней Азии встречались только исключительно в нескольких царских гробницах, что разительно отличается от довольно бедных и невысоких рядовых курганов срубников и ямников. Этот факт никак не позволяет утверждать, что беднейшие кочевники переняли обряд погребения царских гробниц Передней Азии.

Теперь нам важно рассмотреть, каково было соседство и этнокультурное окружение срубников — наследников древнеямной культуры на просторах Евразийских степей и в сопредельных областях древнего мира.

§ 2. Соседи древнеямников и срубников на востоке и юго-востоке

Как уже отмечалось, на востоке и юго-востоке от древнеямной историко-культурной области в Минусинской котловине и степях Центрального Казахстана была распространена генетически тесно связанная с древнеямной, но имеющая и свои особенности, синстадиальная, т. н. афанасьевская культура ранней бронзы⁷. Мы уже указывали, что между носителями этих культур наблюдается большое сходство в материальной культуре, погребальном обряде, проявляется антропологическая близость, что и позволяет исследователям говорить о ямно-афанасьевской общности. В отличие от восточных племен, носителей прибайкальской неолитической культуры и антропологического типа, характеризующегося явно выраженной монголоидностью, западные афанасьевские племена прежде всего сближаются с волжско-уральскими европеоидными племенами, т. е. с ямниками.

По утверждению М. П. Грязнова, Э. Б. Вадсцкой и др., афанасьевцы в антропологическом и культурном отношении представляют собой крайнюю восточную ветвь европеоидных племен Восточной Европы⁸. Появление того же «афанасьевского типа» на территории Монголии позволяет Н. Я. Мерперту предполагать далекие вторжения отдельных афанасьевских групп, хотя этот вопрос, как и общая проблема границ афанасьевских племен, далеко не ясен⁹. Но тем не менее весь археологический комплекс свидетельствует о миграции афанасьевцев на восток из Приуралья, т. е. с прародины древнеямников. Именно поэтому А. П. Окладников считает, что афанасьевская культура изначально чужда местному неолиту и генетически связана с западом, т. е. с древнеямной историко-культурной областью. В. П. Алексеев, исходя из того, что в афанасьевской культуре есть черепа долихокранные и черепа с монголоидной примесью, считает последние остатком местного населения, а долихокранные, доходящие до тождества с населением древнеямной культуры, связывает с процессом медленного продвижения европеоидов, т. е. «ямно-афанасьевцев» из Европы на Восток. Таким образом, об отсутствии генетической связи афанасьев-

ской культуры с местным восточным неолитом Приалтайских степей и Минусинской котловины свидетельствует и антропология.

Ученые предполагают, что процесс окончательного формирования афанасьевцев, очевидно, связан со степями Алтая и Минусинской котловиной, куда они переселились в предшествующие века. И в то же время стабильное бытование в обеих культурах единых специфических форм этнокультурного и хозяйственно-экономического облика «свидетельствует о едином их источнике — в данном случае, как уже отмечалось, прикаспийской части среднеазиатского очага производящего хозяйства. Близость антропологического типа является весьма серьезным индикатором общности происхождения как афанасьевцев, так и древнейших групп, позволяет говорить об общей их подоснове, которая предшествовала окончательному формированию распространенных культурных феноменов»¹⁰. Исходя из всего этого, «вряд ли можно считать племена афанасьевской культуры,— пишет С. В. Киселев,— потомками коренного населения Саяно-Алтайского нагорья. Их физический тип и многие особенности культуры связывают их со степным населением Восточной Европы»¹¹. Вместе с тем можно отметить, что в результате смешения в этих краях с местным населением у афанасьевцев появлялись и некоторые отличительные черты: сосуществование курганов и каменных оградок с небольшими насыпями в них, коллективные и одиночные захоронения, некоторые особенности в орнаментации сосудов, явившихся неизбежным результатом синкретизма и симбиоза местных и пришлых культурных традиций.

Известная окуневская культура Южной Сибири, носители которой уже имели явные монголоидные признаки, получила свое название по материалам раскопок С. А. Теплоухова в 1928 г., которые в 1947 г. опубликовала М. Н. Комарова¹². Позднейшие исследования А. Н. Липского и Л. Р. Кызласова показали, что эти памятники Окунева улуса являются позднеафанасьевскими и относятся к первой половине II тыс. до н. э.¹³ Памятники этой культуры представлены двумя видами: курганами и каменными оградками с небольшими насыпями. Исследователи уже обратили внимание на тот факт, что черепа с монголоидными признаками, выявленные В. П. Алексеевым, являются не афанасьевскими, как та-

ковыми, а представителями окуневской культуры поздне-афанасьевского периода, смешанные с местными племенами Южной Сибири¹⁴. Новые исследования Г. А. Максимовой вдоль Енисея (Тас-хазаа, Абакан, Черновая IV) показали, что из 114 окуневских могил только 10 были грунтовыми, а остальные каменными ящиками, размещенными в каменных оградках, внутри которых возвышался небольшой курганчик. Погребенных клали на спину с согнутыми в коленях ногами, под головой устраивали, как правило, нечто вроде «подушки», чаще всего это была плита с выемкой, реже — наклонно поставленная плита. Головой умершие обращены на запад с небольшими отклонениями¹⁵.

Поскольку обряд типично древнеямный, то обращение головой на запад, по нашему мнению, может указывать направление к прародине прибывшего в эти края населения.

Керамика в окуневских могилах — явление относительно редкое. В тех случаях, когда она есть, это банки конической формы, банки с яйцевидным дном. Узоры на них — чаще всего заштрихованные треугольники, «шахматная доска», волнистые линии, зубчатый штамп, косые насечки и т. п. В антропологическом облике окуневцев, в отличие от афанасьевцев и андроновцев, появляются монголоидные признаки, отмечает В. П. Алексеев¹⁶.

Тщательное знакомство с археологическим материалом приводит нас к выводу, что в самых восточных окраинах афанасьевско-андроновского ареала материальная культура и антропологический облик начинают меняться, а погребальный обряд еще долго сохраняет традиционно стойкие древнеямно-афанасьевско-андроновские черты. Наиболее вероятным местом, откуда могли появиться монголоидные черты окуневцев, некоторые авторы считают лесостепь к северу от Минусинской котловины.

На территории афанасьевской культуры на рубеже III—II тыс. до н. э. «в результате постепенного изменения более древней афанасьевской культуры» возникает андроновская культура, получившая свое название по материалам у д. Андрново в Хакасии в 4 км к юго-востоку от станции Крутоярской Красноярской железной дороги, около г. Ачинска. Многолетними исследованиями многих археологов установлено, что андроновская культура занимает огромные степные просторы от Алтая

и Енисея на востоке и до Урала на западе, от предгорий Тянь-Шаня до Южного Приуралья. Памятники этой культуры выявлены к западу от Абакана и Ачинска, в верховьях Оби, в степях Казахстана и Киргизии, в долинах рек Чу, Талас, у Токтогульского водохранилища, в районе Ташкента, у оз. Иссык-Куль и даже южнее на р. Ала-Бука западнее оз. Чатыр-кель. На севере андроновская культура доходит до таежной зоны Западной Сибири¹⁷. Несмотря на такую огромную границу распространения этой культуры, «наиболее старые памятники андроновцев находятся в Южном Приуралье, в Башкирии, в Северо-Западном Казахстане, в Оренбургской и Челябинской областях», — писал С. В. Киселев¹⁸. Следовательно, это была та же (примерно) территория, где в свое время зарождалась древнеямная культура.

Андроновские поселения располагались по берегам небольших речек, рядом с широкой луговой поймой. Обычно в них насчитывается до 10—20 сооружений, пишет Е. Е. Кузьмина. Дома располагались вдоль рек по одной линии, но известно и кольцевое планирование поселений с площадью в центре для загона скота. Главным строительным материалом для жилищ было дерево. По свидетельству археологов, дерево хорошо сохраняется в «домах мертвых» — в могилах андроновцев, бывших миниатюрной копией жилища живых¹⁹. Жилища строились из бревен, срубленных «в обло», «в лапу», «в перевязку», они были каркасно-столбовыми. Вдоль стен устанавливались столбы, крепившие венцы горизонтально уложенных без крепления бревен или плах. На высокие столбы, вкопанные в ряд по центру дома, опиралась балка — конек, державший поперечные стропила перекрытия. Е. Е. Кузьмина пишет, что точно такие же дома были распространены и в других культурах Евразийской степи и лесостепи — срубной и абашевской (кстати, очень близких к андроновской. — И. М.). М. П. Грязнов предполагает, что жилища андроновцев перекрывались пирамидально-ступенчатым сводом, на вершине которого оставалось отверстие-дымоход. Очень важно, что исследователи допускают происхождение киргизской юрты от этих андроновских жилищ²⁰.

Большой интерес представляет происхождение самой андроновской культуры. Одни считают, что она сформировалась первоначально на востоке в Минусинской котловине в результате постепенного изменения более

ранней афанасьевской культуры под влиянием земледельческого быта. Другие основываются на том, что андроновская культура очень близка к срубной, и, по-видимому, как пишет С. В. Киселев, обе культуры возникли в непосредственной близости друг от друга, при постоянном контакте и связях между древнейшими срубниками Поволжья и Приуралья и древними племенами андроновской культуры, наиболее древние памятники которых, как указывалось, находятся в Южном Приуралье, Башкирии, в Северо-Западном Казахстане, Оренбургской и Челябинской областях. Сходство и даже родство двух культур, по нашему мнению, несет на себе те же отпечатки тесных связей двух предшествовавших культур древнеямных и афанасьевских племен. Не исключена возможность, что срубные племена более тяготели генетически к древнеямным Волго-Уральского междуречья, а андроновцы к синстадиальной и очень близкой генетически к древнеямной — афанасьевской культуре.

«Тот факт,— пишет С. В. Киселев,— что в Приуралье в достаточно древнее время сложилась тазабагыбская культура, для которой характерны черты одновременно и андроновской и срубной культур, также как будто бы говорят в пользу древнейших связей и соседства этих двух культур». Их близость, подчеркивает авторитетный ученый, действительно очень велика²¹. Близость эта отмечается и в устройстве жилищ, и в керамике, и в погребальном обряде, и в прочем археологическом инвентаре — материальной культуре этих племен. Те же баночной формы сосуды с простым елочным и зигзагообразным узором, горшки с округлым туловом, ромбические и треугольные узоры, идущие вдоль венчиков, часто заштрихованные в шахматном порядке треугольные нарезки, спускающиеся по плечу сосудов. Такая же близость наблюдается в бронзолитейном ремесле, изделия которой «буквально не отличаются, хотя одни происходят с Дона и Донца (т. е. срубные.— *И. М.*), а другие с Тобола и Иртыша (т. е. андроновские.— *И. М.*). Эта близость продолжает наблюдаться на всем протяжении развития андроновской и срубной культур»,— писал С. В. Киселев. Наконец, поразительное сходство позднеандроновских и позднесрубных памятников, как отмечают специалисты, затем становится «характерным для раннего железного века для культуры скифов на западе и для савроматов на востоке». В связи с последним

утверждением ученых очень уместно иметь в виду, что андроновцы (как и срубники.— *И. М.*) впервые в степях востока вырастили верховую лошадь²².

В последние годы на западе территории расселения андроновских племен прослежены теснейшие связи между позднеандроновскими и савроматскими памятниками, постепенное переоформление их в типичную савроматскую культуру. «Этот процесс настолько нагляден,— писал С. В. Киселев,— что все исследователи согласны видеть в андроновских племенах Казахстана и Южного Приуралья ту этническую основу, на которой сформировались савроматские, а также, по-видимому, и сакские племена». Так как преемственность культуры последних от андроновской бесспорна, следовательно, и генетическая связь самих савроматов и саков с андроновцами вполне реальна²³.

Очень тесно связанные и генетически близкие древнеямная и афанасьевская культуры получили дальнейшее развитие в таких же тесно взаимосвязанных культурах: на западе — срубной, на востоке — андроновской, которые, в свою очередь, послужили основой образования двух близкородственных этнических групп: на западе — скифов, на востоке — савроматов и саков. Таким образом, на протяжении трех тысячелетий до н. э. мы прослеживаем двойственное — западное и восточное разделение очень близких, генетически родственных между собой этнокультурных общностей, давших в итоге две близкородственные этнические группы: скифов и савромато-сарматов и саков.

По убеждению крупнейших ученых-археологов, только на крайнем восточном ареале (точнее окраине) своего распространения, в степях Саяно-Алтайского нагорья, позднеандроновские племена подверглись ассимиляции со стороны окружавших их местных племен монголоидного облика. В результате этого здесь появляется новая карасукская культура. Антропологические исследования показывают, что в карасукских погребениях большинство людей резко отличается от предшествовавших андроновцев, а тем более афанасьевцев, которые были европеоидами. Но в то же время в карасукских могилах еще довольно часты черепа с типично европеоидными чертами, хотя большинство их уже может быть частично сравниваемо с тем физическим типом людей, который носит название памиро-ферганского, но

они близки и к выделяемому антропологами т. н. северо-китайскому типу племен, обитавших севернее бассейна Хуан-Хэ (Желтой реки).

В могилах карасукских памятников на Среднем Енисее в массе обнаруживаются бронзовые изделия — кинжалы, ножи, украшения в виде лапчатых привесок, бусы, бляхи-пуговицы, совершенно чуждые тем же андроновцам, но широко распространенные юго-восточнее в Монголии и в районах, прилегающих с севера к Великой китайской стене. Население, оставившее на Енисее карасукскую культуру конца II — начала I тыс. до н. э., имело высокоразвитое бронзолитейное дело, но вряд ли это было только результатом их южных связей. Сложение карасукской культуры оказало большое влияние на ход развития племен позднебронзового века и в бассейне Енисея в Тувинской республике, и в более западных областях Сибири. В степях Северного Алтая и в Восточном Казахстане возникли своеобразные центры, которые характеризуют не только близкая карасукская бронза, но и керамика, сходная с карасукской из Минусинской котловины Енисея²⁴. Дальше на запад проникало уже только влияние карасукских форм на андроновские и тазабагыябские племена. В Центральном Казахстане, например, это выразилось в сочетании андроновской и карасукской керамики, плоских стрел с шипом в основании втулки, проникавших сюда с востока в предскифское время (Дандыбай, Бегазы в районе Караганды, курганы Тагискена в северных Кызылкумах, в области северной дельты Сырдарьи и др.).

Изучение локальных вариантов карасукской культуры приводит исследователей к выводу о том, что у карасукских племен была большая примесь монголоидности²⁵, обнаруживаются очень серьезные и существенные афанасьевские черты, а влияние андроновцев в междуречье Тубы и Енисея почти не прослежено, их влияние весьма значительно на северо-западе Минусинской котловины²⁶. Монголоидные признаки карасукцев, вероятно, идут от окуневцев, считают исследователи. Основой создания этой культуры послужили местные саяно-алтайские племена.

В карасукской культуре необычайно богато представлены реалистические изображения головок оленей, лосей, баранов и горных козлов. Эта бронзолитейная пластика достигла особого расцвета и высокого уровня²⁷.

Подводя итог изучению карасукской культуры, С. В. Киселев устанавливает, что эта культура сложилась в результате смешения пришедших с юго-востока племен с андроновскими и другими местными племенами. Андроновский субстрат для карасукской культуры считает бесспорным и Л. Р. Кызласов. Точка зрения этих ученых²⁸ принята в советской науке, и возражений против этого не возникает.

На раннем этапе карасукской культуры (XIII—XII вв. до н. э.) ученые констатируют в числе ее создателей три этнические традиции, еще не подвергнувшиеся нивелировке: местные остатки неолитических племен с монголоидными чертами; андроновские племена, тяготевшие по своей культуре и физическому облику к западу; пришлые с юго-востока карасукские племена²⁹. Позднее смешение и синкретизм этих традиций и дают собственно карасукскую культуру развитого периода XII—IX вв. до н. э.

Таким образом, генетически тесно связанные с афанасьевцами, а через них и с культурой древнейших племен, носители андроновской культуры, имевшие также много общих этнокультурных черт и составлявшие единообразный срубно-андроновский контингент, расселились на просторах от Урала до Саяно-Алтайских нагорий. На самой восточной окраине своей ойкумены они подверглись смешению как с местными поздненеолитическими, так и пришлыми в эти нагорья с юго-востока племенами северокитайского антропологического типа. В результате складывается карасукская культура племен с заметной монголоидной примесью. Однако в карасукских погребениях, даже на ее поздних этапах, еще встречаются останки европеоидных андроновцев, проникших сюда, как отмечают М. К. Кадырбаев, А. П. Уманский, А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, А. М. Оразбаев, из центральных областей Казахстана.

В карасукскую эпоху происходит, вероятно, завершение процесса «монголоизации» антропологического типа проникших в Минусинскую котловину и Саяно-Алтайское нагорье европеоидных племен — потомков афанасьевцев-андроновцев.

§ 3. Соседи срубников и андроновцев на юге и юго-востоке

В начале II тыс. до н. э. направление стока воды Амударьи меняется — река поворачивает в Аральское море. Присарыкамьская дельта и Узбой начинают усыхать, зато Акчадарьинская дельта сильно обводняется и лишь к середине II тыс. до н. э. здесь фиксируются следы интенсивного освоения этой дельты человеком, связанного с процессом ее постепенного дренирования³⁰. На территории Акчадарьинской дельты теперь расселяются племена — носители тазабагьябской культуры, выделенной С. П. Толстовым. Эта культура сформировалась в середине II тыс. до н. э. в результате смешения культуры пришлого в эти обводненные богатые пастбищами земли срубно-андроновского населения из степей Южного Приуралья, Поволжья и Северо-Западного Казахстана с местными племенами. Поэтому ученые единогласно отмечают, что тазабагьябская культура относится к кругу срубно-андроновской культуры кочевников эпохи поздней бронзы Евразийских степей. Но тазабагьябцы вступают здесь в тесный контакт и смешиваются с южным потоком населения — носителями т. н. суяргинской культуры. Истоки суяргинской культуры прослеживаются на земледельческом юге Туркмении, а тазабагьябской — в степях к северо-западу от Приаралья и Южного Приуралья, в Оренбургских степях, где в середине II тыс. до н. э. шел процесс смешения срубных и андроновских племен. Пришельцы с северо-запада — кочевники-овцеводы и южные земледельческие племена — создали здесь тазабагьябскую культуру³¹. Смесь эту отмечают и антропологи. Многолетние работы Хорезмской экспедиции установили, что в устьях Амударьи, Узбоя, Акчадарьи вся жизнедеятельность человека зависела от капризов водного режима неустойчивых русел этих водных артерий, без которых жизнь древних местных земледельцев фактически прекращалась. Очень важно, что многолетние исследования установили, что в районах устьев названных рек «нет никаких памятников земледельческой культуры позднее II тыс. до н. э.». Это говорит о том, что прежние земледельческие племена покинули эти земли и на их место пришли в середине II тыс. до н. э. срубно-андроновские племена. И вновь на этих землях появляются недолговременные поселе-

ния-стоянки кочевников тазабагыябцев с культурным слоем всего в 3—7 см³². Все эти изменения происходили в короткие сроки и связаны, как отмечалось, с изменчивостью водного режима региона.

Исследователи допускают, что прежние заман-бабинские племена этих дельт ассимилированы андроновцами, а затем формируется из заман-баба-суяргинского и срубно-андроновского симбиоза новая тазабагыябская культура оседло-кочевого населения.

М. П. Грязнов, С. С. Черников, А. Аскарлов, М. А. Итина, С. П. Толстов — все единодушны в том, что понятие «андроновская культура включает в себя не только южносибирские степи и Казахстан, но и всю бронзу Средней Азии», подчеркивая доминирующее значение в ней скотоводческого хозяйства³³.

Тазабгагыябская культура датируется временем не позднее XIV в. до н. э., возможно, захватывая XVI—XV вв., т. е. середину II тыс. до н. э., когда коренные земледельцы покинули эти районы из-за нарушения водного режима указанных выше дельт. В конце этого периода, т. е. в последних веках II тыс. до н. э., в низовьях Сырдарьи появляются обширные территории расселения сакских племен, культура которых зиждется на тазабагыябской культуре XVI—XIV вв. до н. э. Существование этих племен было связано с периодом обводнения одного из молодых сырдарьинских русел — Жанадарья³⁴ («Новое русло». — *И. М.*).

Поскольку археологи устанавливают смену населения, наблюдается существенное изменение культуры придельтовых племен бассейна Амударьи, Узбоя и Акчадарьи, а антропологи отмечают и разницу их физического типа, а все это хронологически падает на время распространения в этих районах срубно-андроновских племен — предков сако-массагетского этноса, то нелишне будет вспомнить великого энциклопедиста Востока Аль-Бируни. Один из его капитальных трактатов был посвящен происходившим в глубокой древности геологическим процессам, в результате которых воды Амударьи несколько раз меняли свое русло, вызывая неоднократные переселения людей с его берегов. В этом трактате, целиком посвященном геологическим проблемам древнейших русел этой дельты, есть единственная фраза о смешении народов, о чем он не преминул сказать особо. Видимо, он придавал этому сообщению весь-

ма важное значение при рассказе о древнейших руслах и их истории.

Вот что он писал: «Джейхун тогда пересекал ту местность, которая теперь является пустыней... и впадал в море между Джурджаном и Хазаром. Возникли препятствия (но не указывает какие.— *И. М.*), из-за которых его вода уклонилась к краям страны гузов». Последний этноним, современный Бируни, приведен им для того, чтобы его читатели могли свободно ориентироваться в его географических суждениях. Воды реки встретили на пути гору, вода накопилась, вышла из берегов. Далее он продолжает: «Затем она повернула направо по направлению к фарабу по руслу, известному теперь под именем ал-фахми, и люди построили на берегах ее более 300 городов и селений, от которых сохранились развалины до сих пор. И встретилось этому руслу, после его начала, то же, что встретилось первому; оно запрудилось, и вода повернула налево, вплоть до земли печенегов (выделено мной.— *И. М.*) по руслу, известному теперь под названием реки Маздубаст, в пустыне, которая между Хорезмом и Джурджаном. Она затопила много местностей на долгое время и разрушила их также; жители их переселились на побережье Хазарского моря. Это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского. Потом вся вода потекла по направлению к Хорезму...»³⁵.

Поскольку Бируни в своем трактате исходил еще из описаний Птолемея, привлекал народные легенды и предания об изменении упоминавшихся русел, не может быть сомнений в том, что речь в нем идет о глубокой древности. Мы склонны сопоставить этот эпизод Бируни с описанными выше событиями и переселениями, подтвержденными археологами и относительно изменений русел, и относительно изменений в археологическом облике Акчадарьинской дельты, и относительно обнаружения в этих местах смешения двух антропологических типов. Если тазабагьябская культура, созданная симбиозом срубно-андроновских и местных племен, послужила основой сако-массагетской этнической группы, то сообщения Бируни о том, что из областей страны гузов и земли печенегов переселились аланы и асы, приобретают исключительно важное значение. Не трудно взять на себя смелость и сказать, что великий ученый, вероятнее всего, имел в виду переселение в эти края срубников

и андроновцев, вполне допустимых предков массагетов и саков, а за ними (впоследствии) и печенегов и асов, язык которых спустя много веков «теперь стал смешанный из хорезмийского и печенежского», т. е. иранского и тюркского.

Теперь несколько слов следует сказать о соотношении тазабагыябской и суяргинской культур, синкретизм которых определял этнокультурный облик среднеазиатского двуречья. Это тем более необходимо в связи с только что сказанным по поводу сведений Аль-Бируни. Открывший тазабагыябскую культуру С. П. Толстов в 1939 г. писал, что керамика ее «чрезвычайно близко напоминает керамику бронзового века Поволжья, Казахстана и Минусинской котловины, относящуюся к так называемой срубной (Поволжье) и андроновской (Сибирь и Казахстан) культурам. Она представляет своеобразный вариант бронзового века степной полосы Юго-Восточной Европы и смежных областей Азии»³⁶. Этот тезис полностью подтвержден всеми последующими исследованиями, и, более того, отсутствие генетической преемственности между тазабагыябской и неолитической культурой Хорезма, большой между ними хронологический разрыв заставляют ученых видеть истоки происхождения тазабагыябской культуры не в Хорезме, а к северо-западу от Южного Приаралья, в Южном Приуралье, Оренбургских степях, где по крайней мере с середины II тыс. до н. э. шел процесс смешения срубных и андроновских племен³⁷.

Всесторонний анализ тазабагыябской культуры приводит С. П. Толстова, М. А. Итину и других к заключению: «Итак, по всем данным наличие срубно-андроновского компонента в тазабагыябской культуре представляется нам бесспорным, и в некоторых недавно вышедших работах наша точка зрения была прямо или косвенно поддержана»³⁸. Этим же авторам принадлежит обоснование поддержанного всеми тезиса о возможном приходе племен — создателей тазабагыябской культуры с северо-запада, из Южного Приуралья, Оренбургских степей, где уже тогда был открыт ряд памятников смешанного срубно-андроновского типа³⁹. О смешении срубно-андроновских племен в названных областях пишут многие авторы⁴⁰. Из вышеназванных областей продвинулись в Акчадарьинскую дельту племени, создавшие здесь тазабагыябскую культуру в контакте с местными

племенами и совместно с продвинувшимся сюда из Северо-Западного Казахстана населением андроновской культуры. Очень важно и то, что в антропологическом материале тазабагыябской культуры в Южном Приаралье проявляется стык компонентов из южных областей Средней Азии и территории Южного Приуралья и Казахстана⁴¹. В. П. Алексеев отмечал в черепах тазабагыябской культуры примесь европеоидного типа, близкого к восточносредиземноморскому с южноземледельческими памятниками Средней Азии⁴². Наконец, следует отметить, что на одной из стоянок Тазабагыяба («Кават-3») были обнаружены кости лошади и глиняная фигурка коня, а на поселении «Кокча-15» была обнаружена глиняная модель колеса повозки⁴³.

Таким образом, пришельцы с северо-запада смешались с местными племенами. Кто же жил до этого в Южном Приаралье? Это были потомки кельтеминарцев, которые, в свою очередь, как мы уже отмечали, имели тесные связи с южноземледельческим населением. Именно это сочетание срубно-андроновских и местных позднекельтеминарских племен и дало нам то, что мы называем тазабагыябской культурой⁴⁴. И с этого времени, т. е. середины II тыс. до н. э., в Хорезме появляются новые типы жилищ: полуземлянки, резко отличающиеся от жилищ предшествовавшего времени — наземных глинобитных домов. Проникшие в низовья Зеравшана тазабагыябские племена столкнулись здесь, а затем и смешались с потомками уже упоминавшихся заман-бабинцев, также имевших в предшествующую эпоху северные и южные истоки в своей культуре⁴⁵.

Суяргинская культура была выделена в 1945—1946 гг. Хорезмской экспедицией в районе упоминавшейся кельтеминарской крепости Джанбас-кала (Правобережный Хорезм, Южная Акчадарьинская дельта)⁴⁶. Проанализировав археологический материал суяргинской культуры, С. П. Толстов пришел к выводу, что «с появлением в Хорезме нового этнического элемента, исторически связанного с югом, с областями Иранского нагорья и прилегающих стран», появляется новая суяргинская культура. Эту точку зрения разделяет и Я. Г. Гулямов⁴⁷. Суяргинская культура появляется в этих областях в начале II тыс. до н. э., т. е. за пять веков до тазабагыябской. Особенно это наглядно видно в появлении «крашеной керамики» в суяргинских памятни-

ках, что говорит, по утверждениям специалистов, об их тесных связях с переднеазиатскими культурами; племена с этой керамикой появились в Акчадарьинской дельте в начале II тыс. до н. э.⁴⁸ Существование суяргинской и тазабагьябской культур к концу II тыс. до н. э. отмечают и антропологи. Т. А. Трофимова различает два типа черепов: один андроновский и срубный, представляющий тазабагьябцев, и другой — босходящий к кругу индоиранских форм экваториальной расы⁴⁹.

Ученые единодушны в том, что «контакт между северными степными и южными земледельческими племенами сыграл огромную роль в этнической истории среднеазиатских народов»⁵⁰. Процесс смешения северных (срубных), южных (суяргинских) и восточных (андроновских) племен, вероятно, послужил сложению хорезмийской этнокультурной общности. И в связи с этим примечателен тот факт, что большинство исследователей единодушно предполагают расселение пастушеских срубно-андроновских племен в Средней Азии с севера и северо-востока Евразийских степей⁵¹. По их мнению, степные племена Средней Азии и Казахстана вошли в контакт с древними земледельцами Ирана и Туркмении, между ними установился обмен, который прослеживается и в отдельных формах сосудов, и в украшениях. «Однако, — пишут специалисты, — количество южных импортных вещей в степь очень невелико, они представлены в основном украшениями, что позволяет сделать вывод, что земледельческие народы Ирана и юга Средней Азии во второй половине II тыс. до н. э. не только не продвигались на север, в степи, но и не оказали сколь-нибудь существенного влияния на развитие степных племен»⁵². Наоборот, пишут они, расположенные в Ташкентском оазисе курганы (Янги-юл, Ореховское, у Сараагачских Минвод, Чимбулакский клад) демонстрируют типично срубные захоронения и инвентарь, отмечая крайний форпост продвижения срубных племен на юго-восток. Такого же характера памятники изучены археологами вдоль южной кромки песков Каракумов, на Мургабе, у границ с поселениями древних земледельцев позднего Анау. Можно отметить груболепную, неорнаментированную керамику с бедными геометрическими штрихами, бронзовый дротик в Бала-Ишиме, стрелу из Куин-Кую, копье, найденное близ Ашхабада, имеющие прямое происхождение из Евразийских степей; группу курганов в Патма-

сай, Каралемат-сай, в Больших Балханах, Гызылкумах, у Кызыл-Арвата и т. д.⁵³

На юге Таджикистана следы степных культур зафиксированы в Вахшской долине у совхоза им. С. М. Кирова, у Джиликульской переправы, у Кара-Бура на Вахше и на городище Саксан-Охур⁵⁴. Степное влияние ощущается и значительно южнее: «...керамика степного типа найдена в Афганистане, в нескольких пунктах на левобережье Аму-Дарьи», — пишет В. И. Сарияниди⁵⁵. В Шорутаге, в верхних слоях перекрывающих город харапской культуры, открыта керамика, сходная со степной керамикой Южного Таджикистана. Представленная в Тиллятепе лепная керамика с наклепными валиками, с косыми насечками, зашипами или спускающимися усами, пишет В. И. Сарияниди, находит многочисленные аналогии и прототипы в посуде с валиковой орнаментацией широкой зоны Евразийских степей⁵⁶. В XII—IX вв. до н. э. она характерна для культуры Ноа в Румынии, для позднесрубных памятников на Украине, в Поволжье⁵⁷. В Афганистане, Иране и Передней Азии возникающая в технике ручного наклепа орнаментация валиками не имеет истоков. Ее появление там указывает на влияние северных степных племен. Находки валиковой керамики в Малой Азии, Иране и Афганистане имеют принципиальное значение, пишут Виноградов и Кузьмина, позволяя прокорректировать хронологию степных памятников, не имеющих генезиса в местных древневосточных культурах, указывая основное направление этнических перемещений, шедших не с юга на север, а наоборот, с севера на юг. Они убеждены в том, что «движение с юга на север не подкрепляется никакими археологическими признаками»⁵⁸.

Таким образом, Южный Таджикистан выделяется в особую зону контактов южных земледельческих племен с северными степными культурами кочевых народов. И вновь нельзя не вспомнить слова Аль-Бируни о переселении в эти районы с севера и северо-востока рода аланов и асов, о смешении языков печенежского и хорезмийского. Столкновение этих культурных течений отмечают и археологи, и антропологи. Исследователи единодушны и в том, что тазабагьябская культура послужила основой формирования культуры среднеазиатских саков.

§ 4. Срубники и их соседи на Средней и Нижней Волге

Как уже отмечалось, в III тыс. до н. э. на Среднем и Нижнем Поволжье обитало население ямной культуры, которое несколько отличалось от других «ямников», или «курганников», в результате тесного общения с местными племенами и, возможно, в зависимости от благоприятных физико-географических условий, богатой флоры и фауны⁵⁹.

В Волгоградской области у с. Бережновка Николаевского района были исследованы курганы, которые позволили выделить семь стратиграфических горизонтов, представляющих ямную, полтавкинскую и срубную культуры⁶⁰. К наиболее раннему этапу срубной культуры, именуемому «бережновским», относятся слои 5, 6, 7. Картографирование бережновских курганов показывает, что они охватывали районы Саратовской, Волгоградской областей, захватывая и часть Астраханской. Погребенные в них лежат в скорченном состоянии, головой на восток. На дне могил почти повсеместно обнаружены остатки травяных подстилок, встречаются подсыпка мела, кусочки красной охры⁶¹. Погребения этого горизонта отличаются и погребальным обрядом, особенностями керамики и «классическими» образцами срубной культуры.

Н. К. Качалова пишет, что «сопоставление погребений бережновского горизонта с материалами сопредельных территорий обнаруживает весьма любопытную картину. Прямые аналогии им как по погребальному обряду, так и по керамике имеются в Оренбургской и Уральской областях. Курганные группы у сел. Белгородка, Алебастрово 1, Герасимовка содержат погребения, полностью соответствующие по сочетанию признаков бережновским»⁶².

Большой интерес представляют курганы ранних срубников у бывшего сел. Ново-Мордово в Самарском районе Татарстана, исследованные А. Х. Халиковым. Подкурганные погребения находились в грунтовых ямах с округлыми углами, содержали по одному костяку, лежавшему на спине с подогнутыми в коленях ногами, головой обращенные на восток⁶³ (т. е. типично по древнеямному обряду.— И. М.). Эти погребения по предло-

женной Н. Я. Мерпертом хронологии относятся к ранне-полтавкинскому периоду — к первой половине (возможно первой четверти) II тыс. до н. э.⁶⁴ Исследования А. Х. Халикова приводят его к выводу, что местные приказанские племена в середине II тыс. до н. э. приходят в самые тесные контакты со срубными племенами⁶⁵.

Когда речь заходит о продвижении срубных племен на Среднюю Волгу (как предполагают отдельные авторы, когда мы говорим о возможном сложении срубной культуры в этих районах), необходимо учитывать, что в середине II тыс. до н. э. упоминавшиеся выше балановские племена вынуждены были покинуть бассейн Свияги и значительную часть Сурско-Свияжского междуречья. Отсюда их, как полагают А. Х. Халиков и А. Д. Пряхин, изгнали племена абашевской культуры. По их словам, это событие нашло прямое и наглядное отражение в одном из курганов, где им удалось обнаружить братскую могилу из 27 «абашевцев», погибших в результате военного столкновения. Торчащие в костях убитых кремневые стрелы указывают, что их врагами были балановские племена. Ближе к середине третьей четверти II тыс. до н. э. абашевские племена, теснимые срубниками, покидают правобережье Волги и переселяются в Заволжье — в Волго-Вятское междуречье⁶⁶. Исследования Ю. А. Морозова у д. Старые Ябалаклы Чишминского района Башкортостана дали интересные стратиграфические наблюдения. Абашевские погребения располагались в курганах под срубными могилами. В могильных ямах прослежены обгорелые бревна, березовая кора-подстилка. Основными погребениями были абашевские, а впускными — срубные. Эти раскопки подтвердили, что в середине II тыс. до н. э. на территории Башкортостана обитали племена срубной культуры, заменившие здесь абашевцев⁶⁷.

Для абашевских племен, как и для срубного населения, характерны подкурганные захоронения, жертвоприношения животных (положение частей туши или шкуры с ногами и головой животного и др.). Могильные ямы чаще всего вытянуто-прямоугольные, имеют деревянное или каменное оформление. Умершего клали на спину с подогнутыми ногами, чаще ориентировали головой на восток. Для Волжско-Донского междуречья более характерны наличие под курганами мощных деревянных конструкций над могильными ямами, особенно накаты

из бревен. Наблюдается постепенное вытягивание ног погребенного, лежащего на спине.

В литературе существует множество предположений (И. И. Артеменко, О. Н. Евтюхова, П. Н. Третьяков, А. Х. Халиков и др.) о юго-западных истоках абашевских племен и их культуры. Чаще этногенез абашевцев связывается с ямниками (А. Х. Халиков), со среднеднепровской культурой (И. И. Артеменко, П. Н. Третьяков). Но поскольку ямники сыграли огромную этногенетическую роль в формировании среднеднепровской культуры, то эти точки зрения, в принципе, не могут противопоставляться друг другу, а лишь уточняют и дополняют одна другую. Тем более что имеется точка зрения, что абашевцы и среднеднепровцы имеют общую подоснову (О. Н. Евтюхова, Н. Я. Мерперт) и такой подосновой, естественно, служит древнеямная, или курганная, культура. Изучение протоабашевской керамики показывает ее сходные черты с ямной посудой. Поэтому исследователи справедливо полагают, что формирование абашевских племен происходило на северной окраине ямной культурно-исторической области. «И в этом плане можно усматривать,— пишут А. Х. Халиков и Д. А. Пряхин,— древнейшее родство абашевских, срубных и алакульских групп населения, далекие предки которых в той или иной степени были связаны с древнеямными племенами»⁶⁸. Для рассматриваемой нами темы весьма существенно подчеркнуть, что «отрицание генетической связи с абашевцами предшествующих по времени культур лесного Поволжья, как и отсутствие прямого наследования абашевских черт финно-угорскими культурами раннего железного века Поволжья, являются серьезным аргументом в пользу отрицания и финно-угорского этноса абашевцев»⁶⁹.

Таким образом, и на Среднем Поволжье курганная культура, получившая продолжение в абашевской и срубной культурах, не имеет ни местных истоков, ни продолжения в культурах финно-угорского населения позднейших эпох.

§ 5. Срубники Волго-Донского междуречья и Северного Кавказа

В период наивысшего расцвета и распространения срубная культура, как уже отмечалось, охватывала значительно большую территорию, чем древнеямная, являющаяся ее генетической подосновой⁷⁰. На востоке ее границей был Урал, на западе — Приднепровье и низовья Буга и Днестра, на юге — прикаспийские, северокавказские степи, берега Азовского и Черного морей и Северный Крым. На севере отдельные срубные племена, как пишет С. В. Киселев, достигали Нижней Камы и Среднего Поволжья. Как указывает О. А. Кривцова-Гракова, А. Х. Халиков, С. В. Киселев и др., первоначальная «родина» формирования древнеямной культуры и ее прямого наследника — срубной, лежала далеко не в центре очерченных границ. На определенной ступени своего развития срубные племена стали широко расселяться из области своего первоначального обитания — Нижнего Поволжья, Оренбургской области и прилегающих районов. Очень скоро они заселили берега Дона, а затем стали продвигаться к Днепру. По мнению С. В. Киселева, особого распространения эти племена достигли в XVI—XV вв. до н. э., когда они заняли ограниченную выше ойкумену⁷¹. «Расселяясь на огромной территории, срубные племена, — пишет исследователь, — сохранили поразительное единство в материальной культуре, несмотря на выявившиеся в отдельных районах локальные отличия». Этот вывод С. В. Киселева прекрасно перекликается с мнением известной исследовательницы ямной и срубной культур О. А. Кривцовой-Граковой, которая писала, что «в III тыс. до н. э. все степное пространство, начиная от Нижнего Днестра вплоть до Среднего и Нижнего Поволжья, было занято более или менее однородными племенами ямной культуры. Основываясь на обрядовых особенностях древнейших курганных погребений и в большей мере на характере керамики из этих погребений, можно предполагать, что племена ямной культуры на всем занимаемом ими пространстве относились к однородной этнической группе, распадавшейся на отдельные племена»⁷². Эти однородные племена, вероятно, и оставили те девять вариантов древнеямной культуры на том огромном пространстве, которые выделил Н. Я. Мерперт. Можно заметить, что такая одно-

родная этническая группа древнеямников породила такую же однородную этнокультурную срубную общность.

Приведенные аналогии и оценки культурного единства ямной и порожденной ею срубной культур имеют огромное значение в раскрытии истории и культуры племен Евразийских степей. Чтобы яснее представить себе археолого-культурную ситуацию Волго-Донского междуречья и Северного Кавказа в рассматриваемую эпоху, необходимо вкратце остановиться на том, что в конце III — начале II тыс. до н. э. по всему Средиземноморью распространяется т. н. катакомбный обряд захоронения в подземной камере. Обряд заключается в том, что вначале в земле выкапывали продольную или прямоугольную яму и, в свою очередь, в одной из ее стен — овальную, сводчатую камеру: катакомбу. В этой камере и производили захоронение. По этому погребальному сооружению культура получила название катакомбной. Первоначально эти катакомбы не имели на поверхности земли курганной насыпи. Особенно долго эта культура задержалась в степной полосе Восточной Европы. Восточные пределы ее распространения — это степное Поволжье, на юге — Калмыцкие степи и Северный Кавказ, где катакомбы, однако, встречаются лишь позднего времени, не ранее II тыс. до н. э.⁷³

Особенное скопление катакомбных захоронений в последние годы обнаружено в Южной Калмыкии. Здесь выявлены 1135 катакомбных захоронений. Но очень важно, что все они, как и в северопричерноморских степях, были впущены в более древние курганы, возведенные над могилами древнеямников⁷⁴. Исследователи «калмыцких» катакомб приходят к выводу, что какая-то часть ямников была вытеснена катакомбниками, а оставшаяся часть ассимилирована. А. А. Иерусалимская, Т. Б. Попова, В. И. Марковин прослеживают продвижение катакомбников в начале II тыс. до н. э. в Предкавказские степи. Причем эти исследователи улавливают закономерность: чем позже, тем дальше на юг проникают памятники катакомбной культуры, и особенно это видно по эталонному предмету катакомбной культуры, ее культурному «паспорту» — глиняной курильнице с внутренней перегородкой, небольшим поддоном или четырехчастной ножкой-подставкой различных вариаций. Важно, что в ранних памятниках северокавказской культуры развитой бронзы таких курильниц нет⁷⁵, сле-

довательно, нет особого проникновения катакомбников в Предкавказье на этом этапе. Таких курильниц нет ни в ямной, ни в срубной культурах. Особенность катакомбной культуры, ее погребального обряда, наличие специфических курильниц и прочее подкрепляются и тем фактом, что «антропологи пришли к выводу, что племена катакомбной культуры по физическому облику не являются ни потомками своих предшественников—ямных племен, ни предками сменивших ямников срубных племен, генетически связанных с ямниками»⁷⁶. Сопоставительный анализ культуры и хронологии катакомбной культуры позволяет сделать вывод, что это были племена, вклинившиеся между ямниками и их потомками—срубниками. Поэтому судьба катакомбных племен на различных территориях была различна. На одних территориях они очень рано были вытеснены или ассимилированы срубниками в XVII—XVI вв. до н. э.⁷⁷, на других, скажем, в Калмыцких степях, сами потеснили поздних ямников и смешались с ними.

Таким образом, по всей территории расселения ямников, катакомбников, срубников наблюдается симбиоз и синкретическое развитие их культур. Археологи находят очень много общих предметов их материальной культуры при соблюдении каждым из этих племен специфического погребального обряда—этого самого стойкого этнокультурного признака.

Для раскрытия темы очень важен вопрос о происхождении и первоначальной прародине катакомбного обряда погребения. Например, С. В. Киселев писал, что «только в катакомбной культуре сверленные топоры (имевшие место в трипольской и древнеямной культурах) отличаются большой дифференцированностью форм и разнообразием орнаментации. Они имеют сходство с каменными топорами, распространившимися по Средней Европе (особенно в Причерноморских областях и в Восточной Франции). Если при этом учесть, что по всей Средней Европе, от Польши и до Венгрии и Словении, встречаются погребения в катакомбах, не отделимые по своей конструкции от южнорусских, то сходство в топорах получит объяснение»⁷⁸. О. А. Кривцова-Гракова подчеркивала, что катакомбный обряд погребения в конце III—начале II тыс. до н. э. «распространяется по всему Средиземноморью»⁷⁹. Наконец, в связи с подобными заключениями, нам представляется весьма убедительным

всестороннее и глубокое исследование Л. С. Клейна, почти поставившего все точки над «і» в вопросе о происхождении катакомбной культуры. А. М. Тальгрэн, Ф. Гончар, Л. С. Клейн пришли к единодушному мнению: «Коль скоро курильницы — эти чрезвычайно оригинальные атрибуты катакомбной культуры не являются в ней наносным элементом, очевидно, что общий вопрос об истоках катакомбной культуры нельзя считать решенным, пока не будет выяснен более частный вопрос — о происхождении катакомбных курильниц». Этот частный вопрос может дать ключ к решению всей проблемы. «Исходным является тот непреложный факт,— пишет Клейн,— что на территории нашей страны — ни в ямной, ни в синхронных ей культурах Кавказа — прототипов для катакомбных курильниц нет. Курильницы эти появляются у нас только с катакомбной культурой, и при том сразу в весьма разработанной, сложной форме»⁸⁰. В связи с этим Ф. Гончар писал: «Доказательство прихода или, может быть, только прохода иноземцев тем самым налицо: напрашивается вопрос об их «откуда» и об их национальности; ожидание ответа обращено к типичной катакомбной курильнице»⁸¹. Анализ всех известных катакомбных курильниц привел Л. С. Клейна к выводу о том, что в бассейне Дуная эти курильницы появились раньше, чем у нас, хотя и там они уже были распространены в достаточно разработанном виде. Последнее обстоятельство побудило его искать прототипы этих предметов в более глубокой древности. Этот поиск приводит исследователя к неолитической кёreshской культуре Балканского полуострова, уходящего своими корнями в культуры IV тыс. до н. э. Древнего Египта, Крита, Восточной Анатолии. По мнению специалистов, последняя культура бытовала на всем протяжении IV тыс. до н. э., а по С — 14 и в течение VI — начале IV тыс. до н. э.⁸² Таким образом, скорее всего, заключает Л. С. Клейн, наши катакомбные курильницы являются поздними ответвлениями этой старой дунайской традиции. «Как бы то ни было,— продолжает Клейн,— Подунавье — это единственное место, где традиция четырехлепестковых ножек встречается с традицией внутренних перегородок у сосудов и где обе эти традиции развиваются некоторое время порознь, параллельно, на смежных территориях, и даже местами в одном и том же районе. Это значит, что именно там

и могло произойти их слияние в одну керамическую традицию, выраженную позднее в катакомбных курильницах. Только там. Предложенной трактовке вполне соответствует тот факт, что именно самые ранние (по схеме А. А. Иерусалимской) формы катакомбных курильниц стоят типологически ближе всего к дунайским прототипам»⁸³. Нелишне будет здесь упомянуть, что в число ранних прототипов курильниц Л. С. Клейн включил и заман-бабинскую курильницу из далекой дельты Акчадарьи.

Тот факт, что в донецких катакомбах, более ранних, чем северокавказские, курильницы не столь характерны, объясняется Клейном, двумя волнами миграции катакомбников — более ранней донецкой, и более поздней — северокавказской⁸⁴.

Как отмечалось, большое скопление как древнеямных, так и катакомбных погребений наблюдается в южнокалмыцких степях. Причем катакомбные погребения все без исключения являются впускными в более ранние курганы ямников. Следовательно, катакомбники наслоились на бытовавшее здесь древнеямное население⁸⁵. Но примечательно другое: в 70 курганах Верхнего Прикубанья (а точнее у станиц Усть-Джегута, Суворовская, у хутора Холоднородниковое) А. Л. Нечитайло среди 300 погребений обнаружила только 63 катакомбы бронзового века, относящиеся к XVI—XIV вв. до н. э.⁸⁶, а более чем в 170 погребениях эпохи поздней бронзы (в бассейне рек Баксана и Чегема на Центральном Предкавказье) удалось выявить только три катакомбных захоронения, впущенных в ранние курганы ямников и майкопцев. Не более десятка катакомб этого времени известны и на территории Северной Осетии в бассейне Терека. Тяготение катакомбников эпохи бронзы Северного Кавказа к верховьям Кубани и к территории Северной Осетии некоторые авторы пытаются обосновать тем, что будто бы в этих районах имелись более доступные перевальные пути через Кавказский хребет — Марухский, Клухорский, Мамисонский перевалы, Дарьяльский проход, по которым «продвижение на юг племен предкавказской катакомбной культуры могло проходить гораздо интенсивнее, чем на зонально соответствующей территории Кабардино-Балкарии, где нет подобных сравнительно легко доступных проходов через Главный хребет»⁸⁷. Этим же положением они пытаются

объяснить наибольшее скопление катакомб раннего средневековья в тех же районах верховьев Кубани и в Осетии⁸⁸. С этими утверждениями можно было бы согласиться, если удалось бы преодолеть, помимо прочего, хотя бы следующие факты:

во-первых, такие перевалы Центрального Кавказа, как Тонгуз-орун, Штулу, использовались русско-грузинскими посольствами в 1639—1693 гг., свитами Елчина, Толочанова, Захарьева, грузинских царей Теймураза и Арчила и т. д. С этой же целью был избран перевал Тонгуз-орун в 1885 г. группой М. М. Ковалевского, С. И. Танеева, И. М. Урусбиева, следовавшей в Сванетию и т. д. По этим же перевалам часто перегоняли скот балкарцы, дигорцы и сваны, о чем писали и чему были свидетели видные русские ученые Н. В. Пастухов, В. Н. Поггенполь в 1896 и 1898 гг.;

во-вторых, во время Великой Отечественной войны через перевал Тонгуз-орун на лошадях, ишаках и пешком был эвакуирован в Закавказье даже Тырнаузский вольфрамо-молибденовый комбинат с оборудованием, запасами руды и готовой продукции;

в-третьих, никакой концентрации средневековых катакомб в верховьях Кубани, на подступах к перевалам, археологическая наука не знает. Здесь до сих пор известен почти единственный катакомбный могильник Байтал-Чапкан, расположенный в зоне предгорий. А вот на Центральном Предкавказье средневековые катакомбные могильники известны у высокогорных селений Былым и Холам, отстоящих от перевалов во много раз ближе, чем Усть-Джегутинские и Байтал-Чапканские катакомбы бронзового века и средневековья;

в-четвертых, ни одной — ни бронзового века, ни средневекового времени — катакомбы археологи не знают на юге Кавказа в прилегающих к Мамисонскому, Марухскому, Клухорскому перевалам. Так что говорить о каком-то перевале через Кавказ катакомб не приходится;

в-пятых, на всем прилегающем с юга к указанным перевалам районах археологи не знают ни одной катакомбной кургильницы ни той ни другой эпохи;

в-шестых, ни в Прикубанье, ни в Северной Осетии катакомбы бронзового века так близко, как в Баксанском и Холамском ущельях, не подходят к перевальным путям⁸⁹.

Из всего сказанного напрашивается вывод: о каком продвижении катакомбников на юг через эти пути может идти речь? Специалисту по составлению археологических карт И. М. Чеченову нельзя не замечать этих очевидных фактов. Вероятно, причины здесь кроются совершенно в других событиях, которые еще ждут своего специального исследования.

Теперь вернемся к прерванному рассказу о срубниках и диффузии их культуры в Приднепровье.

С появлением срубной культуры на Украине погребения в катакомбах совершенно исчезают и их заменяют срубные погребения в грунтовых ямах, накрытых бревенчатым накатом, в ямах устроены срубы⁹⁰. Характеризуя срубную культуру на Днэце и на Кальмиусе, В. А. Городцов подчеркивал ее пришлый характер. Подобное же представление складывается, пишет, О. А. Кривцова-Гракова, при изучении погребений срубной культуры на Нижнем Днэпре. В частности, это особенно видно, продолжает она, под г. Никоподем, где появление срубных погребений произошло, очевидно, много времени спустя после катакомбников. О появлении в Приазовье и Северном Причерноморье срубной культуры извне говорит и то, что между ней и катакомбной культурой не наблюдается никаких связующих звеньев. «Перед нами,— пишет исследовательница,— два совершенно разных обряда. Ни в одной из катакомб не отмечается никаких предпосылок, указывающих на близкое появление могил со срубным или одновременным им простым могильным ям без срубов. С другой стороны, в формах могил срубной культуры отсутствуют перекрытия, указывающие на происхождение срубных могил от катакомбных сооружений. Представляется вполне очевидным, что могилы срубной культуры и связанные с ними погребальные обряды,— утверждает она,— полностью сложились еще в Поволжье и проникли в приазовские и причерноморские степи в уже вполне установившемся виде». Этот тезис она подкрепила тщательным анализом всего комплекса археологического инвентаря и погребального обряда срубных племен⁹¹.

В связи со сказанным важно учитывать, что «переход от полтавкинской культуры (позднеямной конца III — первой половины II тыс. до н. э.) к срубной совершился в Поволжье относительно быстро: при этом, не-

сомненно, не произошло никакой смены населения», — продолжает О. А. Кривцова-Гракова⁹².

По словам С. В. Киселева, О. А. Кривцовой-Граковой, как андроновцы на востоке, так и срубники в Поволжье, на Дону, Днепре, в Приазовье, Причерноморских степях широко практиковали верховую езду на лошадях⁹³. Так же широко применяли они четырехколесные повозки со сплошными колесами древнеямного типа⁹⁴. В погребениях срубников очень часты находки костей лошади, и особенно отличают эти погребения игральные кости альчики-астргалы мелких животных: овец, баранов и коз⁹⁵.

Хлынувшие из Поволжья в Приазовье и Причерноморье срубники, в своем движении на юг в направлении Калмыцких степей, а оттуда к верховьям Кубани и в Предкавказские степи, встретили плотный заслон катакомбников приманычских районов. Продвижение срубников здесь было не столь быстрым, как в западном направлении⁹⁶. Вероятно, поэтому А. А. Иессен писал, что на Маныче не встречена керамика ранних срубных форм⁹⁷.

На Северном Кавказе срубные племена археологически начинают отражаться со второй половины II тыс. до н. э. В. И. Марковин писал по этому поводу: «Со второй половины II тыс. до н. э. на Северный Кавказ начинают проникать степные племена. Это движение явилось следствием, как считают многие авторы (О. А. Кривцова-Гракова, А. Я. Брюсов), вторжения носителей срубной культуры»⁹⁸.

Как и в случае с ямниками, основным плацдармом для продвижения к предгорьям Кавказа срубникам служили южнокалмыцкие степи. В последние годы здесь выявлено более 100 срубных погребений в характерных подкурганых грунтовых ямах, облицованных деревянными плахами и бревнами. Как и в древнеямных захоронениях, в них также очень беден археологический инвентарь, а в большинстве из погребений он вовсе отсутствует. Например, достаточно сказать, что в 64 срубных погребениях, раскопанных в 1976 г., были обнаружены несколько остродонных сосудов, два медных ножа, одно шило и несколько костяных наконечников стрел⁹⁹.

Ближе к горам верховьев Кубани, по раскопкам А. А. Нечитайло, у упоминавшихся станц можно вы-

делить 8 классических срубных погребений, а в 36 могилах выявить явные черты ямно-срубного культурного облика: дерево-камышовые настилы, подстилка из камыша, коры дерева, чего никогда не бывает в автохтонных северокавказских погребениях бронзового века, или же в катакомбных захоронениях той же эпохи¹⁰⁰.

К большому сожалению, обильный материал, добытый археологами Кабардино-Балкарии за последние годы, далеко еще целенаправленно и всесторонне не изучен с целью выявления конкретного «степного» влияния на каждом этапе бронзового века региона, хотя даже современный уровень публикации материалов определенно свидетельствует о большой доле каждой из степных культур бронзового века: ямной, катакомбной, срубной и др. Так, например, Р. Ж. Бетров и А. Х. Нагоев пишут, что «в погребениях 1700—1500 гг. до н. э. уже не встречалась галечная выкладка дна могил. Это дает основание считать замену галечной выкладки подстилкой из камыша или коры новым элементом погребального обряда, возникшем в результате влияния степняков»¹⁰¹. Это влияние степняков в данном случае можно конкретно объяснить лишь влиянием срубников, так как катакомбники или автохтонные племена этого не делали.

Срубно-катакомбный синкретизм наблюдается в одном из курганов у сел. Кишпек, где исследователи обнаружили типичный сруб в катакомбе¹⁰². В том же кургане выявлены и другие элементы срубной культуры — следы деревянной обкладки погребальной ямы¹⁰³. Ножи срубного типа были найдены в курганах у сел. Шалущка, Чегем I и на высокогорном плато у сел. Былым¹⁰⁴.

Весьма важно, что археологические исследования в окрестностях высокогорного сел. Былым выявили следы срубной культуры не только по отдельным предметам, но и обнаружили остатки срубного жилища¹⁰⁵, которые в позднейшем являются на Кавказе специфической особенностью этнографической традиционной культуры карачаевцев и балкарцев¹⁰⁶.

Таким образом, можно подчеркнуть, что в высокогорном районе сел. Былым, в непосредственной близости от широко популярного в истории перевала Тонгуз-орун, археологически прослежены вообще самые высокогорные памятники ямной, катакомбной, срубной степных куль-

тур, что уже само по себе не может не привлечь пристального внимания исследователей древней истории Северного Кавказа.

* * *

Рассмотренный в этом разделе материал показал, что потомки двух генетически родственных древнейшей и афанасьевской культур — срубники и андроновцы составили такую же близкородственную этнокультурную общность, как и их предшественники.

На крайнем восточном ареале своей ойкумены андроновцы вклиниваются в среду поздненеолитических и позднебронзовых племен Саяно-Алтайского нагорья, сталкиваются здесь с потоком племен с монголоидными признаками, шедшими из глубины Юго-Восточной Азии. Симбиоз андроновской и восточных культурных течений создал здесь т. н. карасукскую культуру поздней бронзы и раннего железа. Ученые предполагают, что процесс «монголоизации» андроновцев завершился в карасукское время. Но в карасукских погребениях еще долго встречаются типично европеидные черты. Карасукская культура послужила основой формирования культуры алтайских племен предскифского и скифского периодов.

В южном направлении срубные племена совместно с андроновцами, проникшими в дельты Амударьи, Акчударьи и Узбоя с северо-востока, из Казахстанских степей, создали вместе с местными племенами — потомками кельтеминарцев и заман-бабинских племен т. н. тазабагьябскую культуру. В этой культуре явно прослеживаются и культурные, и антропологические смещения двух культурных течений: с севера и северо-востока степной срубно-андроновской и с юга — земледельческой суяргинской культуры. Тазабагьябская культура послужила основой формирования культуры среднеазиатских саков.

В направлении на Среднюю Волгу срубники наслонились на более ранних потомков древнейшей культуры — на абашевские племена.

В Волго-Донском междуречье, в степях Приазовья и Северного Причерноморья срубники сталкиваются с катакомбниками, пришедшими сюда с запада. С появлением срубников катакомбники исчезают из этих районов.

В южнокалмыцких степях срубники также сталкиваются с катакомбными племенами Предкавказья и из этого плацдарма проникают в верховья Кубани и высокогорные районы Центрального Кавказа.

Рассмотренный материал приводит к достаточно четкому и однозначному выводу, что в процессе своего развития курганная культура вклинивалась: на севере в культуру финно-угорских племен; на далеком востоке в культуру монголоидных племен; на юге в среду исконно земледельческих племен юга Туркмении, Иранского нагорья и Афганистана; на западе в культуру земледельцев восточных окраин трипольской культуры; на юго-западе курганники вклиниваются в многоликую, разноэтническую среду кавказских племен и отсюда проникают на Южный Кавказ и далее в Восточную Анатолию и Переднюю Азию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Качалова Н. К. Бережновский горизонт культуры Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья и Приаралья. Куйбышев, 1976. С. 60.

² Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. М., 1955. Вып. 46. С. 20.

³ Иессен А. А. Раскопки курганов на Дону в 1951 году // КСИИМК. М., 1954. Вып. 53. С. 73—74.

⁴ Кривцова-Гракова О. А. Указ. раб. С. 15 сл.

⁵ Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972. С. 47. Рис. 13; Галкин Л. Л. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из саратовского Заволжья // СА. 1977. № 3. С. 189—195. Рис. 7 (1—3).

⁶ Галкин Л. Л. Указ. раб. С. 195.

⁷ История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. С. 146; Киселев С. В. Бронзовый век... С. 58.

⁸ Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б. Афанасьевская культура // История Сибири. Л., 1968. С. 165.

⁹ Энеолит СССР... С. 330.

¹⁰ Там же. С. 331.

¹¹ Киселев С. В. Указ. раб. С. 57—58.

¹² Комарова М. Н. Погребения окучевского улуса // СА. 1947. № 4. С. 47.

¹³ Максименков Г. А. Окуневцы в Южной Сибири // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 173.

¹⁴ Иванова Л. А. Некоторые проблемы изучения афанасьевской культуры // Тезисы ИЭ ЛО за 1966 г. М., 1967. С. 21—22.

¹⁵ Максименков Г. А. Указ. раб. С. 169.

¹⁶ Алексеев В. П. Палеоантропология Саяно-Алтайского нагорья

- в эпоху неолита и бронзы // Антропологический сборник. Т. 3. Труды ИЭ. Новая серия. Т. 71. М., 1961. С. 107; *Он же*. О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры // СЭ. 1961. № 1. С. 116.
- ¹⁷ Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. С. 32, карта; *Киселев С. В.* Указ. раб. С. 58.
- ¹⁸ *Киселев С. В.* Указ. раб. С. 58; История СССР... С. 146.
- ¹⁹ Кузьмина Е. Е. Указ. раб. С. 43—44.
- ²⁰ Там же. С. 5.
- ²¹ *Киселев С. В.* Указ. раб. С. 58.
- ²² Там же. С. 59.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 60; История СССР... С. 146—148.
- ²⁵ *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 82.
- ²⁶ *Новгородова Э. А.* Локальные варианты карасукской керамики // Новое в советской археологии... С. 186.
- ²⁷ История СССР... С. 148.
- ²⁸ *Киселев С. В.* Карасукские могильники, раскопанные в 1929—1932 гг. // СА. 1937. С. 162; *Он же*. Семантика орнаментации карасукских стел // ИГАИМК. М.; Л., 1933. Вып. 100. С. 280; *Кызыласов Л. Р.* Карасукский могильник Хара-хая // СА. 1971. № 3. С. 185.
- ²⁹ *Сорокин С.* Андроновская культура // САИ. 6—3—2. С. 15; *Киселев С. В.* Указ. раб.
- ³⁰ *Итина М. А.* Проблемы археологии Хорезма: (К 40-летию Хорезмийской экспедиции) // СА. 1977. № 4. С. 45.
- ³¹ *Итина М. А.* Древнехорезмийские земледельцы // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 75—76.
- ³² Там же. С. 78.
- ³³ Там же. С. 85.
- ³⁴ *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 136; *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII—V вв. до н. э.: (По материалам Уйгарака) // Труды Хорезмийской экспедиции. 1973. Т. 8; *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сыр-Дарьи: (По материалам Тагискена) // СА. 1966. № 2. С. 151 сл.; *Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 197.
- ³⁵ *Волин С.* К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1. С. 194.
- ³⁶ *Толстов С. П.* Древнехорезмийские памятники Каракалпакии // ВДИ. 1939. № 1. С. 174—176.
- ³⁷ *Итина М. А.* О месте тазабагыябской культуры среди культур степной бронзы // СЭ. 1960. № 2. С. 63.
- ³⁸ Там же. С. 68; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964. С. 131; *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы Средней Азии // Памятники камешного и бронзового веков Евразии. М., 1964. С. 154.
- ³⁹ *Смирнов К. Ф.* Проблемы изучения ранних сарматов // СА. 1957. № 3. С. 7.
- ⁴⁰ *Сальников К. В.* Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // АЭБ. Уфа, 1964. Т. 2. С. 9; *Смирнов К. Ф.* Савроматы... С. 178—179; *Он же*. Состояние и задачи археологического исследо-

вания Оренбургской области // АЭБ. Т. 2. С. 18; *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Погребения эпохи бронзы Новокуманского могильника // КСИИМК. 1964. Вып. 101. С. 136.

⁴¹ *Гинзбург В. В.* Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // МИА. М., 1962. Вып. 120. С. 196.

⁴² *Алексеев В. П.* Антропологический тип населения западного распространения андроновской культуры // Научные труды Ташкентского госуниверситета, Ташкент, 1964. Вып. 235. С. 22.

⁴³ *Итина М. А.* Указ. раб. С. 71.

⁴⁴ Там же. С. 72.

⁴⁵ Там же. С. 78.

⁴⁶ *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 77—78; *Он же.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 348.

⁴⁷ *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957. С. 51—54.

⁴⁸ *Толстов С. П., Итина М. А.* Проблемы суяргинской культуры // СА. 1960. № 1. С. 15, 21.

⁴⁹ *Трофимова Т. А.* Палеоантропологический материал с территории древнего Хорезма // СЭ. 1957. № 3. С. 14—15.

⁵⁰ *Толстов С. П., Итина М. А.* Указ. раб. С. 34.

⁵¹ *Виноградов Н. М., Кузьмина Е. Е.* Контакты степняков с земледельцами в Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 126.

⁵² Там же. С. 129.

⁵³ *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах... С. 91; *Виноградов Н. М., Кузьмина Е. Е.* Указ. раб. С. 129.

⁵⁴ *Литвинский Б. А., Мухитдинов Х.* Античное городище Саксин-Охур // СА. 1969. № 2. С. 161; *Литвинский Б. А., Соловьев В. В.* Стоянки степной бронзы в южном Таджикистане // Успехи средневековой археологии. 1972. Вып. 1. С. 41.

⁵⁵ *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. С. 66.

⁵⁶ *Сарианиди В. И.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972. Вып. 1. Рис. 7 (2), рис. 9 (1, 12), рис. 10 (3), рис. 22 (4).

⁵⁷ *Виноградов Н. М., Кузьмина Е. Е.* Указ. раб. С. 148.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Халиков А. Х.* Ново-Мордовские курганы // Новое в советской археологии... С. 143. История СССР... С. 123.

⁶⁰ *Синицин И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. М., 1959. Вып. 60. С. 56—118; *Он же.* Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. М., 1960. Вып. 78. С. 10—107; *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. М., 1959. Вып. 60. С. 228—306.

⁶¹ *Качалова Н. К.* Указ. раб. С. 73.

⁶² Там же. С. 77.

⁶³ *Халиков А. Х.* Указ. раб. С. 143.

⁶⁴ *Мерперт Н. Я.* Из древней истории Среднего Поволжья // МИА. М., 1958. Вып. 61. С. 71.

⁶⁵ *Халиков А. Х.* Указ. раб. С. 148.

⁶⁶ Эпоха... С. 83, 125.

- ⁶⁷ Морозов Ю. А. Новые сведения о заселении Приуралья срубными племенами // СА. 1977. № 1. С. 162—167.
- ⁶⁸ Эпоха... С. 130.
- ⁶⁹ Там же. С. 131.
- ⁷⁰ Кривцова-Гракова О. А. Указ. раб. С. 14—15, 17; История СССР... С. 123.
- ⁷¹ История СССР... С. 124.
- ⁷² Кривцова-Гракова О. А. Указ. раб. С. 11.
- ⁷³ Там же. С. 20.
- ⁷⁴ Кривцова-Гракова О. А. Погребения бронзового века... // МИА. Вып. 115. С. 15; Эрдниева У. Э. Основные итоги археологического изучения Южной Калмыкии... С. 4.
- ⁷⁵ Иерусалимская А. А. О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. 1958. № 2. С. 34—48; Попова Т. Б. К вопросу о курильницах северокавказского типа // СА. 1957. № 1. С. 161—177; Клейн Л. С. Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры // Археологический сборник. М.; Л.: Советский художник, 1966. № 8. С. 6; Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. М., 1960. Вып. 93. С. 69—76.
- ⁷⁶ История СССР... С. 123.
- ⁷⁷ Там же. С. 122.
- ⁷⁸ Там же. С. 120.
- ⁷⁹ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье... С. 20.
- ⁸⁰ Клейн Л. С. Указ. раб. С. 7.
- ⁸¹ Цит. по: Клейн Л. С. Указ. раб.
- ⁸² Клейн Л. С. Указ. раб. С. 9.
- ⁸³ Там же. С. 13.
- ⁸⁴ Там же. С. 14.
- ⁸⁵ Эрдниева У. Э. Указ. раб.
- ⁸⁶ Нечитайло А. Л. Погребальные памятники предкавказской культуры Верхнего Прикубанья // Тезисы докладов III Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа... С. 5—6; Она же. Верхнее Прикубанье в эпоху бронзы... С. 124—127.
- ⁸⁷ Чеченов И. М. Вторые курганные группы... С. 242.
- ⁸⁸ Там же. С. 242—243; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. Вып. 106. С. 116, 134.
- ⁸⁹ Батчаев В. М. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым... С. 150, 160.
- ⁹⁰ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье... С. 20.
- ⁹¹ Там же. С. 21.
- ⁹² Там же. С. 70.
- ⁹³ Там же. С. 70—71; История СССР... С. 127.
- ⁹⁴ Кривцова-Гракова О. А. Указ. раб. С. 71—72.
- ⁹⁵ Казаков Е. П. Погребения срубной культуры у дер. Куралово // СА. 1975. № 3. С. 195; Мамонтов В. И. О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья // СА. 1981. № 3. С. 26; Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. 1956. Вып. 42. С. 147; Смирнов К. Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. Вып. 78. С. 174.
- ⁹⁶ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы в Азии // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 101; Марковин В. И. Об изучении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 199; Мамонтов В. И. Указ. раб. С. 19; Кривцова-Гракова О. А. Указ. раб.

- ⁹⁷ *Иессен А. А.* Указ. раб. С. 73—74.
- ⁹⁸ *Марковин В. И.* Культура племен... С. 71—73. Рис. 32 (4—6), с. 155.
- ⁹⁹ *Шнайдинштейн Е. В.* Указ. раб.; *Цуцкин Е. В.* Указ. раб.
- ¹⁰⁰ *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье... С. 48—49.
- ¹⁰¹ *Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы... С. 61.
- ¹⁰² *Чеченов И. М.* Указ. раб. С. 184.
- ¹⁰³ Там же. С. 186.
- ¹⁰⁴ *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973. С. 31 Рис. 18 (1); *Батчаев В. М.* Указ. раб. Рис. 20(3); *Марковин В. И.* Указ. раб. С. 73. Рис. 32 (3—6).
- ¹⁰⁵ *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986. С. 11—13.
- ¹⁰⁶ *Кобычев В. П.* Города, селения, жилища // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 104; *Он же.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982. С. 160—161.

Курганная культура и индоевропейцы

В одну телегу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.

А. С. Пушкин

Разрабатывая нашу тему, мы подошли к одной из интереснейших и сложных проблем древней истории, а именно к вопросу об отношении курганной (древнеямной) культуры к истории, культуре и экономике индоевропейских племен. Этому вопросу в данной книге можно было бы не касаться, если бы не две причины.

Во-первых, тот достаточно однозначный и неоспоримый археологический факт, что курганная насыпь, как серьезнейшее проявление древнего погребального обряда, изначально продиктованного именно подвижным скотоводческим (кочевым) хозяйственным укладом на обширных степных просторах Евразии, не находит никаких местных истоков в тысячелетиями складывавшихся древних земледельческих культурах VIII—IV тыс. до н. э. ни в Северо-Западном Причерноморье (Трипольская культура), ни в Средиземноморье, Передней Азии, в горах Иранского и Иракского Курдистана и Северной Месопотамии (Джармо, Загросс, Чатал-Уйюк, Хассун, Ярым-тепе, Телль-Магзалия, Халаф и др.), ни на Южном Кавказе (Шулавери-Шомутепинская культура), ни в Средней Азии (Намазга-тепе, Гиссар-тепе, Анау), ни в глубинах Центральной Азии и Индостане (Мохенджадаро, Хараппа) и т. п.¹ Нет этих истоков, как мы уже отмечали, и в древнейших культурах неолита и ранней бронзы ни у племен таежной зоны Сибири и Прибайкалья, ни у племен финно-угорской общности, ни у племен «культуры боевых топоров» Западной и Центральной Европы².

Во-вторых, этой теме можно было бы не касаться, если бы сторонники различных теорий о т. н. «древней», «вторичной», «третичной» прародине индоевропейских

племен и народов, их миграции из этих «прародин» по всему свету, не связывали их с исконно степной (паспортизированной курганами) древнеямной археологической культурой кочевников-овцеводов.

Одни считали прародиной индоевропейцев Северо-причерноморские степи Восточной Европы, другие Балканский полуостров, а в последние годы Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов все более настойчиво пытаются доказать, что первоначальной прародиной индоевропейцев была древняя Передняя Азия в пределах распространения халафской археологической культуры V тыс. до н. э., а «вторичной» прародиной будто бы были Балканы и Восточно-Европейские степи³.

В-третьих, ни исторически, ни археологически не документируется какое-либо движение этнических групп в IV—III тыс. до н. э. с юга на север через Кавказ. Крупнейшие специалисты утверждают, что «никаких миграций через Кавказ с юга на север вообще не засвидетельствовано»⁴. Археологи единодушны в том, что «во второй половине III тыс. до н. э. в Восточном Закавказье усиливаются северные воздействия. Появляются северные погребальные обряды — подкурганное захоронения, камеры, обставленные крупными деревянными стволами»⁵.

Исследования показывают, что «рейды воинов из северных степей, проникавших через проходы Кавказа в Переднюю Азию с целью грабежа, ни в коей мере не являлись действительно этническим движением»⁶. Но когда речь идет о массовых появлениях курганов с характерным погребальным обрядом, тогда говорить об этнических перемещениях более чем необходимо.

Упомянутый нами во Введении спор между эволюционистами и миграционистами вероятнее и более всего касался в исторической науке вопроса именно единой прародины или нескольких очагов зарождения индоевропейской цивилизации. Перечисленные теории так или иначе придерживаются точки зрения единой прародины и связывают эту цивилизацию и с древнейшими земледельческими оседлыми культурами древней Передней Азии, и с древнейшими кочевническими культурами Евразийских степей. Таким образом, по их мнению, все, что было возможно человеческому разуму и в земледельческом, и в кочевом образе жизни, явилось достижением одних только индоевропейских племен.

Свою, ставшую весьма популярной, теорию Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов недавно полностью изложили в фундаментальном двухтомном труде⁷ (1328 с.). Распад индоевропейской языковой и этнокультурной общности они относят к концу IV тыс. до н. э.⁸

У читателя, естественно, возникает вполне закономерный вопрос: почему же вдруг распалась столько тысячелетий процветавшая, достигшая выдающихся успехов, прочная оседло-земледельческая цивилизация, знакомая с колоссальными ирригационными сооружениями, умевшая бороться со стихиями природы, имевшая уже многовековой опыт династического, государственного монархического развития, со сложной, сформировавшейся социальной, сословной и политической системой, с развитым храмовым хозяйством, жречеством и т. п.

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов считают главной причиной распада некие климатические изменения. На протяжении четырех тысячелетий (с VIII по IV тыс. до н. э.) до этого распада, наверное, не раз случались катаклизмы, однако они не привели к такому «катастрофическому» распаду многотысячелетнюю цивилизацию, вобравшую в себя почти все возможные достижения человеческого гения. Впрочем, еще в 1982 г. известный специалист по истории, языку и культуре древней Передней Азии И. М. Дьяконов выставил, на мой взгляд, три весьма существенных контраргумента против этой теории (кстати, оставшихся без ответа в указанной монографии авторов новой теории):

1. «Кочевниками праиндоевропейцы не были. Кочевничество предполагает верховое сопровождение стад... Колесницы для этого не годятся. Передняя Азия не знала настоящего кочевничества до последних веков II тыс. до н. э.». «Ни ранние индоевропейцы, ни ранние семиты,— продолжает он,— не были кочевниками»⁹.

2. «Центральная Малая Азия в период неолитических климатических оптимумов (8000—5000 гг. и 4000—2500 гг. до н. э.) имела благоприятные условия не только для земледелия, но и для крупного скотоводства».

3. «Наконец, что же двигало все эти волны миграций? Если древнеямная культура Приволжья и Причерноморья была родиной (пусть даже «вторичной». — И. М.) италийцев, кельтов, германцев, балтов, славян да еще и какой-то части ариев, да еще и сако-скифских племен,

то каковы же были специфические черты именно этой культуры, которая позволила ей стать центром столь обширного расселения?»¹⁰. А недавно И. М. Дьяконов высказался более категорично: «Никаких реальных следов пребывания древнейших индоевропейцев в Передней Азии нет»¹¹.

В развитие этой мысли мы теперь можем указать, каковы были специфические черты той курганной (древнеямной) культуры, будто бы ставшей центром формирования культуры кельтов и славян, италиков и балтов, германцев и саков и т. д. Весь вопрос в том, насколько успешно древнеямная культура с ее прародиной в междуречье Волги и Урала может без целеустремленного насилия над археологическими фактами быть связана с этнокультурным обликом и древней историей столь разных народов, о которых идет речь. Вероятнее всего, когда речь идет о распаде индоевропейской общности и ее древней культуре, необходимо, наверное, видеть совокупность ряда серьезных причин: и климатических, и социально-экономических, и прежде всего фактор внешних вторжений в земледельческую цивилизацию, растянувшуюся от Северо-Западного Причерноморья — Балкан — Средиземноморья до Иранского нагорья и Афганистана. Нельзя отрицать вторжение в эти области носителей курганной культуры — кочевников, вклинившихся во всех этих направлениях в среду древних оседлых земледельцев. Этому предположению, кроме всего вышеприведенного материала, соответствует и тот факт, что курганы ни в одном направлении не исходят из среды обитания племен земледельческой культуры. Своего рода повторным примером могут быть вторжения гуннов, хазар, печенегов, монголо-татар и других кочевников в земледельческие цивилизации.

Мы не ставим перед собой цели оспаривать лингвистические доводы Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, да это и не в нашей компетенции. Однако сослаться на авторитет выдающихся лингвистов необходимо, хотя бы справедливости ради. Н. Я. Марр писал: «Праязык индоевропейских языков есть научная фикция, одно время полезная, даже когда перестали верить в нее, полезная как рабочая гипотеза, теперь же вредная фикция, извращающая всю историю развития и возникновения человеческой речи, прямо-таки мешающая правильной постановке исследовательской работы по ней»¹².

По его мнению, многие термины «разъяснены как иранизмы без учета их палеонтологии, равнодушие к которой ныне вытекает из уверенности специалистов-неостоковедов, предполагающих, что иранский мир сам по себе является чем-то совершенно определенным и разъясненным даже и в плоскости его генезиса»¹³. Завершая свое отношение к данной проблеме, Н. Я. Марр писал, что «в процессе развития мировой культуры лингвистический индоевропеизм оказался роковым орудием, мертвящим тормозом» и подтверждал эти слова мнением археологов о том, что «индоевропейская теория оказалась бедствием и для археологической науки»¹⁴. Последняя мысль особенно проявляется в постоянных попытках ряда археологов приписывать все и вся в древней культуре Евразийских степей одним лишь индоевропейским племенам. «...Языковые контакты,— пишет И. М. Дьяконов,— всегда имеют место как результат действия неязыковых факторов. Тем самым, если мы хотим изучить значение языковых контактов, мы должны также рассмотреть исторические, культурные и антропологические взаимодействия»¹⁵.

Исходя из этих положений мы и должны рассматривать археологические взаимодействия как этнокультурную основу языковых контактов кочевого и оседло-земледельческого мира древности. При анализе этих контактов очень важно было бы не забывать вполне справедливых слов Н. Я. Марра о вторжении тюркских языков «с незапамятных времен в страны архаической переднеазиатской культуры... Тюркология, научная хозяйка материалов, захватывающих обширнейшие территории, имела соприкосновение с самыми различными типологическими видами человеческой речи, турецкая речь вкрапливалась струями или вливалась массами в кавказскую среду»¹⁶. С позиций археологической науки, мы склонны видеть эти контакты во внедрении «журганной культуры в кавказскую и переднеазиатскую среду.

Для нашей темы, в принципе, не имеет значения вопрос о «первичной» или «вторичной» прародине индоевропейцев. Но предпринимаемая рядом авторов, в т. ч. Гамкрелидзе и Ивановым, попытка обосновать внезапное превращение четыре тысячелетия развивавшейся оседло-земледельческой цивилизации в почти первобытнообщинный образ жизни с коренным изменением (что называется, заново рожденной) материальной, духовной, социаль-

ной и общественной культурой, с совершенно заново рожденным погребальным обрядом,— эта метаморфоза перерождения земледельцев в степняков-кочевников не может быть понята без объяснения длинного ряда противоречий. Этих противоречий авторы новой теории могли бы избежать, если бы при привлечении к своей концепции археологического материала действительно придерживались объективного подхода к контактам древних культур и прислушались к методологическим советам Якоба Гримма: «Исследование языка, которым занимаюсь и от которого я исхожу, никогда не могло бы меня удовлетворить, если бы я от слов не переходил всегда к вещам: я хотел не только строить дома, но и жить в них»¹⁷. Можно было бы следовать рекомендациям Томаса Куна, что соображения, ведущие к отрицанию одной и принятию другой парадигмы, «означают как сопоставление обеих парадигм с природой вещей, так и сравнение их друг с другом»¹⁸.

Именно отход от этих основополагающих принципов, будто бы и провозглашенных авторами путеводной нитью своих исследований, и приводит их к ряду серьезных противоречий и ошибок в соотнесении древнекочевой и древнеземледельческой культур Восточно-Европейских степей и Передней Азии.

Остановим внимание на некоторых аспектах.

I. Социально-экономический аспект. Общеизвестно, что в ареал халафской культуры входили северные районы Ирана, Ирака и Сирии, юго-восточные пределы Турции. Крайним северо-восточным пунктом ее проявления являются западные берега оз. Ван. Культура, с которой связывают индоевропейскую общность, получила свое название от поселения на холме Телль-Халаф в северной Сирии. Как говорит крупнейший специалист Д. Меллаарт, «если конец Халафа темен, то и происхождение культуры не многим яснее»¹⁹. Тем не менее хорошо известно, что в халафской и близкой к ней оседло-земледельческих культурах Передней Азии V—III тыс. до н. э., в частности в Двуречье, распад общества на антагонистические классы был давно укоренившимся явлением и общей системой жизни. Здесь повсеместно шел быстрый процесс имущественного и социального расслоения общества, который привел в конечном счете уже в IV тыс. до н. э. (т. е. к моменту распада общности) к созданию органов насилия, власти,

управления, налоговой системы, постоянного войска. В руках аристократии накапливался прибавочный продукт, велась ожесточенная классовая политическая борьба как внутри городов-государств, так и между самими городами, управляемыми царями-монархами. К тому времени в Передней Азии уже совершенно наглядно проявлялось разделение умственного и физического труда, выделение в особый класс жречества, владевшего огромными храмами и храмовым хозяйством, руками поработанных создавались грандиозные сооружения, ирригационные каналы и т. д.²⁰ Например, описывая поселение V—IV тыс. до н. э. Тепе-Гавра («Великий холм») близ Мосула, Гордон Чайлд отмечал, что центр поселения был занят большим зданием, которое, судя по его плану и фундаменту, считают храмом. Стены его снаружи были выкрашены в разные цвета. По внешним замерам храм в плане имел размеры: 17×13 м. На синхронных поселениях Передней Азии имелись и более крупные храмы: 72,5×30 м, 22×17 м и др. Нередко эти грандиозные сооружения стояли на искусственных возвышениях из кирпича или зиггуратах высотой до 10 м. Возведенные из сырцового кирпича стены уже этих ранних храмов зачастую были украшены различными рельефами и инкрустированы морскими раковинами и привозным деревом²¹. Социальная интерпретация богатых гробниц III тыс. до н. э. как гробниц правителей или царских усыпальниц достаточно обоснована, пишет В. М. Массон. «В частности,— говорит он,— в урских погребениях обнаружены печати с собственными именами и титулами погребенных, обладавшими полнотой власти, вероятно, военной»²².

Сопоставление уровня социально-экономического и социально-политического развития переднеазиатских и древнеямыных племен делает совершенно излишним любые комментарии. Если же упорно настаивать на отождествлении древних индоевропейцев с древнеямынками, то историк вынужден признать парадоксальный феномен: обратный прыжок общества из высокоцивилизованного состояния — с государственным строем, развитой социально-политической системой, развитым жречеством, храмовым хозяйством, высокой ирригационной культурой земледелия, обладавшего к тому времени всеми культурно-экономическими достижениями человеческой цивилизации,— в глубокую «первобытную»

невинность. Ведь «древнеямные погребения в большинстве своем даже безынвентарны. В Нижне-Волжском районе инвентарь найден лишь в 30 % погребений, да и тот, как правило, весьма беден и представлен очень ограниченным числом категорий изделий»²³.

II. Хозяйственно-бытовой уклад жизни древних индоевропейцев Передней Азии был связан с оседлым, орошаемым земледелием. Задолго до III тыс. до н. э. эти племена уже знали плуг, а следовательно, запрягали в него быков²⁴. На стоянках-поселениях V тыс. до н. э. Телль-Хассун, Телль-Халаф, Кала'ат-Ярмо всего 5 % костей было диких животных, а 95 % домашних — быков, свиней, овец, коз. На поселении Ярым-тепе II 87 % принадлежало домашним, а 12,5 % диким животным²⁵. Кроме того, на поселении Ярым-тепе («Половинный холм») в Северной Месопотамии обнаружено много разновидностей культуры ячменя и пшеницы. По определению Ф. Х. Бехтерева и З. В. Янушевича, это были: ячмень — многорядный, голозернистый, мягкий, плечатый; а пшеница — двузернянка, твердая и т. п.²⁶ Значительного уровня племена халафской культуры достигли и в области металлургии и металлообработки меди, свинца²⁷.

Обнаруженные на многих поселениях глиняные статуэтки сидящих женщин — символов плодородия — свидетельствуют о громадной роли земледелия в жизни и экономике этих племен. Так, например, на поселении Ярым-тепе был найден уникальный расписной антропоморфный сосуд, изображающий женщину. По своей форме и изяществу исполнения и орнаментации он отнесен к числу шедевров первобытного искусства, олицетворяющего культ плодородия земли²⁸.

Сравнение всего указанного с хозяйственным укладом первобытных кочевников-овцеводов (древнеямников) не оставляет никакой надежды увязать между собой столь разный облик хозяйствования и не менее разный образ жизни. Вряд ли можно отыскать в истории пример тому, чтобы древнейшие земледельцы, имевшие устоявшиеся на протяжении 4 тысячелетий (до распада индоевропейской общности) прочные традиции оседло-земледельческой жизни, превратились в кочевников. Вообще, превращение земледельцев в кочевников является вторым парадоксом новой теории. Если превращению кочевников в оседло-скотоводческие и

оседло-земледельческие общества мы знаем достаточно примеров, в т. ч. и в лице древнеямников-кочевников, вторгнувшихся и осевших, скажем, в среде поздних трипольцев, в среде земледельцев культуры Анау, в среде земледельческих племен Южного Кавказа и т. д., то искать примеры обратного превращения оседло-земледельческих племен в кочевников — занятие достаточно бесперспективное.

III. Жилища и поселения на широко известных оседло-земледельческих поселениях Передней Азии, относящихся к V тыс. до н. э. и более древнему периоду, — Телль-Хассун, Телль-Халаф, Ярым-тепе I, Ярым-тепе II, поселения Санджарской долины, на холме Эль-Обейд, Джамдет-Наср, города Ур, Урук, Киши и мн. др. — характеризуются тем, что население их «в течение многих поколений жило на однажды избранном месте, в постоянных жилищах, выстроенных из плотно сбитой глины с примесью мякины», в жилищах из самана и пр. В течение многих веков на таких поселениях накапливался культурный пласт мощностью до нескольких десятков метров²⁹. Так, на халафском поселении Ярым-тепе I в 12 строительных горизонтах исследовано более 400 помещений, большинство из которых объединены в многокомнатные, сложно спланированные здания, глинобитные стены которых достигают 30—35 см толщины. В этих помещениях имелись круглые, прямоугольные печи со сводами и выложенным черепками подом. Печи использовались как для выпечки хлеба, так и для хозяйственных нужд. К жилым помещениям примыкают дворы, в которых также обнаруживаются печи. Пол в жилищах иногда покрывался обмазкой из глины с примесью рубленой соломы, обычно около 3 см толщиной. Стены жилищ воздвигались из разновеликих «ломтей» глины длиной до 23—35 см при ширине 20 см и толщине 3—6 см. В различных строительных горизонтах эти «ломти» были разными по величине: длина до 40—50 см, толщина 4—7, ширина до 30 см и более.

Весьма важно отметить, что исследователи замечают такую деталь: «С самого начала строительные остатки свидетельствуют о достаточно уже выработанной традиции многокомнатных построек, предысторию которой дают значительно более ранние культуры»³⁰. На халафских поселениях имелись и различные печи для обжига

керамики, кладовые для продуктов и т. п. В качестве хранилищ использовались и огромные сосуды.

В таких городах, как Урук, Ур, Киши и др., строились огромные общественные здания — храмы, как из сырцового, так и жженого кирпича. Г. Чайлд писал, что в Месопотамии IV тыс. до н. э. «в местах с более влажным климатом, если было в достатке топливо, кирпичи обжигали в специальных печах, и они становились водоупорными, как камень»³¹. Значительные по размерам общественные здания нередко имели художественное оформление стен, фасадов, входов и пр.

Даже этот беглый взгляд на поселения и жилища халафской культуры древней Передней Азии не оставляет никакой надежды на сравнение их с культурой древнеямников. Их просто не с чем сравнивать. Археология не располагает, как указывалось выше, никакими сведениями о поселениях и жилищах древнеямных племен, и особенно на их родине — в Волго-Уральском междуречье. Кочевники не могли и не умели строить такие дома и сооружения, а умевшие их создавать индоевропейцы не могли так быстро и начисто все позабыть и превратиться в степняков-кочевников, не помнящих тысячелетние традиции.

IV. Погребальный обряд является самым стойким и надежным этническим определителем во всем археологическом этнокультурном комплексе. Мы в своем повествовании говорим об этнических перемещениях лишь только тогда, когда налицо неперемutable сочетание археологического инвентаря или характерных предметов материальной культуры с погребальным обрядом. Опираясь лишь на отдельные предметы быта, вооружения, украшений, даже на формы и орнаментацию керамических сосудов, в отрыве от ритуала захоронений говорить об этнических перемещениях чрезвычайно рискованно. И если подходить с этих позиций к разбираемой теории, то многие ее «обнадеживающие» положения рушатся на глазах. Судите сами. В халафской и близких к ней культурах Передней Азии, Южного Кавказа, Средней Азии умерших хоронили прямо в доме: под полом, под очагом, под порогом. Могильники устраивались в самих поселениях. Такая традиция, по словам Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта, «восходит на Ближнем Востоке по меньшей мере к VII тыс. до н. э. (Иерихон в Палестине, Чатал-Уйюк в Анатолии, Телль-Магза-

лия в Месопотамии)». Это же было свойственно культуре населения Телль-Хассун, Ярым-тепе, Телль-Сотто и др.³²

Нередко погребенные покоились в специальных больших керамических сосудах или накрывались большим фрагментом таких сосудов. Распространенный по Ирану, Месопотамии и всей Передней Азии, Южному Кавказу обычай хоронить людей под полом жилища, под очагом, устраивать кладбища в самих поселениях отмечали многие ученые, в т. ч. Г. Чайлд, С. Дикшит и др. По словам Чайлда, под полом жилищ в переднеазиатских городах устраивали целые погребальные комнаты, а царские гробницы имели необычайные размеры и архитектурные обрамления³³. Леонард Вулли, раскопавший огромный могильник в г. Уре, состоявший из 1400 отдельных могил и шести царских гробниц XXVI в. до н. э., писал, что могилы простых людей представляли собой прямоугольные ямы, покойник лежал «обычно в плетеном или глиняном гробу»³⁴.

На с. 964 своего труда Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, ссылаясь на исследования Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта в Северной Месопотамии, пишут: «Халафская археологическая культура, согласно раскопкам последних лет, характеризуется трупосожжением, что является одним из основных отличительных признаков индоевропейского погребального обряда». Прежде всего встает вопрос: как этот «основной отличительный признак» связать с древнеямной культурой, для которой трупосожжение вовсе чуждо? А во вторых, послушаем Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта: «Что касается второй группы погребений Ярым-тепе II — трупосожжений, то они на памятнике халафской культуры встречены впервые. Трупосожжения в двух ранних горизонтах Ярым-тепе II зафиксированы пять раз (всего?! — И. М.). Крайне любопытно, — пишут они, — что все эти погребения сконцентрированы на одном участке поселения — квадрате 23. Во всех случаях есть основания полагать, что они совершены на стороне... Зафиксированный на Ярым-тепе II обряд трупосожжения представляет собой интерес, поскольку до сих пор он не был известен в столь ранних памятниках Месопотамии... Захоронения останков трупосожжения оказываются характерными только для ранних горизонтов поселения Ярым-тепе II. В дальнейшем ни один из этих

культовых обычаев не получает здесь развития, во всяком случае, судя по материалам вскрытых участков поселения... [Хотя] в Ярым-тепе II специфические особенности халафской культуры представлены чрезвычайно ярко»³⁵. Продолжая разговор о погребальном обряде, следует сказать и о том, что авторы новой теории аргіогі, исходя из ираноязычности скифов, пишут (с. 482), что обряд погребения женщин с конем «реконструируется и в иранской традиции на основании сопоставления свидетельств Геродота и других античных авторов об удушении одной из наложниц вождя и принесении в жертву коней у скифов, с одной стороны, и обнаруженного во втором Туэктинском кургане на Алтае захоронения женщин вместе с верховыми лошадьми». В подтверждение своего сопоставления они ссылаются на работу С. И. Руденко³⁶. Но при этом они не учитывают двух важных деталей:

1. У С. И. Руденко речь идет о войлочных коврах, изготовление которых не было исконно древним элементом традиционной культуры ни у одного индоевропейского племени или народа (если не считать позднейших заимствований XVII—XIX вв. н. э.).

2. Эти ковры и указанное захоронение были найдены в деревянных срубах, деревянных колодах, что также никогда не являлось традицией погребального обряда индоевропейских племен и народов.

Приведенные факты о таком стойком этническом определителе, как погребальный обряд, не дают никаких оснований ни для сопоставления, ни тем более для отождествления древнеямной культуры с культурами древних индоевропейцев Передней Азии.

V. **Керамика** также является одним из ведущих этнокультурных признаков. Керамическое ремесло древнеямных племен было развито крайне слабо. Керамика в их памятниках является не столь уж частой находкой. Да и найденные образцы ее изготовлены исключительно из грубой глины, ручной лепки, остродонные, яйцевидных форм, с незамысловатым орнаментом в виде насечек, оттисков, бессистемных полос, оставленных пучком травы на сырой поверхности глины и т. п. Сравнение ее с превосходной керамикой переднеазиатских культур не оставляет никакой надежды вывести керамику древнеямников из переднеазиатской. Последняя, как известно, изготовлялась «из специально приготовленной глины,

после обжига имевшей светло-желтый, кирпично-красный цвет. Стенки расписных сосудов были настолько тонкими, что их можно сравнить со скорлупой яиц страуса». Керамика была плоскодонной, нарядной, тщательно обожженной, разнообразных форм, чаще изготовлена на гончарном круге, украшенная чрезвычайно богатым разноцветным орнаментом. Так, например, и на среднеазиатских стоянках-поселениях Джойтуни, Кайлю, Джебел, Дам-Дам-Чешме богато орнаментированная и разноцветная плоскодонная керамика «резко отличается от остродонных и круглодонных грубослепленных сосудов рыболовов-охотников и кочевников»³⁷.

На поселениях Телль-Хассун, Эль-Обейд, Джемдет-Наср, городах Урук, Киши и других районах Месопотамии и Передней Азии гончарное дело достигает в рассматриваемое время особо высокого уровня. «Об этом свидетельствуют изящные и разнообразные по форме сосуды, украшенные строгими и вместе с тем богатыми по содержанию расписными узорами. Чаще всего встречается характерный узор в виде мальтийского креста, а также стилизованного изображения бычьих голов»³⁸. Керамика из упоминавшегося халафского поселения Ярым-тепе представлена многочисленными образцами лощеной, хорошо обожженной, крашеной, расписной, богато орнаментированной посуды: кувшинов, чаш, мисок, горшков и т. п.³⁹ Основная цветовая гамма сосудов — розовые, кремовые, черные⁴⁰. Часто обнаруживались и специальные погребальные сосуды⁴¹.

Таким образом, новую теорию о связи древних переднеазиатских индоевропейцев с древнеямной культурой кочевников не подкрепляет и керамика. Трудно допустить, чтобы столь высокий уровень гончарного дела вдруг был низвергнут к самому истоку керамического ремесла, каковым представляется керамика древнеямников по сравнению с керамикой Передней Азии, культуры халафа в частности.

VI. Два слова о повозках. Авторы новой теории отводят им в своей концепции очень серьезную роль. Они пишут: «По данным археологии, изготовление колесных повозок датируется временем около IV тыс. до н. э. Очагом их распространения признается ареал от Закавказья до Верхней Месопотамии. Из ближневосточного очага колесные повозки распространились в Волжско-

Уральском районе» и ссылаются на работу В. Ф. Гешинга⁴². Здесь возникает несколько возражений:

1. Очагом зарождения колесных повозок ни Закавказье, ни Месопотамия не могут считаться, потому что в Закавказье они появляются только в курганах типа Бедени, которые не были исконно характерны для этих областей, т. е. где-то в XXIII—XXIV вв. до н. э., а в месопотамских (шумерских) царских гробницах мы знаем три повозки: одну на полозьях, две на колесах из захоронений XXVI в. до н. э.⁴³ Все остальные «повозки» Передней Азии — это всего лишь роскошные изображения «чудесных» предметов на роскошных вазах, погребальных балдахинах — т. н. «штандартах», на изображениях Крита позднеминойской эпохи XIX—XVII вв. до н. э.

2. Во всем ареале земледельческих культур VII—IV тыс. до н. э., по всему Старому Свету на хорошо изученных поселениях и могильниках мы не знаем ни одного экземпляра повозки. Требуется серьезного внимания тот факт, что в рядовых погребениях степных племен Днепро-Волжского междуречья известно 56 повозок, а во всей Переднеазиатской цивилизации всего две колесные повозки, да и те только в царских гробницах. Живым примером резкого контраста являются новейшие находки в восточном Приазовье, где в 39 почти безынвентарных бедных погребениях III тыс. до н. э. были обнаружены пять древнейших четырехколесных повозок со сплошными колесами⁴⁴.

3. Совершенно обескураживающим индоевропейцев является, на мой взгляд, во-первых, тот факт, что на могильнике второй половины II тыс. до н. э. Синташта в пос. Рыминской Брединского района Челябинской области, на который ссылаются авторы новой теории, были выявлены отпечатки позднейших колес с 8 спицами⁴⁵; а, во-вторых, погребения этого могильника были бескурганскими, грунтовыми ямами, не имеющими никакого отношения к курганной культуре ни по облику археологического материала, ни хронологически, ни по погребальному сряду.

4. Я полагаю, что для изготовления деревянных колес требовалась древесина особого, твердого качества, а вот в Месопотамии «из древесных пород можно отметить финиковую пальму, дававшую питательную и вкусную продукцию, но низкую по качеству древесину»⁴⁶.

VII. О терминах, означающих «лошадь», которым в труде Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова уделено огромное внимание. Не случайным (а потому паразитическим) кажется тот факт, что в индоевропейских языках, формировавшихся будто бы на родине древнейшей доместикации лошади, нет единого термина для обозначения этого животного: *asa, ippos, eoh, yakwe, eque, esue, marr, merr, marah, mearh* и т. п.⁴⁷

Но прежде послушаем самих авторов:

1. «Характерно,— пишут они,— что сами хурриты не пользовались широко лошадьми в военных и хозяйственных целях до образования государства Митанни (конец II тыс. до н. э.— И. М.). Более того, в древнехурритской традиции основным транспортным животным был бык. В хурритской поэме «Песнь об Улликумми» бог Грозы, готовясь к битве, впрягает в колесницу быков... Самое раннее упоминание «лошади» в текстах на древних индоевропейских языках содержится в надписи Аниты (начало II тыс. до н. э.), в которой говорится о численности воинов и лошадей»⁴⁸.

2. «К числу поздних (почему же? — И. М.) заимствований из азиатских языков,— пишут они,— принадлежит русск. «лошадь» — др.-тюркск. АЛАША — лошадь; мерин: др.-русск. МЕРИН — из монгольского «*morin*»⁴⁹.

3. На с. 554, касаясь кельто-германского названия «лошадь»:

др. исландск.	<i>marr</i> — «конь»,
	<i>merr</i> — «кобыла»,
др.-верхне немецк.	<i>marah</i> — «конь»,
англ.	<i>mearh</i> — «конь»,
	<i>miere</i> — «кобыла»,

авторы указывают его азиатское происхождение и источники: «Слово это не находит соответствий в других индоевропейских диалектах и должно считаться заимствованием в этой диалектной группе из какого-то восточноазиатского источника». Далее: «Верховая езда в областях исторического расселения кельтов и германцев становится известной лишь к первому тысячелетию до н. э.». Очень напрашивается вопрос: если корень этих терминов восходит к восточноазиатским языкам, то откуда же они могли взяться у кельтов и германцев еще в первом тысячелетии до н. э.? Ведь по существующим утверждениям индоевропейцев, восточноазиатские языки, в т. ч.

монгольские и тюркские, проникли в Восточную Европу лишь в эпоху гуннов, т. е. IV—V вв. н. э.

4. На с. 551 читаем: «Характерно, что «лошадь» и ее культ отсутствовал на Крите до середины II тыс. до н. э., где преобладал культ «быка», как священного животного... Появление самой лошади на Крите относится к позднемикенскому периоду» (1500—1100 гг. до н. э.— И. М.).

5. «В двух группах индоевропейских языков — славянском и армянском (кстати, древнейшем индоевропейском диалекте.— И. М.) не обнаруживаются названия «коня», «лошади» от единой основы (древнеинд., лит., авест., лат.), что может объясняться заменой его другими словами... В армянском след индоевропейской основы видят в форме *es* — «осел», тогда как в армянском «Jj» — «лошадь» увязывается с ведийским поэтическим словом *haya* — «конь», восходящим, вероятно, к индоевропейскому, описательному образованию от (реконструированного.— И. М.) корня — q[h]ei»⁵⁰.

Приведенные высказывания самих авторов, по нашему мнению, никак не увязываются с их же утверждениями о том, что древняя прародина индоевропейцев — Передняя Азия, и халафская культура была древнейшей родиной domestikации лошади, предком которой был полусосел онагр, рано прирученный в северной Месопотамии (Джармо около VII тыс. до н. э.)⁵¹. Сославшись на изображения лошади на вазах и статуэтках близ Багдада, на костные остатки лошади в Восточной Анатолии во второй половине IV тыс. до н. э., они утверждают, что одомашненная лошадь попала в Восточную Европу из Передней Азии через Балканы и юг Туркмении⁵². Однако совершенно очевидные противоречия, о которых говорят даже наши краткие выдержки из их построений, приводят Гамкрелидзе и Иванова в конце концов к признанию: «Тем не менее домашняя лошадь для некоторых цивилизаций Передней Азии была нововведением, заимствованием из чужой культурной традиции. Это проявляется, в частности, в древнем шумерском наименовании лошади, как «осла гор», что указывает на импорт лошади из горных областей»⁵³ (кстати, оттуда же, из-за гор Кавказа и юга Туркмении, проникали в Переднюю Азию и курганы!). Но вместе с тем на с. 545 эти же авторы ту же шумерскую фразу используют для доказательства древнейшего коневодства в Передней Азии (?).

Таким образом, если для шумерской цивилизации домашняя лошадь явление привнесенное извне, а в древнейшем индоевропейском языке — армянском нет древнеиндоевропейского корня для обозначения «лошади», если хурриты не знали лошадь до конца II тыс. до н. э., если на Крит она попала только к середине II тыс. до н. э., если кельто-германские и русские обозначения «лошадь» и «мерин» переняты из восточноазиатских языков, то как же обосновать древнейшую родину доместикации лошади в Передней Азии? Ссылка на кости домашней лошади в Восточной Анатолии не помогает, потому что там эти кости найдены исключительно только в курганах с типично древнеямным погребальным обрядом захоронения, совершенно чуждым для местных племен и культур. Не подтверждают их идею и исследования на халафских поселениях Северной Месопотамии. Вот что пишет по этому поводу В. И. Библикова, подводя итог своим анализам: «Отсутствие лошади характерно и для других поселений Ближнего Востока неолитического времени — Джармо, Иерихон, Чатал-Уйюк, Дабагия и др. Отсутствие лошади также отмечено в неолитических и энеолитических поселениях Южной Туркмении. Интересно, что на памятниках мезолита и палеолита на территории Ближнего Востока остатки лошади не встречены. Отсутствие лошади в ранних памятниках Ближнего Востока позволяет исключить эту территорию из зоны поисков древнего очага доместикации этого вида»⁵⁴. Комментарии, как говорится, излишни.

Несостоятельна попытка Гамкрелидзе и Иванова обосновать переход полуосла в лошадь⁵⁵, потому что повисает в воздухе вопрос — когда же мог переродиться онагр в лошадь, если в тех же царских гробницах Ура в повозки XXVI в. до н. э. были впряжены ослы, как утверждает автор раскопок гробниц Л. Вулли. Исключают Переднюю Азию из зоны доместикации лошади и такие необходимые для конской сбруи и узды атрибуты, как псалии. Анализируя древнейшие находки медных псалий на Северном Кавказе, Р. М. Мунчаев пишет: «Подобные предметы нам неизвестны нигде за пределами Северного Кавказа. Весь древнейший металл, обнаруженный в памятниках смежных областей Старого Света, в большинстве своем опубликован. Мы тщетно пытались найти им хоть какие-нибудь аналогии в коллекциях Британского музея и некоторых музеев Ирана и

Ирака, с которыми нам удалось познакомиться. При встрече с турецкими учеными З. Акургалом и Э. Бильтичем мы интересовались тем, известны ли подобные предметы в памятниках Анатолии. Ответ был отрицательным. Наконец, мы обратились специально по этому вопросу к Ж. Дейе — большому знатоку древневосточного металла. Но и он не сумел указать на какие-нибудь аналогии упомянутым псалям, заметив, что ничего подобного ему неизвестно в материалах IV—II тыс. до н. э. Старого Света. Следовательно, эти древнейшие псалии действительно уникальны (сейчас их известно на Северном Кавказе 5 экземпляров — *И. М.*), что дает основание рассматривать их как продукт местной металлообработки и предполагать появление коневодства на Северном Кавказе в конце III тыс. до н. э.»⁵⁶.

И последнее замечание касается всадничества, которому в разбираемом труде также уделено много внимания. Сославшись на работу Н. Я. Мерперта и В. Б. Ковалевской о том, что всадничество зарождается на рубеже III—II тыс. до н. э. или еще раньше в степях Центральной Азии, восточнее Волги, авторы новой теории признают, что «именно носители европейских диалектов могли познакомиться с верховой ездой во время их соприкосновения с центральноазиатскими племенами и занести практику верховой езды (как и соответствующее название «верховой лошади») в Европу, в исторические места их жительства»⁵⁷. И вновь встает вопрос: когда и как могли соприкоснуться кельто-германские племена и славяне с центральноазиатскими племенами, если не признать древнее обитание последних в Восточно-Европейских степях?

Таким образом, поиск новой родины domestikации лошади и первого использования домашней лошади в пределах Передней Азии оказался неудачным. Кроме всего прочего, это наглядно проявляется даже в том, что у индоевропейских народов, будто бы расселившихся с прародины domestikации лошади, нет единого (хотя бы близкородственного) корня для обозначения понятий: «лошадь», «жеребец», тогда как во всем тюркоязычном мире существует единое понятие *ат*, *айгыр* и другие общетюркские слова, обозначающие половозрастные категории, масть и породы лошадей.

VIII. Несколько слов о терминах «волк», «лев». В своем труде уважаемые авторы приводят много све-

дений о вере в магические свойства «волка» у разных индоевропейских народов. Так, например, у древних хеттов (текст царя Хаттусили I — XVII в. до н. э.): «...призывает своих воинов «быть единым целым», т. е. объединиться «как волчий род». В тексте «Хеттских законов» (§ 37) говорится: «...ты дде сделался волком», «...он есть волк». Авторы приводят древнехеттский ритуал — пляску «люди — волки», когда участники одеваются в волчьи шкуры: «люди с волчьей шкурой»⁵⁸.

Вряд ли все это может однозначно говорить о почти-тельном отношении к волку, как к тотемному животному, хотя бы потому, что в Ригведе (1,42/2—4/) «волк» изображает образ «вора», «разбойника», а в противовес этому, например, у тюркских народов «волк» ставится наравне с родоначальником и именуется не иначе как «Ашин» — благородный волк⁵⁹. Уместно вспомнить, что в карачаево-балкарском нартском эпосе брат обращается к своему брату: «Ах ты, волк мой быстроногий...»

В связи с этими фактами рождается любопытный вопрос: кто же мог быть для древних индоевропейцев Передней Азии «вором», «разбойником», не древние ли кочевники? Не отражается ли в такой характеристике волка извечная борьба Ирана и Турана? К тому же на с. 499 разбираемого труда его авторы пишут, что у многих индоевропейцев и индоиранцев «Волк» — убийца, «Волк» — хищник, связывается с понятиями «душить», «давить», «убивать».

Бросается в глаза, что в своем труде Гамкрелидзе и Иванов очень часто обращаются к работам ираниста В. И. Абаева за подтверждением той или иной мысли. Но в данном случае хочется обратить внимание на то, что, приводя массу различных сведений о «льве», его ритуальных, культовых проявлениях⁶⁰, авторы не учитывают одну важную деталь, а именно то, что у древнейших представителей североиранского диалекта — у осетин нет понятия о «льве». По словам В. И. Абаева, «представление о льве настолько было чуждо осетинам, что когда в новейшее время понадобилось дать ему наименование, они не нашли ничего лучшего, как перенести на него название... з у б р а (Домбай)»⁶¹. Следует пояснить, что и термин «домбай» тоже тюркский, очень странно, что у как будто бы древнейших обитателей Северо-Западного Кавказа «скифо-осетин» не нашлось

иранского термина для обозначения такого реликтового животного, хорошо известного скифам. Странно, что им будто бы в новейшее время пришлось перенять тюркский термин именно тогда, когда осетины обитали уже в горах Центрального Кавказа, где в природе нет львов, зачем же им надо было в этот период заимствовать столь странное название? Наиболее вероятно, что такое заимствование произошло не в новейшее время, когда в этом не было никакой необходимости, а в более ранний исторический период. В работе Гамкрелидзе и Иванова много места отводится и термину «море». В связи с этим большую странность словам Абаева придает и тот факт, что у «прямых потомков» скифов-иранцев, живших у Черного моря и в Крыму, не нашлось иранского или индоевропейского термина для обозначения «моря», и зачем же иранцам-осетинам понадобилось назвать море его тюркским именем *Тенгиз*, укоренившимся в словарном фонде и фольклоре осетин, будто бы потомков скифов-иранцев.

IX. О путях миграции древних индоевропейцев. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов приходят к выводу, что «восточная окраина общеиндоевропейской территории — северная часть Иранского нагорья — и должна была быть историческим ареалом индоиранского... Отсюда через Афганистан первые волны арийцев должны были пройти далее на восток в Северо-Западную Индию... Нужно полагать, что арийский диалект, из которого развились кафирские языки, очень рано выделился из общеиранского языка и первым был занесен к востоку, к границам исторической Индии. Дальнейшие миграционные волны носителей индо-арийского оттеснили их на север, в труднодоступные горные долины, где «кафиры» обитают до настоящего времени»⁶². Продвижение индоариев с запада на восток с первоначального места их обитания «отражено и в мифологических представлениях о Востоке, связанном с движением вперед, Западе — движением назад, Юге — как о стороне правой»⁶³. Очень важно учитывать, что Севера, связанного с движением в представлениях индоевропейцев, нет. И по этому поводу авторы теории делают следующее замечание: «В древнеиндийском — «savya» — левый, не обнаруживает значения «северный», что нельзя объяснить табуированием значения «северный» и частыми колебаниями в значениях этого слова»⁶⁴. Трудно дока-

зять, почему это было табуировано. Скорее всего, не было у них продвижения с Иранского нагорья на север, потому север и не отражен в мифологических представлениях индоариев.

Продвижение индоарийцев в северном направлении из Иранского нагорья и Афганистана не находит никаких археологических подтверждений. Рассмотренные выше материалы о синкретизме и столкновениях культурных течений с юга и с севера в дельтах Акчадарьи, Узбоя и других — красноречивое тому доказательство. На этом рубеже фиксируется их симбиоз. Ни та ни другая (степная северная и земледельческая южная) не проникают вглубь ни в ту ни в другую стороны. Археологически доказать движение племен с юга на север Приаралья пока невозможно. Нет археологических доказательств и движению племен с юга на север через Кавказ. Наоборот, курганная культура из Волго-Уральского междуречья пришла на Северный Кавказ, а оттуда проникла на южные склоны хребта и затем далее в Восточную Анатолию, где древнеямный, курганный обряд был полностью выявлен раскопками Уинн курганов IV тыс. до н. э. Обратного движения курганов с юга на север археология не знает, об этом красноречиво говорят упоминавшиеся выше выводы О. М. Джанпаридзе и других ученых-кавказоведов.

Ссылка Гамкрелидзе и Иванова на сходство гидронимов «Кубань» и «Кабул»⁶⁵ не более чем чрезмерная декларативная натяжка. Посредством такого насилия нетрудно объяснить тождество переднеазиатской реки и горноалтайского этнонима «куман» (!).

Подводя итог своим замечаниям, хочется обратить внимание археологов и историков на шаткость вывода авторов новой теории по сопоставлению майкопской (курганной) культуры с переднеазиатской: «Истолкование связей этих культур как результат движения с юга на север через Закавказье, а не с севера на юг из Причерноморья к Ближнему Востоку, основывается на хронологии соответствующих типов предметов материальной культуры, которые распространяются однозначно из Передней Азии»⁶⁶. Следует со всей категоричностью заметить, что никакого движения с юга на север курганного обряда проследить невозможно, а еще труднее по отдельным предметам материальной культуры, преимущественно украшений, усматривать этнические пере-

мещения. Предметы материальной культуры, особенно оружие и украшения, как отмечалось, имеют и свои «ноги». Повисает в воздухе и попытка авторов утвердить водный путь продвижения через Каспий носителей переднеазиатской культуры в степи Волго-Уральского междуречья⁶⁷. Откровенно говоря, все это построено на песке, если даже не учитывать, что Каспий — одно из самых штормовых морей, открытый всем ветрам со всех сторон. При этом ссылка на наличие в индоевропейских языках терминов «море», «плавать» не убедительна, потому что понятия «море», «плавать» могут быть и у народов, никогда не видавших море, а вот отсутствие такого термина у «потомков скифов» (осетин), вызывает по меньшей мере недоумение.

Таким образом, историко-археологическое доказательство движения индоевропейских племен через Кавказ или юг Туркмении с юга на север не состоялось. Это могли бы ощутить и сами авторы, если бы свои лингвистические исследования во времени и пространстве сопоставляли с данными археологии и материальной культуры, как того требовали А. Гримм и К. Томас, или если бы они прислушались к рекомендациям О. Шредера: «Вся квинтэссенция наших доводов может быть выражена в следующих двух положениях: чтобы восстановить картину первобытной культуры индоевропейцев, недостаточно одной сравнительной филологии, и если мы хотим шаг за шагом продвигаться вперед в этой трудной области исследования, то это может быть достигнуто лишь при условии, если три сестры — лингвистика, предыстория (археология) и история — объединятся в одном общем усилии»⁶⁸.

Не много внимания уделяют этим рекомендациям и другие авторы, считающие все племена срубников-андроновцев сплошным ираноязычным этносом. По мнению Е. Е. Кузьминой, и алакульская группа андроновцев (более западная и тяготевающая к срубным племенам Южного Приуралья), и федоровская (более восточная группа Центрального Казахстана) — все они являются индоариями⁶⁹.

С ее концепцией можно было бы и согласиться, если удалось бы преодолеть следующие трудности:

1. Алакульская группа андроновцев хоронила своих усопших в подкурганых срубах по способу труположения, а федоровская кремировала своих умерших и

хоронила их прах в глиняных и каменных цистах, без курганной насыпи⁷⁰. Вряд ли такое резкое различие обрядов можно приписать одной этнической группе.

2. У тех и у других племен была совершенно разная технология изготовления и орнаментации сосудов. Е. Е. Кузьмина пишет, что для древних ариев (т. е. андроновцев по ее мнению) в гончарном деле характернейшим признаком была формовка сосудов из глиняных лент, путем постепенного наклепа одной ленты к другой — методом кольцевого наклепа. Характерным орнаментом были наклепные валики, шишечки (соски) и пр. С этими утверждениями невозможно согласиться, не опровергнув следующую характеристику всемирно известных мастериц гончарного дела — жительниц дагестанского сел. Балхар. Вот как характеризуют их искусство Е. М. Шиллинг и В. И. Марковин: «Посуда в сел. Балхар формируется вручную жгутовым способом («мастерица держит правой рукой «колбаску» и сантиметр за сантиметром «скармливает» ее, лепя стенку изнутри») с применением самого примитивного круга — жюлла. В балхарской керамике до сих пор сохранилась традиция украшать посуду наклепными валиками, шишечками, конусами»⁷¹. Думаю, опираясь на этот метод, очень трудно доказать арийское происхождение балхарских женщин.

3. Не более чем недоразумением является утверждение Е. Е. Кузьминой (со ссылкой на В. И. Абаева), что у ираноязычных осетин бытовали срубные жилища. Мы должны отметить, что в этнографической литературе о Кавказе общепризнано: срубные дома являются специфической особенностью традиционной культуры балкарцев и карачаевцев (В. П. Кобычев).

4. Трупосожжение — отличительная особенность федоровцев — вовсе не свойственна древнеямникам, а следовательно, и беспочвенны попытки связать федоровцев с древнеямниками⁷².

5. Сама исследовательница отмечает, что лишь в некоторых пунктах на севере Афганистана обнаружена «степная керамика», проникшая сюда с севера, а курганов, как таковых, там вовсе нет⁷³.

6. Федоровские памятники в основном датируются XIII—XII вв. до н. э.⁷⁴, а по мнению многих известных индийских и европейских археологов (Э. Маккей,

С. Смит, С. К. Дикшит, Н. Г. Маджумдар), проникновение ариев относится ко времени не позднее XVI в. до н. э.⁷⁵

7. По мнению крупных индоариеведов, «арии представляли собой орды империалистических захватчиков в полном смысле этого слова... Цивилизация долины Инда была сметена безжалостным и могущественным врагом одним взмахом, многие археологи считают этих врагов «ариями»⁷⁶. Трудно поверить, что племена, оставившие такую о себе характеристику, «запечатлели» себя лишь только отдельными элементами «степной керамики» в отдельных пунктах.

8. Вспоминаются слова И. М. Дьяконова о том, что никто не считает индоариев кочевым народом: «Эти «виры» (т. е. арии.—И. М.) были, по всей вероятности не кочевым, а оседлым народом»⁷⁷. И вот эту мысль как нельзя лучше подтверждают новейшие исследования В. И. Сарияниди, который археологическими материалами доказывает продвижение племен с Иранского нагорья на восток к Северозападным районам Индии через Афганистан⁷⁸. Его данные хорошо подкрепляются лингвистическими исследованиями Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова.

Таким образом, продвижение индоариев было не с севера на юг, а с запада на восток — из Иранского нагорья через Афганистан. На севере могли проникать лишь отдельные группы на юг Туркмении, но они никогда не заходили севернее Южного Приаралья. Думается, что эту легендарную брешь между Ираном и Тураном, т. е. Железные ворота орхонских надписей, и закрывал железными запорами Александр Македонский.

Суммируя выводы и аргументы некоторых авторов, рассмотренные в этом разделе книги, мы невольно ловим себя на мысли о том, что все известные человечеству достижения разума к периоду IV—III тыс. до н. э.:

— культивирование различных злаков;

— domestикация почти всех видов животных, достижения в металлургии и металлообработке меди, бронзы и цветных металлов;

— пашенное и орошаемое земледелие, изобретение колеса и повозки;

— боевые колесницы, водный и сухопутный транспорт;

— достижения гончарного ремесла;
 — изобразительное искусство;
 — изобретение «кургана», сруба, погребальных деревянных колод и многое другое — все это приписывается гению одних только индоевропейцев. Вот это и есть тот самый «ретроспективный империализм», от которого предостерегали Орбели и Дьяконов.

Напрашивается вполне однозначный ответ на вопрос: а что же внесли в мировую цивилизацию неолита и ранней бронзы другие племена?

Подводя итог, хочется предложить читателям две таблицы, которые отражают все изложенное выше и, кажется, сами говорят за себя.

Таблица 1

Индоевропейцы Передней Азии	Древнеямянки
1. Государство, цари, жрецы, храмы	_____
2. Храмовое хозяйство, налоговая система, войско	_____
3. Классовая структура общества	_____
4. Земледелие, культ земледелия	_____
5. Ирригационные сооружения, ирригация полей	_____
6. Многослойные, многовковые поселения, города	_____
7. Дома из глинобита, сырцового кирпича, здания из жженого кирпича	_____
8. Высокий уровень металлургии	_____
9. Высокий уровень гончарного дела	_____
10. Могилы под полом дома	_____
11. Могильники на поселениях	_____
12. Захоронения в кувшинах	_____
13. Погребальные гробницы из сырца и жженого кирпича	_____
14. Культ быка	_____
15. Печатки, титулы, штандарты	_____
16. Царские гробницы	_____
17. Труносожжения	_____

Древнеямники, срубники и их наследники	Древние индоевропейцы
1. Курганы для погребений	-----
2. Могилы, облицованные деревом, подстилка из коры, травы, камыша, бревенчатый накат над могилой	-----
3. Погребальный сруб и колода	-----
4. Погребальные повозки	Только в царских гробницах
5. Жертвенная пища: кости лошади, овцы в могилах	-----
6. Круглодонная, остродонная, яйцевидных форм посуда	-----
7. Костяные и медные псалии	-----
8. Кости лошади на поселениях	-----
9. Культ лошади	-----

Вряд ли без специального насилия над фактами или не игнорируя их вовсе, можно связать эти схемы между собой, а тем более вывести одну из другой.

Совершенно очевидно одно: либо древние индоевропейцы — оседлые земледельцы и тогда они не имеют никакого отношения к кочевнической древнеямной культуре, либо они древнейшие кочевники и тогда они не имеют никакого отношения к земледельческой цивилизации Передней Азии. В этом нас убеждает исследование Н. Я. Мерперта, которое привело его к выводу о том, что «культура древнеямных племен не появилась и не могла появиться в готовом виде «откуда-то с юго-востока», и что «в Волжско-Уральском варианте культура ранних древнеямников представлена в наиболее чистом своем виде, не усложненным воздействиями инокультурных групп или сочетаниями с традициями аборигенов: эти племена сами явились аборигенами в данной области, их распространение — первым регулярным заселением степных пространств, а их культура — первой специфически степной культурой»⁷⁹.

Завершить этот экскурс хочется по примеру И. М. Дьяконова известной поговоркой: «Один глупец может задать больше вопросов, чем семь мудрецов мо-

гут найти ответов». Но если он сумел сформулировать вопрос и предлагает альтернативные ответы, значит, либо глупец не тот, или мудрецы не те.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: Исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981; *Массон В. М.* Средняя Азия и древний Восток. М.: Л., 1964; *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Указ. раб.

² Энеолит СССР...; Эпоха бронзы...

³ *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема: Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. № 3. С. 3—36; *Они же.* Миграция племён — носителей индоевропейских диалектов с первичной территории расселения на Ближнем Востоке и исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. 1981. № 2. С. 11—33; *Они же.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ и протокультура. Тбилиси, 1984.

⁴ *Дьяконов И. М.* Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С. 7.

⁵ *Джанашидзе О. М.* Этнокультурная история Грузии в эпоху ранних курганов // Кавказ и цивилизации древнего Востока... С. 80—81.

⁶ *Пьянков И. В.* Кавказ и пути древних этнических передвижений // Кавказ и цивилизации древнего Востока... С. 111.

⁷ *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы...

⁸ Там же. С. 918.

⁹ *Дьяконов И. М.* Указ. раб. С. 6.

¹⁰ *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3. С. 15—24.

¹¹ Знание — сила. 1988. № 9. С. 27.

¹² *Март Н. Я.* Избранные труды. Л., 1933. Т. 1. С. 213.

¹³ Там же. С. 133.

¹⁴ Там же. С. 93.

¹⁵ *Дьяконов И. М.* Языковые контакты на Кавказе... С. 5.

¹⁶ *Март Н. Я.* Указ. соч. С. 213.

¹⁷ Цит. по: *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык... С. 458 (прим. 1).

¹⁸ Там же. С. 958.

¹⁹ Цит. по: *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Указ. раб. С. 157.

²⁰ Всемирная история. М., 1956. Т. 1. С. 126—128, 139, 141—142, 194—198, 205; *Чайлд Г.* Прогресс и археология... С. 50 сл.; *Массон В. М.* Древние гробницы вождей на Кавказе: (Некоторый аспект социальной интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности: (Памяти Е. И. Крупнова). М.: Наука, 1973. С. 108.

²¹ *Чайлд Г.* Указ. раб. С. 76.

²² *Массон В. М.* Указ. раб.

²³ *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы... С. 30.

²⁴ *Чайлд Г.* Указ. раб. С. 49.

²⁵ Бибикова В. И. Животноводство в Северной Месопотамии в V тыс. до н. э.: (По материалам халафских поселений Ярым-тепе) // Приложение к кн.: Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения... С. 299—306.

²⁶ Бахтеев Ф. Х., Янушевич Э. В. Находки культурных растений на раннеземледельческих поселениях Ярым-тепе II в Северной Месопотамии // Приложение к кн.: Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Раннеземледельческие поселения.. С. 287—298.

²⁷ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 251; Всемирная история... С. 127.

²⁸ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 307—315.

²⁹ Там же. С. 29—76. Рис. 5—16; Всемирная история... С. 122, 127, 128, 192—193.

³⁰ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 67.

³¹ Чайлд Г. Указ. раб. С. 42, 92—92.

³² Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 78—86.

³³ Чайлд Г. Указ. раб. С. 156, 161, 165; Дикшит С. К. Введение в археологию... С. 322—323.

³⁴ Wolley G. Leonard. Ur of the Ghabdees // Pelican. London, 1938. p. 27, 32.

³⁵ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 207, 212, 266.

³⁶ Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани: (Из оледенелых курганов Алтая). М.: Искусство. 1968. С. 27.

³⁷ Всемирная история... С. 123—124.

³⁸ Там же. С. 128, 194.

³⁹ Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 85—102.

⁴⁰ Там же. С. 112.

⁴¹ Там же. С. 87—112, рис. 19—26, 41.

⁴² Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Древняя Передняя Азия... С. 10; Генинг В. Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4. С. 53—70.

⁴³ Массон В. М. Указ. раб. С. 108.

⁴⁴ Анфимов И. Н. Курганы эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1988. С. 19—20.

⁴⁵ Генинг В. Ф. Указ. раб. Рис. 3.

⁴⁶ Всемирная история... С. 192.

⁴⁷ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы... С. 544—545 сл.

⁴⁸ Там же. С. 545—548.

⁴⁹ Там же. С. 556.

⁵⁰ Там же. С. 544—545.

⁵¹ Там же. С. 558.

⁵² Там же. С. 559.

⁵³ Там же. С. 560.

⁵⁴ Бибикова В. И. Указ. раб. С. 300.

⁵⁵ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Указ. раб. С. 558.

⁵⁶ Мунчаев Р. М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и восточная Европа в древности... С. 76.

⁵⁷ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Указ. раб. С. 733.

⁵⁸ Там же. С. 493.

⁵⁹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 23.

⁶⁰ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Указ. раб. С. 507—509.

- 61 *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1.
С. 32.
- 62 *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Указ. раб. С. 914—915.
- 63 Там же. С. 915.
- 64 Там же. Примеч. 1.
- 65 Там же. С. 917.
- 66 Там же. С. 918.
- 67 Там же. С. 950.
- 68 *Schreder O.* Prehistorie Antiquities of the Azyan Peoples. London, 1890. P. 149.
- 69 *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы...
- 70 Там же. С. 87, 101, 103, 107.
- 71 *Кузьмина Е. Е.* Указ. раб. С. 101—103; *Она же.* Гончарное производство у племен андроновской культурной общности: (Об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоариев) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 172—173; *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. Каякенто-хороочевская культура. М., 1969. С. 96; *Шиллинг Е. М.* Балхары. Пятигорск, 1936. С. 16.
- 72 *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы... С. 52.
- 73 Там же. С. 84—86.
- 74 *Виноградов Н. М., Кузьмина Е. Е.* Указ. раб. С. 147.
- 75 *Кузьмина Е. Е.* Указ. раб. С. 101—102.
- 76 *Дикшит С. К.* Указ. раб. С. 345.
- 77 Там же. С. 351—467.
- 78 *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана: (Материалы Советско-афганской экспедиции 1969—1974 гг.). М.: Наука, 1977. С. 5, 83, 90, 145 сл.
- 79 *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы... С. 145, 148 сл.

История тюркских народов начинается с курганов

Именно к такому выводу приводит непредвзятого, объективного исследователя анализ всего комплекса археолого-этнографического материала, относящегося к населению Евразийских степей. Вывод этот обосновывается тем, что курганная насыпь — как специфический и неотъемлемый элемент погребального обряда степных кочевнических племен — сохраняется у многих тюркских племен степного континента вплоть до нового времени.

Как известно, этногенетическая информативность археологии растет прямо пропорционально строгому сочетанию данных археологии, сравнительной лингвистики, палеоэтнографии¹. Исходя из этих принципов, мы можем подчеркнуть следующие положения:

1. Об этнических перемещениях можно говорить лишь при неразрывном сочетании триединого комплекса: погребального обряда, типического археологического инвентаря, характерных культовых предметов.

2. Возникновение нового производящего подвижного хозяйства — кочевого скотоводства (прежде всего овцеводства) обусловило появление курганной насыпи, чтобы не затерялось в степях место погребения сородичей при частой смене кочевнических стоянок. В появлении подобных насыпей в древних оседло-земледельческих обществах не было необходимости, т. к. усопших они хоронили в самих жилищах, на многовековых поселениях либо на территории самого поселения, либо в непосредственной близости. Курганы появились в степях и являются их этнокультурным паспортом на протяжении многих тысячелетий.

Дошедшие до нас древнейшие курганы едва достигали высоты 1 м, имели очень скудный, бедный инвен-

тарь², что не позволяет видеть в первоначальных курганах проявление какого-либо элитарного, социального элемента или имущественного неравенства.

3. На крайнем востоке Евразийских степей происходит смешение и синкретическое развитие культур курганников-европеоидов и неолитических племен Забайкалья и Саяно-Алтайского нагорья, имевших в своем облике монголоидные черты. Однако, как отмечалось, еще в карасукских погребениях встречаются типичные европеонды. Устоявшийся стереотип представлений о тюркских племенах Средней Азии как об извечных монголоидах давно должен быть отброшен.

4. В Южной Туркмении и Северных предгорьях Капу-Дага (Копед-даг) степная культура сталкивается с древним земледельческим миром. Скрещение этих культур вызывает особый интерес в истории древнего Востока. Антропологи прочно обосновали положение о том, что демаркационная линия между северными и южными представителями европеоидных типов на территории Средней Азии в эпоху неолита и доземледельческого хозяйства проходила намного южнее, чем в эпоху энеолита и бронзы, когда эта линия продвинулась на юг Туркмении³.

В конце V—III тыс. до н. э. воздействие южного очага цивилизации на материальную культуру населения Южного Приаралья проявилось и в типах керамики, орнаментальных узорах, окраске поверхности в кельтеминарских комплексах. «Южные черты в керамике кельтеминара связаны,— пишет М. А. Итина,— не с прямым, а опосредствованным воздействием. Достаточно сказать, что предметов южного происхождения здесь не найдено»⁴. Свидетельством существования прочных контактов с севером служит могильник Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении, краниологический материал из которого связан с Поволжьем, а археологический инвентарь находит много общего с памятниками Самарского Заволжья и Восточного Прикаспия. Сочетание северного (кочевого) и южного (земледельческого) культурных течений во II—I тыс. до н. э. дает в Южном Приаралье тазабагьябскую культуру пастухов-овцеводов и земледельцев.

5. Раскопанные на реке Сумбар у пос. Кара-кала в Южной Туркмении 200 катакомб IV—II тыс. до н. э. приводят исследователей к выводу о том, что «теперь

вопрос о путях проникновения индоариев и иранских племен на территорию Ирана и Средней Азии можно считать решенным: в погребальных камерах середины IV тыс. до н. э. найдены красноангобированные расписные, светлоангобированные нерасписные и сероглиняные сосуды одной формы, что свидетельствует о сугубо местном производстве и происхождении серой керамики (с которой обычно связывают движение индоариев.— И. М.). Если эта серия керамики впоследствии и распространялась по значительной территории Среднего Востока, то ее исходным пунктом следует считать район Юго-Восточного Закаспия»⁵.

6. Открытие сумбарской культуры вновь поставило вопрос о происхождении катакомбной культуры. «Анализ всей совокупности фактов,— пишет Н. И. Хлопин,— показал, что катакомбы в эти места не привнесены извне, а все этапы их формирования представлены на месте, начиная с самых древних периодов. Более того, в долине Сумбара есть весь эволюционный ряд данного погребального сооружения вплоть до современности»⁶. Таким образом, бытование катакомб с IV тыс. до н. э. и до наших дней в долине Сумбар у современных таджиков доказывает принадлежность катакомб ираноязычным племенам и заставляет «радикально пересмотреть многие вопросы хронологии, генезиса, взаимосвязей и др., касающиеся не только культур Средней Азии, но и Ирана, а может быть, и Закавказья»,— продолжает Хлопин⁷. Здесь можно добавить, что этот вопрос столь же важен и для истории северокавказских племен, т. к. в средневековую эпоху племена с катакомбным обрядом погребения обитали и на Северном Кавказе.

Исследователь сумбарской культуры убежден в том, что «могильники среднего течения Сумбара представляют собой отдельную культуру, в определенной степени родственную однотипным культурам Северного Ирана и входящую с ними в одну культурно-историческую провинцию, которая спустя несколько веков стала местом формирования мидийско-иранского этнического объединения»⁸. По справедливому мнению Н. Л. Сухачева, катакомбы Сумбара играют огромную роль в вопросах происхождения катакомбной культуры юга СССР. «поскольку катакомбы связаны с поисками прародины индоевропейцев, которым эта культура приписывается»⁹.

7. В этот сложный узел вплетается и проблема проникновения на Северный Кавказ средневековых катакомб ираноязычного населения региона. Если проникновение катакомб II тыс. до н. э. в этот край из Поднепровья доказано, то пути средневековых катакомб в Предкавказье не исследованы. Одно можно констатировать определенно: продвижение средневековых катакомб на Северный Кавказ с востока, из-за Каспия, археологически не документируется. В этом вопросе, кажется, права М. П. Абрамова, нащупывающая связь между древними и средневековыми катакомбами Северного Кавказа посредством памятников IV—III вв. до н. э. Крыма и Таманского полуострова. Заслуживает вновь повторенное ею утверждение, что «рассматривать предкавказские катакомбные могильники как памятники ираноязычных сармато-алан у нас нет оснований», так как они не находят аналогий «среди погребальных памятников сарматов»¹⁰. Такую же точку зрения поддерживают А. П. Смирнов и В. Б. Ковалевская, по мнению которых невозможно вывести средневековые катакомбы из подбойных могил сарматов, а самих аланов нет доказательств связывать со средневековыми «катакомбниками»¹¹. После открытия сумбарской культуры уже нет сомнений в том, что катакомбы действительно принадлежали ираноязычным племенам, но как они именовались — это не ведомо никому. Нет никаких оснований называть аланами ираноязычные племена — катакомбников. Попытки это доказать, предпринятые В. А. Кузнецовым, опираясь на искажения слов Ю. В. Готье, — несостоятельны¹².

8. Южные районы Туркмении и горные проходы хребта Капу-Даг (букв.: Воротные горы.— И. М.) извечно служили той воронкой, по которой на север и на юг взаимопроникали носители двух различных культур: кочевников-степняков и земледельцев-южан. Именно этот проход, как отмечалось, закрыл Александр Македонский железными оковами¹³, и именно эти проходы в Гиссарском ущелье назывались в Орхоно-Енисейских надписях Железными воротами («Темир-Капу»)¹⁴. О смешанности языков именно в этой зоне стыка говорят и античные авторы Эратосфен, Страбон, Арриан, Юстин. По словам последнего, язык парфян (скифских изгнанников) был «средний между скифским и мидийским, помесь того и другого»¹⁵. Отсюда ясно видно, что

язык скифов и мидян был различным, ибо из однородного языка помеси быть не может. То же самое говорил, как мы уже знаем, о языке аланов и асов, переселившихся сюда с севера, Аль-Бируни. Возникновение «Железных ворот» — явный памятник извечной борьбы Ирана и Турана. Любопытно, что напротив тех — восточных, сасаниды построили такие же ворота у Дербента на Северном Кавказе.

9. Археологи-кавказоведы постоянно пользуются терминами «степное влияние», «степные элементы», «предметы степного типа» и т. п. Этими терминами изобилуют почти все работы, касающиеся майкопской, северокавказской, прикубанской, кобанской, каякенто-хорочоевской культур Северного Кавказа III—I тыс. до н. э. К сожалению, никто из авторов не раскрывает подлинного лица этих «аморфных» степняков. А ведь для «майкопцев» — это их предшественники ямники, для северокавказской, прикубанской культур — это были катакомбники и срубники, для позднекобанской культуры — скифы.

Вместе с ямниками на Северный Кавказ впервые приходят курганы и характерный погребальный обряд под курганной насыпью. На базе симбиоза и синкретического развития культуры северокавказских племен и степняков-древнеямников сложилась знаменитая майкопская культура середины III тыс. до н. э. По словам Н. Я. Мерперта, эта культура испытывала заметные степные воздействия, в том числе в погребальном обряде¹⁶.

На ранних этапах формирования майкопской культуры еще сохранялись степные традиции: могильная яма облицовывалась деревом, дно устилалось корой, чистой желтой глиной, камышом, войлоком; умерших сопровождали прежде не характерные для туземного населения кости конечностей, лопаток, астрагалов (альчииков овец и пр.). Позднее все более проявляются кавказские черты: каменные наброски над могильной ямой, галечная вымостка дна могильных ям и др. Меняется и хозяйственный облик племен. По этому поводу Н. Я. Мерперт пишет: «Что касается характера скотоводства стационарных майкопских поселений (типа Мешоко) с характерным для него преобладанием свиней в стаде, то и он заметно отличается от древнеямного... Если в наиболее ранних слоях майкопских поселений кости

мелкого рогатого скота составляют лишь 18 % (при 50 % костей свиньи), то позднее — под явным воздействием самих степных племен — число их возрастает до 48 %»¹⁷.

10. С Северного Кавказа курганы проникали на Южный Кавказ (Уч-тепе, Бедени, Лчашени и др.) и далее в Переднюю Азию и Восточную Анатолию, где вместе с курганами впервые появляются кости домашней лошади и характерный древнеямный погребальный обряд (Корук-тепе, Норсун-тепе, Тепесик). Древнейшие курганники растворились в земледельческой среде, и в позднейших курганах Закавказья от их первоначального этнокультурного содержания почти ничего не сохранилось, кроме самой насыпи кургана. Слияние кочевнической и земледельческих культур представляет первую интеграцию земледельцев и кочевников на далеком юге. В таких случаях, как говорил Ибн-аль-Асир, «земля берет верх» и кочевники превращаются в оседлых и полuosедлых земледельцев и скотоводов.

11. Для нашей темы чрезвычайно важно, что территориально локальные варианты древнеямной культуры почти полностью совпадают с территорией локальных вариантов салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата и половецкой культуры Восточно-Европейских степей.

Древнеямная	Хазарская	Половецкая
Волжско-Уральский	Средневожжский	Позвожжский
Предкавказский	Дагестанский	Предкавказский
Приазовский	Приазовский	Приазовский
Крымский	Крымский	Крымский
Донской	Нижнедонской	Нижнедонской
Северско-донецкий	Верхнедонской	Донецкий
Северо-западный	Дунайский	Приднепровский
Юго-западный	-----	Лукоморский
Нижнеднепровский	-----	-----

Как видим, степные просторы Восточной Европы с конца IV тыс. до н. э. по XI—XII вв. н. э. занимали племена примерно с одинаковым хозяйственно-экономическим укладом, сформировавшие стойкое кочевое общество, удачно и прочно приспособленное к степному ландшафту. В связи с этим выводом очень уместно вспомнить слова Н. Я. Мерперта о том, что «одним из основных объединяющих признаков древнеямных племен является курганный обряд... Курганы возникли как по-

гребальные памятники степных скотоводческих племен... Курганы являют разительный контраст погребальному обряду раннеземледельческих обществ, где мертвые оставались в пределах своего поселка, даже своего дома... В степи же курганы насыпались в самые различные периоды и самыми различными племенами: от древнейших до половецких и татарских на востоке до паннонских на западе и южнодубийских на юге — в пространстве»¹⁸.

Таким образом, археологический аспект накопленного материала подтверждает высказанный нами вывод о том, что история тюркских народов начинается с курганов.

Палеоэтнографический аспект

Хорошо известно, что при этнокультурной атрибуции археологических культур, как пишет В. Файрсервис, важную область составляет то, что обычно называют «этнографической реальностью»¹⁹. Речь идет об изучении живых культур современного мира, которое свидетельствует, что определенные типы поведения реализуются не в отдельных культурных чертах, а в их комплексах. Этнографы знают, что если мы сталкиваемся с определенным типом жилья вкупе с определенным способом погребения, а также с определенными экономическими зависимостями, тогда весьма высока будет вероятность определения этносоциальной организации той или иной культуры. Таким ретроспективным методом, как мы уже отмечали, установлена генетическая связь между ямно-срубной — скифской культурами, преднамеренно не проследив дальнейшую эволюцию курганной культуры после скифов.

Хотя некоторые авторы и «запрещают» искать истоки традиционной культуры тюрко-монгольских племен в скифской культуре (С. Л. Тихвинский, И. Алиев), однако, вопреки их желаниям, и в перспективном развитии скифская культура продолжает бытовать лишь только исключительно в культуре тюрко-монгольских народов. И наоборот, ретроспективное изучение традиционной культуры этих народов вновь ведет исследователей к культуре скифов. И здесь имеются в виду далеко не отдельные черты, а *весь без исключения этнокультурный*

комплекс: уклад ведения кочевого хозяйства, покрытые войлоком шалаши и повозки, юрты, доение кобылиц, приготовление и употребление кумыса, конины, почитание коня, погребальные срубы, деревянные колоды-саркофаги, захоронения лошадей, курганная насыпь; обычай побратимства, способы гадания, доения кобылиц, варки мяса и т. п. Ни один из названных элементов не характерен для «катакомбников» — индоариев или индоевропейцев ни древней, ни средневековой эпох. Ни в языке, ни в фольклоре индоиранских народов (будь то оседлые или кочевые) не отложился термин, адекватный понятию «кумыс». А ведь этот специфический напиток скифов и тюрков известен еще Эсхилу и Страбону (если это не вторжение переводчиков в оригинал античных трудов). Кроме того, и ныне известны кочевые ираноязычные племена в Афганистане и Иране, но и им чуждо употребление кумыса, конины, разведение коней вообще и т. п.

Неразрывная территория обитания курганников-кочевников в Евразийских степях от Алтая до Карпат на протяжении 6 тысяч лет породила определенную и очень стойкую социальную организацию — кочевое общество, оптимально приспособленное к физико-географическим условиям и использованию пастбищ — основной базы своей экономики²⁰.

Аспект исторической лингвистики

1. Курганная насыпь, как серьезнейший индекс погребального обряда степной этнокультуры, уже с конца IV тыс. до н. э. глубоко внедрилась во многие инокультурные общности, надолго в них прижилась. Но странно, что ни на одном из индоевропейских, индоиранских, угро-финских, кавказских языков термин «курган» не имеет смысла. Семантика слова раскрывается только на тюркских языках: карач.-балк., татарск.: *кур* — «строить, создавать, возводить»; киргизск., алтайск.: *Кюр, гюр* — «грести землю, окапываться землей». Отсюда: *курган* — «построенный, созданный, возведенный»²¹.

Такая же картина наблюдается с десятками названий древнейших земледельческих поселений VIII—III тыс. до н. э. в Передней и Средней Азии, в которых непременно присутствует необъяснимое ни на каком дру-

гом языке, кроме тюркского, слово *tene* — «холм». Этот термин восходит к таким общетюркским словам, как *tenne* — «макушка», *top* — «шар», *тебе / tene* — «бугор, холм».

Заставляет задуматься такой факт: Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов доказывают, что лошадь впервые была одомашнена индоевропейскими племенами в древней Передней Азии. Тогда непонятно, почему же у расселившихся с этого очага индоевропейских племен и народов нет единого, хотя бы приближенно похожего, единого корня для обозначения этой особи? Как могло случиться, что многие индоевропейские языки пользуются тюрко-монгольскими терминами «лошадь» (алаша), «мерин»? Трудно уповать на то, что представители множества языков все разом «забыли» столь характерные в их жизни явления и термины: «лошадь», «мерин», «курган», «тепе» — и ждали, чтобы им вновь о них напомнили в Восточной Европе гунны через 4 тысячи лет, а в Передней Азии огузы 50 веков спустя, даже в таких регионах, где они не оседали, например Ирак.

2. Вероятно, что факты вкупе с рассмотренными выше археологическими данными о расселении курганчиков подтверждают точку зрения тюркологов о глубоких исторических корнях теснейшего контакта тюркских языков с языками древнего мира (М. Ш. Ширалиев, А. М. Демирчи-Заде, З. Ямпольский, Н. З. Гаджиева). Эти контакты, пишет К. М. Мусаев, прослеживаются на всех уровнях как в тюркских, так и не тюркских языках — в лексике, фонетике, грамматике. Причем более древние контакты отражены во всех тюркских языках, что может свидетельствовать о едином очаге и времени распространения тюркских языков. По мнению специалистов, на востоке эти контакты прослеживаются в тюркизмах санскрита, палеоазиатских, тунгусоманчжурских языках; на юге — это контакты с иранскими языками; на Кавказе — с картвельскими, абхазо-адыгскими, нахско-дагестанскими языками; в Европе — с праславянскими языками; на севере — с угро-финскими и т. д.²² Во всех этих языках остались влияния контактов с тюркскими. Этот вывод тюрколога как нельзя лучше корреспондирует с древнейшим распространением курганной культуры и интеграцией ее во всех отмеченных направлениях с культурами названных народов. Эти события совпадают с периодом распада и расселе-

ния индоевропейской этнокультурной общности в конце IV тыс. до н. э. по теории Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова.

3. Особый интерес представляет обилие тюркизмов на всех уровнях иранских языков, которые никогда не учитывались иранистами при их этногенетических или этнокультурных построениях. По поводу постоянно наблюдающегося преувеличения одностороннего влияния иранского языка на тюркский К. М. Мусаев справедливо приводит одно важное замечание А. Мейе своим коллегам по индоевропеистике: «Одна из самых грубых и чаще всего встречающихся ошибок, — пишет Мейе, — состоит в убеждении, что всякое слово санскритского, германского и других языков, не заимствованное из известных нам языков, должно быть индоевропейским; никто прямо не выставляет такого нелепого принципа, но искать, как это часто делается, индоевропейского объяснения всех слов, каждого слова — это значит рассуждать так, как будто этот принцип принимается»²³. К сожалению, опасения А. Мейе дают о себе знать и в наши дни. Этот принцип взят на вооружение многими иранистами. Живой тому пример — попытка современных иранистов обосновать поголовную ираноязычность скифов, ссылаясь на Авесту, тексты которой наука знает лишь по списку 1274-го или 1324 г., т. е. канонизированного в период повсеместного распространения тюрко-монгольских кочевников в Евразийских степях и Передней Азии. В такой исторической обстановке вряд ли можно надеяться, что тексты Авесты были записаны в ираноязычном «вакууме». Прямым опровержением такого мнения являются обоснованные этимологии, семантические параллели, символические совпадения в тюрко-монгольских, бурятских языках и сказаниях с авестийскими терминами «г а т ы» — хат, хут; «Ахура Мазда» — Хурмуста; «хара» — кара и мн. др.²⁴

4. Очень раннее внедрение курганов в среднестоговскую, среднеднепровскую культуры, вероятно, оставило древнейшие тюркизмы в общеславянском языке. И. Г. Добродомов выделяет слова, заимствованные еще в праславянский период, во время распада праславянского единства. Он подчеркивает, что роль тюркского вклада в славянские языки «как правило, недооценивается по чисто априорным соображениям: кочевники-де не могли оказать влияния на оседло-земледельческое

население»²⁵. К сожалению, и этот постулат чрезвычайно живуч и наносит науке большой вред, и не только тюркологии.

5. Исследования Г. И. Рамстедта, Н. Поппе, В. Мункачи, М. Рясненна, Д. Фокош-Фукса, Б. Я. Владимирцева, Н. А. Баскакова приводят тюрколога Дж. Киекбаева к выводу, что тюрко-монгольский язык-основа (если таковой был.— И. М.) существовал приблизительно до IV тыс. до н. э., затем распался на монгольские и тюркские языки. Важно, что хронологически это совпадает с бытованием близкородственных, генетически и культурно тесно связанных между собой древнеямной и афанасьевской культур, объединяемых археологами в ямно-афанасьевскую этнокультурную общность. Позднее на западе и востоке Евразийских степей их сменили во II тыс. до н. э. такие же близкородственные племена срубной и андроновской культур, объединяемых в срубно-андроновскую этнокультурную общность. Это разделение в исторический период дает два близкородственных этнических массива: на западе — скифов, на востоке — сако-массагетов. Вероятно, в такой же глубине срубно-андроновской общности происходит разделение тюркских языков где-то во II тыс. до н. э. на западно-тюркский и восточнотюркский языки. С таким же разделением мы склонны связывать извечное разделение тюркского этноса на западные и восточные «дома».

Антропологический аспект

Древнейшие пратюркские, или праалтайские, племена (древнеямники, афанасьевцы, андроновцы, срубники) индоевропейского типа по мере продвижения на восток, в глубь Азии, приобретали монголоидные черты, особенно при интеграции с окуневцами. А те, которые перемещались в западном направлении и в сторону Кавказа от своего древнейшего очага, сохранили свой древний, европеоидный облик. Этим обстоятельством, вероятно, объясняется тот факт, что древние авторы отмечали среди скифов и европеоидные, и монголоидные типы. Ведь еще даже в карасукских погребениях обнаруживаются и те и другие типы. Сказанное прекрасно иллюстрируется подсчетами антрополога Л. В. Ошанина: «Монгольская складка» (эпикантус) верхнего века сре-

ди настоящих монголоидов имеется в 80—90 %. Процент людей с этой складкой уменьшается с востока на запад, причем лучше держится у женщин, чем у мужчин; у казахов ее имеет 55 % женщин и 22 % мужчин; у киргизов она есть примерно у 85 % женщин и 50 % мужчин; у узбеков 18 % женщин, 13 % мужчин; у туркмен, считающихся биологически стопроцентными массагетами, — 10 % женщин и 6 % мужчин; у азербайджанцев лишь 2 % с эпикантусом, а у турак его практически нет» (цитирую по И. М. Дьяконову.— И. М.).

* * *

Из всего изложенного можно сделать следующее заключение: древнейшая история прототюркских, или протоалтайских, племен начинается с появлением курганной культуры со всем комплексом ее специфики. С этого времени мы можем говорить о полнокровном характере их хозяйства, культуры и языка. Исследования показывают возможность пересмотреть вопрос о древнейшей прародине древнейших тюркских племен в пользу Волго-Уральского междуречья, где в конце IV тыс. до н. э. появились первые курганы. Если верны выводы лингвистов о том, что тюркские языки обособились где-то в IV тыс. до н. э., тогда эта точка зрения получает в прямом и переносном смысле материальное «заземление»: посредством археологических памятников древнеямной и афанасьевской культур, оставленных ямно-афанасьевской общностью, которую можно рассматривать как праобраз древнейших прототюрков, или протоалтайцев.

Этот тезис подкрепляет исследование известного лингвиста Ю. Немета. Он пришел к выводу, что «древнейшие территории, где жили тюрки, обычно относят к Восточной Азии или Центральной Азии. В противоположность этому я высказываю мнение, что древнюю территорию тюрков надо искать в Западной Азии. Тюркские племена, вероятно, не следует отрывать от Уральских, и нет оснований относить первоначальную территорию к Средней и Восточной Азии»²⁶.

На Северном Кавказе древнейшие тюрко-иранские смешения и синкретизм их культур уходят в глубь истории смешения древнеямной — катакомбной — срубной культур. Археологические исследования и картографи-

рование памятников говорят о том, что древнейшие курганы, а позднее и катакомбники вклиниваются между протоабхазо-адыгским массивом на северо-западе и протонахско-дагестанским массивом на северо-востоке Предкавказья.

Древних «курганников» и «катакомбников» есть возможность рассматривать как праоснову клиньев в промежуток между названными массивами далеких предков тюркского и иранского населения Центрального Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Барта А. Проблемы этнической археологии в уралистике и алтаистике // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 11.

² Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы... С. 30.

³ Алексеева В. П., Кияткин Т. П., Ходжайлов Т. К. Палеоантропологические материалы эпохи неолита и бронзы с территории Средней Азии // Древние цивилизации Востока: Материалы II симпозиума советско-американских археологов. Ташкент: Фан, 1986. С. 33.

⁴ Итина М. А. Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их «варварской» периферией в эпоху бронзы // Древние цивилизации Востока... С. 130—131.

⁵ Хлопин Н. И. Могильники эпохи энеолита и бронзы в юго-западной Туркмении // Древние цивилизации Востока... С. 204—214.

⁶ Там же. С. 210—211.

⁷ Хлопин Н. И. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы // По материалам Сумбарских могильников. Л.: Наука, 1983. С. 133.

⁸ Там же. С. 40—41.

⁹ Сухачев Н. Л. Хлопин Н. И. Юго-западная Туркмения в эпоху бронзы // ВДИ. 1988. № 1. С. 223.

¹⁰ Абрамова М. П. Подкумский могильник. М.: Наука, 1987. С. 177; Она же. Кочевые ираноязычные племена Предкавказья по археологическим данным // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1988. С. 48.

¹¹ Смирнов А. П. Рецензия на книгу Р. Л. Кызласова «История Тувы в средние века» // СА. 1971. № 1. С. 300; Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М.: Наука, 1984. С. 92; Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. № 1. С. 77—78.

¹² Мизиев И. М. История рядом. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 35—36.

¹³ Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе... С. 493—494.

¹⁴ Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М.: Наука, 1976. С. 47, 55.

¹⁵ Цит. по: Латышев В. В. Известия древних писателей... Т. 2. ч. 1. С. 63.

¹⁶ Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 132.

¹⁷ Мерперт Н. Я. Указ. раб. С. 144.

¹⁸ Там же. С. 133.

¹⁹ Файрсервис В. К вопросу о происхождении харапской цивилизации // Древние цивилизации Востока... С. 189.

²⁰ Кшибеков Д. Кочевое общество. Алма-Ата, 1984. С. 9—13, 217—220.

²¹ Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985. С. 159.

²² Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. С. 120—121, 131 сл.

²³ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938, С. 437—438 (цитирую по Мусаеву).

²⁴ Чагдуров С. Ш. Происхождение Гэсэриады. Новосибирск: Наука. 1980. С. 44 сл., 84 сл.

²⁵ Добродомов И. Г. Пути проникновения болгарской лексики в славянские языки // Тюркизмы в восточнославянских языках. М.: Наука, 1974. С. 26.

²⁶ Немец Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Есигрри // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 126—136.

Древнейший этап формирования этнической основы балкаро-карачаевцев

Проделанный анализ археологического материала показал, что в конце IV—III тыс. до н. э. древний оседло-земледельческий мир Европы, Южного Кавказа, Средней и Передней Азии приходит в столкновение с курганной культурой древнейших степняков кочевников-овцеводов, которых мы склонны отождествлять с пратюркским этносом.

Вероятно, еще в древнейшую эпоху оторвавшиеся от своей основы кочевники, «окунувшись» в земледельческую среду, не теряли своих теснейших контактов с метрополией. Об этом, кстати, очень красноречиво свидетельствует разительное сходство многих предметов майкопской культуры, особенно украшений и ценностей, с подобными предметами из шумерских городов *Ур*, *Лагаш*, *Киши* и др. Отсутствие аналогичных предметов в густой сети куро-аракских памятников в пространстве от Южного Кавказа до Кубани и Северного Кавказа дополняют высказанную мысль и позволяют воспринимать наблюдаемое явление как результат культурно-экономических связей оторвавшихся древних кочевников со своими далекими родственными племенами, оставшимися в степях Евразии.

Этими фактами объясняются обнаруживаемые шумеро-тюркские параллели на всем пространстве распространения древнейшей культуры и расселения тюркских народов от Поволжья до Алтая.

Очень важно, что почти все основные элементы этнокультурной атрибутики скифо-сакских племен, восходя-

щие к древнекурганным культурам, на протяжении многих веков непрерывно развиваются в культуре древнетюркских племен: гуннов, хазар, кипчаков, а также составляют специфические особенности традиционной культуры многих тюркских народов¹. Следовательно, эти элементы не прерываются на скифах, как это пытаются доказать индоевропеисты, а продолжают бытовать в культуре средневековых и современных тюркских народов. Здесь имеются в виду не отдельные факты, а весь этнокультурный комплекс: уклад ведения кочевого хозяйства, крытые войлоком жилища — шалаши, повозки, юрты; доение кобылиц, изготовление и употребление кумыса, конины, почитание коня; срубы и деревянные колоды-саркофаги и т. п.

Таким образом, мы имеем полное право считать древнеямную курганную культуру древнейшей праосновой традиционной культуры тюркоязычных народов Средней Азии, Алтая, Поволжья и Кавказа.

Наши взгляды могут показаться противоречащими устоявшемуся мнению о формировании тюркских языков и культур в Восточной и Центральной Азии, в частности на Алтае. Однако распространение курганной культуры древних кочевников-овцеводов археологически подкрепляет точку зрения, что древнейшие тюркоязычные племена расселялись не восточнее Алтая, а западнее, скорее всего в степной и лесостепной зоне между Алтаем и Уралом². Этот тезис полностью подкрепляет приведенное выше мнение Ю. Немета. Для нашей гипотезы очень важно мнение и другого крупного лингвиста Н. А. Баскакова, утверждавшего, что «все тюркские языки образуют группу близкородственных языков, характеризующихся общими генетическими и типологическими чертами. Общее происхождение тюркских языков выражено в чрезвычайной близости их грамматического строя и словарного состава»³. Обнаруживаемые лингвистами чрезвычайную близость и родство тюркских языков мы обосновываем чрезвычайной близостью и генетическим родством их древнейшей ямно-афанасьевской и срубно-андроновской этнокультурной общности.

Когда в этногенетических исследованиях речь заходит о роли ведущего этнического признака — языка, вряд ли можно обойти молчанием ностратическую или бореальную теорию происхождения языков. В настоящее время признается древнее родство индоевропейских,

финно-угорских, тюркских и других языков⁴. Это родство уходит в глубь эпохи мезолита (т. е. свыше 10 тыс. лет тому назад). Именно в этот период, после отступления последнего оледенения, в Северной Евразии происходит переселение племен, распространение культур и языков⁵. В эпоху неолита и энеолита, когда происходит распад древней индоевропейской общности, одновременно идет и процесс расселения древней курганной культуры. Эти потоки в Европе, Азии, Кавказе непременно сталкиваются между собой, а отсюда и обнаруживаются древнейшие лексические взаимные заимствования из тюркских, индоевропейских, кавказских, семитских, древнеиндийских и других языков. Важно, что эти заимствования происходят на разных геохронологических уровнях, возможно восходящих к эпохе распространения бореальных или борейских языков. Известно, что языки признаются родственными, если обнаруживается значительное количество родственных корней. Например, борейский термин родства «kälü» на многих индоевропейских, уральских, дравидийских, картвельских, семитских, тюркских языках означает примерно одно и то же понятие⁶: «невестка», «сноха», «золовка», «жена брата», «жена сына» и т. п. Но кто может быть одновременно и женой брата, сына, дяди, и невесткой, и сестрой мужа и чем-то близким к «женщине вообще»? Всем этим требованиям удовлетворяет, пишут лингвисты, лишь одна степень родства — «женщина другой фратрии», «другого брачного союза»⁷. Поскольку термин *келин* широко распространен в языках-потомках борейских, тогда естественно встает вопрос о его начальном значении и этимологии. Поскольку «женщина другой фратрии» приходит в дом своих новых родственников, нельзя не заметить, что слово *келин* образовано от тюркского *кел* — «приходи, приходиться», а *келин*, следовательно, означает «пришедшая». Это значение вполне удовлетворяет все вышеназванные смысловые значения данного термина — и как жена брата, жена сына, дяди и т. д.

Рассмотренный корень, имеющий изначально тюркское значение, далеко не единственный. Новейшие исследования выяснили, что из 203 корневых борейских или бореальных слов 198 присутствуют как в составе уральских, так и в составе алтайских производных форм, а остающиеся 5 обнаруживаются, по крайней мере, в од-

ной из этих двух языковых групп⁸. Если к сказанному добавить, что раннеиндоевропейский язык (РИЕ) представлял собой главную ветвь бореального праязыка (БП), двумя другими ветвями которого были раннеуральский (РУ) и раннеалтайский (РА) языки⁹, тогда обнаруживаемые древнейшие лексические сходжения никого не должны удивлять. А сходжений даже между БП и карачаево-балкарским (КБЯ) достаточно много, вот хотя бы некоторые из них:

БП

т-ш — «удерживать», «подпора», «держатъ»

т-м — «тьма», «темный»
тума — «темный»

тор — «уколотъ»
терэ — «острие», «колотъ»

д-ш
дур — «продалбливать», «бить»
дюм — «бить», «долбить», «колотить»

теhe — «действие», «дело», «делать», «изготавливать»

л-ю — «прилипать», «липнуть», «липкий»

р-ху — «ветер», «веяние», «дуновение», «вздул», «раздувать», «дуть».

sar
sar-ru — «родник», «ручей», «журчать», «струиться»

КБЯ

тыя — «удерживать», «сдерживать»
тыян — «опираться»
тура — «стоять»
тире — «подпирать»

тум — «черный»
тум-къар — «черный -черный»

тире — «втыкать», «колотъ»

тюй (*тюв* — общ. тюрк.) — «бить» «колотить», «долбить»

эте — «делать», «изготавливать»

илин — «липнуть», «прилипать», «липкий»

урхо-дук — «пепел», «пыль»

sark — «журчать», «струиться», «течь»

ж-ш-i-x — «горящие
угли», «горящий», «обу-
гливаться», «пачкаю-
щий»

ш-ш,
шаош — «прислушивать-
ся», «слушать насторо-
женно», «насторожить-
ся»

х-л — «заблудившийся»
хул-гус — «бродяга»,
«скиталец», «скитать-
ся», «блуждать»

р-хш — «волокуша»,
«везти на волокуше»,
«тащить», «волочить»

жю-ла — «нагреваться»,
«кипеть», «пышет»

жхху — «хватать», «ох-
ват», «напористый»

кус — «резать», «резак»,
«срезать», «вырезан-
ный»

жу-х — «сочетаться бра-
ком», «породниться»,
«родственник»

дю — «день», «дневной»

куф — «логово», «зале-
гать», «лежать»

жһр — «сдирать», «дер-
гать», «торчком»

гул — «радостный», «уда-
ча», «ликовать»

жун — «знать», «узна-
вать», «познавши»,
«познал»

жинк — «искра», «тлеть»,
«горящий»

шош — «тихонько», «при-
слушиваться», «насто-
роженно»

халек — «блуждать»,
«скитаться», «скита-
лец», «бродяга»

ырхы — «лавина»,
«сель» (волочить, та-
щить)

жылы — «тепло», «греть»

суху — «напористо»,
«резко хватать», «рез-
кий»

кес — «резать»

жуукъ — «родственник»,
«породниться»

тюн — «день», «дневной»

кюф — «корзина для хра-
нения», «вместилище»,
«залежи припасов»

жырт — «отрывать»,
«срывать», «порвать»

кюль — «радоваться»,
«смеяться», «ликовать»

сун — «подумать», «по-
знать», «полагать»,
«узнать»

жр — «зарубка», «подсечь», «меченый»
к-р — «кора», «твердая корка», «шероховатый», «твердый»
тил-и — «была беременна», «выносила»
кю-слю — «кислый», «пениться», «опьяняющий», «хмель»
киу-саус — «соблазн», «находить вкусным», «искушение»
с-хв — «загонная ограда»

черт — «очертить», «зарубить», «подметить», «отметить», «зарубка»
гирях — «корка», «твердая корка», «шероховатый»
телю — «потомство»
тулу — «темя ребенка»
кюшлю — «кислый», «крепкий», «опьяняющий»
кюсе — «искушать», «хотеть», «желать»
сех — «ограда», «загонная ограда»
цек — «граница»

Приведенные примеры можно значительно увеличить, но и их вполне достаточно, чтобы сказать о том, как многие бореальные корни и восстановленные производные от них слова индоевропейских языков сохранились и бытуют в неизменной форме в карачаево-балкарском и иных тюркских языках, образуя при этом целые гнезда однокоренных лексем.

Выводы лингвистов о том, что часть бореальных племен, которая впоследствии обособилась как носитель алтайской ветви БП, кочевала между Уралом и Алтаем¹⁰, по нашим исследованиям получают серьезное археологическое обоснование древнейшей (курганной) культурой древнейших кочевников-овцеводов, которые предстают перед нами как древнейшая пратюркская, или праалтайская, этногенетическая общность.

Очень важным индикатором внедрения в оседло-земледельческую среду Передней Азии древнейших кочевников, обитавших между Уралом и Алтаем, является тот факт, что шумерский, эламский и касситский языки представляют собой небольшие обособленные островки в гуще древнеиндоевропейских и семитских языков Передней Азии¹¹. Обособленность названных языков мы склонны связывать с проникновением сюда и оседанием здесь древнейших кочевников. Это проникновение согласуется с древними источниками, повествующими о рас-

селении сюда «с севера из-за гор» шумеров и касситов. Наши рассуждения согласуются с выводами многих известных ученых-востоковедов. По их сведениям, где-то в XVII в. до н. э. в Переднюю Азию из-за гор хлынули некие «горные жители», «обитатели гор», «горцы», «полукочевники», «скотоводы», именовавшие себя *кассу* и вошедшие в литературу и историю под именем *касситы*¹². Они правили Вавилоном более 500 лет. Тексты насчитывают 36 правителей из рода «Кассу», династия которых прекращается в XII в. до н. э. «К этому времени они совершенно вавилонизировались. «Всего правдоподобнее будет искать их родину,— пишет Г. Винклер,— во внутренней Азии, так что они действительно являются своего рода предшественниками тюрков и монгол»¹³. Очень примечательно, что один из царей кассов носил тюркское имя *Ага*, т. е. «Дядя»¹⁴.

Этноним *кассу*, или *касситы*, полностью отвечает смыслу «горные обитатели», «горцы», «жители гор», или «кочевники». Дело в том, что на тюркоких языках слово *кас* означает «возвышенность», «гора»¹⁵. С другой стороны, китайские источники называли тюркское племя *К'оса*¹⁶, составляющее основу этнонима «хазар», восходящего к тюркскому термину *каз*, т. е. «кочевать»¹⁷. Таким образом, есть все основания полагать, что вторгнувшееся в Переднюю Азию с севера, из-за гор, племя *кассу* представляло собой тюркский этнос, и потому, вероятно, эламский (вместе с касситским) язык составляет обособленный островок в гуще индоевропейских и семитских языков древней Передней Азии.

Примерно в таком же виде предстает и шумерский язык. Ф. Гоммель писал, что «по своему языку народы Передней Азии принадлежат к трем обширным группам, раздельность которых может быть прослежена до самой ранней древности: сумеро-алтайской, алорадской и семитской... Остатки сумерийского языка дошли до нас в целом ряде волшебных формул и заклинаний... как разговорный живой язык, сумерийский, вероятно, перестал существовать уже очень рано... ближе всего подходящими к сумерийскому языку тюркскими наречиями и языком монгольским мы, к сожалению, совершенно незнакомы за время до Р. Х. Древнейшие памятники языков, так называемые древнетюркские надписи Южной Сибири и Монголии возникли лишь в VIII веке по

Р. Х.»¹⁸. Однако следует заметить, что это письмо не «возникло лишь в VIII веке», а найденные образцы текстов датируются этим временем. Само же письмо возникло значительно раньше¹⁹. О существовании письменности уже у гуннов довольно определенно говорят и другие письменные источники²⁰. Гуго Винклер, подтверждая Ф. Гоммеля, писал, что «сумерийский язык по своему строению тождествен кое в чем с языком тюркских народностей»²¹.

Академик Б. А. Тураев связывал происхождение шумеров (сумеров, сомаров) с Дальним Востоком²², Самуэль Крамер, исходя из легенд самих шумеров, выводил их из восточных нагорий, а Б. Грозный из Туркестанских, Казахстанских и Киргизских степей²³. Одним словом, все они связывали происхождение шумеров с территориями расселения тюркских племен и народов. Более того, Б. Грозный уточнял, что «шумерское название» «Agali», употребляемое для «ада» и для так называемых «пределов мира», — т. е. места, в котором родились боги, которые находились на крайнем севере, — является, по нашему мнению, по всей вероятности, шумерским названием УРАЛА; гласные У и А часто чередовались в шумерском языке»²⁴. Весьма уместно заметить, что *Урал* и у тюрков, и в древнерусских документах назывался *Арал-тау* (*Аралы-тау*), т. е. «Центровые горы» или «опоясывающие горы»²⁵. Представление шумеров о родине богов — *Арали* — совпадает с прародиной пратюркских племен и распространением древней курганной культуры из Южного Приуралья в Переднюю Азию через Кавказские горы (из-за гор для Передней Азии. — И. М.). Пути контактов с североприкаспийскими степями хорошо документируются как археологически, так и клинописными текстами из Таргимского городища в Дагестане, недавними находками клинописей и изображения Гильгамеша (Бильгамеша) в Енотаевском районе Астраханской области²⁶. Известно, что Гильгамеш, или Бильгамеш, был сыном буйволицы. А на карачаево-балкарском языке буйвол называется *гаммеш*. Приставив к этому слову аккадо-вавилонский термин *бил* — «бог», мы получим имя *Бильгамеш*, т. е. «Бог-Буйвол». Есть прямая возможность вывести имя мудреца и бога Бильгамеша из общетюркских слов *билга*, *билинг*, *бил*, *билгич*, означающих «мудрые», «знание», «знахарь», «разум», «знаток» и т. п.²⁷ Имя Бильга-

меша неразрывно от таких тюркских личных имен, встречающихся в орхонских надписях, трудах Рашид-ад-Дина, в монгольском эпосе «Алтын-тобча»: *Билге-бек*, *Билге-хан*, *Сэнгум-бэлгэ*, *Инанч-бильги* и др.²⁸

Имя божества и героя Бильгамеша открывает еще одну параллель между древними шумерами и прототюрко-монгольскими племенами. По мнению И. М. Дьяконова, в основе его имени лежит древнейшее шумерское слово *билги* — «предок, старец, герой, богатырь». А окончание *-мес* могло указывать на принадлежность героя к народному собранию, пишет Дьяконов в своей книге «Языки древней Передней Азии». С. Ш. Чагдуров считает более правдоподобным мнение Г. И. Пелих, которая считает, солидарно с П. Деймелем, что частица *-меш-* восходит к шумерскому названию *Маш*, *Муш*, *Мыш* — к имени духов, связанных с почитанием солнца, огня и т. п.²⁹ И. М. Дьяконов пишет, что «акт размножения был священен — шумерам смутно казалось, что от него зависит не только плодородие семьи, но каким-то образом и общее плодородие страны; и вождь-правитель, олицетворявший общину перед лицом бога, гордился не только своим богатством, отвагой в бою и мудростью, но и своей мужской силой»³⁰. В развитие этой мысли С. Ш. Чагдуров приводит следующий интересный факт: словом *бэлгэ* буряты, калмыки, монголы уважительно обозначали мужской половой орган.

Предположение И. М. Дьяконова, что окончание *-меш* могло указывать «на принадлежность...», как нельзя удачно коррелирует с утверждениями тюркологов о том, что «в енисейских памятниках представлены во всех сферах языка форма на *-мыш* (*-миш*) («тегмиш» — коснувшись, «эрмиш» — было и т. п.)»³¹. Примеров этой формы словообразования множество: *тохтамиш* — «остановившийся», *гет-миш* — «ушедший», *кельмиш* — «пришедший» и т. д. Подобные словообразования отмечены и в сочинении Абул-Гази хана Хивинского.

Таким образом, приведенные выше значения имени Бильгамеша (Гильгамеша) полностью являются шумеро-тюркскими терминами. Такому предположению не противоречит ни мнение И. М. Дьяконова, ни показания тюркологов.

Наши предположения подтверждают новейшие исследования проф. Ю. Б. Юсифова, в которых уделено

серьезное внимание приурмийской стране *Субарту*, по которой протекает река *Балих*³². Есть основания сопоставить название этой реки с тюркскими словами: *булак* — «родник», *балкъ* — «река» или с названием балкарской реки *Балкъ* — «Малка».

В приурмийской стране *Субарту* жили племена *су*, давшие стране свое имя, которое ученые отождествляют с шумерским названием Северной Месопотамии — *Субир*, а это название, в свою очередь, возводят к этнонимам *сапир*, *сабир*, *сувар*³³. Если эти лингвистические сопоставления специалистов верны, тогда необходимо вспомнить этноним тюркских племен *сувар* (*сув*+*ар*), т. е. «речные люди» (вар.: *сув*+*аз*) и связать проникновение этого этнонима в Переднюю Азию тем же путем, что и курганная культура из Поволжья через Кавказ. С учетом чередования звуков М — Б — В я допускаю возможность увязать с этим этнонимом имя *сумер* или *шумер* (арабы произносят как *сомар*).

Шумерские тексты упоминают на юге и юго-востоке от Урмийского озера «горную страну» — *Аратейе*, название которой характерно для алтайской географической номенклатуры и стоит в ряду таких топонимов, как Ала-тоо, Ала-тау, Алтай и др. Ю. Б. Юсифов справедливо сопоставляет алтайское слово *Аратта* — «гора», с шумерским *Араттейе* — «горная страна»³⁴. Кроме того, он уверен в том, что жившие в этой стране в III—II тыс. до н. э. и поддерживавшие тесные контакты с шумерами племена, известные под названием *су*, *ку-ту*, *турук-ки*, *лулу-би* «были разноназванными жителями страны Аратта и, вероятно, принадлежали к алтайской языковой общности»³⁵.

В связи с подобным предположением весьма уместно вспомнить следующий этнографический факт из работы З. Ямпольского: «В XIV в. до н. э., т. е. почти три с половиной тысячи лет тому назад, ассирийская клинопись отмечает в районе озера Урмия «турукков»... После этого в начале первого тысячелетия до н. э., т. е. около трех тысяч лет тому назад, урартийская клинопись из Калагранна отмечает в зоне Азербайджана область, население которой по нормам урартийского языка именовалась «турухи»³⁶. По мнению автора, эти этнонимы не что иное, как искаженные названия «турки» или «тюрки».

Переднеазиатско-тюркские схождения у некоторых тенденциозных авторов вызывают особую щепетильность

(И. Алиев, С. Тихвинский и др.). Однако, как пишет американский ученый Р. Адамс, когда имеются письменные свидетельства таковым схождениям, следует несколько умиротворять свои амбициозные требования к истории. Знаток переднеазиатских источников академик В. В. Струве писал: «Согласно одному из наиболее правдоподобных истолкований, термин «арий» восходит к слову «харри» — названию многочисленных неиндоевропейских племен, разбросанных на большой территории и подвергавшихся в течение веков сильнейшему воздействию со стороны различных племен и смешавшихся с ними. Если это лингвистическое истолкование правильно, из него следует, что племена ариев, пребывавшие некогда в близком соседстве с племенами «харри», настолько смешались с ними, что приняли их этническое название, хотя сохранили свою языковую систему»³⁷. Одновременно он продолжал утверждать, что арии ведь не могут претендовать на «честь» быть представителями чистой, несмешанной расы. Точно так же неправильно считать представителями «чистой» расы и носителей древнейшей известной нам культуры Индии. Раскопанные в поселениях долины Инда костные останки свидетельствуют о таком расовом смешении в этот период истории Северной Индии, датируемый XXV—XV вв. до н. э., что какие-либо определенные антропологические выводы о расовой принадлежности древнего населения Харапы и Мохенджадаро-Даро невозможны. Специалисты относят обнаруженные здесь костные останки к четырем антропологическим типам: протоавстралоидному, средиземноморскому, монголоидному и альпийскому. Отличной иллюстрацией сильнейшего воздействия на племена Передней Азии являются проникавшие сюда курганы и курганный обряд. В связи с этими неиндоевропейскими «харрами» нельзя не вспомнить, что мидийцы называли свою армию термином «кара» — народ, войско³⁸.

Тюрко-монгольская этимология слова *кара, хара* в его социальном аспекте как «простой», «простолюдин», «невежественный», «темный» и т. п. объясняет, почему мидийцы называли своих солдат этим термином³⁹, вероятно, в сравнении с высшей социальной группой местного населения древней Передней Азии. Уместно вспомнить и Страбона, сообщавшего о племени Кара, о царстве Кар-Дуньяш во II тыс. до н. э., а также Кардухов —

жителей гор к северу от Ассирии, не входивших, как и касситы, в мидийский контингент⁴⁰. Очень важны и некоторые топогидронимы, например, южный приток Аракса — Карасу, протекавший по Центральной Мидии, зафиксированный на табличках I тыс. до н. э., а существовало это название, наверное, и гораздо раньше. Карасу протекал по подножью горы Кара-Даг, огибал хребты Херем-Даг, Савалан-Даг, Ах-Даг. Совсем недалеко от этой реки в эпоху ассирийцев располагались города Карин-Таш, Каракемиш, Кар-Иштар, Кар-Кашши, Кар-Аддад, Кар-Наб и мн. др., содержащие в своих названиях явный тюркский корень — «кара»⁴¹. Как не сравнить эти топонимы, продолжает С. Ш. Чагдуров, с такими тюркскими топонимами, как Кара-тау, пр. берег Сырдарьи — родины библейского Булджахана, или страны мифического Огуз-хана, сына Кара-хана⁴².

Этимология слова *кара* дополняется еще одним очень важным сообщением И. М. Дьяконова, что «основным занятием было у мидян коневодство» и что многие имена мидян IX—VIII вв. до н. э. были не иранские⁴³. По мнению Дьяконова, «основная масса топонимов Мидии остается не иранской в продолжение всего ассирийского периода». Этногенез мидян у И. М. Дьяконова сводится к постепенному распространению у «каспийского» населения иранского языка со второй половины VIII в. до н. э. Для имени мидян — *мадай* нет индоевропейского объяснения. Это слово не иранское⁴⁴. Следовательно, исследователи вполне резонно связывают этот этноним с эпическими героями алтайского героического эпоса «Мадай-кара» и другими именами. Как можно не связать этот этноним с этнонимом енисейских татар *Мади*, с этнонимом *Маттар* среди сойотов и другими историческими именами и этнонимами? Мы можем еще добавить распространенное карачаево-балкарское имя *Бадий* (*Матай*) и вспомнить тюрко-монгольское имя *Батый*, которое можно связать с именем Мадай. Сюда же становится имя скифского царя Мадия, ворвавшегося в Переднюю Азию. В завершение этюда о мидийско-ассирийской эпохе хотелось отметить, что на глиняных табличках I тыс. до н. э. у ассирийцев и мидян упоминаются долины рек Хабур, Карасу, Аджи, Джегуту, Хар-Хар, а еще более ранние тексты II и даже III тыс. до н. э. сообщают топонимы: Харши, Харан, Хандари, Урук, Сибар, Сибур и т. п.⁴⁵ Вряд ли эти названия можно объ-

яснить, не прибегнув к тюрко-монгольским языкам. Для нас особенно важно отметить тождественные названия речек — Джегута в Карачае и в древней Мидии, что древнее название переднеазиатского города Наблус было прежде *Чегем*, а жители этого города именовались *Жер Жашлары*, т. е. «Сыны земли», «Сыны страны, территории».

Теперь уместно напомнить, что Б. Грозный писал: «Шумерский язык содержит, с одной стороны, некоторые алтайские и тюрко-татарские черты (например, агглютинацию и склонность к гармонии гласных), с другой стороны, некоторые индоевропейские черты (например, в местоимениях). Кажется, что шумерский язык является смесью индоевропейских и тюрко-татарских элементов»⁴⁶. Эту мысль значительно дополнил выдающийся лингвист Н. С. Трубецкой, который по поводу агглютинативности тюркских языков писал: «Правда, в большинстве индоевропейских языков принцип флективности выступает уже не в таком гипертрофированном виде, как в языках кавказских, но до технического совершенства агглютинирующих алтайских языков индоевропейским языкам еще далеко. О том, что, вопреки утверждениям индоевропейских лингвистов, агглютинирующий строй по сравнению не только с гипертрофированно-флектирующим, но и с умеренно-флектирующим представляется некоторым идеалом,— об этом свидетельствуют опыты создания искусственных языков. Шарль Балли совершенно верно заметил, что эсперанто, который состоит исключительно из индоевропейских лексем, тем не менее является языком чисто агглютинативным. Таким образом, когда индоевропейцы хотят «исправить природу» и создать более совершенный искусственный язык, они невольно упраздняют флективность и прибегают к агглютинации. Между тем обратное явление было бы немыслимо: нельзя представить себе финна, эстонца, венгра, турка или японца, который, желая создать более совершенный искусственный язык, стал бы упразднять принцип агглютинации и вводить принцип флексии. Итак,— продолжает Н. С. Трубецкой,— индоевропейские языки возникли в процессе преодоления гипертрофии флексии, стремясь к рациональной агглютинации как к идеалу. В этом процессе они, однако, не дошли до конца, не успели создать в «доисторический период» устойчивый тип языкового строя, по-

добного, например, строю алтайскому. А потому они и продолжают эволюционировать все в том же направлении, однако, не порывая с некоторыми элементами своей «переходной» структуры. Это и делает их столь изменчивыми, особенно по сравнению с языками алтайскими»⁴⁷. Возражая Н. С. Трубецкому, Вяч. Вс. Иванов все же пытается отстоять тот самый обратный скачок, о котором говорил Трубецкой, и о котором мы писали при анализе археологических метаморфоз древних индоевропейцев. В свое оправдание Иванов пишет: «...развитие, скорее всего, происходило циклически: от агглютинации к флексии и далее опять к агглютинации». Вряд ли в истории когда-либо была необходимость, чтобы для продвижения вперед в развитии языка и культуры народ бросался в бездну первобытности и все начинал заново, как это мы наблюдаем в археологии древних индоевропейцев.

В заключение хочется привести один наглядный пример агглютинативности карачаево-балкарского языка:

ЗАН — бок, сторона.

ЗАН+Ы — его бок, его сторона, сторона.

ЗА+Ы+М — мой бок, моя сторона.

ЗАН+Ы+М+ДА — у моего бока, с моей стороны, рядом со мной...

ЗАН+Ы+М+ДА+ГЪЫ — тот, кто рядом со мной, с собой, с боку...

ЗАН+Ы+М+ДА+ГЪЫ+Н — то, что (кто) рядом со мной, с боку, со мной...

ЗАН+Ы+М+ДА+ГЪЫ+Н+А — тому, кто (что) с боку, рядом со мной, с моей стороны...

ЗАН+Ы+М+ДА+ГЪЫ+Н+А+Н — от того, кто (что) рядом со мной, от того, кто с боку со мной, рядом со мной...

Эту карачаево-балкарскую фразу И. М. Дьяконов обнаружил на статуе Гудея (XXIII в. до н. э.) и перевел точно так же, как она звучит и осмысливается у карачаевцев и балкарцев⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грач А. Д. Древние кочевники в Центральной Азии. М., 1980. С. 74; Магомедов М. Г. Образование хазарского каганата. М.: Наука, 1983. С. 61, 64, 66, 77, 92—93; Еремеев Д. Е. «Тюрк» — этноним иранского происхождения: (К проблеме этногенеза древ-

них тюрков) // СЭ. 1990. № 3. С. 133; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1966; Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М.: Наука, 1982. С. 45, 83 сл.

² Халиков А. Х. Татарский народ и его предания. Казань, 1989. С. 52.

³ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Просвещение, 1969. С. 84.

⁴ Добровольский Б. А. Какие языки родственны европейским? // Наука и человечество 1971/72 гг. Изд-во «Знание».

⁵ Там же. С. 107.

⁶ Там же. С. 113.

⁷ Там же. С. 118—119.

⁸ Андреев Н. Д. Раннесиндоевропейский праязык. Л.: Наука, 1986. С. 1.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 277.

¹¹ Долгопольский А. Б. Указ. раб. С. 277.

¹² Винклер Г. Духовная культура Вавилона. Изд-во «Польза», С. 14; Всемирная история. М., 1956. Т. 1. С. 299—300.

¹³ Винклер Г. Указ. раб. С. 36.

¹⁴ Гоммель Ф. История древнего Востока. Спб., 1905. С. 59—60.

¹⁵ Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 265.

¹⁶ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 83.

¹⁷ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 114.

¹⁸ Гоммель Ф. Указ. раб. С. 26.

¹⁹ Харжаубай С. Документ из 1-го века // Монголия. 1986. № 8. С. 31; Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986. С. 19.

²⁰ Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 165—167.

²¹ Винклер Г. Указ. раб. С. 14.

²² Тураев Б. А. История древнего Востока. М., 1966. Т. 1. С. 70.

²³ Грозный Б. Древнейшие судьбы Передней Азии // ВДИ. 1940. № 3—4. С. 43.

²⁴ Там же.

²⁵ Мурзаев Э. М. Указ. раб. С. 179; Матвеев А. К. От Пай-Хоя до Мугоджар. Свердловск, 1984. С. 14—15.

²⁶ Советская Россия. 1988. 31 янв.

²⁷ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 98—100.

²⁸ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952. С. 139; Чагдуров С. Ш. Указ. раб. С. 173.

²⁹ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Омск, 1972. С. 167.

³⁰ Дьяконов И. М. Эпос о Гильгамеше. М.; Л., 1961. С. 96.

³¹ Гаджиева Н. З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М.: Наука, 1979. С. 151. 197.

³² Юсифов Ю. Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // ВДИ. 1987. № 1. С. 24; Он же. Об актуальных проблемах этнической истории Азербайджана // Проблемы изучения историков по истории Азербайджана. Баку, 1988. С. 17 сл.

³³ Юсифов Ю. Б. Ранние контакты... С. 32.

³⁴ Там же. С. 20—22, 33.

- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Ямпольский З. Древнейшие сведения о тюрках в зоне Азербайджана // Ученые записки Азерб. госуниверситета. Серия языка и лит-ры. 1965. № 2. С. 63.
- ³⁷ Струве В. В. Предисловие к книге Э. Маккея «Древнейшая культура долины Инда». М., 1951. С. 14—15.
- ³⁸ Чагдуров С. Ш. Происхождение... С. 84.
- ³⁹ Там же. С. 81.
- ⁴⁰ Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956. С. 486.
- ⁴¹ Чагдуров С. Ш. Указ. раб. С. 85.
- ⁴² Чагдуров С. Ш. Указ. раб. С. 83—85; Мадай-кара. Алтайский героический эпос. М., 1973. С. 75—76.
- ⁴³ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 57—59; Дьяконов И. М. История Мидии... С. 63.
- ⁴⁴ Чагдуров С. Ш. Указ. раб. С. 82—83; Мадай-кара... С. 75—76.
- ⁴⁵ Юсифов Ю. Б. Указ. раб.; Чагдуров С. Ш. Указ. раб.; Мадай-кара...
- ⁴⁶ Грозный Б. Указ. раб.
- ⁴⁷ Грубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 58—59.
- ⁴⁸ Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии...

Шумеро-балкарские лексические схождения в свете этногенеза балкарцев

Рассмотренные выше материалы подвели нас вплотную к необходимости осветить шумеро-балкаро-карачаевские лексические схождения. Если, подобно индоевропейцам, с порога не опровергать наличие массы тюркизмов в шумерском языке, тогда выяснение названных схождений становится вполне естественным и обоснованным. Этому способствуют как исследования русских и зарубежных авторов прошлого, так и труды современных ученых (Ф. Гоммель, Г. Винклер, С. Трубецкой, Б. Грозный, Ю. Б. Юсифов, О. Сулейменов, А. Мамедов, М. Закиев и мн. др.). Это же подтверждают как археологические материалы, так и фольклорные данные самих шумеров об их происхождении и путях проникновения в Переднюю Азию. В силу этих факторов неубедительно звучит утверждение И. М. Дьяконова о том, что «при нынешнем состоянии наших знаний ни материал грамматических формантов шумерского языка, ни материал таких слов основного словарного фонда, как числительные, термины родства, названия частей тела и т. п., не обнаруживают никаких систематических соотношений с аналогичным материалом других языков... Поэтому в настоящее время шумерский язык приходится считать изолированным, и родство его с каким бы то ни было другим языком — неустановленным»¹. К сожалению, такое заключение было сделано без учета родства и близости тюркских и шумерского языков. Поэтому еще в 1975 г. филологи отмечали, что «состояние нынешних знаний и лексический материал, содержащийся даже в статье И. М. Дьяконова, позволяют установить куль-

турное родство шумерского с ныне живыми тюркскими языками»².

Предыдущие разделы книги подготовили вполне резонный ответ на вопрос: каким образом шумерские слова сохранились в тюркских языках? Но, к сожалению, у скептически настроенных ученых единственным ответом служит голое утверждение, что это все «случайные созвучия». А на вопрос: почему же столь разительные и буквально совпадающие по смыслу «созвучия» обнаруживаются в основном только в тюркских языках — у них вообще не находится ответа.

Все это заставляет более внимательно отнестись к почти буквальному фонетическому и смысловому тождеству шумеро-тюркских терминов, которые приводят исследователя к выводу, что «совпадения форм и смыслов слов системны и потому не случайны»³.

Касаясь шумеро-балкаро-карачаевских сходжений, мы всецело придерживаемся чтений, толкований и переводов шумерских слов и текстов, принятых И. М. Дьяконовым и другими специалистами по переднеазиатским языкам. И если эти переводы, вопреки отрицанию скептиков, буквально совпадают с балкаро-карачаевскими словами и выражениями, так в этом надо винить не автора настоящих строк, а попросить переводчиков изменить свои переводы. Другого пути нет.

Мы обращаем внимание на ряд балкаро-карачаевских нарицательных имен существительных, которые, на наш взгляд, представляют наибольший интерес как не встречающиеся или редко употребляемые в других тюркских языках. У балкаро-карачаевцев слово «мать» прозносится как *амма*, а в уменьшительно-ласкательной форме как *амма+ка*, а слово «отец» соответственно как *ата* и *ата+ка*. «Дедушка» у балкарцев и карачаевцев звучит как *анпа* и *анпа+ка*, «бабушка» — *буба* и *буба+ка*. Обращает на себя внимание тот факт, что форма *анпа+ка*, *буба+ка*, *амма+ка* и другие образованы с помощью ласкательно-уменьшительного форманта *-ка*. Одни авторы формант *-ка* считают древним западно-иранским, большинство же полагает, что слова с этим формантом вообще не являются иранскими. Такой же спор идет относительно форманта *-ук*, *-ука*. В традиционном балкаро-карачаевском быту дозольно обычны имена с этими формантами: *Инал+ук*, *Баксан+ук*, *Бат+ука* и др. Очень важно напомнить, что Э. А. Гран-

товский пишет, что западноиранские племена с именами на *-ука* и *-ка* проникали через Кавказ⁴, т. е. с севера, как и шумеры, согласно их преданиям и легендам. В связи с выводом специалиста необходимо отметить, что в балкаро-карачаевском языке существует и целый ряд личных уменьшительно-ласкательных имен: *Биля+ка*, *Ариу+ка*, *Илляу+ка* и другие, а также масса слов в детской речи, обозначающих части тела, предметы обихода, образ действия: *Ко+ка* («ручка»), *Ка+ка* («ножка»), *Бок+ка* («шапочка»), *Ук+ка* («обнять»), *Уу+ка* («прогулка») и т. д.

В балкаро-карачаевском языке столь же распространенным формантом является *ак* и *акк*, которые, по словам лингвистов, также характеризуют североиранские имена⁵. Но в балкаро-карачаевском они характеризуют не только личные имена, как в североиранском, а в массовом количестве употребляются в названиях предметов, действий. Все это позволяет поставить вопрос о том, не является ли всё это системой в балкаро-карачаевском языке, так как форманты *ка*, *ак*, *акка*, *ука*, *ук* охватывают не только личные мужские имена, как в иранском, а пронизывают всю систему и мужских, и женских, и нарицательных имен, и названий частей тела, предметов обихода и быта, и служат для обозначения образа действия в пространстве и времени.

Во время упоминавшихся выше касситов (кассов) «отдельными областями правили цари или «отцы» (Адда), причем власть передавалась не от отца к сыну, а от дяди к племяннику (сыну сестры).... выражение «сын сестры» вообще означало «потомок», «член данного рода». Области Элама (возможно соответствующие территориям первоначального расселения племен) находились под общей гегемонией верховного вождя. В этой цитате наше внимание привлекает, во-первых, то, что слово *Адда*, как и у тюркских народов, означает «Отец», а, во-вторых, передача власти племяннику по сестре. Вероятно, поэтому в легенде о Саргоне упоминается дядя по матери — *Ака*, от которого он получил власть. Свою страну Саргон именует *Агадэ*, что совершенно тождественно тюркскому *Агадэн*, т. е. «от Ага» в смысле «получил от Ага» (от дяди по матери). Здесь следует учитывать, что конечные согласные в шумерском языке часто опускались⁶. Уместно отметить и тот факт, что у тюркских народов, в том числе и у балкаро-кара-

чаевцев, дядя по матери считается самым почетным, самым близким и надежным родственником. Существует поговорка: «Когда заходит дядя по матери, то от радости задрожит даже центральный, опорный столб дома», а этот столб всегда олицетворял надежность и благополучие семьи. В карачаево-балкарском языке термин *Акка* чаще всего называют дядю по материнской линии. При помощи указательного форманта *-ды* образуются слова: *Акка+ды*, *Ага+ды*, *Адам+ды* (т. е. «дядя он», «человек он» и т. п.). В этом лексическом ряду рождается предположение о том, что балкаро-карачаевское и общетюркское слово *аккады*, или *агады*, т. е. «дядя он» (по матери), может прояснить происхождение названия древней Аккады, царь которого получил власть от своего дяди по материнской линии.

По общему признанию, «до сих пор нельзя считать установленным, к какой группе языков можно отнести язык Элама», равно как и название самой страны⁷. Но если правомерно сопоставление Элама «с территориями первоначального расселения племен», то возможно вспомнить тюркское слово *эл*, которое уже в памятнике Кюль-Тегину означало «группу племен», «племенной союз», «государственное устройство» или «самостоятельная государственная жизнь», а в карачаево-балкарском языке употребляется в значении «село», «страна»⁸. А термин *элим* в балкаро-карачаевском означает «мое село», «моя страна», что очень близко понятию «первоначальное расселение племен». В этом языке данное слово образовано с помощью притяжательного аффикса *м*, как и слова: *адам+ым* — «человек мой», *кыыз+ым* — «дочь моя», *ага+м* — «дядя мой» и мн. др.

Имена многих шумеро-аккадских и вавилоно-египетских богов бытуют в балкаро-карачаевской среде как живые формы божественного заверения, клятвенных заклинаний, изречений, наговоров и пр., т. е. в тех же формах, в каких дошел до нас шумерский язык — «в целом ряде волшебных формул и заклинаний, божественных песнопений, покаяний, псалмов и пр.»⁹. Приведем этому тезису несколько примеров.

Верховная богиня материнского рода, деторождения, родительница всего существующего — *Инанна*¹⁰ фигурирует в речи балкаро-карачаевских женщин наравне с именем Аллаха в слове *Ийнан*, равном русскому «ей-

богу!». Кроме того, балкарцы и карачаевцы самую старшую в роду бабушку, прародительницу, называют *ынна*.

У древних египтян богом небесного свода, владыкой воздуха был *Шу*, равный вавилонскому *Бель* (*Биль*)¹¹. В балкаро-карачаевских божественных заклинаниях часто употребляется выражение: *Шибиля урсун*, т. е. «Пусть поразит Шибиля», (боги Ши и Биль).

Имя бога города Вавилона — Мардука, отличавшегося большой силой, отвагой и смелостью¹², сохранилось у балкарцев и карачаевцев в воинственном, ободряющем восклицании: «Эй, Марджа!» Этот клич был известен еще сарматским племенам, но попытки объяснить его с ирано-осетинского языка как происходящего от слова *марг* — «яд»¹³ неубедительны, так как не соответствуют смыслу этого восклицания. Слово *Марджа* у балкарцев и карачаевцев очень часто выражает и божественные прошения, просьбы: «Кель, Марджа, кель!», «Айт, Марджа, айт!» и т. п.

Имя богини любви и плодородия — *Ишт*, *Иштар*¹⁴ — сохранилось в речи балкаро-карачаевцев в виде восклицания: *Эшта-Эшта!*, равнозначное термину «О боже!».

Возлюбленный богини Иштар вечно юный *Тамуз* (бог растительного мира, покровитель судьбы семян) олицетворял собой умирающий и возрождающийся растительный мир¹⁵. В карачаево-балкарском языке слово *Тамуз* имеет широкое семантическое поле и бытует во многих значениях: *тамызыкъ жокъ*, *тамызыкъ къурду* — «нет семени», «исчезло семя»; в значении «живительная капля влаги» — *тамыз*, *тамызчы* — капли; в значении «корень жизни» — *жашауну тамызыгъы* — «семя жизни»; в значении «растопка для огня — податель жизни» — *тамызыкъ*. Все эти слова по смыслу полностью совпадают с теми благами, которые олицетворял собой герой *Тамуз*.

По известной закономерности перехода звуков Р/З в древнетюркских языках, и в болгаро-чувашиком в частности¹⁶, слово *Тамуз* — *Тамыз* легко понимается и как «корень» — *Тамыр*. Каков корень, такова и растительность, растительный мир, божеством которых и выступает *Тамуз* — *Тамыр*. Не потому ли он возрождается из-под земли при помощи капель живой воды, которыми его окропила Уштар?¹⁷ При помощи упоминавшегося словообразовательного форманта *ук* от слова «Тамуз» образуется термин *Тамузук*, что буквально означает

«для Тамуза», т. е. для семени, для размножения, для разжигания огня.

Соперница богини Иштар именуется *Эришкигэль*. Она является «владычицей подземелья» и живет в своем жилище — *Иркалла*¹⁸. В этом термине (название подземного жилища — *Иркалла*) нельзя не видеть тюркские слова *ир*, *ер* — «земля» и *кала* — «крепость», «город». В имени *Эришкигэль* бросается в глаза балкарско-карачаевское слово *эришке* — «на соперничество», «на соревнование», и *Эль*, о значении которого мы уже говорили. Отсюда и имя соперничающей богини, и название ее владения (соперничающие: люди, села, общины, страны и т. д.) вполне понятны балкарцу и карачаевцу.

Исследователи уже обращали внимание на возможную связь между шумерским термином *дингир* — «бог», «небо» и известным верховным божеством тюркских народов — *Дэнгир*, *Тенгри*, *Тенгир*, *Тангэр*, *Тангра*¹⁹.

Насколько мне известно, до сих пор нет этимологии этого слова. Китайские источники называют его *Кок-Тенгри*, что приравнивается к термину «Голубое небо»²⁰. С позиций балкарско-карачаевского языка, видимо, можно предложить следующую этимологию. На карачаево-балкарском языке термин *кок-танг-эр* означает: «небо-заря-человек» (мужчина). Отсюда имя будет «Небесной Зари Человек».

Поскольку многие тюркские этнонимы являются названием тамги (герба)²¹, представляется возможным использовать этот факт и для дальнейшего разъяснения термина *дэнгир* — *тангри*. Как сама этимология термина, так и письменные источники свидетельствуют о том, что *Тангри* был олицетворением вечного неба и солнца, создателем всех благ. По археологическим памятникам кочевников Евразийских степей давно установлено, что культ солнца и неба, олицетворенный в облике *Тангри*, изображался амулетами в виде креста в круге, т. е. символом солнца²². В карачаево-балкарском языке, с характерным чередованием в тюркских наречиях звуков Р / Л, слово «круг» звучит как *дингир* или *дингил*. Таким образом, тамгой, амулетом *Тангри* был символ солнца, неба, бесконечности — круг, или *Дингир*.

При рассмотрении шумеро-тюркских, или шумеро-балкарско-карачаевских, сходжений необходимо прежде

всего иметь в виду, что европейским ученым в прошлом и сейчас бывает очень трудно фонетически правильно произнести клинописные, восточные слова, тем более целые фразы. С учетом этого, естественного условия продолжим анализ шумеро-балкаро-карачаевских лексических сходжений:

1. У шумерийцев слово *иги* означало «глаз»²³. Это слово тождественно балкаро-карачаевскому *инжи* — «зеница ока». Древнейшие рабы именовались у них *иги-ну-ду*, что переводится специалистами как «не поднимающий глаз», т. е. держащий глаза опущенными перед свободными людьми²⁴. И. М. Дьяконов переводит его как «незрячий»²⁵. Нисколько не сомневаясь в правильности этих переводов, нельзя не заметить, что на балкаро-карачаевском языке это выражение будет звучать: *инжи-ле-ди*, т. е. «унижается», «терпит унижение». Это ли не соответствует униженному положению раба?

2. В шумерском, тюркских и карачаево-балкарском языках существует слово *ане, ене, аны* в качестве указательного местоимения «то, тот, его»²⁶.

В балкаро-карачаевском языке есть слово *эн* — «знак», «указатель», а у шумерийцев должностное лицо, имеющее право созывать совет, принимать решения, или правитель назывался *энси*²⁷. На языке балкарцев и карачаевцев *энчи, энци* означает «ставящий знак», он образован от слова *эн* с помощью словообразовательного аффикса *чи(ци)*, как и термины *темир-чи (ци)* — «кузнец», *жыр-чы (ци)* — «певец»; *мал-чы (ци)* — «скотник», образованные от основы: *темир* — «железо», *жыр* — «песня», *мал* — «скот» и т. д.

3. У шумерийцев, а затем и ассирийцев лицо, возглавляющее судебную и административную деятельность, назывался *укуллум*²⁸. В карачаево-балкарском языке слово *екюлюм* означает «адвокат» (на судебном заседании).

4. По заключению специалистов, шумерийское слово *ририрга* трудно перевести на другие языки. Это слово «означало нечто между «умирать», «подыхать» и «погибать» и употреблялось, когда речь шла о падеже скота, о смерти рабынь»²⁹. В карачаево-балкарском языке бытует термин *кырыргъа* — «истреблять». Он относится и к гибели скота, и к гибели народа и войска (*мал къырыргъа, халкъ къырыргъа* и т. д.). Слова эти образуются от основы *кыр* — «истреблять». К этой основе, возмож-

но, относится и имя знаменитого Кира, что необходимо учитывать при упорных попытках во что бы то ни стало доказать иранскую основу этого имени³⁰.

5. В «Законах Хаммурапи» слово *мускин* обозначает того, кто не обладает земельной собственностью, не является полноправным гражданином. Отсюда развиваются дальнейшие значения: «нищий», «бедняк», «жалкий, больной»³¹. Именно в этих значениях бытует данный термин в карачаево-балкарском языке.

6. В Шумере, Аккаде и Вавилоне волю богов передавали людям специальные лица, которых «сохранившаяся до греко-римской эпохи традиция (например, у Диодора Сицилийского, 11, 30) называет толмачами и глашатаями божественной воли»³². Слово *толмач*, как известно, общетюркское и происходит от корня *тил* — «язык».

И. М. Дьяконов пишет, что в шумерском языке «например, не только знак — «стрела», шумерское ТИ

применяется для слова ТИ(Л) — «жизнь», но и значок « » — язык (изображающий, по-видимому,

кожаный язычок и первоначально соответствовавший шумерскому слову «ем» — язык), применяется для передачи грамматической связки «ме» — они суть»³³. С позиций тюркских языков здесь очень важно заметить, что слово *тил* — шумерское «жизнь», означает «язык», и, вероятно, поэтому эти слова обозначались одним и тем же знаком. Шумерское слово *ем* — «язык», в карачаево-балкарском означает «сосать» (*ем* + *чек* — «сосок»).

7. В одном из документов сохранились имена шумерийских рабынь³⁴, многие из которых до сих пор почти без изменений бытуют у карачаевцев и балкарцев:

Шумерские	Балкаро-карачаевские
<i>Умма</i>	<i>Уммай</i> — богиня, покровительница детей
<i>Кали</i>	<i>Гелля, Келля</i> — нариц. женск. имя: «мать», «бабушка»
<i>Анна</i>	<i>Ынна</i> — нариц. имя бабушек
<i>Ама</i>	<i>Амма</i> — «мама»

Гана
Гуакаша — «мальчик»,
«сын Кали»

Гуна, Гуноу — женск. имена
Гуккаш — ласкательно-нариц.
имя ребенка.

8. Шумерскому слову *еден* — «степь» исследователи приводят лишь такие соответствия, как «пол юрты», «низ юрты». Нам представляется, что здесь больше подходит карачаево-балкарское *езен* — «степь», с учетом закономерного чередования звуков З/Д в шумерском языке³⁵.

9. Большой интерес представляют балкаро-карачаевские названия женщины — *тиширыу* и мужчины — *эркегырыу*, которые не известны другим тюркским языкам. Название женщины состоит из шумерских слов *ти* и *ши*, означающих «жизнь», и *ру* — «воздвигать», «строить» или слова *уру*, *ур* — «община», «род», «семья»³⁶. Таким образом, балкаро-карачаевское название женщины полностью отражает роль и место женщины в продолжении рода человеческого: «дающая жизнь роду, общине», «воздвигающая жизнь», «жизнь рода, общины». А слово *эркегырыу* состоит из шумеро-тюркского *эр* — «воин». «мужчина» с прибавлением шумерского *уру*, *угу* — «род». Следовательно, балкаро-карачаевский термин означает «воздвигающий род», что идентично понятию «родоначальник».

10. В шумерском языке слово *зиг* означает «благой, правильный, добрый человек»³⁷, что тождественно балкаро-карачаевскому слову *зиг-эр*, означающему: «неутомимый», «трудолюбивый». Безусловно, эти понятия очень близки и даже тождественны друг другу.

11. Весьма интересен шумерский глагол *тур*, указывающий направление движения³⁸. В карачаево-балкарском языке этот глагол образует большое гнездо выражений: «стой», «находишься», «встань» — и повседневно бытует в сочетаниях, характеризующих направление движения: *былай тур* — «здесь находишься», *келе тур* — «приходи чаще», *бара тур* — «ходи (туда) чаще», *ерге тур* — «встань, вставай» и т. п.

12. Шумерский вопрос *а'на?* — «кто?»³⁹ сохранился у балкарцев и карачаевцев в форме восклицания при встрече давно не видевших друг друга людей, при большом удивлении неожиданной встречей: «*An-an-an!*», равнозначное восклицанию «О, кого я вижу!».

13. Шумерское слово *лу* — «человек»⁴⁰ у тюркских

народов, в т. ч. у балкаро-карачаевцев, сохранилось в форме *улу*, означающем «сын», «потомок». Наряду с этим у балкарцев и карачаевцев этот термин сохранился и в первоначальном, шумерском значении — «человек». Например, *орус+лу* — «русский, русский человек», *цау+лу* — «горский человек, горец» и т. п.

14. В шумерском языке удвоенные согласные основы прилагательных означают усиление качества. Например, слова: *гал-гал* — «большой-большой»; *бар-бар* — «чисто белый», *пар-пар* — «светлый-светлый»⁴¹. Эта закономерность ясно прослеживается в карачаево-балкарском языке: *терк-терк* — «быстро-быстро», *кеп-кеп* — «много-много», *кап-кара* — «черный-черный» и т. д.

15. В шумерском языке *ме* иногда означает «я», иногда употребляется как глагол «быть», иногда как грамматическая связка⁴². В сочетании с *не* оно означает *не-ме*, т. е. «что (есть) что?». От этого сочетания происходит и слово *наме* — «имя»⁴³. Столь же многообразно употребление частицы *ме* и в балкаро-карачаевском языке. Например, *мен+ме*, т. е. «это я», «я суть»; *ким+ме* — «кто я», «кто суть»; *келген+ме* — «пришедший» и т. п. Далее, сочетание *не+ме* означает на балкаро-карачаевском, так же как у шумер, «что (суть) это?». Такое же сочетание употребляется и как грамматическая связка в разговорной речи в значении: *неме* — «что-то», «кто-то», в форме *немеге* — «кому-то», «куда-то», «во что-то» и т. п., а в форме *неме бла* означает «с чем-то», «с кем-то». Безусловно, эта частица заслуживает большого внимания лингвистов.

16. Шумерийское слово *думу* означает «потомство», «дитя». Ему в тюркских языках соответствует термин *тума*⁴⁴ и балкаро-карачаевское *туум* в тех же значениях. Представляется возможным связать со словом *думу* или *дамы* тюркский термин *дамы(р)*, *тамы(р)* — «корень». Не потому ли шумеры первородного сына называли *даму-заг*⁴⁵, что равнозначно упоминавшемуся балкаро-карачаевскому термину *тамызык* и его вариантам.

17. В массу шумеро-тюркских лексических сходжений вплетаются и переднеазиатские тюркские топонимы, отмеченные еще Страбоном. Во внутренней части Малой Азии, на плоскогорье Киликийских тавр, на высоте 800—1000 м над уровнем моря, простирается безводное солончаковое плато. Здесь расположены озера *Туц-челлю*, *Кирили-гёль* (у Страбона — *Кирилитас*)⁴⁶. Эти то-

понимы состоят из тюркских слов: *гёль* (*кёль*) — «озеро», *туз* — «соль», *челл* — «степь», *кирили* (*кирли*) — «грязный». Названия эти объясняются тем, что в тех краях местность изобилует солеными источниками, в некоторых озерах соленость воды достигает 22 %⁴⁷.

18. В добавление ко всему сказанному можно привести и целый ряд шумеро-балкаро-карачаевских лексических сходжений, не требующих дополнительных пояснений, поскольку они совершенно тождественны по смыслу и значениям.

Шумерские слова

ане — «его», «это»
аз — «мало»
аба-ме — «старейшины»
алу, алум — «населенный пункт», «село», «община»
ба-ба — «предок»
бантаб — «прижать»
гу — «голос»
гу-де — «звать»
гидра — «палка»
габа — «грудь»
гажам — «госпожа»
геин — «судьба»
даим — «постоянно»
э, е — «дом»
ду — «держать»
жар — «класть»
мужер — «он кладет те-
 бя»
бе-та — «из его», «от не-
 го»
ме — «я»

Балкаро-карачаевские слова

аны — «его», «это»
аз — «мало»
аппа — «дед», *аба* — «ба-
 бушка»
эл — «село», «населен-
 ный пункт»
баба — «предки»
малтаб — «прижать»,
 «принять», «растоп-
 тать»
хы, ых — «голос», «звук»
хы де, хо де — «взывать»,
 «призывать»
хыжра — специальная
 палка чабана
габара — «нагрудник»,
 «бюстгалтер»
гажай — своенравная,
 вольная женщина
кююнг — «состояние»
даим — «постоянно»
юй — «дом»
тут — «держать»
жер — «место»
муержар — «подстилка»
беттен — «от него», «от
 его имени»
мен — «я»

не — «что?»
му — «он»
ру — «забывать»
ер, ери — «воин»
кисал — «храмовый двор»

кура — «страна»

кур — «подземное владение»
гуду — «разбойник, совершающий набег»
калам — «страна»

ки — «земля»
кар — «удирать»
руш — «свирепый»

сахарра — «из пыли»
ту — «родить»
туд — «родился»
ед — «выходи»
уз — «гусь»
жуб — «лежать»
чар — «круг»
хулше — «радость»
гусур — «чертеж»
гуруваш — «слуга»
дюгюд — «тяжесть»

гаг — «всаживать»

сок — «бить»
кен — «широкий»
сир — «ткать»
сан — «число»
уш — «три»
икки — «два»
алти — «шесть»
у — «десять»
уд — «огонь»
узук — «длинный»
туш — «опуститься»,
«сесть»

не — «что?»
бу — «он», «этот», «это»
ур — «бей», «забывать»
эр — «мужчина»
килиса — «храм», «церковь»

кура — создавай»
кырал — «страна»
кер — «могила»

гуду — «вор», «разбойник»
калам — «мой город», «моя крепость»
кир — «грязь»
кери — «прочь»
уруш — «ругань», «войча»

зыгыр — «песок»
ту — «родить»
тууду — «родился»
ет — «проходи»
каз — «гусь»
жубан — «нежиться»
чарх — «круг», «колесо»
кюлсе — «смеяться»
кужур — «затейливый»
карауаш — «слуга»
жюгюдю — «груз», «тяжесть»

кѳакѳ — «всаживать», «прибивать»
сокѳ — «бить»
кенг — «широкий»
сыр — «стегать», «ткать»
сан — «число»
юч — «три»
эки — «два»
алты — «шесть»
он — «десять»
от — «огонь»
узун — «длинный»
тюш — «опуститься»

жар — «расколоть»
жип — «веревка»
жау — «масло»
жыр — «разрывать»
жер — «место»
жуу — «мыть»
жап — «закрывать»
жау — «враг»
жирик — «платье»
тирик — «проворный»
ирик — «баран (валух)»
агъыр — «тяжесть»
арык — «арык»
ёз — «сам»
есик — «дверь»
ор — «жать»
кал — «оставаться»
кос — «шалаш»
киз — «девушка»
кю — «состояние»
кул — «раб»
кус — «птица»
уат — «ломать»
жиигин — «группа»
жарык — «светло»
жаз — «писать»
июн — «шерсть»
шир — «песня»
иарым — «половина»
иакка — «берег»
иал — «плоский»
иалын — «копоть»
чолпан — «Венера»
чибин — «муха»
кюн — «день»
кур — «строить», «возводить»
курган — «построенный», «возведенный»
кюрю — «сгребать»
кору — «охранять»
адак — «чаша»
када — «засов»

жар — «расколоть»
жип — «веревка»
жау — «масло»
жыр — «разрывать»
жер — «место»
жуу — «мыть»
жап — «закрывать»
жау — «враг»
жыйрыкъ — «платье»
тири — «проворный», «шустрый»
ирик — «валух»
аур — «тяжесть»
арыкъ — «арык»
ез — «сам»
эшик — «дверь»
ор — «жать»
кѣал — «оставаться»
кѣош — «шалаш»
кѣыз — «девушка»
кюй — «состояние духа»
кѣул — «раб»
куш — «птица»
уат — «ломать»
жыин — «группа»
жарыкъ — «светло»
жаз — «писать»
июн — «шерсть»
жыр — «песня»
жарым — «половина»
жагѣа — «берег»
жалпакъ — «плоский»
жалын — «копоть»
чолпан — «Венера»
чибин — «муха»
кюн — «день»
кур — «строить», «возводить»
курган — «построенный», «возведенный»
кюре — «сгребать»
кору — «охранять»
аякъ — «чаша»
кѣадау — «засов»

кид — «выигрыш»
кушум — «наливать»
кан — «кровь»
тююн — «узел»

еке — «сестра»
боз — «ломать»
юз — «рвать»
каз — «копать»
киз — «горячиться»,
«злиться»

сюз — «цедить»
келиге — «тень»

ул — «род»
ёл — «умирать»
мен — «я»
сен — «ты»
алан — «равнина»,
«опушка леса»

танг — «заря»
ненг — «что» (у тебя)
иалк — «грива»
исиг — «горячий»
азук — «пища»
сюрюк — «стадо»
ег — «мать»
дингир — «бог»
иенжи — «кукла»
асгу — «вешать»
ди — «скажи»
тек — «разливать»
тер — «почетное место»
кипи — «наподобие»
када — «терпение»
кач — «убегать»
кел — «дух», «душа»
кир — «земля»
неме — «что-то», «кто-то»
сак — «осторожно»
так — «вешать»
тиг — «трогать»

къыт — «выиграть»
къуйюм — «наливать»
къан — «кровь»
туйген — «завязывать
узел»
эгеч — «сестра»
буз — «ломать»
юз — «рвать»
къаз — «копать»
къыз — «горячиться»,
«злиться»
сюз — «цедить»
келекке — «тень»
(карач.)
ул, улу — «род»
ёл — «умирать»
мен — «я»
сен — «ты»
алан — «равнина», «до-
лина», «опушка леса»
(алтайск., татарск.)
танг — «заря»
ненг — «что у тебя»
жалкъа — «грива»
исси — «горячий»
азыкъ — «пища»
сюрюю — «стадо»
еге — «мачеха»
Тенгри, Тейри — «бог»
гинжи — «кукла»
асхан — «вешать»
де — «скажи»
тёк — «разливать»
тёр — «почетное место»
кибик — «наподобие»
къада — «терпение»
къач — «убегать»
кёл — «дух, душа»
кёр — «земля», «могила»
неме — «что-то», «кто-то»
сакъ — «осторожно»
такъ — «вешать»
тий, тийген — «трогать»

темир — «железо»
тин — «дорогой», «люби-
мый»
току — «булава»
жумуш — «поручение»
ес — «память»
ис — «работа»

темир — «железо»
тиним — «дорогой», «лю-
бимый»
токъумакъ — «булава»
жумуш — «поручение»
эс — «память»
иш — «работа»

К многочисленным лексическим схождениям необходимо добавить и целый ряд разительно совпадающих с карачаево-балкарским и другими тюркскими языками отдельных законченных фраз.

19. *Иги бар* в шумерском означает «глядеть»⁴⁸. И. М. Дьяконов пишет, что *бар* не имеет самостоятельного значения. Возникает вопрос: если *иги* означает «глаз», то почему же тюркское слово *бар* — «есть» в этом сочетании не имеет смысла? Глядеть можно, если есть глаза. Именно это и подчеркивает фраза *Иги бар* — «Глаза есть».

20. Фраза *У-на-ту(д)* переводится как «Если ему родился»⁴⁹. На карачаево-балкарском языке это будет *анга тууду*, а в других тюркских — *она тууды* и означает «ему родился». Шумерская фраза *у-на-ди(г)* переводится как «Пожалуйста, скажи ему»⁵⁰. На карачаево-балкарском это будет: *анга де*, на других тюркских *она де* — «скажи ему».

21. Фраза *Е-егар-та, ба-ра-е-ди* переведена как «Из дома и стен он должен выйти вон»⁵¹. По карачаево-балкарски эта фраза звучит: *Юй огъарты бара еди*, что означает: «Дома выше он шел (Он шел выше дома)». В этой фразе привлекает внимание буквальное совпадение слов *Бара еди* — «Он шел, выходил, проходил».

22. В надписи правителя Лагаша Энтемена (XXV—XXIV вв. до н. э.) есть фраза, удивительно совпадающая с закономерностями карачаево-балкарского языка. Имеется в виду фраза *даммара едаак*, означающая «войну сделаем»⁵². Бросается в глаза тождество тюркского слова *Эдаак* (*Этеик*) и шумерского *едаак*, т. е. «сделаем». Эта шумерская фраза стоит в ряду таких балкаро-карачаевских выражений, как: *уруш этеик, чабыул этеик, качхан этеик*, т. е. «ВОЙНУ СДЕЛАЕМ», «НАБЕГ СДЕЛАЕМ», «БЕГСТВО СДЕЛАЕМ» и т. п. Слово *даммара* Дьяконов возводит к семитскому «схват-

ка» и поэтому переводит его как «война». Слово *даммара* близко балкаро-карачаевскому *томмуруу*, что означает «туловище человека без конечностей», т. е. четвертованное. Поскольку в тексте надписи речь идет о наказании правителя враждебного города, то можно предположить, что *Даммара едаак (Томмуруу этеик)* означало «четвертуем», т. е. «сделаем даммара, или томмуруу».

23. О надписи на статуе Гудея — *За-му(н)-да-гин-ам* — мы уже говорили выше.

24. Особого внимания заслуживает эпическая песня Гильгамеша (Бильгамеша) — XVIII в. до н. э. Как известно, в ней речь идет о том, что Гильгамеш приносит в жертву Солнцу маленького козленка и просит у него благословения этой жертвы. (Для справки отметим, что у балкаро-карачаевцев ежегодно приносился в жертву верховному божеству Тейри первый козленок нового приплода с просьбой у Тейри хорошего окота овец)⁵³. Первая строка песни начинается следующими словами: *Билгамеш-е* маш** пар-пар-а*** су-и-м ен-таг*****, что переведено как: «Бильгамеш * козленка ** светлого *** взял ****»⁵⁴. Таким образом, слова *суим ентаг* переведены как одно слово «взял». С позиций карачаево-балкарского языка *суим ентаг* означает «жертву сделаем» или «принесем жертву» и звучит как *союм этеик*. Следовательно, фраза песни будет означать: «Бильгамеш козленка светлого делает жертву» или «приносит в жертву». В построении фразы *суим ентаг*, или *соим этаак*, мы вновь видим закономерности типа «войну сделаем» и т. п.

Далее, Бильгамеш «козленка пестрого, козленка жертвенного к груди своей прижимает» и, обращаясь к солнцу, говорит: *Уту*-ан-акра** гу-му-н-а-де-е****, что переведено как: «Солнцу * небесному ** вещает ***». Следовательно, фраза *ан-акра* переведена как «небесному», а *гу-му-н-а-де-е* как «вещает». Но поскольку *уту* — «солнце», а *ан* — «небо», слово *акра* теряется при переводе. В ряде тюркских языков *акыр* означает «кричать» и совпадает со словом «вещает», которое фигурирует в переводе. Отсюда оставшиеся слова *гу-му-на-де-е* как раз и дополняют то, с чем обращается Бильгамеш к солнцу. На балкаро-карачаевском языке *Гу-му-на-де* или *хы муна де* означает буквально: «Хо» скажи этому», т. е. «Одобри это» или «Скажи «Да» этому» (т. е. «одобри это» намерение Бильгамеша).

25. Шумерийцы называли свои глиняные таблички для клинописи словом *таб* или *тап*⁵⁵. В балкаро-карачаевском это шумерское слово образует огромное гнездо лексем и фраз: *тап-ка* — «полочка», образованное с помощью упоминавшегося форманта *ка*; *тап* — «аккуратно», *тап-тап-чыкъ* — «аккуратно, аккуратноенько»; *таппа-тап*, т. е. «как раз», «вровень» и мн. др. Все эти слова гнездятся вокруг корня *тап* и *таб*.

В конце клинописной таблички *тап*, после ее заполнения, шумерийцы ставили знак *там*, означающий «завершение, конец текста»⁵⁶. Балкарцы и карачаевцы, когда дело завершено, исполнено, говорят *таппа-тамам* или просто *тамам*.

В завершение этого экскурса хочется напомнить еще одно высказывание И. М. Дьяконова о том, что «в материальном отношении также было немало попыток сблизить шумерский язык с другими языками, так Ф. Гоммель нашел ряд сходных по звучанию слов в шумерском и урало-алтайском, но часть его сопоставлений была основана на ошибочном чтении или толковании шумерийских слов, а другая часть — на внешнем сходстве звучаний, не составляющих систем»⁵⁷. Чтобы избежать подобной критики в свой адрес, мы, во-первых, пользовались чтением текстов, переводами и толкованиями как самого И. М. Дьяконова, так и других ученых-востоковедов — В. В. Струве, Ф. Гоммеля, Г. Винклера, Б. Тураева, Б. Грозного, О. Сулейменова, Ю. Б. Юсифова, А. Мамедова, профессора из Анкары Османа Недим Туна и многих других. Ничего не добавляя и ничего не убавляя в переводы и толкования И. М. Дьяконова и иных авторов, мы лишь констатируем, что эти переводы полностью совпадают с их смысловыми значениями в живой карачаево-балкарской речи. Мы не можем сомневаться в правильности данных переводов, а если это так, значит, при всем желании нельзя не обратить внимания на то, что весь этот языковой материал в качестве обыденных, разговорных слов и фраз бытует в балкаро-карачаевской среде. Во-вторых, на наш взгляд, приведенные параллели раскрывают перед читателями довольно обстоятельную и стройную систему не простых созвучий, а полных смысловых совпадений.

При попытке бросить и нам упрек, адресованный Дьяконовым Ф. Гоммелю, прежде надо будет ответить на

вопросы: почему подобные разительные лексические схождения чаще всего встречаются только в тюркских языках; чем и как объяснить полное смысловое совпадение шумерских и балкаро-карачаевских слов? Встает и другой вопрос: какими путями могли сложиться эти схождения?

Рассмотренный в предыдущих разделах археолого-этнографический материал свидетельствует, что эти схождения могли зародиться в период распространения древней курганной культуры. Языковые параллели столь разительны и уникальны, охватывают важнейшие стороны жизни и деятельности, названия предметов, частей тела, социальную и религиозную терминологию, что отмахнуться от них, как от случайных созвучий, слишком легкомысленно.

Приходится лишь сожалеть, что столь категорические выводы относительно шумерского языкового наследия были сделаны без должной проверки мнения специалистов по тюркским языкам. Думается, в частности, что если бы за исследования этих параллелей взялись во всеоружии специалисты по карачаево-балкарскому языку, то они непременно подтвердили бы слова А. К. Боровкова об этом языке: «Мал золотник, да дорог» — с точки зрения истории и культуры тюркских языков и тем самым внесли бы определенные коррективы в оценку историко-культурного наследия шумерского языка.

Возможность древних шумеро-тюркских связей подтверждается не только распространением древнейшей курганной культуры, но и рядом других новейших археологических открытий. В отрогах монгольского Алтая, в ущелье Яманы ус «недавно археологи обнаружили изображения целой вереницы конных боевых колесниц переднеазиатского типа. Все на двух колесах, в упряжках две, три или четыре лошади. Возницы стоят, широко расставив ноги, горделиво уперев руки в бока или держа боевой лук... Откуда появился этот сюжет здесь, в недоступных для колесниц горных ущельях?.. На нескольких рисунках Яманы уса перед колесницами изображены табуны коней и всадники. Значит, можно предполагать, что художник здесь рассказал о каком-то дальнем переходе большой группы людей, может быть, целого племени,— переходе, для которого были нужны и колесницы, и лучники, и табуны лошадей»⁵⁸. Все эти открытия перекликаются с находками С. Руденко в зна-

менитых Пазырыкских курганах Алтая, в курганах т. н. алтайских скифов. Здесь были обнаружены в слое вечной мерзлоты прекрасно сохранившиеся орудия труда, украшения, оружие, одежда. Среди них особое место занимают деревянные боевые колесницы. Самые древние изображения колесниц, похожих по конструкции на те, что найдены в Пазырыкских курганах и на те, что высечены на скалах Яман уса, исследователи обнаруживают за тысячи километров от Алтая — в Месопотамии. Причем примечательно, что яманусские изображения являются «именно чертежами из-за пунктуальной точности их прорисовок в плане»⁵⁹. Ученые полагают, что в далеком прошлом эти ближневосточные колесницы от берегов Тигра и Евфрата отправились в многовековой путь, прошли трудными путями через хребты Алтая, распространились по всей Центральной Азии⁶⁰. Однако такое предположение не подкрепляется никакими историко-археологическими данными. Наоборот, исторические сведения, предания самих шумеров, распространение курганной культуры однозначно говорят о проникновении в Переднюю Азию кочевников с севера и северо-востока. В этой связи нельзя не вспомнить предания шумеров об упоминавшемся нашествии в Переднюю Азию горцев-скотоводов *кассу* (*к'оса*), а также их предания о продвижении самих шумеров с севера и северо-востока в Месопотамию.

* * *

Таким образом, мы проанализировали материалы, характеризующие древнейшую этнокультурную прароснову, на которой были замешены все последующие периоды этногенетической истории балкаро-карачаевского народа. Первым слагаемым в этом процессе были древнейшие кавказские племена, создатели энеолитической культуры, типа Иальчикского могильника и Агубековского поселения, и их многовековые контакты и интеграция со степняками-кочевниками, носителями древнейшей курганной культуры IV—III тыс. до н. э.

Смещение названных слагаемых и явилось первой закладкой, обладающей мощной потенциальной силой, которая в более близкое к нам историческое время дала возможность для формирования более конкретных этнических образований, в т. ч. балкарцев и карачаевцев.

Общеизвестно, что курганная культура и курганная насыпь, как ведущая этнокультурная особенность степняков-кочевников, надолго вписалась в культуру многих регионов Европы и Азии. За долгие века курганная насыпь вбирала в себя многие кавказские элементы — каменные ящики, каменные гробницы, склепы и пр. Вместе с тем в экономику кавказских племен привносится новая хозяйственная деятельность — подвижное овцеводство, которое до проникновения «курганников» здесь археологически мало прослеживается.

В традиционной системе жизнеобеспечения и экономике Балкарии и Карачая овцеводство даже в XIX в. было развито значительно сильнее, чем в соседних регионах Кавказа⁶¹. Тем самым исконное овцеводство наложило существенный отпечаток на всю экономику и культуру балкарцев и карачаевцев. Здесь получили продолжение такие элементы древнейшей культуры, как обработка шерсти, пряжи, изготовление войлоков и отдельных предметов обработки шерсти — веретено и др. Отличительной особенностью традиционной культуры балкарцев и карачаевцев от соседних кавказских народов являются срубные жилища⁶², когда-то послужившие прототипом или продолжением срубных погребальных камер древней курганной культуры. В погребальном обряде «курганников» важное место занимали лопатки и астрагалы овец. Почитание бараньей лопатки, гадание на ней, игральные кости — астрагалы также являются отличительной особенностью культуры балкарцев и карачаевцев, хотя известны и другим народам Кавказа, вероятно, как наследие культуры древних овцеводов. По раскопкам Л. Вулли, в древнем шумерском городе Уре обнаружены игральные астрагалы, выточенные из горного хрусталя⁶³, что свидетельствует о чрезвычайном почете данного предмета в быту древних шумеров. Как отмечалось, астрагалы овец являются почти неотъемлемой находкой в погребениях древней курганной культуры. Эта древняя традиция почитания и игры в астрагалы (альчики) сохраняется и в более поздние периоды. Так, в погребении двух мальчиков II тыс. до н. э. в кургане у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии были найдены аккуратно уложенные астрагалы-альчики⁶⁴. О достаточно широком распространении игральных альчиков в среде скифов свидетельствует тот факт, что в одном из скифских погребений у сел. Шалушка в

Кабардино-Балкарии был найден бараний астрагал, отлитый из бронзы⁶⁵.

В традиционном застольном этикете балкаро-карачаевцев баранья лопатка считалась одной из самых почетных порций и подавалась самому почетному и старейшему на торжественной трапезе⁶⁶. То же самое относится к древним и современным тюркским народам. Так, в героическом эпосе «Огуз наме» говорится, что каждому хану согласно его рангу полагалась правая (самая почетная) или левая лопатка.

Баранья лопатка служила для широко распространенного гадания на бараньей лопатке, или скапулимантии. Гадание это известно у многих народов: монголов, калмыков, тунгусов, афганцев, почти всех тюркских народов, и даже в Англии⁶⁷. Широко бытует это гадание у балкарцев⁶⁸ и у других кавказских народов. Однако Э. Б. Тейлор писал, что данный способ гадания «особенно в ходу в Татарии (у тюркских народов.— И. М.), где существует с древних времен, и откуда, быть может, распространилось во все другие страны, где упоминается о нем»⁶⁹. Об огромной роли этого гадания в общественной жизни монголов писал еще путешественник XIII в. Гильом Рубрук⁷⁰.

У балкаро-карачаевцев почетная баранья лопатка, кроме использования для гадания, широко практиковалась в ритуальных мероприятиях. Так, например, эта часть жертвенной туши часто использовалась как приношение божествам и покровителям с различными просьбами и мольбами. Этот факт подтверждается археологическими находками бараньих лопаток в Балкарии⁷¹. Чрезвычайно интересной и уникальной находкой являются бронзовые предметы, обнаруженные балкарскими чабанами на подступах к перевалу Шар-ыфцик в Балкарии. Среди этих предметов — несколько длинных булавок-проколов с округлыми листовидными навершиями, на которых оттиснено по три симметрично расположенных концентрических кружка. Подобные булавки хорошо известны в раннекобанских погребениях Центрального Кавказа XIV—XII вв. до н. э.⁷² Особенно ценно, что среди этих булавок находилась отлитая в бронзе правая баранья лопатка в натуральную величину. Эту лопатку, вероятно, древний предсказатель-шаман носил либо на шее, либо на поясе, так как у ее основания (в головке лопатки) имеется сквозное отвер-

стие для подвешивания. Примечательно, что головка лопатки опоясана изображением колосьев, что, наверное, свидетельствует о смешении кочевых и земледельческих традиций и культур.

Таким образом, можно уверенно говорить, что обычай гадания на бараньей лопатке бытовал в горах Балкарии уже в XIV в. до н. э.

Возвращаясь к прерванной мысли о шумеро-балкарских лексических сходжениях, следует сказать, что глубинные истоки этногенеза балкаро-карачаевцев подтверждает тот факт, что они являются представителями кавкасионского типа, характеризующегося относительно высоким ростом, широким лицом, большими размерами головы, массивным черепом и т. п. Но «палеоантропологические материалы с территории центральных предгорий Кавказского хребта, которые помогли бы разрешить споры о генезисе кавкасионского типа, пока отсутствуют. Поэтому все авторы, писавшие о происхождении кавкасионского типа, основывают свои выводы преимущественно на материалах по антропологии современного населения и на косвенных соображениях»⁷³. При таком исходном материале весьма трудно судить о действительных истоках формирования кавкасионского типа, но ясно одно: вряд ли можно эти позднейшие данные применить к смешанному энеолитическому населению северных предгорий Кавказа. В эту эпоху проникновение и оседание в кавказской среде древнейших северных племен овцеводов-кочевников доказано археологически однозначно. Следовательно, огромный интерес представляет гипотеза Г. Ф. Дебеца о происхождении кавкасионского типа. Исследования этого видного ученого-антрополога свидетельствуют, что:

— «в эпоху бронзы и раннего железа прослеживаются довольно существенные различия в типе населения Закавказья и Северного Кавказа»;

— «в степных районах Северного Дагестана и в прилегающих районах Чечено-Ингушетии были обнаружены европеоидные, но гораздо более широколицые черепа, ближайшие аналогии которых встречаются в сарматских погребениях Нижнего Поволжья и Казахстана»;

— «светлоглазые, русоволосые типы среди сванов, осетин, кабардинцев, горных грузинских племен, наро-

дов Чечни и Ингушетии встречаются ничуть не чаще, чем у их соседей».

Все эти факты приводят ученого к выводу: «Все же в связях с севером свидетельствует некоторое увеличение представителей с светлыми глазами и русыми волосами, отмечаемые в области Большого Кавказского хребта и западных областях Закавказья. Кавкасионский тип испытал на себе влияние северных элементов, распространившихся в южном направлении до центральных областей Большого Кавказского хребта, а на западе до Малой Азии включительно»⁷⁴. Против этих суждений выступил В. П. Алексеев со следующей аргументацией: «Если рассматривать просветление пигментации как следствие их северного происхождения, следовало бы ожидать, что цвет волос и глаз в зоне распространения кавкасионского типа будет темнеть по мере приближения к более южным районам с северо-запада на юго-восток. Действительно,— продолжает Алексеев,— отдельные восточные кавкасионские группы имеют более темные глаза и волосы, чем западные. Но это не распространяется на сванов, отличающихся темной пигментацией»⁷⁵. Вероятно, надо бы учесть ощутимый процент светловолосых и голубоглазых у других кавкасионцев — осетин, балкарцев, карачаевцев, а также наличие подобных типов у сванов, чеченцев, ингушей и других горцев, чего не отрицает Г. Ф. Дебец. Далее, В. П. Алексеев писал, что «нет никаких оснований полагать, что кавкасионский тип унаследовал свои характерные морфологические особенности непременно от древнего населения более северных районов, а не от древнейших этнических групп, заселявших высокие предгорья Главного Кавказского хребта... Можно с уверенностью утверждать, что археологические, этнографические исследования не свидетельствуют о каких-то специфических связях населения Центрального Кавказа с северными районами. Итак, резюмирую,— пишет Алексеев,— никаких аргументов в пользу гипотезы участия в формировании кавкасионской группы популяций элементов северного происхождения найти невозможно»⁷⁶. Прежде всего следует напомнить, что Г. Ф. Дебец, как мы уже подчеркнули, говорит «о связях с севером, о влиянии северных элементов», а не об «унаследовании основных характерных морфологических особенностей», не об их «северном происхождении» и т. п.

И все же, так ли безнадежна идея об участии в формировании кавкасионского типа выходцев из более северных районов?

Во-первых, археологические и этнографические материалы достаточно свидетельствуют о тесных контактах степняков-северян с кавказцами, и об их оседании среди кавказских племен еще в эпоху энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья.

Во-вторых, нельзя умалчивать о наличии достаточной доли светлой пигментации у таких кавкасионцев, как осетины, балкарцы и карачаевцы, чьи этногенетические связи с северными племенами бесспорны.

В-третьих, первое массовое проникновение степных северных племен приходится на вторую половину IV — начало III тыс. до н. э. Примерно в этот же период степняки-курганники через Кавказ доходят до Малой Азии, что подмечено и антропологом Г. Ф. Дебецем.

В. П. Алексеев прав в том, что нет оснований ожидать, что проникавшие сюда степные племена с ходу заняли трудные высокогорья⁷⁷. Безусловно, вначале они овладевали предгорными равнинами, о чем говорят курганные погребения древнеямных племен. Однако, уже в эту эпоху отдельные группы проникали и в гущу туземного населения, вплоть до районов высокогорного селения Былым в Баксанском ущелье.

Вероятнее всего, истина состоит в том, что в формировании кавкасионского типа участвовали древние кавказские племена, но нет сомнения в том, что в этом процессе могли участвовать и проникавшие сюда и смешавшиеся с кавказцами степные северные племена кочевников-курганников.

Таким образом, археологический симбиоз кавказцев и степняков, горцев и кочевников, участвовавших в формировании кавкасионского типа, отмечал антрополог Г. Ф. Дебеч. Следовательно, мы можем констатировать синтез двух основных слагаемых в процессе формирования древнего населения Кавказа, особенно его северных предгорий.

Примерно в таком виде представляется нам древнейший этап формирования этногенетической основы балкаро-карачаевского народа, что фиксируется как массой лексических сходжений шумеро-балкарского языка, так и археологическими данными.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии... С. 84.
- ² Сулейменов О. Аз и Я. Алма-Ата, 1974. С. 230.
- ³ Там же.
- ⁴ Грантовский Э. А. О распространении иранских племен на территории Ирана // История иранского государства и культуры М., 1971. С. 295.
- ⁵ Всемирная история... Т. 1. С. 300—301.
- ⁶ Сулейменов О. Указ. раб. С. 243—244.
- ⁷ Всемирная история... С. 224.
- ⁸ Боровков А. К. Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. VII. Л., 1932. С. 50—51; Толстов С. П. Тирания Абура // Исторические записки. 1938. № 3. С. 42.
- ⁹ Гоммель Ф. Указ. раб. С. 26.
- ¹⁰ Там же. С. 221.
- ¹¹ Там же. С. 41.
- ¹² Липин Л., Белов А. Глиняные книги / Под ред. В. В. Струве М., 1952. С. 227—233.
- ¹³ Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3. С. 86.
- ¹⁴ Всемирная история... С. 306; Липин Л., Белов А. Указ. раб. С. 219.
- ¹⁵ Всемирная история... С. 221.
- ¹⁶ Егоров В. Г. Современный чувашский язык. Чебоксары, 1954. С. 33—37.
- ¹⁷ Липин Л., Белов А. Указ. раб. С. 229—233.
- ¹⁸ Там же; Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 51, 55, 69, 433.
- ¹⁹ Богданов И. Хан Аспарух. София, 1975. С. 239; Он же. Пирабългари. София, 1976. С. 66—68; Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 16; Сулейменов О. Указ. раб. С. 241.
- ²⁰ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 78.
- ²¹ Сулейменов О. Указ. раб. С. 159.
- ²² Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 175.
- ²³ Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 80.
- ²⁴ Всемирная история... С. 195.
- ²⁵ Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 49.
- ²⁶ Там же. С. 17, 62; Сулейменов О. Указ. раб. С. 236.
- ²⁷ Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 47, 81; Всемирная история... С. 313.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Липин Л., Белов А. Указ. раб. С. 290.
- ³⁰ Абаев В. И. Из иранской ономастики // История иранского государства и культуры... С. 262.
- ³¹ Винклер Г. Духовная культура Вавилона... С. 170—171.
- ³² Там же. С. 86.
- ³³ Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 47.
- ³⁴ Липин Л., Белов А. Указ. раб. С. 288.
- ³⁵ Сулейменов О. Указ. раб. С. 243.
- ³⁶ Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 50; Сулейменов О. Указ. раб. С. 233; Мамедов А. Тюркские согласные Анлаут и комбинаторика. Баку, 1985. С. 34—37.
- ³⁷ Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 80.
- ³⁸ Там же. С. 437.
- ³⁹ Там же. С. 63.
- ⁴⁰ Там же. С. 51.

- 41 Там же. С. 59, 436.
- 42 Там же. С. 39, 63—64, 79.
- 43 Сулейменов О. Указ. раб. С. 236, 241.
- 44 Там же. С. 231; Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 53, 55.
- 45 Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 53.
- 46 Гоммель Ф. Указ. раб. С. 15.
- 47 Там же. С. 19; Молчанов О. Т. Топонимический словарь горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. С. 345.
- 48 Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 80.
- 49 Там же. С. 66.
- 50 Там же. С. 67.
- 51 Там же. С. 69.
- 52 Там же. С. 430.
- 53 Карачаевцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 274.
- 54 Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 436.
- 55 Сулейменов О. Указ. раб. С. 241—242.
- 56 Винклер Г. Указ. раб. С. 131.
- 57 Дьяконов И. М. Указ. раб. С. 83—84.
- 58 Новгородова Э. А. В стране петроглифов и эдельвейсов. М., 1982. С. 39—43.
- 59 Гоммель Ф. Указ. раб. С. 96.
- 60 Новгородова Э. А. Указ. раб. С. 43.
- 61 Труды комиссии по исследованию положения землепользования и землевладения в нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 358 сл.
- 62 Кобычев В. П. Города, селения, жилище народов Северного Кавказа // Культура и быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1968. С. 99, 104.
- 63 Дьяконов И. М. Люди и города Ура. М.: Наука, 1990. С. 115. Рис. 42 (а).
- 64 Мизиев И. М. Два кургана у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 98.
- 65 Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 142. Рис. 41 (7).
- 66 Карачаевцы... С. 184.
- 67 Леббок Дж. Начало цивилизации. СПб., 1896. С. 165—166.
- 68 Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991. С. 201—203.
- 69 Тейлор Э. Первобытная культура. СПб., 1896. Т. 1. С. 112.
- 70 Путшествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 149.
- 71 Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII—XVIII вв. Нальчик, 1991. С. 150—151. Рис. 52.
- 72 Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М.: Наука. С. 148—149. Рис. 106 (5—6).
- 73 Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. Краиологическое исследование. М.: Наука. С. 137.
- 74 Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 28, 32.
- 75 Алексеев В. П. Указ. раб. С. 135.
- 76 Там же. С. 136—137.
- 77 Там же. С. 136.

Скифо-сарматское наследие в истории и культуре тюркских народов

По общему признанию ученых, этногенетическими преемниками древнейшей курганной культуры являются скифы, а поскольку скифы — это одни из самых древних народов, отмеченных в древнегреческой литературе и проникавших на Кавказ, то постановка вопроса именно в предлагаемом ракурсе может на первый взгляд показаться несколько неожиданной. Однако при всей своей кажущейся неожиданности правомочность исследования такого вопроса в этногенетической истории тюркских народов, в т. ч. балкарцев и карачаевцев, базируется на целом ряде серьезных предпосылок.

Исторические сведения

Среди причерноморских и малоазийских племен Гомер выделяет неких «гиппемолгов» — доителей кобылиц и «галактофагов» — млекоедов и млекопийцев (Илиада, XIII, 5; Одиссея, XI, 12—19). Его последователи — Гесиод, Эсхил, Гиппократ, Геродот и мн. др. — прямо называют этих гиппемолгов и галактофагов скифами или киммерийцами. Одним словом, почти все древнегреческие и латинские писатели (от Гомера до Птолемея, Страбона и др.) в один голос называли скифов и сарматов «конядами», доителями кобылиц, пьющими кумыс, «из кумыса сыр едящими» и т. п.

Это был своего рода этнокультурный «паспорт», выданный древнегреческой и латинской традицией скифо-сарматам при первом же знакомстве с их культурой и

нравами, которые в корне были чужды потомкам древних индоевропейцев. Безусловно, им бросилось в глаза то, что казалось для них диким и варварским.

Отец медицинской науки, чьи антропологические характеристики особенно важны, писал, что «скифы отличаются толстым, мясистым, нечленистым, сырым, немускулистым телом; благодаря тучности и отсутствию растительности (волос.— *И. М.*) на теле обитателя похожи друг на друга, мужчины на мужчин, женщины на женщин... скифы имеют цвет лица рыжий»¹. А предшественник Гиппократ — Пиндар (522—442 гг. до н. э.) отмечал, что «некоторые скифы, притворяясь, открыто на словах гнушаются лежащей убитой лошадыю, а тайком обдирают кривыми челюстями ноги и головы»². Последнее сообщение особенно важно, потому что специально подчеркивает тот факт, что конину ели не некоторые скифы, и что окружавшие их народы эту пищу не ели, и скифам приходилось делать это тайком от других, скажем, от эллино-скифов, скифов-пахарей и земледельцев — алазонов, каллипидов и пр.

Гиппократ, дополняя свои антропологические сведения, писал, что скифы «пьют кобылье молоко и едят и ппак (сыр из кобыльего молока)»³. Не приходится останавливаться на том очевидном факте, что кумыс и конина — это традиционная пища исключительно тюркских народов.

Слова древнегреческих и латинских авторов о кумысе и конине, как традиционной пище скифов, подтверждают и археологические находки. Среди большого количества этого материала особо привлекателен недавний факт обнаружения в скифском захоронении на Днепре «большого деревянного блюда (балк.-кар.: тегене.— *И. М.*) с остатками конины»⁴. Прекрасной иллюстрацией генетического продолжения скифского похоронного обряда является обычай куманов. По словам Платона Карпини, когда умрет половец, «то перед ним ставят стол и корыто (большое деревянное блюдо — тегене.— *И. М.*) полное мяса, и чашу с кобыльим молоком и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают»⁵. Наконец, о явных тюрко-монгольских чертах некоторых скифов пишет и сам Геродот. В 22-й строфе IV книги он говорит, что «выше и ирков, живут другие скифы», а в 23-й, тут же, поясняет, что «у подножия высоких гор, выше

ишков, живут люди (т. е. те самые «другие скифы». — *И. М.*), которые, как говорят, все плешивые от рождения, как мужчины, так и женщины курносые и с большими подбородками». Из этих слов Геродота, повторяющих характеристику Гиппократу, явствует, что он распространял имя скифов и на аргиппеев, именуя их «другими скифами». А В. В. Латышев «плешивость» отдельных скифских групп объяснял их принадлежностью к тюрко-монгольской расе, и тем самым дополнял сведения Пиндара, Гиппократу, Геродота о широких подбородках, кривых челюстях, малом волосяном покрове и курносости некоторых скифских племен. Это мнение подтверждает слова автора V в. Зосима, которые звучат так: «Некоторые называют этот народ Уннами (речь идет о гуннах. — *И. М.*), другие говорят, что его следует называть царственными скифами или тот народ, про который говорит Геродот, что он живет у Истра с сплюснутыми носами, маленького роста»⁶.

Первый русский переводчик Геродота Андрей Лызлов — великолепный знаток почти всей европейской историографии XV—XVI вв., хорошо знавший древнегреческую и античную литературные традиции, труды Гомера, Вергилия, Овидия, Юстина, Курция Руфа, Диодора Сицилийского и др., еще в 1692 г. пришел к убеждению, что татары и турки восходят по своей культуре к скифам-кочевникам. Особый раздел своей «Скифской истории» А. Лызлов специально назвал «О названии Скифии и границ ее, и о амазонах мужественных женах их; и киих татар суть они татарове, иже в Европу приидоша»⁷. Точку зрения Лызлова поддержали и развили такие крупные ученые, как Байер, П. Шафарик, В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, Э. И. Эйхвальд, А. С. Лаппо-Данилевский, Г. Ф. Мищенко и др. Изучив доступные к тому времени скифские древности, Лаппо-Данилевский пришел к выводу: «Пока еще трудно сказать, к какой ветви арийских народов они действительно принадлежали, если эти племена и были арийского происхождения, то уже в древнейшие времена они смешались с чуждыми им монгольскими элементами»⁸. Особенно глубокими были обоснования этой идеи крупнейшим филологом, проф. Киевского университета Ф. Г. Мищенко — известным переводчиком Геродота, Фукидида, Полибия, Демосфена, блестящим знатоком древнегреческой литературы. Мищенко считал оседлых скифов-земледельцев и

пахарей ираноязычными индоевропейцами, а царских скифов-кочевников представителями тюрко-монгольских племен⁹. Эту же точку зрения поддержал и другой выдающийся специалист по древнегреческой литературе о Скифии и Кавказе В. В. Латышев¹⁰.

Считается, что ираноязычность скифов-пахарей наиболее убедительно доказал В. Ф. Миллер путем сопоставления личных имен скифских царей и божеств с осетинским языком. «Сравнение этих имен со словами осетинского языка,— пишет А. А. Нейхардт,— привело Миллера к выводу об ираноязычии носителей этих имен (правда, по признанию В. Ф. Миллера, часть слов все же не поддается объяснению). Следует отметить, что свои выводы он считал возможным распространить только на оседлых скифов»¹¹. Однако, когда теория об ираноязычности скифов была еще в зародыше, Ф. Г. Мищенко предупреждал: «Если греческие писатели позднейшего периода нередко искажают до неузнаваемости названия тех народов, в соседстве с которыми они жили продолжительное время, свои наблюдения над которыми они могли легко проверить многократными показаниями очевидцев, то, разумеется, тем менее можно полагаться на их лингвистические данные о народах далеких, совершенно им неизвестных, каковыми были и скифы для Геродота, Фукидида, Страбона и других. Вот почему немногие свидетельства языка о скифах, находящиеся по преимуществу у Геродота, подают повод в наше время к самым разноречивым толкованиям... Брун сожалеет,— продолжает Мищенко,— что берлинский акад. К. Мюлленгоф, главный авторитет в решении вопроса о национальности скифов в смысле иранства их, не подвергает критической оценке этимологии тех же имен, приводящих других исследователей к заключению о монгольстве или вообще о туранстве скифов»¹². Кстати сказать, упоминавшийся Геродотом скифский термин *асхи* в значении напитка даже Мюлленгоф, Эрман, Томашек не смогли объяснить иначе, как связав его с тюркским термином *ачы* — «горький»¹³. Мы же связываем его еще и с карачаево-балкарским словом *ици* — «напиток»¹⁴.

Кипперт, один из авторитетнейших ученых того времени в области исторической географии, не придавал выводам Мюлленгофа об иранстве скифов никакого значения: «Что скифские имена, тождественные с фракийски-

ми и персидскими, просто заимствованы из этих языков и потому не имеют никакой доказательной силы в вопросе о национальности скифов, это доказывается вполне совершенным отсутствием диалектных особенностей: с таким же успехом,— пишет Кипперт,— можно было бы приписать семитическое происхождение нынешним османам и другим тюркским племенам на основе почти исключительного употребления у них арабских личных имен»¹⁵. Ученые-индоевропейцы еще в 30-х гг. XIX в. характеризовали выводы Мюлленгофа как «устаревшие и ничего не дающие для восстановления реального языка скифов и сарматов»¹⁶. По их мнению, Мюлленгоф и его последователи (В. Ф. Миллер, В. И. Абаев и др.— *И. М.*) «говорили о языке скифов-иранцев, скифов-осетин, скифов-индусов, выворачивали на все стороны несопротивляющийся языковой материал, ломали или вытягивали его на прокрустовом ложе «иранских языков»... «Скифский язык, как нечто единое, цельное и монолитное,— продолжали эти исследователи,— для всех племен, известных у греков и римлян под именем «скифских», есть фикция»¹⁷. Сообщения Страбона, Плиния и других свидетельствуют, что всякое неизвестное или малоизвестное племя принимает имя скифов, а у целого ряда античных авторов встречаются сведения о том, что эти «скифы говорили на разных языках»¹⁸.

Крупный специалист по истории южнорусских степей Ф. Браун, изучив все труды своих предшественников по скифской проблематике, значительно позднее своих коллег утверждал, что «разногласия между учеными по поводу пресловутого «скифского вопроса», как и в «варяжском вопросе», не столько от неточности или неясности материала, сколько от методических ошибок некоторых ученых, бравшихся за исследование, а часто и от тех предвзятых идей и тенденций, с которыми они приступали к нему и которые заставляли их мириться с явными натяжками. Новый труд по «скифскому вопросу» должен будет носить характер по преимуществу полемический»,— писал Браун. Далее он приходит к выводу о том, что «весь вопрос в том, можем ли мы считать скифов Геродота народом этнографически цельным, или этому имени уже в V в. до н. э. присуще такое же собирательное, чисто географическое значение, какое оно имеет впоследствии, например у Страбона и Плиния? Известно, что многие ученые, начиная с Шафарика¹⁹,

держались и держатся именно этого мнения, указывая на особенности в образе жизни, религии, антропологического типа, отличающие будто бы западных от восточных скифских народностей и усматривая в скифах западных — иранцев и предков славян, в противоположность к скифам восточным якобы монголам. В пользу последнего соображения высказывался недавно еще Мищенко, и с ним соглашается, по-видимому В. Миллер»²⁰. Слова Ф. Брауна полностью отражают господствовавшую научную мысль России середины XIX в. В одном из томов «Ученых записок» Академии наук того периода говорилось: «О скифах и сарматах написано множество, но чрезвычайно мало с критическим тактом и с обширным знанием источников и новейших пособий. Именно во всей этой массе сочинений недостает надлежащего внимания к различию скифов и сарматов в собственном или этнологическом смысле от употребления этих имен в обширнейшем или политическом и в самом обширном — географическом значении. Если же греки и римляне в дошедших до нас сочинениях употребляли эти имена не в народном смысле исключительно, то само собой разумеется, что многочисленные народы могли быть разного происхождения и языка... Были ли между ними, черноморскими скифами в теснейшем или обширнейшем смысле, уже и народы тюркского происхождения?.. По всей вероятности, они были уже во времена Геродота»²¹.

Таким образом, представители научной мысли середины XIX в., в том числе такие крупные ученые, как Мищенко и Миллер, пришли почти к одному и тому же мнению, что среди скифов вместе с двумя хозяйственно-культурными укладами были и две этнические группировки: пахари и земледельцы — это ираноязычные индоевропейцы, и кочевники — представители тюрко-монгольской расы. Особенно важно, что Мищенко и его сторонники строили свои выводы на сравнении языковых и археологических памятников, происходящих из скифских курганов Северного Причерноморья, с сибирскими древностями Алтая и бассейна реки Иртыш²². Этот метод Мищенко блестяще подтвержден и современными археологическими раскопками. В настоящее время после раскопок среднеазиатских и южносибирских курганов археологами открыта на Енисее, в Восточном Казахстане, в западных предгорьях Алтая, в Приаралье и Туве скифская культура более ранняя, чем в Северном При-

черноморье. В первую очередь здесь следует назвать царский курган Аржан в Туве VIII в. до н. э., раскопанный М. П. Грязновым и дающий удивительные параллели к геродотовскому обряду погребения скифского царя²³.

Для более полного раскрытия нашей темы весьма важно, что почти единственным и исключительным древним письменным источником о скифах является труд Геродота. Но при подходе к анализу этого труда необходимо строго осознавать по крайней мере некоторые важнейшие моменты.

Во-первых, Геродот — один из компетентных людей своего времени, родом из Галикарнаса, входившего в отдельную сатрапию Персидской державы, — не мог не знать или не отличать персидский (мидийский) язык от других современных ему языков. Ведь не преминул же он, упомянув неких сигиннов в Подунавье, сказать, что те говорили на мидийском языке!

Во-вторых, ни Геродот, ни его последователи римские и античные авторы ни одним словом не обмолвились, что скифы были ираноязычными. Наоборот, автор III в. до н. э. Юстин писал, что язык у парфов средний, между скифским и мидийским, помесь того и другого»²⁴. Совершенно ясно, что речь идет о двух разных языках, так как помесь можно получить, по крайней мере, только из разных языков.

В-третьих, называя множество племен «скифскими», Геродот все же четко различает их по языку, культуре, быту и нравам. Мы уже отмечали, что античные авторы Плиний, Страбон и другие не раз писали, что перечисляемые Геродотом скифские племена «говорили на разных языках» и каждое малоизвестное или неизвестное племя получало у греков название «скифы».

В-четвертых, авторы I—VII вв. н. э. — Помпоний Мела, Зосим, Приск Панийский, Дионисий Периегет и др. — скифами называли не каких-нибудь венедов, антов, готов, франков, вестготов и т. п., а именно только гуннов, аваров, болгар и других тюрков. Например, Зосим писал о гуннах: «Некоторые называют этот народ уннами, другие говорят, что его следует называть царственными скифами или тот народ, про который говорит Геродот, что он живет у Истра с сплюснутыми носами, маленького роста»²⁵. Автор середины VII в. Феофилакт

Симмоката о тех же гуннах писал: «...Хунны стали называть себя аварами... Говорят, что среди скифских племен авары — самые деятельные и способные... они давали своему вождю почетное имя каган»²⁶. Тюрками скифов называли и восточные авторы. Например, автор середины IX в. арабский географ Мухаммед ибн-Муса ал-Хварезми писал, что «скифия — страна тюрков», «Скифия — страна тогузогузов»²⁷.

О целом ряде скифских племен сам Геродот дает весьма ценные сведения, противоречащие нынешним, устоявшимся мнениям, что все скифские племена были ираноязычными. Вот что он писал: «...массагеты похожи на скифов одеждой, которую они носят, и образом жизни» (кн. I, 215, 1.) А ведь известно, что массагеты — это стопроцентные туркмены²⁸, а по Аммиану Марцеллину, потомками массагетов были аланы²⁹. Таким образом, скифское племя массагетов — это предки и аланов, и современных туркмен.

В верховьях реки Тирас, или Тюрас (р. Днестр.— И. М.), которую и сейчас турки называют Тур, Геродот (кн. IV, 21) размещал племя Тюррагетов, или Турков. По мнению авторитетных скифологов, во всех изданиях геродотовой «Истории» вместо «тюрки» переписчики писали «иирки». Племя тюрков в тех же местах, где Геродот размещал ирков, отмечали Плиний, Помпоний Мела, Страбон и др.³⁰

Среди скифских племен Геродот называет будинов, во всем похожих на скифов (кн. IV, 105). Имя этого племени не что иное, как общетюркское слово *будын*, *бодун* — т. е. «люди», «народ» (ДТС. Л., 1968, с. 108). В карачаево-балкарском языке этот термин употребляется еще и в значении «толпа» — т. е. *будуман*. Виднейший скифолог П. Н. Кречетов в своей книге «Письма о геродотовой Скифии», опираясь на Геродота и сообщения Страбона, приходит к выводу, что область геродотовских будинов следует искать в долине р. Маныч, притока Дона с полной системой озер, в которых Кречетов усматривает знаменитое Будинское озеро, считая современные соленые озера его остатками. В связи с этим, по словам А. А. Нейхардт, предполагал, что крепости, воздвигнутые Дарием, в борьбе со скифами (Геродот, кн. IV, 124), сохранились в виде тех остатков рвов и углублений, которыми так богата долина реки Маныча, притоков Дона — рек Саи, Егорлыка, Ен, впадающих

в Азовское море. Эти свои соображения Кречетов высказывал неоднократно³¹. По нашему мнению, будины обитали в тех же местах, где позднее в эпоху раннего средневековья обитали гунно-болгары, хазары и другие тюркские племена Северо-Западного Предкавказья.

Исходя из всего изложенного, мы можем сделать заключение, что в местах расселения древнейших кочевников-овцеводов курганной (древнеямной) культуры — в бассейне р. Машыча, в эпоху скифов обитали тюркские племена будинов, на смену которым в эпоху средневековья пришли потомки гунно-болгар и сармато-аланов. Однако надо сказать и о том, что с этими регионами связаны имена либо предков скифов, либо их генетических соплеменников — киммерийцев.

Известно, что уже в IX—VIII вв. до н. э. Гомер в «Илиаде» называл киммерийцев «доителями кобылиц», «млекоедами», а Гесиод эту же характеристику давал скифам, за которыми она сохранилась вплоть до византийских авторов. Ученые давно спорят — кого имели в виду под «доителями кобылиц» Гомер и Гесиод: скифов или киммерийцев. Этот спор, однако, для нас не имеет значения, гораздо важнее то, что вплоть до нынешних времен, пройдя через всю историю, эти черты характерны исключительно только тюркским народам, и никому более. Кроме того, ученые-скифологи почти единодушны в том, что «имеются достаточные основания считать киммерийцев племенем, родственным скифам»³², что «до сих пор нет возможности археологически отделить культуру киммерийцев от культуры скифов»³³. Такой видный специалист по этногеографии Скифии, как Н. В. Куклина, приходит к выводу, что «киммерийцы — это скифское племя»³⁴. Ее мнение поддерживает и другой крупный специалист по «Истории» Геродота А. А. Нейхардт³⁵.

Все сказанное о скифах и киммерийцах блестяще подкрепляется «Книгой бытия» (X, 2, 3), в которой эпоним скифов — «Ашкеназ», или «Ашкуза», является родным братом Тагарма, а они оба сыновьями Гомера (киммерийцев). Мы уже писали, что эпоним скифов *Ашкуз* — это этноним тюркских племен *Ас-киши* (Ас-киси, Ас-кизи), а *Тагарма* — это родоначальник хазар — Тагар. Оба последних имени представляют собой видоизменения имени родоначальника скифов — *Таргитая*

и верховного божества тюркских племен — *Тангри* (Тенгри, Тагра и т. п.)³⁶. Тождество этих героев фиксируют многие античные, византийские, грузинские, восточные исторические документы — хроника Леонти Мровели, Зосима, Приска, Иордана и др. Заслуживает во всем этом серьезного внимания то, что все они отождествляют скифов именно с тюркскими племенами: гуннами, хазарами, гузами, тогузогузами и т. д. В числе таких документов стоит отметить и «Повесть временных лет», где написано: «...скуфь рекше от козар»³⁷. Даже такой крупный специалист, как В. Б. Ковалевская, сторонница ираноязычия скифов, изучив почти всю доступную восточную информацию о скифах, пришла к выводу, что «под именем хазар, а позднее бун-турков (тюрков) скрываются скифы»³⁸.

Подтвердим это тождество еще рядом уникальных фактов.

По нашему мнению, библейский этноним скифов совершенно тождествен древнетюркскому этнониму *Ас-киши*, известному по трудам Махмуда Кашгарского, Ибн-Хордадбеха, Ибн-Саида и др., обитавших на Алтае, Средней Азии, Кавказе³⁹.

В этнониме *Ас-киши* (букв.: *Ас* — человек) содержится имя древнего тюркского племени *Ас*, различные подразделения которых сохранились в родо-племенных названиях казахов, киргизов, узбеков, ногайцев, алтайцев и др. Имя тюркского племени *Ас* в XIV в. в горах Центрального Кавказа отмечали Абул-Феда, Шереф ад-Дин Иезиди, Низам ад-Дин Шами и другие восточные летописцы. Именем *Ас* и сейчас ираноязычные осетины называют своих извечных исторических соседей — балкарцев и карачаевцев.

На древней территории тюркских племен — Алтае, в среднем течении р. Абакан, имеется речка Аскизи, этот район прежде входил в Аскизскую думу, ныне представляет собой Аскизский административный район. На этой речке расположено селение Аскиз⁴⁰. Таким образом, этноним *Ас-киши* / *Ас-киси* отражен и в топонимике тех регионов, где обитали древние тюркские племена и располагались памятники карасукской — предскифской культуры Алтая.

Интереснейшую историческую информацию содержит и имя родоначальника скифов — всемогущего Таргитая. В этом имени четко видно слово *Тарги* и частица *тай*.

До сих пор правдоподобно не объясненное имя *Таргитай* буквально тождественно имени Таргитай — аварского посла 583 г. к римскому императору Маврикию, имени тюркского вождя Таргицай, почти сохраняется в имени Тарагай — сына известного золотоордынского хана Хулагу, и вообще стоит в ряду такого множества тюркских имен XIII в., как Актай, Асутай, Ашиктай, Баритай, Бурилтай, Бурунтай, Даритай, Камтай, Кутай, Хутай, Колимтай, Кутуктай, Кяхтай, Манзитай, Ойратай, Сабуктай, Сартактай, Субектай, Субетай, Тубтай, Уйгуртай, Усутай, Хокутай, Чагатай, Чутай и мн. др. Кроме того, это имя очень близко по форме образования к таким тюркским топонимам, как Алтай, Чагатай, Сартактай, Тарбагатай и т. д. По заключению лингвистов, частица *тай* в этих терминах и именах означает принадлежность к какому-то народу, обществу или государству⁴¹. Более того, очень важно учесть, что слово *тарх* / *тарг* в тюркских языках означает: «кровный родственник», «единокровный», «соплеменник»⁴². Следовательно, имя *Таргитай* может означать «народ Таргу», «Тарги» (турку? — И. М.). Или же «Кровный родственник», «Соплеменник», «Единокровный».

Имя Таргитай очень близко и имени родоначальника хазар — Тагарма, Тагармоса (Леонти Мровели). Здесь прослеживается небольшая метатеза Г и Р. В связи с подобного рода метатезой В. И. Абаев пишет следующее: «...самый распространенный вид (метатезы в скифском языке. — И. М.) — метатезы с участием Р: в группе из двух согласных Р не мирится с положением на втором месте и перескакивает на первое»⁴³. Этому факту известный лингвист приводит массу примеров⁴⁴. Пользуясь установленным Абаевым правилом, мы можем сказать, что переход *Тарги* в *Тагри* вполне закономерен. Для дальнейшего анализа интересующего нас термина, следует учесть, что в греческом языке буква γ (гамма) означала звуки Г, ГЪ, НГ, как в слове *фаланга*⁴⁵. Таким образом, мы получаем дополнительную аргументацию для чтения скифского термина *таргъы* как *тагры*, *тангри*, *тагри*, т. е. как имя древнетюркского божества *Тенгри*, *Тангри* или шумерского слова «бог» — *Дангри*.

Приведенные выше мнения ученых о родстве культуры и быта киммерийцев и скифов позволяют обратить внимание на те области, где наблюдается особое

скопление археологических памятников киммерийцев на Северном Кавказе, примерно в тех же районах, где на рубеже IV—III тыс. до н. э. наблюдалось распространение культуры древнейших кочевников-овцеводов, носителей курганной культуры.

По сведениям Страбона (VII, 308), киммерийцы обитали в Северном Причерноморье и горном Крыму, где находился горный хребет Киммерий. Комментируя античные источники и «Историю» Геродота, расселение киммерийцев в горном Крыму поддержал С. А. Жебелев⁴⁶. В. А. Городцов, Е. И. Крупнов и другие, устанавливая родство киммерийцев и скифов, указывали пути проникновения киммерийцев в Переднюю Азию именно через Кавказ⁴⁷. Многие ученые утверждают, что в продвижении в Переднюю Азию и Закавказье исходной позицией для киммерийцев, а затем и скифов, были районы Северо-Западного Кавказа — среднее и верхнее течения Кубани⁴⁸. А. А. Нейхардт обратила внимание на весьма важное заключение Т. Сулимирского, что «первоначальным местопребыванием киммерийцев была территория от Северного Кавказа до р. Дона, а затем под давлением скифов киммерийцы продвинулись на юг и запад. В период с XIII по VIII в. до н. э. часть киммерийцев ассимилировалась со скифами»⁴⁹.

Археологическое обоснование обитания киммерийцев в верховьях Кубани дали А. А. Иессен, Е. И. Крупнов и др. «Базируясь на исторических свидетельствах, — пишет Е. И. Крупнов, — можно прийти к заключению, что при определении границ расселения киммерийцев и их культуры существеннейшее значение должна иметь территория Северного Кавказа, разумеется, в первую очередь его западная часть»⁵⁰. Реальность этого вывода подкрепляют В. А. Городцов, М. И. Артамонов, Я. А. Манандян, В. Д. Блаватский и др. А. П. Смирнов, например, пишет, что эта граница «проходит к югу от Воронежа — на Кубань, к востоку от Краснодара»⁵¹.

Все изложенное подкрепляется археологическими находками киммерийской культуры (бронзовые кельты, серпы, копья, конская сбруя и др.) близ станиц Келермесской, Урупской, у аулов Учкулан, Карт-Джурт, Теберда, в верховьях р. Индыш, в урочище Агур в Карачае и прилегающих районах⁵². Все перечисленные специфические киммерийские предметы, найденные в вер-

ховьях Кубани, свидетельствуют о расселении здесь киммерийцев⁵³. Эти характерные бронзовые предметы киммерийцев подкрепляют и керамические находки⁵⁴. «Итак,— утверждает Крупнов,— не только письменные источники, но и археологические данные подтверждают пребывание киммерийцев на всем Северо-Западном Кавказе», особенно среднего и верхнего течений Кубани⁵⁵. Поскольку киммерийцы неразрывно связаны с Северо-Западным Кавказом и рекой Кубанью, есть необходимость обратить внимание на разъяснение этих терминов: *киммер* и *Кубань*.

Обитание Ас-киши (скифов) и киммерийцев (кам-эр) в Северо-Западном Предкавказье, там, где на рубеже IV—III тыс. до н. э. были распространены курганы древнейших кочевников-овцеводов, непосредственно связывается с этнонимом *ас*, который на тюркских языках означает «сбиваться с пути», «блуждать», что равнозначно понятию «кочевать» (Э. М. Севортян). Эта связь заставляет вспомнить выводы П. К. Услара, что от имени *асов* (*азов*) происходит название Азия, Азов и др. Базируясь на древнейших сказаниях о Кавказе, Услар писал: «Нет сомнения, что название асов находится в связи с Азией, названием целой части света... Понятие об Азии во все времена совершенно чуждое обитателям ее, возникло первоначально у греков, которые по имени небольшого округа, лежащего у подошвы Олимпа Фригийского и называвшегося Азией, начали называть так все страны к востоку от Эгейского моря». Далее он утверждал: «Во всяком случае, священная Азия располагалась по правому берегу Кубани, там, где теперь живут Черноморские казаки...» Услар приводит сведения Эсхила (V в. до н. э.) о том, что название *Азия* он придавал стране, орошаемой Кубанью. Этот факт, пишет Услар, удерживался и во времена Страбона. Лучшим доказательством того, что название *Азия* — это не только было созданием греческих поэтов, продолжает он, служит этническое название «ас», неизгладимо привившееся к местным собственным именам. Подтверждает он свое мнение сведениями Птолемея (V, 8), что на восточном берегу Меотийского болота (Азовского моря.— И. М.) между Доном и Кубанью называет города — Азара, Азибетис, Азареба и др.⁵⁶ По мнению Услара, и название Азовского моря происходит от этнонима *ас / аз*. В связи с этим весьма интересен и тот

факт, что название Астрахань означает: *Ас-тар-хан*, т. е. «Трон асов»⁵⁷.

В термине *кимер* (*камер, гамер*) прозрачно читаются два слова: *кам* — «река, вода» и *ар, эр* — «человек, мужчина». Следовательно, этот этноним дает понятие: «речные люди» (букв.: речной мужчина). Исходя из того, что почти все древнетюркские племена получали свои имена от названия рек: Чу-киши (Чуйские люди), Ку-киши (люди реки Ку, т. е. р. Лебедь), Тобо-киши (люди реки Тобол), Купи-болгар (Кубанские болгары), Сув-ар (речные люди, те же Сабирь) и т. п., а также из того, что сам термин *болкар* происходит от слов *булакъ, балкъ* — «родник», «река», мы можем утверждать, что этноним *киммер* означает «речные люди» и стоит в одном списке с длинным рядом древнетюркских этнонимов.

Из этого заключения вытекает необходимость разъяснения другого составляющего в этнониме *кимер* слова *кам, кем, хем*. Об этом слове в науке идет спор давно и с переменным успехом. Одни считают его ирано-осетинским (В. И. Абаев), другие — древнеиндийским (В. В. Бартольд), третьи — тувинским, монгольским, тюркским (А. П. Дульзон, Х. Хаджилаев, Б. Мусукаев и др.)⁵⁸. Но надо особенно отметить, что спор этот идет весьма странным образом и удивительными методами. Так, В. И. Абаев, утверждая осетино-иранское происхождение термина от слова *ком* — «рот, пасть, острие, отверстие», тут же пишет, что никаких прямых иранских оснований для этого не найдено. Далее он же утверждает, что в древнеиранской форме *кам* это слово сохранилось не в осетинском, а в тюркском языке балкаро-карачаевцев. Третье недоразумение состоит в утверждении Э. М. Мурзаева о том, что термин *кам* не является тюркским, поскольку зафиксирован только в топонимике. Х. Хаджилаев верно парирует: а где же еще может фиксироваться гидроним, если не в названии рек? Очевидно, для Мурзаева такого вопроса не существует. Четвертая странность состоит в другом заключении Э. М. Мурзаева, что гидронимы на *кам*, сотнями встречающиеся на Алтае, в Туве, Уйгурских степях, Средней Азии, Балкарии и Карачае, нельзя считать тюркскими и даже «нельзя сопоставить и с тюркским термином *кам* — «канал», сохранившимся в некоторых оазисах Туранской низменности и Таримской впадины»⁵⁹. Вопрос — почему нельзя — не объясняется

и вновь отсутствует в поле зрения Мурзаева. Далее, приводя сотни названий в тюркском ареале на *кам*, *кем*, *хем*, тот же автор завершает: «Эти не тюркского корня гидронимы для нас крайне интересны». Почему не тюркского корня? Ответа вновь нет. Верхом удивительных метаморфоз в разъяснениях Мурзаева является его вывод: «Все эти примеры с гидронимами Алтая, Тувы, Монголии приведены в подтверждение тезиса о индоевропейском происхождении элемента «кем»⁶⁰.

Удивительно просто расправляются ученые с общеизвестным фактом, что историко-географическая и этнографическая наука не знает обитания иранцев на Енисее и его притоках, а эти реки (вкуче с массой других рек и речушек) почти повсюду именуется *кам*, *хем*, *хемчик* (в т. ч. и сам Енисей). Непонятно, на каком основании индоевропейцы априори настаивают на том, что в местах исконного обитания тюркских племен вдруг могли появиться иранские названия, да еще в таких количествах? В этом споре к массе тюркских топонимов мы бы добавили:

— балкаро-карачаевское слово *айры-кам* — «остров», т. е. земля, разделенная водой, рекой;

— на Дунае, в местах, где Аспарух со своей болгарской ордой остановился и, воткнув в землю копье, сказал: здесь будет наша ставка, имеется река «Камчия» (*Кам-чай*);

— мне кажется, спору может положить конец и балкаро-карачаевское слово *кеме* — «корабль, крупное судно».

Все изложенное убеждает нас в том, что *кам*, *кем*, *хем* — это древнетюркский (тувинский, хакасский, уйгурский, алтайский, карачаевский, балкарский, монгольский) гидроним, означающий «река», «вода», и с этим термином связан этноним *ким-эр*, или киммерийцы. А сосредоточение памятников киммерийской культуры в верховьях Кубани — у карачаевских аулов — лишь подтверждает эту мысль, поскольку Кубань в своих истоках называется *Уллу-кам*, т. е. «Большая река». По моему мнению, от этого понятия «Большая река» происходит и нынешнее название Карачай, где *Кара* означает с древнетюркских наречий понятия «великий», «большой», «могучий», «истинный», плюс общетюркское слово *чай / сай* — «река».

Завершая этот этюд, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что древнеболгарские письмена в большом количестве обнаружены в Карачае, в местах обитания древних болгар⁶¹ и киммерийцев (речных людей). Именно поэтому крайне важными являются слова Прокопия Кесарийского, что кутургуры и утургуры — составные части древних болгар — являлись киммерийцами⁶².

К сожалению, все, что мы привели в пользу скифотюркских параллелей, почти всегда игнорируется учеными-иранистами и индоевропеистами, а порой даже считается неуместным упоминать о них. И таким образом, все, что касается ведущих направлений скифского населения, до сих пор остается спорным и дискуссионным, а полемический труд, о котором писал еще Ф. Браун, пока еще не написан. Напротив, после выхода в свет труда В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор» (М.; Л., 1949) зачастую приходится сталкиваться с утверждением, будто бы все скифские племена были ираноязычными. Сторонники этих взглядов на скифское наследие забывают, что вопросы этнической истории геродотовой Скифии чрезвычайно сложны, и эту проблему нельзя воспринимать и трактовать так упрощенно, как это принято в индоевропеистике. Приступая к анализу скифского наследия, нельзя упускать из виду, что основным признаком, по которому Геродот различал эти племена, был их язык, а также то, что скифы в различных аспектах — географическом, политическом и этническом — это далеко не одно и то же⁶³.

Многочисленные данные, вытекающие из изучения археологической культуры скифов, анализа знаменитой IV книги Геродота и всех античных источников, приводят ученых-скифологов к убеждению, что почти все основные вопросы истории и культуры скифских племен остаются по-прежнему дискуссионными, как во времена Ф. Брауна. Крупный специалист по истории племен Евразийских степей А. П. Смирнов приходит к выводу, что «если говорить откровенно, то спорными, дискуссионными продолжают оставаться все основные вопросы истории скифов»⁶⁴. Подводя итог своему капитальному труду, А. А. Нейхардт справедливо заключает: «Таким образом, вопрос о том, кого, собственно, следует считать «подлинными скифами», далеко не решен. По существу, в современной науке он до сих пор является дискуссион-

ным, и единственной точки зрения не существует»⁶⁵. И, наконец, тщательный анализ античных источников, касающихся этнической географии скифских племен, приводит И. В. Куклину к следующему выводу: «Таким образом, почти все проблемы современной скифологии остаются спорными и ни одна из них не получила еще однозначного решения. Насколько глубоки разногласия, могут продемонстрировать попытки некоторых современных исследователей восстановить начальную историю скифов»⁶⁶.

Все эти спорные вопросы значительно могут быть продвинуты к разрешению, если ученые, отбросив тенденциозный, предвзятый подход к скифам, и прежде всего только с позиций их ираноязычия, обратят серьезное внимание на ряд следующих фактов, кстати, тех же, на которых в свое время настаивал Ф. Г. Мищенко. Он ведь еще более 100 лет назад, не придавая исключительного значения только скифской ономастике, писал, что «гораздо большее значение в решении этнического вопроса скифов имеют свидетельства древних писателей о быте, нравах и особенно его физического строения»⁶⁷, явно намекая на антропологические данные Гиппократ и Пиндара.

Итак...

Археолого-этнографические скифо-тюркские параллели

Известно, что скифы, унаследовав древнеямный, курганный обряд погребения, хоронили своих умерших под курганной насыпью, в просторной яме, облицованной бревнами и плахами, в выдолбленной из цельного ствола колоде, на погребальной повозке. Умершего сопровождали в потусторонний мир табуны лошадей (до нескольких десятков и сотен особей), перед погребенным на деревянном столике в большой чаше ставили жертвенную пищу в виде конины, чашу с кумысом и т. п.

Весь этот набор элементов погребального обряда скифов совершенно не встречается и не оставил никакого следа ни у одного индоиранского народа, и в то же время полностью, один к одному, сохраняется у тюркских народов и является специфической особенностью их тра-

диционной этнокультуры. Традиции поклонения священным предметам — родовым котлам, чашам сохранились у средневековых кочевников⁶⁸. «В традиционной культуре тюркских народов,— пишут исследователи,— вплоть до XIX в. сохраняются специфические особенности скифской культуры: погребение в срубах и деревянных саркофагах-колодах; в сопровождении коней; войлочные подстилки на дне могилы; возлияния кумыса и т. п.»⁶⁹. Пили кумыс, ели конину и балкаро-карачаевцы вплоть до XIX в.⁷⁰ Возродить производство кумыса пытались в XIX в. карачаевский владетель К. Узденов, балкарские князья Урусбиевы. Лечение различных легочных болезней употреблением кумыса было налажено тогда в Пятигорске и Нальчике⁷¹.

А вот как описывает Иордан похороны гуннского вождя Аттилы: «После того как был он оплакан такими стенаниями (рвали на себе волосы, царапали лица.— И. М.), они справляют на его кургане «страву» (так называют это они сами,— уточняет Иордан), сопровождая ее громадным пиршеством»⁷². Кроме курганного обряда, в данном сообщении привлекает к себе внимание гуннский термин *страда*, который справляли гунны на кургане. Ученые давно спорят о значении этого загадочного термина. В. Даль возводил его к славянским понятиям: «пища», «еда», «блюдо», «кушанье», «похлебка», «яства», «варево». Е. Ч. Скржинская пишет, что Иордан имел в виду под этим термином погребальную тризну, поминальный пир и пр. Якоб Grimm считал это слово готским, происходящим от слова «костер», т. е. полагал, что гунны сжигали тело умершего, но об этом Иордан не обмолвился в своем подробном описании погребения Аттилы. А. А. Котляревский справедливо возразил Гримму, сославшись на то, что Иордан знал готский язык⁷³ и не мог не знать значения готского термина. И действительно, Иордан, будучи готом по происхождению, не мог не знать этого термина, и ему не было необходимости уточнять, что так называют этот обряд сами гунны. Этот термин не мог быть и славянским: «погребальная тризна», «поминальный пир» и пр., так как Иордан завершает мысль словами, что этот обряд затем «сопровождался громадным пиршеством». Вряд ли Иордан мог допустить такую тавтологическую погрешность: «погребальное пиршество сопровождалось громадным пиршеством».

Следовательно, этот термин не мог быть ни славянским, ни готским, а только гуннским, что и отметил Иордан. И наше восприятие такого термина совпадает с мнением С. Я. Байчорова, который аргументировал тюркское происхождение этого слова, обозначающего общетюркское и карачаево-балкарское понятия: «похороны», «погребение»⁷⁴. Курганный обряд погребения в срубах характеризует и археологический материал гуннов. Так, например, в 1975 г. у сел. Кишпек, в долине реки Баксан в Кабардино-Балкарии, был раскопан небольшой курган гуннского вождя, который свидетельствует о скифо-гуннских археологических параллелях⁷⁵. Эти параллели были характерны многим средневековым тюркским племенам аваров — печенегам, хазарам, половцам и др.⁷⁶ Большое количество подкурганных гуннских захоронений, нередко с частями туши коня, обнаружено в степных районах Северного Кавказа, среди них можно назвать памятники у селений Хабез, Брут, ст. Октябрьская, сел. Кишпек, Паласа-сырт, Большой Буйнакский курган в Дагестане и других районах⁷⁷. Приводившиеся выше слова Платона Карпини о том, что куманы-половцы хоронили умерших в курганах, сопровождая их конями, кумысом и пр., подкрепляет и Гильом Рубрук, писавший: «Куманы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку (древнеямники тоже обращали умершего головой к востоку.— И. М.) и держащую у себя в руке перед пупком чашу... Я видел недавно одного умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей — по четыре с каждой стороны мира...»⁷⁸.

Такой крупный специалист по истории и культуре кочевых народов Евразийских степей, как С. А. Плетнева, изучив все доступные ей историко-археологические материалы, пришла к выводу: «Таким образом, мировоззрение «всадничества» было основным элементом любой кочевнической культуры, элементом, который всех их объединял в своеобразную «культурную общность», раскинувшуюся по всей Евразийской степи. Культ всадника был связан с культом огня, неба, солнца, коня, распространенных также у всех кочевых народов. Обычай и обряды, подчиненные этим культам и вытекающие из них, также естественно, были очень сходными у разных племен и орд, отделенных друг от друга громадными расстояниями. Например, погребальный обряд с

сопровождающим человеческое захоронение конем или его частями известен от скифской эпохи почти до современности и от дальневосточных степей до дунайской равнины»⁷⁹. Чтобы глубже понять историческое значение этого заключения, необходимо однозначно сказать, что ни для одного индоиранского племени или народа традиционно нехарактерно захоронение с конем. Археологи не знают захоронения коня или части его туши в катакомбных захоронениях Северного Кавказа. К этому следует добавить слова выдающегося осетинского просветителя К. Хетагурова, который в своем «Этнографическом очерке» об осетинах писал: «Лошадь была роскошью. Она применялась только для верховой езды и перевозки выюков. Ни мясом, ни молоком, ни кожей ее не пользовались»⁸⁰.

Все эти факты говорят об одном — современные ираноязычные народы, в т. ч. и осетины, в своей традиционной народной культуре не сохранили ничего из бытовой культуры скифов, а следовательно, не имеют к скифам в этом никакого отношения.

Попробуем этот тезис аргументировать рядом археолого-этнографических факторов. К этому нас обязывает то обстоятельство, что изучающему историю и культуру скифских племен не может не броситься в глаза сложившийся парадокс или диспропорция в исследованиях о скифах. Мы знаем множество работ о географии Скифии, реках ее, об археологических памятниках, об идеологических воззрениях и социальной структуре скифского общества и т. п. Но мы очень затруднимся назвать хотя бы одно цельное исследование, посвященное бытовой культуре скифов. Вероятно, это обстоятельство объясняется тем, что при первом же прикосновении к домашнему быту, утвари, пище скифов ломается сложившийся стереотип и обнаруживаются «ножницы» между их будто бы иранским языком и явным тюрко-монгольским бытом и традиционной культурой. Обратимся к фактам.

1. Наряду с упоминавшимся напитком *асхи / ицхи* основной повседневной пищей скифов было кобылье молоко — кумыс и сыр из него — «иппак», как писали Геродот, Гиппократ, Страбон, Гесиод, Антифан, Эсхил и др.⁸¹ Не приходится останавливаться на том общеизвестном факте, что кумыс и конина считаются специфическими тюркскими элементами пищи. Они хорошо за-

фиксированы у гуннов и других тюркских племен еще в первые века⁸². По нашему мнению, термин *иппак* или *гиппак* можно сопоставить с карачаево-балкарским словом *аппак*, т. е. «белый-белый». У этих народов, чтобы осведомиться, есть ли в доме молочные продукты, обычно просто спрашивают: *Акъ бармыды?* — «Белое есть?». Так что название *аппак* вполне подходит к наименованию сыра из молока. Однако С. Я. Байчоров предложил возможность видеть в этом термине карачаево-балкарское название *Гыпы-акъ*, т. е. молочный продукт, приготовляемый добавлением к молоку кефирного грибка *гыпы*⁸³.

Сообщение скифского мудреца Анахарсиса состоит в том что «обедом и завтраком для скифа служит — молоко и сыр»⁸⁴. Это сообщение буквально совпадает с балкаро-карачаевским устоявшимся выражением, что для них главной пищей являются «айран и сыр» (*Айран бла бишлакъ*).

Соответствие скифо-сарматского термина *иппак / гиппак* с балкаро-карачаевским *гыпы-акъ* приводит С. Я. Байчорова к справедливому убеждению, что Геродот и Гиппократ зафиксировали наряду с *асхи* еще один явно тюркский термин, означающий «молочные продукты, заквашенные кефирным грибком». Убеждение это подтверждается тем фактом, что еще с прошлого века в отечественной науке установлено, что родиной кефирного грибка являются верховья Кубани⁸⁵.

Добавим к сказанному что Геродот, Гиппократ, Гомер, Гесиод, Эсхил и другие древние авторы, как указывалось выше, называли скифов «доителями кобылиц», «млекоедами». Страбон уточнял, что «теперь еще есть т. н. «обитатели кибиток» и «кочевники», занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром и главным образом сыром из кумыса»⁸⁶. Далее он писал, что скифы употребляют в пищу не мясо вообще, но и «в особенности конину, а также сыр из кумыса, свежее и кислое молоко; последнее, особым образом приготовленное, служит у них лакомством». Вот почему Гомер называет все население этой части света «галактофагами»-млекоедами. Не может быть сомнения и в том, что в этих характеристиках речь идет о тюрко-кочевнических племенах и большом разнообразии видов в их быту заквашенного кислого молока — айранов. Дело в том, что ко-

чевые племена, описанные Геродотом, Страбоном и другими, позднее Помпоний Мела именуется тюрками.

Доителями кобылиц и млекоедами были и есть все тюркские племена и народы в отличие от всех индоиранских племен. У балкарцев и карачаевцев молоко и молочные продукты настолько почитаются, что их нельзя проливать на землю, даже воду, которой ополаскивают молочную посуду, принято сливать в определенное место. Такое почитание способствовало тому, что название молочных продуктов покрывалось табу и они назывались общим табуизированным термином *акъ* — «белый». Чтобы осведомиться о наличии молока, айрана или молочных продуктов, карачаево-балкарцы спрашивали: «Акъ бармыды?», т. е. «Молочное есть?». Древнегреческий термин «галактофаги» или «млекоеды», а еще более у Евстафия — «млекопийцы»⁸⁷, на тюркских языках будет *акъ-ицер* или *акъ ичер*, т. е. «пьющий молоко», «пьющий белое». Общеизвестно, что греческие названия варварских племен почти всегда являлись либо кличками, либо фиксацией какой-либо особенности их культуры, одежды, среды обитания, пищи и т. п. (типа: троглодиты — «пещерники», меланхлены — «черноризцы», млекоеды — «доители кобылиц» и т. п.). Отсюда питающиеся молоком номады и получили свое название, или прозвище, — «галактофаги», а на тюркском языке будет звучать *акъ-ицер*. Позднее, у эллинов первых веков, эта кличка превратилась в этноним гуннского племени — *акацир*. Такое объяснение этнонима *акацир* более соответствует действительности, нежели тюрко-персидское толкование его как «главный народ»⁸⁸, или «лесной человек»⁸⁹. Дело в том, что для обозначения «главного народа» у тюрков извечно существует термин *бас-ил*, какковым и называли царских скифов⁹⁰, а «лесной человек» у всех тюркских народов называется *агач-киши*. Кроме того, общеизвестно, что гунны были кочевниками классического типа, а в лесах, как известно, кочевать не приходится!

2. Широко известно, что большое место в материальной культуре скифов играл войлок, из которого они изготовляли различные бытовые предметы, одежду, войлоком покрывали свои шатры и повозки⁹¹. Столь же широкое применение имел войлок в быту и культуре у многих тюркских племен — гуннов, болгар, хазар, алтайцев⁹², а также у современных тюркоязычных наро-

дов Средней Азии, Алтая, Поволжья и Кавказа⁹³. В курганах алтайских тюрков скифского времени найдено множество изделий из овечьей шерсти. Из нее катали настенные и напольные черные, серые, белые войлоки-кийизы. Войлочными были все потники, чепраки и покрывки конских седел, а также самая разнообразная одежда: мужские кафтаны, чулки, головные уборы и т. п. Войлоком был покрыт пол в погребальной камере одного из курганов, а подошва одной из пар женской обуви из того же кургана была покрыта узором из бисера и кристаллов пирита. В такой обуви можно было ходить по полу, только устланному войлоком или ковром⁹⁴. Масса войлочных ковров-кийизов, фрагментов одежды была обнаружена в Пазырыкских курганах Алтая⁹⁵. Войлочную одежду ногайцев отобразил в своих зарисовках Адам Олеарий в XVII в., а Г. И. Гильденштадт в XVIII в. писал об огромной роли войлока и войлочных изделий в экономике и культуре балкарцев. По его словам, балкарцы «приходят с толстым сукном, войлоками и тому подобным на еженедельную ярмарку в Они, что в Радше (Раче.— И. М.) и выменивают тут бумажные ткани и пр.»⁹⁶. О классическом жилище кочевников, прошедшем тысячелетнюю историю развития и совершенствования,— о войлочной юрте известный ученый и путешественник Н. М. Пржевальский писал, что она «составляет незаменимое жилище. Ее можно быстро разбирать и переносить в другое место, в то же время она служит достаточной защитой от холода, зноя и непогоды. Действительно, в юрте в то время, когда горит огонь, довольно тепло, даже в самый сильный мороз... летом войлочная оболочка такого жилища отлично защищает от жары и дождей, хотя бы самых проливных»⁹⁷.

Описывая территорию обитания, нравы и обычаи усуней, тождественных гуннам и асам (см. ниже), китайские источники III века до н. э. сообщают, что усуньский правитель (Гуньмо) женился на китайской принцессе, которая, попав в незнакомую для нее среду, писала:

«Отдали в чужое царство,
За усуньского царя.
Живет в бедной хижине
Обтянутой войлоком (т. е. юрте.— И. М.)
Пища его мясо, питье его молоко»
(170 г. до н. э.⁹⁸)

Эти стихи китайской госпожи переданы в других источниках Китая с некоторыми уточнениями:

«Дворцом служит мне белая юрта,
которой стены обиты войлоком.
Сырое мясо служит мне пищей,
а кислое молоко напитком»⁹⁹.

В условиях кочевой жизни юрта наилучшим образом выполняет не только утилитарные функции, но и эстетические, она «является эталоном прикладного искусства и представляет собой шедевр, квинтэссенцию всей кочевнической культуры», — пишет известный казахский исследователь М. С. Муканов¹⁰⁰. «Зашедшего в юрту, — пишут ученые-специалисты по культуре азиатских народов, — поражает нарядность ее убранства... Всюду узор. Он тесно связан с бытом, с каждым событием в жизни народа... В этом мире узоров то здесь, то там обнаруживаешь намеки на образы действительности, на реальные предметы. Мир, окружавший кочевника, своеобразно опозитивирован»¹⁰¹. Такую тесную связь с окружающим миром кочевнической юрты отмечал Страбон: «Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они жуют; вокруг кибиток пасется скот, мясом и молоком которого они питаются» (География, кн. VII, 3, 17).

Путешественник середины XIII в. Гильом Рубрук также отмечал белоснежные юрты кумано-половцев. Он писал, что юрты «покрывали белым войлоком, чаще пропитывая ее известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы юрта ярче сверкала». По его словам, отдельные юрты кагана достигали до 30 футов ширины, и их перевозили на повозках 22 быками. П. Карпини отмечает и более скромные юрты, которые перевозились 1—2 быками¹⁰². Выдающийся казахский ученый и просветитель Ч. Валиханов писал, что усовершенствованные юрты могли перевозить и на одном верблюде¹⁰³.

Иногда исследователи сравнивают развивавшуюся на протяжении нескольких тысячелетий юрту с палаткой. Первым такое допущение сделал П. Карпини, написавший, что юрта «наподобие палатки»¹⁰⁴. Однако юрта — далеко не палатка. В палатке летом жарко, зимой холодно, в дождь она промокает. А юрта не промокает

никогда, если только войлок не продырявлен, зимой в ней тепло, летом прохладно¹⁰⁵.

Завершая этюд о юрте и войлоках, необходимо специально отметить, что эти атрибуты, возникшие, по крайней мере по археологическим данным, в эпоху древнейшей культуры на рубеже IV—III тыс. до н. э. в быту древнейших кочевников-овцеводов, прошли исторический путь в несколько тысячелетий, являются по сей день традиционной спецификой тюркских народов и совершенно нехарактерны народам и племенам индоиранской группы.

3. Геродот (кн. IV, 2) описал весьма оригинальный способ доения кобылиц: «Молоко выдаивают они следующим образом: взяв костяные трубки, очень похожие на флейты, они вставляют их в половые органы кобылиц и дуют ртом, а другие во время вдвухания доят. Делают они это, по их словам, вот почему: от воздуха жилы кобылиц наполняются и вымя опускается...» Очень важно, что параллелью этого способа доения кобыл у скифов является сообщение акад. Палласа, описавшего подобную же операцию, производимую калмыками над сопротивляющимися доению кобылицами¹⁰⁶.

4. Об интересном скифском способе варить мясо Геродот писал: «Содрав с животного кожу, очищают от мяса, затем кладут его в котлы туземного изделия, зажигают кости животного и на них варят мясо; если котла не окажется, то вкладывают все мясо в желудки животных, подливают воды и зажигают кости; они горят отлично, а очищенное от костей мясо легко умещается в желудке. Таким образом, бык сам себя варит» (кн. IV, 59—60). А. П. Смирнов в своей монографии «Скифы» писал, что «описанный Геродотом скифский способ варки мяса никем, по нашим сведениям, экспериментально не проверялся»¹⁰⁷. Однако этот способ варки мяса в желудках животных просуществовал у казахов, балкарцев, карачаевцев, монголов вплоть до наших дней, особенно в условиях летних пастбищ среди чабанов и пастухов¹⁰⁸. Например, у карачаево-балкарцев, по словам опытных чабанов-старожилов, практикуется следующий способ варки мяса на высокогорных пастбищах: «Пока разделяют тушу животного, разводится большой костер, а в тщательно промытую брюшину складывается очищенное от костей мясо, нарубленное небольшими кусками, наливали воды, завязывали желудок

кусочками тонкой кишки. Когда все это было готово, разгребали огонь костра и в раскаленный центр костра клали этот желудок, а вокруг продолжали разводить огонь. Таким образом варили мясо. Если же под руками не оказывалось дров, очищенные от мяса кости, особенно если животное было хорошо упитанным и жирным, горели «как каменный уголь первого сорта», — рассказывают информаторы-старожилы. По их словам, был и другой способ, рассчитанный на более длительный срок, скажем с ночи на утро. «Огонь разводили в небольшой ямке и, когда яма была уже раскалена, а брюшина с мясом готовы, огонь из ямы расчищался и на раскаленное место — дно ямы — клали брюшину, сверху ее засыпали тонким слоем раскаленной золы и продолжали топить». Близким к скифскому способу является способ приготовления монголами торжественного блюда — жареного козленка. «С давних пор его готовят так: режут молодого белого козленка, отрезают голову, потрошат его, вынимают кости, вовнутрь кладут раскаленные камни, а затем завязывают и жарят. Таким образом приготовленное мясо, заправленное различными пряностями, очень питательно и вкусно»¹⁰⁹.

5. Известный скифский обычай сопровождать умерших чуть ли не табунами лошадей (до 360 останков лошадей в некоторых скифских курганах), как отмечалось, существовал у гуннов, аваров, кипчаков и других тюркских племен.

По словам С. И. Руденко, огромное значение лошади в жизни древних горноалтайцев подчеркивается обязательным ее захоронением во всех могилах, независимо от возраста, пола и общественного положения захороненного¹¹⁰.

6. В горноалтайских курганах обнаружены сложной конструкции оборонительные щиты двух типов: большие и малые. Малые щиты прямоугольной формы (28×36 см) состоят из лоскута кожи с вплетенными в него (в среднем 34) тщательно выструганными палочками. По краям лоскут кожи загнут на обратную сторону щита и там закреплен. На обратной же стороне щита сделана широкая петля из ремня, пропущенного с лицевой стороны. Такие щиты найдены во многих курганах Алтая. Щиты больших размеров были 53×69 см, в них вплетались до 52 выструганных палочек. Помимо кожи, связывающей палочки, щиты скреплялись еще

двумя поперечными палочками: одной внизу, другой — несколько отступая от верхнего края. По свидетельству археологов, точно такого рода щиты были типичным скифским оборонительным оружием. Такой именно конструкции щит мы видим в руках сражающихся скифов на золотом гребне греческой работы из кургана Солоха ¹¹¹.

7. Геродот описал скифский способ скальпирования врагов — делается вокруг головы на уровне ушей надрез кожи (кн. IV, 64). Ссылаясь на это сообщение, В. Ф. Миллер пытался доказать скифо-осетинское родство. Однако еще Ф. Г. Мищенко справедливо заметил ошибку Миллера. Дело в том, что «в народных сказаниях осетин о герое Созрыко шубы сшиваются из кож ближайших родственников: отцов, братьев, мужей, тогда как у скифов жертвами скальпирования были только враги. Подобный обычай не чужд урало-алтайским народам, а также дикарям Северной и Южной Америки» ¹¹². Точно такой же способ скальпирования был обнаружен в одном из Пазырыкских курганов Горного Алтая: прежде чем снять скальп с убитого, кожа спереди над лбом была надрезана от одного уха до другого, затем кожа была содрана с черепа ¹¹³.

8. В 71-й строфе IV книги Геродот пишет, что скифы, как только «погребальная яма была готова, они принимают за покойника (речь идет о погребении вождей.— И. М.) и воском покрывали его тело, но предварительно разрезают ему живот, вычищают его и наполняют толченым купером, ладонем, семенами сердерей и аниса, потом сшивают и везут в повозке к другому народу». Подобным образом мумифицировали трупы и алтайские тюрки скифского времени. «Во всех тех курганах,— пишет С. И. Руденко,— где сохранились тела погребенных, брюшные полости были вскрыты и внутренности удалены». В одном из курганов у погребенного старика были удалены даже мышцы и заменены, продолжает исследователь, по-видимому, какими-то растительными волокнами, после чего все разрезы были защищены толстыми сухожильными нитками. «У женщины, похороненной во втором Пазырыкском кургане, брюшная полость была также заполнена какой-то растительной массой, затем зашита. Весьма возможно, что в качестве если не консервирующего вещества, то во всяком случае отбивающего трупный запах, применялись

сильно ароматичные семена эфирно-маслянистого растения кориандра, которые в большом количестве были найдены во втором, третьем, пятом Пазырыжских курганах»¹¹⁴.

9. Исключительно ценные параллели со скифами обнаруживает погребальный обряд горноалтайских племен. Геродот писал, что тело умершего вождя возили в повозке по подвластным ему народам. Так же они поступали и с прочими скифами: ближайшие родственники клали покойника на повозку и возили к его друзьям (Геродот, кн. IV, 73). Мы уже отмечали, что погребальные повозки были обнаружены в курганах эпохи бронзы в Калмыцких степях, Краснодарском крае у ст. Ново-Титаревской, у сел. Утамыш в Дагестане, у сел. Бедени в Грузии и др. Характерной деталью погребального обряда являются повозки и для скифов¹¹⁵, множество погребальных повозок обнаружено и в курганах Горного Алтая. Одни из них были очень тяжелыми телегами, другие более легкими, но сложными по своей конструкции, с многоспицными колесами. Первые повозки имели колеса высотой до 40 см, толщиной до 30 см. Такие колеса вращались на оси длиной до 3 м. Второй вид повозок имел очень высокие колеса — до 150 см. Почти все повозки имели крытые кузова, на гнутых прутьях держался войлок, покрывавший повозку. Над платформой одной из алтайских повозок было по четырем сторонам закреплено по одному шесту, на которых были укреплены войлочные фигурки лебедей — древнейших священных птиц, от которых происходит одно из древних тюркских племен — *Ку-киши* (Люди лебедя). По словам С. И. Руденко, некоторые погребальные повозки рассчитаны на дышловую запряжку четверки коней¹¹⁶.

10. Как мы уже отмечали, погребальные камеры древних кочевников — «ямников», «срубников» и скифов — представляли собой срубы, покрытые бревенчатым накатом, настилом из коры и пр. Такие же бревенчатые дома представляли собой погребальные камеры многих тюркских племен — гуннов, кипчаков, горноалтайцев и др. Площадь таких «домов» на Алтае достигала до 40 м², высота до 4—6 м. Рубились они из толстых бревен, иногда камеры были покрыты войлоком, а в других случаях перекрывались слоем спрессованных стеблей и кустарника, порой несколькими слоями (до 40 слоев) бересты старых берез. Рядом с камера-

ми укладывались штабелями трупы жертвенных лошадей (до 16—18 голов), в иных скифских курганах хоронили до 400 голов¹¹⁷.

11. Скифы, как и древние срубники (Ново-Титарево, Утамыш и др.), хоронили своих умерших на погребальных повозках в специальных колодах-саркофагах, выдолбленных из толстых стволов деревьев. Такие же колоды были характерной чертой погребального обряда средневековых кипчаков¹¹⁸. Эти колоды-саркофаги сравнительно однотипны, но на Алтае выявлены колоды двух вариантов: с двумя и четырьмя парами проушин на концах колод для их скрепления. Колоды выдалбливались из продольно распиленных толстых бревен лиственницы. Часто колоды и их крышки оклеены полосками бересты, снятой с молодых березок. Кроме этого, крышки колод украшались различными рисунками из войлока, бересты, медными бляшками, нарезными изображениями животных. На одном из саркофагов из алтайских курганов были изображены четыре тигра, идущие один за другим. Под ними — изображения двух лосей, двух кабанов, трех горных баранов в различных позах. Среди этих изображений часто попадаются олени, петухи, горные козлы и др.¹¹⁹

12. Как известно, основным признаком погребального обряда древнейших кочевников — ямников, скифов и средневековых тюркских племен — является сама курганная насыпь, дожившая в тюрко-кочевнической среде почти до наших дней. По сообщению Геродота, скифы после похорон совершали очистительные обряды: «Окончив погребение, — пишет Геродот, — скифы очищают себя таким способом: головы они смазывают, а потом обмывают себе волосы; с телом поступают так: после того как они поставят три древка, наклоненных одно к другому, они покрывают их шерстяным войлоком и, создав круговую защиту как можно лучше, бросают раскаленные на огне камни в посуду, поставленную внутри этого шатра... В Скифии произрастает конопля... И вот после этого скифы, взяв семена конопли, подлезают под войлок и раскидывают затем семена поверх раскаленных на огне камней; брошенное курится и получается такой пар (дым), что никакая уж эллинская парильня не превзойдет этого... Это служит им вместо омовения» (Геродот, кн. IV, 73—76).

По заверениям исследователей, «во всех Пазырыкских курганах нами были найдены связанные между собой вверху не три древка, как писал Геродот, но шесть древков... Эти шестиноги были расставлены над медными сосудами прямоугольной формы на четырех ножках и в форме скифского котла на поддоне. Оба сосуда были наполнены побывавшими в огне камнями, в них же были обнаружены семена конопли, частично обуглившиеся... К древку одной из шестиног была привязана кожаная фляга с семенами конопли. Эта шестинога была покрыта кожаным покрывалом художественной работы, а другая — войлочным»¹²⁰.

Таким образом, скифский обычай очищения после похорон окуриванием, так обстоятельно описанный Геродотом, получил полное подтверждение, и притом во всех деталях раскопками С. И. Руденко в Горном Алтае.

13. У Геродота записана интересная скифская легенда о том, как некогда на их землю с неба упали (или были сброшены) золотые творения: плуг, ярмо, бердыш и чаша. К этой легенде обращаются многие поколения ученых-индоевропейцев, строят на ее основе различные концепции о религиозных верованиях, мировоззрении, хозяйственном укладе, социальном строе скифов. Но до сих пор никто из них не смог обнаружить и увязать прародители этих предметов в астрономии индоевропейских народов. Ведь прежде чем упасть с неба, там должны были пребывать прародители этих легендарных предметов? Тем более отрадно, что недавно балкарскому фольклористу М. Ч. Джуртубаеву удалось раскрыть астрологическую суть скифской легенды. По исследованиям фольклориста и собранному им полевому материалу, созвездие Малой Медведицы балкарцы и карачаевцы именуют *мырытла*. *Мырыт* — это «сошник», «лемех», возможно, что прежде так назывался и плуг. Созвездие Ориона называется *гидала*, где *гида* означает «боевой топор», «бердыш», так же называется небольшой обоюдоострый топор. Подобные топоры являются довольно частой находкой в скифских захоронениях. Группу из семи звезд Северной Короны, напоминающую по своей конфигурации чашу, балкарцы называют *чемючле*, а слово *чемюч* означает небольшую чашу. Созвездие Весов балкарцы именуют *Боюнсала*, где *Боюнса* означает «ярмо».

Таким образом, в астрономии балкаро-карачаевцев

мы обнаруживаем пока что единственные небесные образы легендарных скифских золотых предметов.

14. По словам Геродота, скифы гадают при помощи множества ивовых прутьев следующим образом: «...принеси большие связки прутьев и положив их на землю, они раскладывают их порознь и затем, перекладывая прутья по одному, гадают; произнося предсказания, они вместе с тем снова собирают прутья и раскладывают их поодиночке. Таков у них исконный способ гадания». Обычай гадать на прутьях отмечает Аммиан Марцеллин и у аланов. В. Ф. Миллер использовал этот способ гадания для доказательства иранского происхождения скифов. Однако он ближе всего к способу гадания сибирских шаманов, записанному Гмелиным в его путешествиях по Сибири¹²¹. «После непродолжительного тихого бормотания,— пишет путешественник,— колдун брал пучок мелких палочек, как бы серных лучинок. В таком пучке содержится 49 палочек. Вскоре после этого он выбирал из пучка пять палочек и клал их особо. С остальными он играл, бросая их то туда, то сюда, а затем вытягивал то одну, то другую. Процедура длилась не долго, и колдун произносил гадание» (кн. IV, 67). Кроме того, достоверно известно, что «наиболее древнее археологическое свидетельство культового использования прутьев таволги дает Кенкольский могильник в Киргизии. Этнографически различные проявления этого культа отмечены прежде всего в среде тюркоязычных народов (алтайцы, чуваша, казахи, киргизы, узбеки, тувинцы) и их ближайших соседей. Древность связанных с таволгой религиозных представлений подтверждает магическая формула шамаистской по содержанию рунической «Книги гаданий» IX в.: «Одна таволга становится сотней таволг»¹²². Весьма уместно отметить, что полевые исследования М. Ч. Джуртубаева существенно дополняют сведения о гадании на прутьях. Балкарцы в прошлом брали для гадания тонкие прямые ветки красного кустарника, именуемого ими *сипи*. Срезать эти ветки ради забавы не дозволялось, оберегали их и от жоз. Для гадания срезали 9 или 12 прутьев длиной в 40—50 см. Гадатель держал их в руке и предлагал желающему получить предсказание: не глядя выдернуть один из прутьев, а потом говорил, что его ожидает. Отголоски этого гадания сохранились и поныне в гадании, именуемом *чеп тартыу* — «выдерги-

чание прутьев». Подобное гадание весьма близко к гуннскому термину *чопчи* — «знахарь», «предсказатель»¹²³, который происходит от корня *чоп / чеп* — «прутик» и частицы *-чи*, указывающей на профессию, как и в словах: *Темир* — «железо», *Темир-чи* — «кузнец», *Жыр* — «песня», *Жыр-чи* — «певец» и т. п.

15. У Геродота есть описание еще одного вида скифского гадания на липовом мочале, которым они перепутывали пальцы и, разрывая, произносили предсказание. Ф. Г. Мищенко заметил, что подобный способ гадания был характерен для калмыков, а М. Джуртубаев описал подобное гадание у балкарцев. Они брали кусок новой шерстяной самотканой нити (*шинтагъы*), складывали его несколькими кругами с промежутками, образующими кольца, потом продевали в них конец нити и дергали за оба конца. Прорицание выносили в зависимости от того, сколько узелков образовалось на нити, или не образовалось ни одного, или нить обрывалась.

16. Известно, что скифы поклонялись мечу. Божественным даром и предметом поклонения меч был и у гуннов, считавших его мечом верховного божества — Тенгри, а греки именовали «мечом Марса»¹²⁴. Сравнительное изучение тюрко-монгольского эпоса привело исследователей к выводу, что «преклонение перед оружием привело к возникновению культа «бога-меча», буквально «меча»¹²⁵.

17. Общеизвестно, что однажды скифы выстроились и подготовились дать бой войску Дария. Но, увлекшись на виду всей персидской армии случайно пробежавшим зайцем, скифы забыли о своем намерении. Эта скифская игра «погоня за зайцем» настолько сильно повлияла на Дария, что тот посчитал, что скифы пренебрегают его армией и даже в такой момент не могут отказаться от своих развлечений. В результате армия персов немедленно отступила без боя. Эта игра явилась глубоко традиционным элементом культуры и отразилась на мировоззрении скифов, определенные сцены использовались в разных легендах и в эпосе. В скифских находках очень часты изображения скифов-всадников, гонящихся за зайцем¹²⁶.

В связи со сказанным необходимо вспомнить, что в 1885 г. М. М. Ковалевский вел раскопки у балкарского сел. Былым. Вдруг работавшие у него балкарцы, побросав лопаты и прочий инструмент, бросились ловить слу-

чайно пробежавшего зайца. Великолепно знавший законы, обычное право, нравы и обычаи кавказских народов, выдающийся ученый-социолог не нашел этому развлечению других параллелей, как случай, описанный Геродотом¹²⁷. Отголоски этого развлечения запечатлены и в карачаево-балкарском нартском эпосе, в одном из эпизодов (как и в случае со скифскими изображениями) из-под копыт нарта-всадника выскакивали зайцы¹²⁸.

18. Одной из любимых игр мальчигов тюркских народов Средней Азии и Кавказа является игра в альчики (астрагалы овец и баранов). Эта игра занимает исключительное место в традиционной детской культуре тюркских племен и народов, хотя ашыками (альчиками) увлекались и взрослые¹²⁹. Игра в альчики имеет несколько разновидностей: на месте сбрасывали альчики, так, чтобы они устояли в определенном положении, или выстраивали их в некотором удалении в кругу, а затем старались выбить их оттуда специально брошенным альчиком, который у карачаево-балкарцев называется *сака*. Чтобы сака был тяжелее и выбивал из круга как можно больше альчиков, его специально утяжеляли, заливая свинцом или перевивая металлическим тонким прутом (проволокой). Игра в альчики нашла отражение почти во всех тюркских сказках, о ней говорится в нартском эпосе балкарцев и карачаевцев.

Специально утяжеленные ашыки в большом количестве были обнаружены нами в средневековом балкарском поселении XII—XIV вв. у сел. Верхний Чегем (Кабардино-Балкария)¹³⁰. Альчики очень часто обнаруживаются и на аксууских поселениях эпохи бронзы в Казахстане¹³¹, в захоронениях древнеямной кочевнической культуры в Кабардино-Балкарии¹³². В одном из захоронений середины II тыс. до н. э. в кургане у сел. Кишпек (Кабардино-Балкария) были погребены два мальчика, вокруг которых аккуратно располагался 21 альчик, причем 9 из них лежали в 3 ряда по 3 штуки в каждом ряду у ступни левой ноги левого скелета и по 3 штуки у кистей правой ступни и правой голени того же скелета. По два астрагала были уложены у черепа и кисти правой руки, по одному — у левого плеча правого костяка¹³³.

Все эти факты мы приводим для того, чтобы связать их с находками отлитых в бронзе альчиков из скифских захоронений у сел. Шалушка (Кабардино-Балкария)¹³⁴,

или с астрагалами из горного хрусталя в древнешумерском городе Уре III тыс. до н. э., куда эта игра могла быть занесена древнейшими ямниками-кочевниками, которые смешались в Передней Азии с древнейшими оседлыми земледельцами¹³⁵.

19. По словам Геродота, в погребальных обрядах скифов участвовали все родственники и подвластные им народы (кн. IV, 71—73). На этом основании В. Ф. Миллер пытался доказать скифо-осетинское родство. Однако у всех кавказских народов в похоронах участвуют все родственники и одноаульцы умершего, и на этом основании делать какие-то этногенетические выводы не следует. Кроме того, И. Ж. Байер еще тогда же заметил Миллеру, что подобный обряд более полно содержится в похоронных обрядах многочисленных тюркских племен¹³⁶.

20. Геродот писал, что удавленных юношей скифы особым способом усаживали на убитых лошадей, устраивая таким образом почившему жертвоприношение всадниками (кн. IV, 72). К. Нейман в своем труде «Эллины в стране скифов» (1885. С. 101, 232) и Бастиан в книге «Человек и история» (1869, Т. 2. С. 335) приводят много аналогий подобному обряду среди монгольских племен (цитирую по Ф. Г. Мищенко).

21. О скифском обычае побратимства мы знаем со слов Геродота и Лукиана Самосатского. Геродот писал: «Клятвенные договоры совершают так: в большой глиняный ковш наливают вина и примешивают к нему кровь договаривающихся, сделав укол шилом или небольшой надрез ножом на теле, затем погружают в чашу меч, стрелы, секиру и дротик. По совершении этого обряда они долго молятся, а затем пьют смесь как сами договаривающиеся, так и достойнейшие из присутствующих» (кн. IV, 70). Лукиан Самосатский уточняет эти сведения следующими словами скифа Токсариса: «Мы приобретаем себе друзей не на пирушках, как вы, и не потому, что известное лицо является нашим родственником или соседом; но увидев какого-нибудь человека хорошего и способного на великие подвиги, мы все устремляемся к нему, и то, что вы делаете при браках, мы делаем при приобретении друзей: усердно сватаемся за него и во всем действуем вместе, чтобы не ошибиться в дружбе или не показаться неспособным к ней. И когда какой-нибудь избранник делается уже другом, тогда заключает-

ся договор с великой клятвой о том, что они и жить будут вместе, и в случае надобности умрут один за другого. И мы действительно так и поступаем; с того времени, как мы, надрезав пальцы, накапаем крови в чашу и, омочив в ней концы мечей, отведаем этой крови, взявшись вместе за чашу, ничто уже не может разлучить нас»¹³⁷. Подобный обычай побратимства в буквальном смысле повторяется у половцев. П. Голубовский писал, что «половец прокалывает себе палец иглой и выступающую кровь дает сосать тому, кого избирает себе в постоянные спутники и друзья, после чего сосавший кровь своего товарища становится для него как бы собственностью, его кровью и телом. Иногда употребляется и другой обряд. Желавшие вступить в побратимство наполняли папитком медный сосуд, имеющий подобие человеческого лица, пили из него оба, собирающийся в путь и его спутник, и после этого уже никогда не изменяли друг другу»¹³⁸.

22. У многих тюркских народов: казахов, киргизов, кумыков, карачаевцев, балкарцев и других — в качестве нарочитого испуга или когда хотят ласкательно укорить ребенка, говорят ему: «*Къулагъынгы кесеме*» — «Отрежу тебе уши» (не руку, нос, ноги или что-либо еще, а именно уши!). Казахи даже говорят: «*Бастан кулакъ садакъа*» — «Отдать уши голове в жертву». Поскольку у кочевников не было тюрем, подземелий — зинданов, то у них отрезание ушей являлось одним из самых зримых для всех видов наказаний, если не было за преступления предусмотрено смертной казни. Известно, что к подобному наказанию часто прибегали скифы и саки. Поэтому Дарий в свое время легко поверил саку Сираку, который, чтобы войти к нему в доверие, отрезал себе уши и сказал, что это сделали с ним скифы¹³⁹.

Нам представляется, что скифский способ наказания трансформировался у тюркских народов в форме приведенных выше фраз.

23. Геродот писал, что скифы в память об упавшей с неба чаше носят повсюду чашу на поясе¹⁴⁰. Нельзя не обратить внимания на тот очевидный факт, что неотъемлемой деталью десятков и сотен сохранившихся половецких и древнетюркских каменных изваяний являются именно изображения чаш, которые они держат у себя на поясе¹⁴¹. По сообщению Низами, кочевые тюрки до

принятия ислама поклонялись изваянию с чашей как божеству¹⁴². Все эти факты позволяют видеть прямую связь между скифскими котлами — символами единства родов и гунно-половецкими традициями, описанными С. А. Плетневой в ее труде «Кочевники средневековья»¹⁴³. Кроме всего прочего, половецкие и древнетюркские каменные изваяния почти во всех деталях повторяют скифские стелы¹⁴⁴.

24. У многих народов Кавказа широко популярен головной убор — *башлык* («наголовник»). Важно, что этот общетюркский термин используется многими иноязычными народами Кавказа: абхазами, осетинами, адыгами и др. Видимо, этот убор был перенят ими у тюрков, иначе он не назывался бы по-тюркски; ведь у всех народов есть на своем языке слово, обозначающее понятие «голова». Так зачем бы им называть свой элемент одежды чужим, тюркским словом «наголовник»?

В связи с этим необходимо вспомнить, что скифов называли «острошапочниками» по виду островерхих головных уборов — далеких прототипов башлыка. Такие прототипы довольно часто встречаются на изображениях скифского искусства, например на Куль-обинской вазе, на каменных изваяниях скифов в верховьях Кубани, Причерноморье, горах Алтая, Тянь-Шаня и др.¹⁴⁵

Уместно отметить, что некоторые исследователи утверждают, что конической формы островерхие головные уборы в раннем средневековье были характерны особенно для западных тюрков VIII—IX вв., и более всего гуннам, булгарам, а позднее тюркским народам Кавказа, Поволжья и сопредельных областей¹⁴⁶. Уникальную параллель на каменных изваяниях из Карачая современному башлыку описал В. М. Сысоев: «...на плечи накинуто что-то вроде капюшона-башлыка из материи с крестообразным рисунком с каймой, привесками и лапками, перекинутыми вокруг горла»¹⁴⁷. В этом описании нетрудно заметить даже этнографическое сходство с современным методом ношения башлыка с завернутыми вокруг горла лапками¹⁴⁸.

25. Широкою известность получило сообщение Геродота, что скифский царь Ариант велел каждому из воинов принести по одной стреле и изготовить из их сплава в священном месте Эксампай огромный котел емкостью в 600 амфор (жн. IV, 81). Уникальной и бесценной является полевая запись филолога М. Джуртубаева

в сел. Верхняя Балкария ¹⁴⁹ предания о том, что некогда в балкарском обществе под названием *Тайпокъ къазан* (т. е. «Казан племени») бытовал вплоть до начала XIX в. огромный медный котел, в котором могли кормить сеном нескольких ягнят. Некоторые тенденциозно настроенные авторы не доверяют этому преданию, ссылаясь будто бы на то, что на протяжении нескольких тысячелетий не мог сохраниться такой котел. Спрашивается, а как же сохраняются в сырой земле несколькими тысячелетиями тоненькие медные, бронзовые и иные изделия — пластинки, стрелы, ножи, серьги и пр.?

26. В 1870 г. Ф. А. Струве впервые опубликовал распространенные в Ольвии в V—IV вв. до н. э. загадочные монеты с негреческим словом *EMINAKO* и изображением скифа, натягивающего тетиву лука. Анализируя эти своеобразные монеты, возможно с изображением Геракла, натягивающего тетиву, ученые пишут, что в греческом языке нет предлога *EMI*, неизвестно и имя такого династа, чеканившего монеты. П. О. Карышевский приводит целый ряд убедительных фактов из самого Геродота, что натягивание лука было извечно уставовленным, заветным, определенным обычаем, явлением при определении возмужалости скифских юношей ¹⁵⁰. На основе ряда фактов автор приходит к выводу, что на статерах (монетах) *ЭМИНАКО* изображена центральная сцена скифской легенды об их этногенезе — Геракл, показывающий способ натягивания лука. При любом истолковании, продолжает он, этнической и социальной принадлежности негреческого имени самый факт помещения на обращавшихся в Ольвии монетах изображения, столь тесно связанного с верованиями и священными предметами скифов, является не лишенным значения свидетельством о продолжавшемся сближении ольвиополитов с местным населением.

Наше внимание в данном случае привлекает очень важный, с точки зрения скифо-балкарских параллелей, факт, мимо которого нельзя пройти без комментариев. Дело в том, что возмужалость балкарских юношей, как и скифских, проверяется у них укрощением необъезженных коней, у скифов к этому, вероятно, еще добавлялось натягивание лука. Оба этих занятия достаточно равнозначны. Неукрощенный, дикий конь у балкарцев называется *эминик*. Поэтому я осмеливаюсь допустить, что негреческое слово на монетах *EMINAKO* с изображе-

нием натягивающего лук скифа означает понятие «укрощать».

27. Многим исследователям известно, что, по словам византийского поэта Иоана Цеца, скифы называли Азовское море — Карбалык, означающий по его же переводу «Гигантская рыба»¹⁵¹. Хотя об этом знают многие, но никто не отмечает, что этот термин состоит из двух тюркских слов: *кар* — «могучий», «обильный», «мощный», «крупный»¹⁵² и общеизвестного *балык* — «рыба». Кроме того, термин *Карбалык* бытовал у кипчаков как имя одного из сильнейших родов¹⁵³, а у саяно-алтайцев существует поверье, что земля будто бы держится на трех огромных рыбоподобных животных — *карбалык*¹⁵⁴.

К сказанному следует добавить, что многие скифские племена: агафирсы, сарматы, даки и др. — покрывали свои тела татуировкой, и это отражало благородство происхождения того или иного человека. Позднее это было перенято киргизами, у которых татуировка была привилегией храбрейших¹⁵⁵. Изображения гигантских рыб часто встречаются на татуированных телах, седельных пластинках горных алтайцев скифского времени¹⁵⁶.

28. Верховное божество скифов называлось *Папай*, примерно так же назывался один из вождей сарматов — *Бабай*, оба термина являются общетюркскими и обозначают: «дед», «прадед», «предок». В связи с божествами скифов хочется отметить имя супруги Папая — богиню *Апи*, олицетворявшую землю («Апи-земля») ¹⁵⁷. С ней скифы связывали культ диких лесных зверей, и в этом отношении она сопоставляется с греческой Артемидой — богиней лесных зверей, богиней-охотницей. Возможно, поэтому в скифском искусстве Апи всегда сопровождалась изображениями подобных зверей¹⁵⁸.

Название этой богини невозможно не сопоставить с карачаево-балкарским божеством диких животных, охотников. Ему посвящены множество народных песен, сказок балкарцев и карачаевцев. Охотники, прежде чем идти на охоту, всегда приносили ему жертву, просили у него удачи и пр. По нашему мнению, символом Апсаты — божество охотников и покровителя диких зверей у карачаевцев и балкарцев — служит огромная каменная стела высотой около 4 м, стоявшая в дремучем лесу Чегемского ущелья и доставленная в 1959 г. в Краеведческий музей г. Нальчика. Ныне от нее сохранилась лишь небольшая часть изголовья, изображающая непонятно-

го лесного зверя¹⁵⁹. В народе эта стела известна как *Апсаты-таш*, т. е. «Камень Апсаты». А местонахождение стелы в дремучем лесу вполне соответствует ее прямому назначению.

В данном вопросе наше внимание привлекло имя богини *Ани*. Во всех почти тюркских языках оно означает «мать», «матушка». Частица *сат*, добавленная к этому имени у карачаево-балкарцев, означает понятие «святая», «святой». Поэтому С. Я. Байчоров справедливо считает, что имя *Апсаты* означает «Святая охоты»¹⁶⁰. Такое толкование вполне соответствует скифскому значению богини *Ани*.

29. Потомкам скифов — сарматам был характерен воинственный ободряющий клич «Эй, марджа!», который В. Ф. Миллер, в попытке обосновать ираноязычность скифо-сарматов, связывает с иранским словом *марг* — «яд»¹⁶¹. Такое толкование совершенно не подходит к действительному значению этого клича, так как у карачаево-балкарцев этот клич употребляется в массе случаев: *Кел, марджа, кел!* — «Приди, марджа, приди!»; *Айт, марджа, айт!* — «Скажи, марджа, скажи!»; *Бер, марджа, бер!* — «Дай, марджа, дай!» и т. п.¹⁶² Нам представляется более вероятным связывать этот клич с именем бога города Вавилона — Мардук, обладавшего большой силой, небывалой отвагой, смелостью и т. п.

30. В одном из курганов на Южном Буге обнаружено захоронение знатной сарматки I в. н. э. Могила была сплошь обставлена деревянными плахами и досками. У костей одной из рук погребенной была найдена войлочная сумочка, а неподалеку от могилы обнаружено захоронение лошади¹⁶³. Среди украшений сарматки бросается в глаза зеркальце с цельнолитой серебряной с позолотой ручкой, выполненной в виде фигурки мужчины восточного типа, в коротком стеганом кафтане, сидящего со скрещенными по-азиатски ногами¹⁶⁴. Под стреловидными бровями, пишет автор раскопок, узкие, чуть раскосые выпуклые глаза с рельефными зрачками. Прямой с широкими крыльями нос слегка приплюснут¹⁶⁵. Тут же найдена костяная ручка опахала с изображением мужчины с приплюснутым носом¹⁶⁶.

Разумеется, нет никакой необходимости доказывать, что в данном случае может речь идти только исключительно о тюрко-монгольских типах.

31. Вспомним, как Плиний писал, что некоторые сарматские племена «питаются сырой мукой, примешивая к ней кобылье молоко...»¹⁶⁷. Конечно, античный автор не мог знать, что многие тюркские народы, в т. ч. карачаево-балкарцы, жарили зерна ячменя, кукурузы и из этих жареных зерен мололи муку — *куут*, которую можно употреблять примешивая к ней молоко, айран, масло и кумыс¹⁶⁸.

Завершая краткий обзор скифо-сармато-тюркских археолого-этнографических параллелей, хочется вновь вспомнить слова Ф. Г. Мищенко, что «гораздо большее значение в решении вопроса о национальности скифов имеют свидетельства древних писателей о быте народа, особенно о его физическом строе»¹⁶⁹. Полностью разделяя выводы Мищенко, мы вслед за ним убеждены в том, что «невозможно не признать в среде геродотовых скифов туранских (турецких.— И. М.) или точнее урало-алтайских племен»¹⁷⁰. Для такого вывода историческая наука располагает многими фактами, количество которых со времен Ф. Г. Мищенко возросло в несколько раз. Последнее положение мы подметили специально, чтобы обратить внимание исследователей на один весьма примечательный факт: сторонники скифо-иранской теории со времен Мюлленгофа — Миллера не сумели подкрепить свою точку зрения ни одним свежим аргументом, хотя наука с тех пор значительно выросла и обогатилась. Вместо этого они из книги в книгу повторяют безнадежно устаревшие доводы Миллера. Наоборот, скифо-тюркские параллели из года в год постоянно растут археологическими, этнографическими топогидронимическими материалами, данными ономастики, исторической географии, явными тюрко-скифскими языковыми схождениями и т. п. И тем не менее сторонники скифо-иранского тождества, пытаясь убедить и самих себя, и читателей в правдивости этой теории, с завидным упорством перемалывают маловыразительные аргументы исключительно только XIX в. А ведь для настоящей научной дискуссии по этому важному вопросу куда серьезнее было бы иранистам без излишних амбиций привести хотя бы такой же ряд убедительных фактов в поддержку своей точки зрения, как это попытались сделать мы. Иначе дальнейший спор становится бесплодным, тенденциозным, предвзятым, лишенным всякого научного смысла.

Скифо-сарматские и тюрко-карачаево-балкарские языковые схождения

Ведущие иранисты, и прежде всего В. И. Абаев, О. Н. Трубачев, неоднократно писали, что единственным источником по языку скифов является сохранившаяся часть их ономастики. Другая группа ученых с той же настойчивостью справедливо утверждала, что на таком шатком лингвистическом материале вряд ли можно делать столь далеко идущие этнические выводы. Среди них можно еще раз напомнить Кипперта, Меггеса, Гракова, Колобову и др. И в самом деле, что мы получили бы, если о национальности иранистов-осетиноведов — Василия Ивановича Абаева, Юрия Сергеевича, Бориса Александровича и др. — мы судили бы по их личным именам! И все же, оперируя таким материалом, В. И. Абаев попытался выявить 196 скифо-осетинских лексических схождений. Во многих словах автор прибегал к различного рода исправлениям, подменял буквы, вставлял отсутствующие, игнорировал присутствующие и т. п. И тем не менее 48 терминов, хотя и имеются в Авесте, древнеиндийском, древнеперсидском и других источниках В. И. Абаева, в самом осетинском языке, по его же признанию, «не оставили никакого следа». Следовательно, надо полагать, что нет никаких оснований для включения этих слов в число осетино-скифских схождений. Из оставшихся 148 слов 101 имеет явные, прозрачные тюркские значения, не требующие никаких изменений оригиналов, к каковым прибегает В. И. Абаев. Несмотря на всяческие ухищрения, он приходит к весьма странным и оригинально звучащим значениям скифских имен типа: «Волкоплечий», «Супоед», «Танцующий прямо», «Варазмаг с Дона», «Смуглый Созир», «Невредимый утром», «Имеющий здоровую жену» и т. п., о которых мы уже не раз писали¹⁷¹.

Однако стоит напомнить, что даже такие явные сторонники скифо-иранской теории, как Э. А. Грантовский, Д. С. Раевский, пишут, что «предлагаемые толкования лингвистических фактов, как подтверждающих наличие в Северном Причерноморье античной эпохи «индоарийского» этнического элемента, вызывает серьезные возражения на различных уровнях исследований ономастического материала. Нельзя согласиться и со

многими экстралингвистическими аргументами в поддержку этой концепции»¹⁷².

Недаром еще Ф. Брун писал, что «все, кто считает скифов иранцами, почти всегда расходятся в результатах при отыскании корней различных скифских слов в древнеиранских наречиях»¹⁷³. Да и сам В. Ф. Миллер, верный продолжатель идеи Мюлленгофа, уточнял, что «из 110 варварских имен (В Пантикапее) не более 15 находят объяснение в иранских языках... из 20 имен, встречающихся в древних надписях IV—III вв. до Р. Х., ни одно не носит признака иранства... из 13 таманских имен только 3 несомненно иранские, остальные не поддаются объяснению из иранских языков... из 40 аланских имен не более 7 или 8 могут принадлежать к иранским»¹⁷⁴. Он же заключал, что имена «иранец» и «скиф» не покрывают друг друга, что «не считает доказанным факт иранства скифов»¹⁷⁵.

Не признают ираноязычность скифов, основанную только на отдельных этимологиях, и современные ученые, которые пишут, что «преобладание иранских собственных имен (если таковое преобладание имело место.— И. М.) не является достаточным доказательством, если имена нарицательные скифского языка не подтверждают иранских или индоевропейских этимологий, как, например, для обозначения кочевой повозки и шатра, предметов очень необходимых для кочевых народов»¹⁷⁶. В связи с этой мыслью уместно вспомнить, что у ираноязычных осетин, будто бы прямых потомков скифов, шатер именуется его тюркским названием *цатыр*¹⁷⁷.

Вероятно, все эти факты, вместе взятые, заставляют лингвистов утверждать, что «нередко в скифских глоссах (читай: иранских.— И. М.) фигурируют псевдоскифские»¹⁷⁸. И среди множества псевдоскифских, или псевдоиранских, терминов следует отметить следующие:

1. Упоминавшееся слово *асхи* С. Я. Лурье, Г. А. Стратановский связывают с древнетюркским словом *ачуг* — «горький» и с названием башкирского блюда *ашы* — «горький»¹⁷⁹. Многие авторы считают его напитком казанских татар — *ашы*. И. Забелин писал, что «ашы-асхи» — это сок вишен, и приводит мнение путешественника XVI в. Павла Йовия об этом напитке. Мищенко считал, что дерево «Понтик» из плодов которого аргиппеи делали асхи,— это род черешни. И в этой связи очень интересно отметить, что византий-

ского посла Зимарха в 569—571 гг. алтайские тюрки и их правитель Дизибул угощали великолепным напитком «не из винограда, но похожего на виноградный сок»¹⁸⁰.

2. Таким же псевдоиранским является скифский термин *ойорпата*, что со скифского греки переводили как «убийцы мужей», «мужчин», так называли скифы амазонки (Геродот, кн. IV, 110), Геродот тут же поясняет, что *ойор* — «муж», «мужчина», а *пата* — «убивать». Слово, переданное греками как *ойор*, есть не что иное, как общетюркское *ойр*, *йер*, *эр* — «муж», «мужчина»¹⁸¹. Вторая часть термина — слово *пата* — «убивать» весьма близко к тюркскому слову *битти* — «издох», *биттир* — «истреблять», «уничтожать» (карачаево-балк.), или к кумыкскому термину *биттирив* — «истреблять», «уничтожать», «изжить», «ликвидировать»¹⁸².

3. По сведениям Геродота, словом *Анареи* скифы называли гермафродитов, или, как говорит Геродот, «женоподобных». В. И. Абаев объясняет этот термин, как «не мужчина» (*а* — это «не», «без», а слово *нар* — «мужчина»). Однако разрывать геродотовский термин на *а + нар* и объяснять его, как «не мужчина», нет никаких оснований, во-первых, потому, что «не женщиной» может быть и мальчик, и женщина, и старик, но это вовсе не означает «женоподобный», или «женщина-мужчина», т. е. гермафродит. Во-вторых, подобным образом разрывать термин не позволяет и сам Геродот, который в другом скифском термине специально поясняет, что «мужчина или муж по-скифски звучит «ойор»¹⁸³, а не «нар». В-третьих, по самому же Абаеву, у скифов «не» и «без» означает слово *ана*, а не *а*¹⁸⁴.

Более правдоподобно звучит объяснение данного термина с тюркского языка. *Ана* — «уважаемая, почтенная женщина, матрона» (Караимско-русско-польский словарь. Далее: КРПС). К этому слову добавлен скифско-тюркский термин *ойор*, *эйр* — «муж», «мужчина». Отсюда и получается: «женоподобный» или «женщина + мужчина» (см.: Этимологический словарь тюркского языка. Далее: ЭСТЯ).

4. Скифское слово *асыу* — «правдивый», «праведный» в ирано-осетинском значения не находит (В. И. Абаев). В карачаево-балкарском и других тюркских языках этот термин означает «добрый», «приятный», «утешительный», «праведный».

5. Скифский термин *агар* — «чрезмерный», «избыток», «много» В. И. Абаев возводит к слову *карана* — «конец» с приставкой упоминавшегося *а* — т. е. «без». Таким образом, Абаев считает этот термин означаемым «бесконечный». В тюркских языках это слово без каких-либо искажений означает *ахыр* — «сверх», «избыток», «чрезмерный».

6. Скифо-сарматский термин *Ам* — приставка совместимости — в ирано-осетинском значения не находит (В. И. Абаев). В общетюркском же это слово употребляется в качестве союза *и*. Оно созвучно и приставке *эм*, означающей «наи» (наиболее, наименее и т. п.).

7. Понятие «желтый, буланый» скифы обозначали словом *бор*. Таким же словом *бор*, *мор* обозначают этот цвет и многие тюркские народы.

8. Скифский термин *аз*, означающий «гнать», «править», В. И. Абаев объясняет как «кормчий, управляющий кораблем» и возводит по понятным только ему аргументам к слову *Нарбазос*. Однако стоило бы вспомнить общетюркские слова *Ыз* — «след», *изле* — «искать», *Ызла* — «чертить» и особенно *Ыста* — «гнать», «собирать» (см.: КРПС).

9. Скифскому термину *байвар* — «много» В. И. Абаев в ирано-осетинском языке не находит объяснения при помощи своих источников: древнеиранск., древнеперсидск., древнеинд. Однако он вновь не «замечает» существования во всех тюркских языках слова *бай* — «богатство», «богатый» и *вар / бар* — «имеет», «есть». А отсюда и скифский термин будет означать: «богатство имеет», «обладает богатством», т. е. богатый, имеет много и т. п.

10. Термин *алдар* — «князь», «господин» В. И. Абаев объясняет как «руководитель», возводя его к древнеиранск. *арма* — «рука» и авест. *дар* — «держатель». В этимологии Абаева настораживает то, что в скифском термине *алдар* нет звука М и вообще невозможно прочесть часть слова *ал* как *арма*. В то же время нельзя не заметить, что в данном термине легко вычленяется общетюркское слово *ал, эл, ил* — «племя», «народ», «родина», «община»¹⁸⁵. Кроме того, руководители, предводители народа или племени назывались у них *эльтебер* — равнозначно общетюркскому имени *Элдар, Элдор* и т. п. Нелишне будет заметить, что интересующий

нас термин весьма близок имени наместника Ферганы 713—715 гг. князя (хана) «Алуда»¹⁸⁶.

11. Скифскому термину *атар* — «огонь» В. И. Абаев не находит объяснения в своих источниках. Нам представляется возможным видеть здесь в корне слова общетюркский термин *от, ут* — «огонь».

12. Скифский термин *жаун* — «шерсть» В. И. Абаев почему-то возводит к авестийскому «масть», «цвет», «забыв» сказать, что термин *жюн* во всех почти тюркских языках означает то же, что и у скифов — «шерсть».

13. У скифов был вид одежды — накидки под названием *сакундак*. В. И. Абаев объясняет этот термин как «одежда из оленьей шкуры». Мы полагаем, что отсутствие в греко-латинских языках шипящих звуков способствовало написанию звука Ж как С. Кроме того, в некоторых тюркских языках закономерен переход звука Ж в С¹⁸⁷. С учетом высказанных соображений, скифский вид одежды мог изначально звучать как *Жагундак*, который происходит от тюркского корня *жагун, жангур, жаун* — «дождь». Таким образом, этот вид одежды-накидки означает «накидка от дождя» или просто «дождевик».

14. Скифский термин *сагадар* В. И. Абаев объясняет как «имеющий оленей», возводя его к слову *сака* — «олень», и *дар* — «держатъ». Мы же предлагаем читать в этом термине совершенно очевидные тюркские слова: *саг* — «думать» и *адар* — «разделять», «анализировать» или собственное имя «Адар»¹⁸⁸. Отсюда данный термин более подходит к термину: «думающий, размышляющий анализирующий».

15. Скифский термин *кана* — «конопля» В. И. Абаев переводит как *кемаг* — «холст». Трудно себе представить, как можно связать, а точнее отождествить понятия «конопля» и «холст». Гораздо проще сопоставить этот скифский термин с общетюркским *кен, кендир* — «конопля».

16. Термин *капа* — «город» В. И. Абаев объясняет как термин «рыба». Однако этот термин очень близок к общетюркскому слову *кап* — «ворота», *кабак* — «город», «поселение».

17. Скифский термин *карса* — «резкий» В. И. Абаев возводит к осетинскому слову «худой», тогда как в тюркских языках, в частности карачаево-балкарском, этому

слову есть прямая аналогия: *каричы* — «резкий», «строгий».

18. Термин *казанак* — «заика» Абаев вообще не может объяснить из своих источников, а в тюркских языках это слово соответствует термину *кагъзанагъ* — «младенец», «не умеющий говорить», «заикающийся».

19. Скифский термин *така* — «нить» В. И. Абаев объясняет как авестийское «шелк», тогда как в тюркских языках это слово означает то же самое, что и у скифов: *тагъы* — «нить»; *жюн-тагъы* — «шерстяная нить»; *хурт-тагъ* — «обрывок» (нити, ткани, лоскут).

20. Не объясненный из ирано-осетинского скифский термин *тура* — «быстрый» в тюркских языках означает то же самое: *тири* — «быстрый», «шустрый», «живой», «подвижный».

21. Не объясненный из ирано-осетинского языка скифский термин *казар* — «дом» в карачаево-балкарском и других тюркских языках означает *халжар* — «хлев», «сарай».

22. Скифский термин *од* — «душа» В. И. Абаев почему-то возводит к авестийскому «запах», тогда как в тюркских языках, в т. ч. карачаево-балкарском, это слово сохранилось в том же значении, что и у скифов: *ет* — «душа», «сила духа», *еткюр* — «воодушевленный», «одухотворенный», «отважный».

23. Скифское слово *си* — «зябнуть» не объясняется из ирано-осетинского языка, а в карачаево-балкарском и других тюркских языках оно так и сохранилось в своем первоначальном смысле: *иш-иш* — «зябнуть», «мерзнуть»; *юшю* — «мерзнуть» (ДТС. С. 628).

24. Не объяснимое из ирано-осетинского языка скифское слово *сор* — «преследовать» сохранилось в тюркских языках в форме *сюр* — «преследовать», «гнать».

25. Скифский термин *сир* — «плавно» В. И. Абаев объясняет как авестийское *сирун* — «танцевать плавно», «иноходь». Этот термин, по нашему мнению, куда более подходит к общетюркскому *сир* — «смирно», «стройно».

26. Термин *саваг* — «утро» Абаев возводит к авестийскому слову *саваа*, совершенно проигнорировав сохранившееся до сего дня азербайджанское слово *саваг* — «утро», «завтра».

27. Скифское слово *пару* — «много» Абаев объясняет как осетинское *фур*, тогда как этот термин весьма близок к тюркскому *бары* — «все», «много» и т. п.

28. Скифское слово *раука* — «светлый» В. И. Абаев объясняет как осетинское *рухс*, или авестийское *роараа*, или др.-перс. *раура*. Однако стоило бы автору подобных натяжек привести и тюркские слова: *ариу* — «красивый», «светлый»; *ариука* — «светлая», «красивая» и др.

29. По непонятным причинам В. И. Абаев возводит скифское слово *туск* — «клык» к слову «кабан», совершенно «забыв», что у тюркских народов «клык» звучит как *тиш*, а поскольку в греческом языке не было шипящих звуков, то это слово и передано через *с*.

30. Таким же образом этот автор обходится со скифским термином *урга / угра* — «сильный», «мощный», возводя его к ирано-осетинскому понятию «легендарный конь». Разве этот термин не подходит более правдоподобно к общетюркскому призыву *Ур* — «бей», «бить сильно», *Урга* — призыв бить и т. п.

31. Скифское слово *Олкабас* Абаев возводит к понятию «повелитель рыб». Нам кажется, что более правдоподобно здесь видеть тюркское сложное слово, образованное из *Йылкы* — «табун» и *бас* — «голова», а отсюда: «Глава табуна», «вожак» и др.

32. Скифское слово *кас* — «смотреть» В. И. Абаев возводит к термину *кесун*. Нам представляется, что здесь более подходит тюркское слово *кез* — «глаз», *кер* — «видеть», а с учетом того, что в древнебулгарском Р/З-диалекте, где Р в конце слова переходит в З¹⁸⁹, данное слово полностью сохраняется в тюркских языках в термине *кар, кара* — «смотреть».

33. Скифское слово *маза* — «большой», «великий» В. И. Абаев объясняет как авестийское *маз*. Такое отождествление вполне возможно, но в то же время надо было отметить, что отсутствующий в ирано-осетинском языке термин широко популярен во всех тюркских языках в том же значении, что и у скифов: *маза* — «большой», «великий», «огромный» и, наверное, восходит к тюркскому слову *баз* — «сила», «опора»; *базын* — «надеяться», «опираться» и т. п. С учетом широко распространенного чередования в тюркских языках М и Б этот термин тождествен слову *мажа* — «лучший», «отборный» (Толковый словарь татарского языка / На татарск. яз. Казань, 1977. Т. 1. Далее: ТСТЯ; Турецко-русский словарь. М., 1945. Далее: ТРС). К сказанному следует добавить, что в малой Букеевской орде у киргизов существовал мощный род — *маза*¹⁹⁰.

34. Скифский термин *фаху* — «хороший» отсутствует в ирано-осетинском языке, хотя известен в Авесте. Одновременно это слово до сих пор широко популярно в тюркских языках: *фахму* — «уважение», «честь»; *фахмулу* — «уважаемый», «почтенный» и т. п.

35. То же самое относится к скифскому термину *зор* — «сила», который известен в Авесте, но отсутствует в ирано-осетинском языке. В то же время это слово широко бытует во всех тюркских языках в том же значении: *зор* — «сила»; *зор-лук* — «насилие». Здесь же можно отметить карачаево-балкарское слово *зар* — «зависть», *зарлык* — «завидовать».

36. Скифское слово *знамай* — «платок» отсутствует в источниках В. И. Абаева¹⁹¹. В данном термине легко читаются тюркские слова *Ана / Анэ* — «мать» и *бай* — «священный»¹⁹². Отсюда, данное слово означает «материнская святыня». Известно, что материнский, или женский, платок считается огромной святыней у всех тюркских народов. У карачаево-балкарцев, например, даже самые ожесточенные схватки кровных врагов немедленно прекращались, если женщина снимала с головы свой платок и бросала его между дерущимися.

37. Упомянувшееся скифское *гапнака* — «молочный продукт, остающийся после приготовления сыра», в источниках В. И. Абаева также не находит объяснения. Мы уже отмечали, что здесь присутствует тюркское слово *гыны* — «кефирный грибок» для закваски молока. *Акъ* — на многих тюркских языках означает «молочный продукт»¹⁹³. Отсюда, данный термин означает «заквашенный молочный продукт». Кроме того, мы можем отметить и карачаево-балкарское слово *хуплеги* — «молочный продукт, остающийся после приготовления сыра» (разновидность сыворотки).

38. Скифский термин *мар* — «убивать» В. И. Абаев возводит к осетинскому слову *марун* или авестийскому *мар* и вновь не упоминает, что термин *мар* с прибавленной частицей *-ла* бытует у карачаево-балкарцев: *мар+ла* — «целиться». Это слово образовано с помощью прибавления к корню *мар* частицы *-ла*, как в терминах: *жыр* — «песня»; *жыр+ла* — «петь»; *бау* — «веревка», *бау+ла* — «завязывать»; *таш* — «камень», *таш+ла* — «бросать» и т. п.

39. В. И. Абаев упоминает скифское кладбище *герр*, но не находит ему объяснения. Следует напомнить, что

слово *гер, кер, гур* во многих тюркских языках (карачаево-балкарском, уйгурск, узбекс.) означает «могила»¹⁹⁴ и восходит к шумерскому термину *кур* — «потусторонний, подземный мир».

40. Корнелий Тацит, описывая историю сарматских племен, называет «варварские» корабли, которые они именуют *камары* (речь идет о мн. числе. — И. М.)¹⁹⁵. В единственном числе этот термин будет звучать *кама*, что весьма близко карачаево-балкарскому слову *кеме* — «корабль».

Список скифо-тюркских лексических сходжений можно продолжать, но и приведенного материала вполне достаточно для определения тюркского характера скифского языка. Однако, кроме приведенного списка отдельных скифо-тюркских терминов, можно остановить внимание и на некоторых элементах скифо-сарматской ономастики.

К упоминавшимся именам скифских божеств и родоначальника — Папай, Апи, Таргитай и др. — можно добавить следующий ряд:

41. Та б и т и — скифское божество, покровительница домашнего очага. Этому термину В. И. Абаев нашел лишь авестийское *таб* — «греть». Однако следовало сказать, что в карачаево-балкарском языке слово *тып / дып* означает «сигнальный огонь»; *тыпыр / тып + ер*, т. е. «место для огня» или «очаг». Слово *Табити* вполне возможно возвести к термину *тып-ет*, т. е. «огонь разведи», иначе это весьма близко к понятию «Владыка огня очага». И в этом случае мы не можем пройти мимо имени нартского кузнеца, владыки огня, покровителя кузнечного ремесла *Дебета* (Дебет). Ко всему сказанному стоит добавить, что на Горном Алтае, в местах древнего расселения тюрков — Ас-кизов, имеется речка под названием *Табыт*, гидроним *Таботай*, тюркский этноним *табын* сохранился в топонимике Башкортостана¹⁹⁶.

42. Та м и р и с — царица массагетов, которые являлись 100 %-ными предками современных туркмен (Знание — сила. 1988. № 9. С. 28). Имя этой женщины является прямым тюркским словом *тамыр* — «дружба», «побратимство». *Тамыры* — «друзья» представляли собой неразлучных друзей, преданных во всем друг другу. Обычай побратимства — *тамырство* широко практикуется у многих современных тюркских народов — казахов

и др.¹⁹⁷ В подтверждение сказанного можно привести слова Н. И. Гродекова о том, что «тамыры (т. е. побратимы.— И. М.) обнимают друг друга через обнаженную саблю или через Коран, которые затем целуют. Дети тамыров продолжают дружбу и называются Ата-Тамыр»¹⁹⁸. Карачаевцы и балкарцы самого любимого человека называют *Тамырым*, *Жан тамырым* (т. е. букв.: Корень сердца, Артерия сердца и т. п.). Последний термин образован от корня *тамыр* и словообразовательного аффикса *-ым*, как в словах: *жыр* — «песня», *жыр+ым* — «моя песня»; *жан* — «душа», *жан+ым* — «моя душа» и т. п.

Исследования Л. С. Толстой показывают, что имя *Томирис* в различных модификациях — *Тамирис*, *Томиранда*, *Самирам*, *Шамирам* и пр.— известно на обширной территории от Восточного Средиземноморья до Приаралья, и что оно с древнейших времен так или иначе было связано с женским жречеством, служительницами культа божества плодородия, в частности божества умирающей и воскресающей природы.

В I тыс. до н. э. на Кипре появляется наследственная жреческая династия *Тамиридов*. Тацит пишет, что киликийский прорицатель *Тамирис* отправился на Кипр и положил начало культу *Афродиты* (Тацит. История, II, 3), которой, кстати, служили и скифские гадатели — прорицатели *Анареи*. Там же существовал культ божества умирающей и воскресающей природы и растительности в образе прекрасного юноши *Адониса*. Более древние предания говорят о том, что роль жреца этого культа в древности играл «какой-то *Тамирис*»¹⁹⁹. И даже еще в «*Одиссее*» упоминаются жрецы «великого *Зевса Томура*», о «толкователях знамений *Зевса — томурах*» писал и *Страбон*, называя их *Томароурой*, т. е. стражи *Томары*. В этом термине легко вычленяется *Тамыр* и *Эйр* — «мужчина», т. е. страж.

Тщательный обзор различных значений всего сказанного о культе, жречестве, поклонениях и прочем приводит исследователей к выводу, что «отголоски культа *Тамириса* прослеживаются в некоторых антропонимах и топонимах *Скифии*: мыс *Тамирак* и *Тамиракский залив* у *Херсонеса*, имя царицы *массагетов* — *Томирис*, аналогичное имя *скифского царя*»²⁰⁰ и т. п.

На основании приведенных фактов *Л. С. Толстова* высказывает предположение, к которому мы полностью

присоединяемся, что в еще более глубокой древности это имя являлось для некоторых народов Передней Азии именем божества, которому служили различные жрецы, и возможно, что одним из вариантов имени божества плодородия, столь распространенного в древнем мире. Очень важно, что исследовательница, пользуясь весьма широко распространенным законом перехода звуков Р/З в тюркских языках, связывает это имя с шумерским божеством умирающего и воскресающего растительного мира, весны и любви, с прекрасным Тамызом или Томузом²⁰¹. Такую связь тюркского *Тамыр* и шумерского *Тамуз* нам уже приходилось отмечать²⁰². Здесь же уместно добавить, что август — месяц изобилия плодов и сбора урожая — у казахов называется *тамыз*.

Итак, устанавливается, что *Тамыр/Тамыз*, или европеизированное в письменных источниках *Тамирис*, на огромном пространстве от Передней Азии, Месопотамии, Северного Причерноморья и Приаралья связывается с культом плодородия, растительного мира, в связи с тем, что этот термин до сих пор не получил достаточно правдоподобного объяснения, несмотря на то, что давно привлекает внимание ученых, мы полагаем, что данное нами толкование более соответствует действительности.

43. *Арпаксай* — сын скифского родоначальника Таргитая. В. И. Абаев переводит это слово как *арф* — «глубина» и *хшау* — «святой», т. е. «Владыка глубин». Нам представляется куда более проще и правдоподобнее видеть в этом термине тюркские слова: *арва* — «заклинать», «творить заклинание, колдовство»; *арваш* — «заклинатель»; *арвад* — «женщина, жена» (Азерб.-русс. словарь. С. 36. Далее: АЗРС). Из этих фактов можно вывести, что слово *Арпаксай* означает «Река заклинаний», «Река колдовства», «Река-женщина», учитывая, что слово *чай, сай* во всем тюркском мире обозначает «река». Добавив к этому, что в греческом языке отсутствовали звуки Ч, Ш, Щ и вместо них писали КС²⁰³, мы получаем скифские названия рек в греческой транслитерации *Сай* вместо *Чай*. Таким образом, в этих именах окончание *-сай* должно было на «варварских» языках звучать как *чай, сай*, что на тюркских означает «река». Гидронимов со словом *сай* в Евразийских степях и на Кавказе огромное количество. Сказанное позволяет полагать, что грецизированное *арпаксай* соответствует общетюркскому *арпачай* и повторяет имена множества

рек с точно таким же названием. Это название означает либо *Арпа-чай* — «Ячень-река», возможно потому, что ее берега могли орошать древнейшую зерновую культуру, либо соответствует понятию *Арва-чай, Арвасай*, т. е. «Река заклинаний», «Река колдовства». Если придерживаться второго объяснения, то вполне закономерно наличие слова *чай* или *сай* — «река» в именах сыновей Таргитая, матерью которого была река-оборотень, река-колдунья Борисфен (Днепр), на которой женился Зевс, или Папай. Этим обстоятельством можно объяснить и наличие термина *Арвад-чай* — «река-женщина» в имени Арпаксай. Подобных гидронимов-оборотней в древнетюркском мире было достаточно, в т. ч. и известная река *Хатунь* или *Катунь* на Алтае, имя которой означает «женщина», «жена»²⁰⁴. Вероятно, мифическое превращение реки в женщину и верования, связывающие жизнедеятельность, рождение героев, эпических героев, богатырей и т. п. с водной стихией, морским или речным началом, могли породить термин «Река заклинаний», «Река колдовства» — *Арвачай*.

44. *Липоксай* — сын Таргитая. Это имя на ирано-осетинском Абаевым не объясняется. Мы полагаем, что в данном случае имеем дело с тюркским термином *лыпнык* — «плоская, гладкая». Отсюда, река могла носить имя «Плоская», «Разливающаяся», «Гладкая». Не исключена возможность видеть здесь реку на древнетюркской территории — реку Яик, Джаик (нынешн. Урал). Термин *Джаик* означает «Разливающаяся», что вполне соответствует понятию *Лыпыксай*, или *Липоксай*. Известно, в пору половодья в дельте Джаик разливается более чем на несколько десятков километров, даже в среднем течении разливается она больше, чем на 10 километров²⁰⁵.

45. *Кулаксай* — имя сына Таргитая. В. И. Абаев видит в этом имени два ирано-осетинских слова: *Кул* — «Солнце» и *хшай* — «сиять». Однако ему хорошо было известно, что слово *Кулак* на всех тюркских языках означает «ухо», а в географических терминах употребляется для обозначения понятия «Боковая», «Ответвление», «Отрог», «Бок». Отсюда и имя скифского героя будет означать: «Боковая река», «Приток».

Не может не броситься в глаза, что слово *сай, чай* — «река», как уже не раз мы отмечали, встречается в массе гидронимов Кавказа, Средней Азии и Алтая: Арпа-

чай, Кызыл-чай, Ак-сай, Гок-сай, Кок-сай, Янт-сай, Енисай, Майли-сай, Кин-сай, Одз-чай и мн. др. Вряд ли ко всему этому можно пристроить ирано-осетинское *хшау* — «сиять». Более того, такой эпитет прежде всего должен был украшать имя самого Таргитая, рожденного от небесного и сиятельного бога Зевса, но ничего подобного там нет.

46. *А т а с а с* — скифское имя. В. И. Абаев возводит его к др.-иранскому *А+тарс*, т. е. «Безопасный». Нам представляется, что более подходит в данном случае сочетание тюркских слов: *Ата* — «отец», *Ата+сыз* — «Без отца», т. е. «Сирота».

Объяснение Абаева неправдоподобно потому, что без по-скифски, как отмечает и сам Абаев, обозначается словом *ана*, а, во-вторых, в геродотовском термине нет звука Р, чтобы можно было читать древнеиранское *тарс*.

47. *Д а л а с а к* — имя, которое В. И. Абаев переводит как «Находящийся в подчинении у женщин». Нам представляется, что ему стоило бы привести и общетюркское значение этого термина, восходящего к словам: *тала* — «раздирать», «сражать»; *талаш* — «сражаться»; *талашак* — «сражающийся».

48. *С а р а г а с* — имя, которое В. И. Абаев объясняет как *сар* — «голова» и *акас* — «целый», «невредимый», «здоровый», и отсюда имя это он объясняет: «Имеющий невредимую голову». В тюркских языках это имя состоит из двух слов: *сара* — «желтый», и *кас / каш* — «бровь», т. е. означает: «Желтобровый».

49. *С а у а к а ш* — это имя Абаев переводит: «Невредимый утром», «Пораженный утром». В тюркских языках данное имя объясняется куда более правдоподобнее: *сау* — «целый», «здоровый», *агач* — «остов», «стан», «каркас». Отсюда имя означает: «Крепкий стан» (букв.: Здоровый остов).

50. *С а г а р* — это имя В. И. Абаев возводит к иранскому *саг* — «олень» и объясняет как термин «Где находят оленей». Нам представляется, что он напрасно не отметил общетюркские слова, составляющие данное имя: *сак* — «охрана», «чуткий», «осторожный», и *ар / эр* — «мужчина». Сочетание этих слов и дает имя «Осторожный», «Чуткий», «Сторожевой».

51. Имя *С а н а р а к* Абаев объясняет как «Виновладелец», хотя здесь совершенно отчетливо читается

тюркское слово *сант* — «бред», *Сандыракъ* — «Бредовый».

52. Имя Горгусак В. И. Абаев объясняет как «Тугоухий», однако следовало бы отметить и тюркскую альтернативу: *кор* — «стеречь», *корк* — «пугаться», а отсюда и само имя можно объяснить как *Къокъусакъ* — «Пугливый», «Трусливый».

53. Имя Саурмаг В. И. Абаев переводит как «Смуглорукий» тогда как в тюркском языке балкарцев, карачаевцев, кумыков и других народов это имя происходит от слова *сор* — «спрашивать»; *Сормаг* — «Спрашивающий».

54. Имя Созирсоу Абаев переводит как «Смуглый Созир», тогда как в тюркских языках это имя происходит от слова *соз* — «растягивать», «тянуть»; *созар* — «растянет», «потянет». Отсюда данное имя будет означать: *Созарчы / Созарсы* — «Растягивающий», «Тянущий».

55. Имя скифского царя — Токсак В. И. Абаев объясняет как «Быстрый Олень» (будто бы бывают медленные олени.— И. М.). Однако в тюркских языках это имя состоит из прозрачно читаемых слов: *ток* — «основательный», «полный» и *сак* — «охрана», «страж», «осторожный». Из этих сочетаний получается имя царя *Токсак* — «Основательный или надежный страж».

56. Имя Бастак В. И. Абаев объясняет с ирано-осетинского языка как «Земляк». Такое объяснение можно было бы признать, если бы в этом имени четко не читался тюркский термин *бас* — «голова» и *так* — «прислонять», «привязывать» и т. п. В карачаево-балкарской среде широко распространен термин *бастак*, означающий «обездоленный», «бесприютный» (о человеке, которому некуда прислонить голову, человеку-одиночке). Подобным же образом образованы термины *жан+так* — «однобокий», «хромой» и т. п.

57. Скифское имя Оуаразбала Абаев переводит как «Принадлежащий к кабаньей стае». На наш взгляд, Абаеву стоило бы вспомнить, что в тюркских языках слово *ороз* означает «рок», «судьба» (КРПС. С. 431). Вторая часть слова *бала* означает — «дитя», «ребенок». Отсюда имя, приведенное выше, означает «Дитя судьбы».

58. Имя Данапазмак В. И. Абаев переводит странным образом: «Донской Варазмак», «Варазмак с

Дона» (?). Непредвзятому автору почему бы не сказать, что в данном имени легко читается тюркское слово *тюн* — «явь», «наяву»; *таны* — «узнавать»; *таныш* — «знакомиться» *танышмал* — «знакомство»; *танымаз* — «неузнанный»; *танымазмак* — «неузнаваемый». Таким образом, данное имя может означать «Неузнаваемый».

59. Имя деда скифского мудреца Анахарсиса — Аукаш Абаев каким-то образом связывает с ирано-осетинским словом *Варка*, тогда как почти во всех тюркских языках слово *ау* означает «пелена», «завеса»; *каш* — «бровь». Отсюда данное имя означает «Густобровый». Подобным образом образованные имена сплошь и рядом встречаются у тюркских народов: *Аукаш*, *Абукаш*, *Айкаш* и т. п.

60. Имя Оуаргадак Абаев переводит как «Волкоед», вновь не «замечая» его тюркского значения. В тюркских языках слово *ауур* — «тяжелый», «тяжесть»; слово *кадагъ* — «приказ», «уложение», «закон» (КРПС. С. 281). Слово *хадак* — «подношение»²⁰⁶. Отсюда, интересующее нас имя будет означать: «Тяжелая повинность».

61. Имя Ойурбазы Абаев объясняет непонятным термином «Волкоплечий». Подобное название невозможно в принципе, потому что у волка нет вообще плеч, и вряд ли такую деталь не могли не знать наши далекие предки. А между тем в данном имени легко читается общетюркское слово *ой/юй* — «дом»; *юйюр* — «семья». И слово *база* — «опора», «сила» или *бас* — «голова». Отсюда, и имя будет означать «Глава дома», «Опора семьи», «Опора дома» и т. п.

62. Имя Одиардаш В. И. Абаев возводит к авестийскому слову *ады* — «запах» и переводит как «Чья душа наполнена». На наш взгляд, в этом имени невозможно не разглядеть тюркские слова: *от/ст* — «душа», «дух»; *ар/эр* — «мужчина»; и *таш* — «камень». Отсюда и имя это должно означать: «Человек с каменной душой», «Мужчина с каменным сердцем».

63. Имя Иотесмак В. И. Абаев переводит как «В нем нет дыхания жизни». Нам представляется более правдоподобным в этом имени читать тюркские слова: *уат* — «разбивать», *уатыш/атыш* — «борьба», «сражение»; *бек* — «крепкий», «стойкий». Отсюда, и интересующее нас имя означает: «Крепкий, стойкий боец».

64. Имя Худайнак Абаев переводит как «Достойный смеха», не указав, что почти во всех тюркских языках слово *Худай* означает «Бог», «Божество»²⁰⁷, *худа + лык* — «родство». Отсюда, и имя получает вполне правдоподобное звучание: *Худайнак* — т. е. «Божественный».

65. Имя Хоуссагар В. И. Абаев странным образом объясняет как «Находящий шерсть оленей». В таком объяснении непонятно, откуда у оленей может быть шерсть? Шерсть обычно стригут у овец, верблюдов, коз, яков и др., а у оленей шерсти не бывает. Гораздо более правдоподобно увидеть в данном имени тюркские слова *ус / су* — «вода» и *сакар* — «течь». Отсюда, и имя означает «Текущая вода», т. е. «Река».

66. Имя Оссигас В. И. Абаев объясняет с древнеир., древнеперс. как «Имеющий здоровую жену» (будто бы все остальные имели больных жен?), тогда как в данном имени прозрачно читается тюркское слово *ашыгъ* — «торопиться», *ашыгъыш* — «торопливый».

67. Женское имя Сарин не находит объяснения в источниках В. И. Абаева. В тюркских языках это имя объясняется как *Сарин* — «Песня». Таким же образом не объясняет Абаев и другое женское имя — *Сарыныу*, которое в тюркских языках означает «Песнопение».

68. Имя аланского царя Сарун В. И. Абаев не объясняет, потому что не приводит его тюркского значения от слова *сарын* — «песня», или от слова *сарнач* — «певец» и т. д.

69. Корака — скифское божество, покровитель. В. И. Абаев не смог найти этому имени объяснения в своих источниках, тогда как в тюркских языках в данном слове легко читается слово *кзор* — «защита», «покровительство»; *кзорукъ* — «остерегайся»; *кзорукъ* — «охрана», «защита», «покровитель»²⁰⁸.

70. Имя скифского царя-военачальника Атей В. И. Абаев объяснить не может, потому что не указывает на тюркское слово *ата* — «отец», а также, несмотря на то, что великолепно знаком с нартским эпосом балкаро-карачаевцев, не «заметил», что имя *Атей* сохранилось у них в имени эпического героя *Ацея, Ачея*.

71. Скифское имя Агар остается необъясненным из источников Абаева, тогда как в тюркских языках это имя происходит из слова *ага* — «старший товарищ», «по-

читаемый»²⁰⁹, а аффикс *ыр / р* — это аффикс указания на принадлежность.

72. Имя скифского царя *Мадий Абаев* оставляет необъясненным. На наш взгляд это имя может происходить от тюркского слова *бат* — «быстро», «скоро»²¹⁰, напоминает распространенное личное имя *Бату, Батый* и т. п.

73. В надписях Ассархадона (681—668 гг. до н. э.) значится имя скифского царя *Бартатуа* (*Партатуа*)²¹¹. В. И. Абаев не может объяснить это имя, потому что не учитывает тюркское слово *барт* — «разрывать», «разбивать»²¹² и частицу принадлежности *-тай*.

74. Имя *Асар* В. И. Абаев объясняет следующим образом: *а* — это частица отрицания, о несостоятельности которой мы уже говорили при анализе слова *Анарети*, а слово *сар* — «голова». Таким образом, данное имя, по Абаеву, означает «Безголовый». На общетюркском языке слово *Асар* означает «Преодолевать» как именуется, например, перевал близ г. Алма-Аты. Отсюда, и имя *Асар* означает «Преодолевающий», «Побеждающий» и т. п.

75. Скифское имя *Палак* В. И. Абаев объяснить не может. На тюркских же языках в этом имени четко читаются следующие слова: *Балах / Болах* — имя сабирского тюркского князя; *Болаг* — «лошадь с широким крупом»; *Беяк* — «дар, подарок»; *Булаг* — название тюркского племени²¹³.

76. Имя скифского царя, приказавшего собрать стрелы со всех членов скифского воинства и отлить из них упоминавшийся выше котел, В. И. Абаев не может объяснить из своих источников. Однако в этом имени — *Ариант* — прозрачно читаются тюркские слова *Ар*, *Эр* — «мужчина» и *ант* — «клятва». Отсюда и имя данного царя означает «Мужская клятва». Роль боевых стрел, которые велел собрать Ариант, общеизвестна при заключении мужского союза или клятвы на верность, на побратимство. О клятвенном союзе *Ант* у киргизов писал еще в 1889 г. Н. И. Гроденков²¹⁴. По словам современных исследователей, *Анты* — это клятвенники, названные братья, как одна душа. Главное в обряде эпического побратимства — это воинская клятва богатырей, когда ее произносят, то дотрагиваются до острия сабли или пики, либо пролезают под тетивой лука, либо обмениваются стрелами (у многих тюркских народов). Скреп-

ляли клятву кровью — рассечение одного пальца у каждого из побратимов и обсасывание крови друг у друга ²¹⁵.

77. Имя *Сагил* Абаев оставляет необъясненным. На наш взгляд, в этом имени читаются два тюркских слова: *сак* — этноним саков и *эл, ил* — «племя», «народ», «страна», «селение». Отсюда, и имя означает «Племя саков», «Народ саков» и т. п.

78. Скифское имя *Скил* у Абаева не находит объяснения. В тюркских языках это имя напоминает термин *Ызгыл* — «наследие», «наследственность» (карачаево-балк. яз.). К этому же термину восходит и скифский термин *Сколот*. С другой стороны, данное имя напоминает название древнебулгарского рода *Аскл / Эскл*. Этот этноним сохранился в форме *Ешкил, Эзгил, Аскил / Ашкал* у каракалпаков, узбеков, киргизов, азербайджанцев и других тюркских народов ²¹⁶.

79. Имя вождя сираков *Абеак* В. И. Абаев оставляет без объяснения. В тюркских же языках здесь явно видны слова *Аба* — «прародитель», «предок», «бабушка», «матушка» и *Окэ* — «семья», «потомок» (ДТС. С. 1).

80. Имя скифского вождя *Самбид* на тюркских языках напоминает название перевала *Санби* (ДТС. С. 639).

81. Имя скифского мудреца *Анахарсис* у Абаева остается без объяснений. В тюркских языках в данном случае легко читаются два слова *Анаш* — «искусный в делах», «хитрый», «хитрец» (АзРС. С. 365) и имя *Ар / Эр* — «мужчина». Отсюда и имя *Анахарсис* может означать «Хитрый мужчина». С другой стороны, к слову *Анаш* может быть прибавлено слово *Харич* — «внешний», «живущий вне», «заграничный» (Там же). В последнем случае имя скифского мудреца, почти всю свою жизнь прожившего за границей Скифии в среде эллинов, могло означать: «Внешний, Заграничный хитрец».

82. Скифское имя *Сабодак* в тюркских языках напоминает термин *Саб / Сав* — «слово», «речь», а *Сабодык* — означает «Речистый» (ДТС. С. 478).

83. Упоминавшееся Плутархом ²¹⁷ скифское имя *Олтак* в тюркских языках тождественно термину *Ортак* — «посредник» (с учетом распространенного чередования звуков Р / Л.).

84. Скифское имя *Авбах*. В тюркских языках *Овмах* означает «крушить», «растирать» (АзРС. С. 270). Отсюда, имя обозначает «Крушащий», «Сокрушающий».

85. Скифо-сарматское имя *Баста* в тюркских языках означает *Бас* — «голова» или «Главный».

86. Упоминавшееся у Лук. Самосатским²¹⁸ скифское имя *Балит* в тюркских языках означает «Обогащаться», «Умножать» (ДТС. С. 79).

87. Скифское имя *Дандам*²¹⁹ происходит от тюркского слова *Тан* — «отказываться», «отрешаться» (ДТС. С. 531). Отсюда, имя *Дандам*, образованное с помощью словообразовательного аффикса *дым*, означает «Отрешенный».

88. Скифо-сарматское имя *Амизак* тождественно тюркскому термину *Абизак* — «посвящение», «помазание» (ДТС. С. 2). Отсюда, имя это означает «Посвященный», «Помазанный».

89. Упомянувшееся у Лук. Самосатского²²⁰ скифское имя *Давкет* состоит из двух тюркских слов: *Дав* / *Дав* — «притязание», «требование» (карач.-балк. яз.) и *кет* / *кат* — «сильно», «крепко», «основательно» (ДТС. С. 303). Следовательно, данное имя означает «Сильный притязатель» или «Требовательный».

90. Имя сиракского царя *Зорсин* в тюркских языках означает *Зор* — «сила», *Зорчы* — «насильник».

91. Тацит в своей «Истории» упоминает одно «варварское» имя *Седохез*, которое в тюркских языках состоит из двух слов: *Сата* — «коралл» (ДТС. С. 490), *Кез* — «глаз». Отсюда, данное имя означает «Кораллоглазая», «Кораллоглазый».

92. Имя брата скифского царя *Скила* — *Октама-сад* В. И. Абаев оставляет без объяснения. В тюркских же языках это имя состоит из двух слов: *Огта* — «стрелять из лука», «пускать стрелы»; *Огтам* — «полет стрелы» (ДТС. С. 370), *Саду* — «хорошо» (ДТС. С. 480). Отсюда, данное имя означает «Хороший стрелок из лука».

93. Имя вождя киммерийцев, врага скифского царя *Атея*, было *Кобо*. В тюркских языках слово *Коба* означает «снаряжение», «оружие» (КРПС. С. 327); *Кебе* — «кольчуга» (карачаево-балк. яз.). Кроме того, имя *Куба* носил один из эпических героев нартского эпоса балкаро-карачаевцев, который воевал с другим героем эпоса — *Ацеем*, имя которого мы отождествляли с именем скифского царя *Атея*.

94. Имя сына киммерийского царя IV в. до н. э. было *Сатир*, что в тюркских языках означает «Без-

родный». Вероятно, такое имя-кличку давали ему его враги.

95. Птолемей и Плиний называют «варварское» имя *Осил*, в котором совершенно четко читается тюркский этноним *ос* или *ас* и общетюркский термин *эл, ил* — «племя», «народ». Отсюда, данное имя будет означать «Племя асов» или «Народ асов».

96. Имя *Байоран В. Й.* Абаев объясняет из Авесты, как термин *Бера* — «много». На самом же деле в этом имени прозрачно читаются два тюркских слова: *бай* — «священный», «святой» и *Уран / Оран* — «лес». Отсюда, данное имя означает «Святой лес» или «Священный лес».

97. Плиний упоминает скифо-сарматское имя *Оран*, которое в тюркских языках означает «лес» и тождественно одному из древнетюркских этнонимов в среде кипчаков²²¹.

98. Имя *Зантих В. И.* Абаев объясняет из своих источников как «Сын племени», тогда как на тюркском языке (карач.-балк.) это слово означает *зынтыуу* — «трусливый» (вероятно, это была его кличка).

Теперь обратимся к этнонимам скифских племен, которые дают неоспоримый материал и подтверждение тюркоязычности большинства скифских племен. Кроме упоминавшихся выше этнонимов — Ашкузы, Сколоты, Будины и др., мы можем привести еще большой ряд тюрко-скифских этнонимов:

99. *Саки* — персидское название скифов, В. И. Абаев возводит к осетинскому слову «олень» и называет это племя «оленьями». В карачаево-балкарском языке *Сакъ* означает «осторожный», «чуткий»; на древнетюркском языке *Саг* означает «подножие гор» (ДТС. С. 486); на якутском языке *Саха* — это «охотник», «человек» и самоназвание якутов²²².

В литературе нередко встречается неверное утверждение, что будто бы *сак* — это самоназвание скифов²²³. Однако Плиний, Юлий Солин и другие античные авторы писали, что «скифов персы на своем языке называют саками, а скифы называют персов хорсарями²²⁴. Следовательно, надо полагать, что термин *Сака* в устах персов мог передавать имя какого-то, возможно весьма крупного объединения скифов, которое было ими перенесено на всех пограничных с персами кочевников, оби-

тавших у подножий среднеазиатских гор и более всего Тянь-Шаня и Капу-Дага (Копетдага). Земли этих кочевников древние иранцы называли *Тураном*, а их самих *саками*. Одним из ранних упоминаний Турана является одна из сатрапий за р. Оксом (Амударья.— *И. М.*), о которой Страбон упоминает под именем Туриуа (кн. XI, 517), Махабхаратта изображает саков воинственными и непобедимыми. С незапамятных времен вторгшиеся в Пенджаб саки-кочевники оставили свое имя в топониме *Сакала* — «жилище саков». А в Иране саки дали свое имя сатрапии *Сакестан* — т. е. «жилище саков»²²⁵. Этноним сака и связанный с ним термин «жилище саков» зафиксирован и в Восточном Закавказье в виде топонима *Сакасин*. Специалисты по древней истории и топонимике Азербайджана, и в частности Г. А. Гейбуллаев, правильно подметили, что Страбон писал (кн. XI, 8, 4) о проживании саков в области Сакасен. Исследователи единодушны в локализации этой области в современной Кировабад-Казахской зоне Азербайджана. Такая локализация подтверждается сообщением Моисея Каганкатваци о том, что Гянджа возникла в Шакашене²²⁶. Интересно, что арабские писатели (ал-Идриси) называют страну между Оксом и Яксартом (Амударьей и Сырдарьей.— *И. М.*) *Сакита*, а П. К. Услар усматривает в этом термине закономерный переход «Саки — Сакита — Скита»²²⁷.

Наряду с тем, что термин *саг* в древнетюркском означает «подножие гор», А. Н. Бернштам указывает на тот факт, что термин *саха* в тюркских языках означает еще и понятие «край», «окраина» (*йага*), и на этом основании считает, что якуты (*саха*) составляли северную окраину гуннского объединения, и это отражено в их этнониме²²⁸. В тесной связи с интерпретацией термина *сака* следует отметить, что Раннелъ еще в 1800 г. справедливо заметил, что саки, по-видимому, вели такую же воинственно-бродячую жизнь, как позднее «козаки», «косаки». Он предполагал, что имя саков вошло в состав имени казахов, а крупнейшие ученые прошлого добавляли к этому, что «косаками» и ныне «называют себя киргизы и что это есть их настоящее этническое название, вовсе не заимствованное от русских»²²⁹.

В силу всего сказанного вполне справедливо полагать, что бытующее объяснение термина *сака* как осетинское «олень» и возведение оленя в тотем скифов, а

отсюда именовать скифов по имени их тотема «оленями» — вряд ли это правомерно. Общеизвестно, что тотемизм — это одна из древнейших форм религии раннеродовых охотничьих общин, он возник в период нижнего палеолита. Это одно из древнейших религиозных представлений людей, когда кровнородственные связи составляли единственный вид связи между отдельными членами родовой организации²³⁰. Эти связи бессознательно переносились суеверными первобытными охотниками на все окружающее, и вся природа, по словам С. А. Токарева, опутана в его представлении родственными отношениями. Термин *тотем*, или *тотам*, вошел в литературу в 1791 г. и на одном из наречий индейцев Северной Америки означает «родство с братом», «с сестрой»²³¹. Таким образом, тотемизм — древнейшая форма религии первобытнообщинного строя, объединяет только одну кровнородственную группу людей — род или клан. У каждого рода и группы свой тотем. Единого тотема для всей этнической общности никогда не существовало. Такого тотема не могло быть и у скифов, столь многоликого и многоплеменного объединения, находящегося чуть ли не на грани государственного объединения со множеством патриархальных царей и вождей племен. Тотемное животное родовой организация свято почитала, на него не охотились, мясо его не ели²³². В скифском обществе с целым пантеоном различных божеств и конкретных антропоморфных богов тотемизм не мог играть столь высокую роль, чтобы все племена, входившие в их объединение, могли именовать себя именем древнейшего тотема. К такому выводу приводят исследования специалистов-скифологов, которые не разделяют точку зрения о таком консервативном пережитке тотемизма у скифов²³³. Более того, предложенную В. И. Абаевым этимологию термина «сака» не поддерживают и иранисты²³⁴. Не могут согласиться с этой идеей и археологи, перед которыми сразу встает такой неразрешимый вопрос: как же быть с Венгрией, где никаких саков явно не было? (а изображений оленей достаточно много.— И. М.); и со Средней Азией, где именно саки засвидетельствованы всеми письменными источниками — и греческими, и персидскими? Оленей же там пока что меньше, чем на какой-либо другой территории — одна бляшка в кургане на Памире и два оленя на наскальных изображениях в Семиречье²³⁵.

Поскольку этимология термина *сака* далеко еще не выяснена ²³⁶, нам кажется уместным вспомнить древнетюркскую легенду об их происхождении. Согласно этой легенде праотец тюрков был родом из владений Со, которое, по словам китайских авторов, лежало на севере от страны хуннов, т. е. к северу от современной Монголии, на северной стороне Алтая ²³⁷. Один из потомков этого праотца жил в горах в верховьях реки Чу и научил одно из тамошних племен, тоже происходивших от того же праотца тюрков, разводить огонь. Это племя признало его своим предводителем и стало называть его *тоу-кю* ²³⁸. В этом имени нетрудно увидеть *тау / тоу / ту* — гора, отражающая место жительства того героя-праотца. Из такого повествования о легендарной генеалогии древних тюрков можно сделать вывод о том, что если потомки героя назывались *тоу-Кю* (*тау-кю*), то потомки самого рода *со* должны были именоваться *со-Кю* (*со-Ку*), что в персидской передаче легко могло превратиться в *саки / сака*. С другой стороны, можно предположить, что переданное китайцами слово *Тоу* могло быть и термином *туу* — «родиться», «рождение», а *Кю* — это легендарный предок тюрков *Ку* — «лебедь». В таком случае термин *Тоу-Кю*, или *Туу-Ку*, будет означать «Рожденный лебедем», т. е. Лебединцы или Ку-киши, Ку-манди. Не могу считать большой натяжкой происхождение тюркского термина *ту-кум* — «род», «фамилия», «патронимия» от упомянутого древнетюркского *Ту-ку*, переданного китайскими авторами как *тоу-кю*.

Далее, в связи с этнонимом *сака* нельзя не учитывать очевидные факты из этнокультурной истории народов Алтая, Средней Азии и Сибири. Здесь прежде всего надо иметь в виду этноним — самоназвание якутов — *саха*, этническую группу хакасов — *сага*, которых специалисты по этнографии сибирских народов связывают с саками I тыс. до н. э. Н. А. Алексеев, изучая ранние формы религии народов Сибири, приходит к выводу, что «якуты являются остатком древнего тюркского племени «сака» или «са», главная масса которых некогда обитала в западном Тянь-Шане и закончила свое существование в Индии, оставив по себе следы в западном Тянь-Шане в виде кара-киргизского поколения «Саяк», и на Енисее в виде рода «Сагай» ²³⁹.

Отсутствие осетинского термина *сак* — «олень» в других источниках В. И. Абаева — в Авесте, в древне-

иранск., древнеинд., древнеперс. и других языках и одновременно сохранение и бытование этого слова в виде широко распространенного этнопонима среди многих тюркских народов подкрепляет нашу версию о тюркоязычном происхождении этнонима *сака*. Кроме указывавшихся выше примеров, можно назвать этноним *сака*, *саке* у киргизов; *шага* — у казахов; *шакай*, *шекей* — у узбеков, *шаклер* — у туркмен, особую группу венгров — *секе*, имевших прекрасное степное оружие — сабли, представлявшие собой характерный вид оружия тюрко-кочевнических племен. Здесь же уместно отметить целый ряд тюркских топонимов: *шаки*, *шеки* в Татарии, Азербайджане²⁴⁰, *шики* в Балкарии. Следует напомнить и тот факт, что Ибн-Хордадбех писал, что на Джейхуне (Амударье. — И. М.) имеется «перевал к тюркам, которых называют Шикина»²⁴¹. Можно добавить и распространенное балкарское мужское имя *Шакай*, очень созвучное известному самоназванию алтайцев — *Сагай*.

Завершая этот этюд о саках, мы должны еще раз сказать, что наше мнение об этом этнониме базируется на множестве фактов, в т. ч. и на том, что китайские авторы, Геродот и видные современные ученые, базируясь на огромном историко-этнографическом материале, отождествляют древний род тюрков Сэ, или Со, с саками²⁴².

100. *Сираки* — одно из скифо-сарматских племен, имя которых В. И. Абаев объясняет как «Плавно танцующие». На наш взгляд, данный этноним происходит от тюркского этнонима *сир* и слова *ок* — «семья», «род», «потомок». Таким образом, *Сирак* означает «Потомок сиров», «Род сиров» и т. п. этноним тюрков-сиров неоднократно встречается в орхоно-енисейских надписях. В надписи Тоньюкука значится: «В стране народа тюрков-сиров не осталось тюркского племени», или же: «В земле народа тюрков-сиров Капаган-кагана» и т. п. Термин *Сир-ок*, т. е. «Семья сиров», «Потомство сиров», сохранился в родо-племенных этнонимах половцев / кипчаков в форме *Сираг* / *Сарак* и во многих других тюркских этнонимах Средней Азии, Алтая²⁴³. Например, у каракалпаков сохранился род *Кара-сирак*, т. е. «Черный сирак», связанный с сарматским племенем, пишет Л. С. Толстова²⁴⁴.

101. Имя потомков Липоксая А в х а т ы В. И. Абаев странным образом связал с авестийским словом *фаху*

и назвал это племя термином «хорошие». Однако Абаеву надо было бы отметить, что слово *ав* в тюркских языках означает «охота» (ДТС. С. 1), а термин *гут, хат* — «счастье», «благо», «благополучие», «достоинство», «величие» (ДТС. С. 171). Отсюда, этноним *Авхат*, состоящий из двух явных тюркских слов, означает: «Счастливая охота», «Благополучный охотник» и т. п.

С другой стороны, слово *аба* означает «прародитель», «предки» (ДТС. С. 1), а слово *кат, хет* — «крепкий», «основательный» (ДТС. С. 283). Следовательно, данный этноним в тюркском языке означает «Крепкий прародитель», «Мощный предок» и т. п.

102. *Катиары* — скифское племя — потомки Арпоксая. В. И. Абаев не объясняет значения этого этнонима. В тюркских же языках слово *катты* — означает «жесткий», «твердый», а *Эр / Ар* — «мужчина». Отсюда, этноним означает «Твердый, жесткий мужчина». Этот этноним аналогичен названию знатного хазарского рода «Катир»²⁴⁵, в котором также отчетливо читаются тюркские слова *Катты* и *Эр*.

103. *Паралаты* — этноним потомков Кулаксая, который В. И. Абаев переводит с авестийского как «Предустановленный», «Искони назначенный». Однако в общетюркском это слово означает *паралы* — «обладающий богатством», «богатый» (ТРС. С. 480; КРПС, С. 445). Аффикс *т* указывает на множественное число²⁴⁶. Таким образом, в этом этнониме четко зафиксировано обладание богатством, что, по скифской легенде, соответствует паралапам, сумевшим взять упавшие с неба скифские священные предметы: секиру, чашу, ярем.

104. *Массагеты* — одно из азиатских племен, которое многие считают скифским, хотя сам Геродот не называет их скифами. В. И. Абаев переводит этот этноним как «люди-олени». В этом этнониме имеется скифское слово *маза* — «великий», «большой»; это же слово В. И. Абаев нашел в Авесте, но в осетинском его нет. И тем не менее Абаев переводит данный этноним с осетинского как «люди-олени». Кроме скифского *маза*, в этом этнониме легко читается весьма распространенное у многих тюркских народов слово *мазаллы* — «огромный», «рослый», «великий», «большой» (кумыкс., карач.-балк., турецк.). Здесь же можно увидеть и карачаево-балкарское слово *мажал* — «отборный», «лучший».

С учетом частого чередования в тюркских языках

звуков М / Б в данном случае можно читать и слово *бас* — «давить», «наступать», «опора», «основа» (ТРС. С. 67; ДТС. С. 85), или слово *база* — «сила», *базын* — «надеяться», «надежда на силу» и т. п. (карач.-балк.).

Вторая часть этнонима *кет* на тюркских языках означает «сильный», «крепкий» (ДТС. С. 303). Из этих фактов выходит, что этноним *массагет* означает «великие, огромные, сильные» и т. п. Такой вариант этимологии термина вполне согласуется с историческими сведениями о массагетах, которые погналы из-за Яксарта даже скифов, перед которыми содрогались Передняя Азия и Причерноморье.

В литературе давно принято переводить термин *массагет* как «Большие геты»²⁴⁷, а вот слова *гет*, *гут*, *гуз* нуждаются в пояснениях. Хорошо известна широко распространенная закономерность в тюркских языках перехода З / Т, С / Д. Эту закономерность иллюстрируют балкарско-карачаевские слова *Тарка* — *Сарка*, т. е., «течет», *Тын* — *Сын* — т. е. «тихо, неподвижно, смирно»; множество башкирских топонимов и терминов: Казыр-Кадыр, Бардым-Барзым, Кырзас-Кырдаc, Иргыз-Иргит, Ыргайды-Ыргайзы и др.²⁴⁸, ряд терминов в других тюркских языках: Орус-Оруд, Бичик-Битик, Кучи-Куци-Кучи и др.²⁴⁹

Историческая наука фиксирует множество племен от Дуная до Амударьи, в именах которых встречается соединение терминов «гет», «кут», «гуз», «огуз» и т. д. с разными местными прилагательными: Тиррагеты, Фтирогеты, Массагеты, Маскуты, Огзы, Тогузогузы и т. п. Многие видные ученые — Реннель, Услар и др. — не видели ничего невероятного в видоизменениях этого этнонима²⁵⁰. По их мнению, племя «гетов» заключало в себе множество народов, живших на огромном расстоянии друг от друга. Они были убеждены в том, что «название это было туземное, не иноплеменниками данное, не прозвище в роде басурманов, немцев, чуди. По всей вероятности, однако, туземцы произносили его не совсем так, как греки; название «геты» в устах их звучало более или менее иначе, весьма вероятно даже, что на Яксарте туземцы произносили его несколько иначе, чем соплеменники на Дунае»²⁵¹.

Важным аргументом, подтверждающим тюркскую этимологию термина «массагет», является сообщение Страбона (кн. XI, 8, 6) о том, что «массагеты богом

почитают одно только солнце и ему приносят в жертву коней». Эти слова полностью совпадают с тем, что Моисей Каганкатваци неоднократно подчеркивал, как савиры среди множества божеств особо почитали бога неба и света Тенгри-хана. По его словам, под огромными дубами, олицетворяющими Тенгри, савиры приносили в жертву коней, кровь которых «поливали вокруг дерев, а голову и кожу вешали на сучьях»²⁵². А исследования С. А. Плетневой обосновали тот факт, что самым распространенным амулетом-символом солнца для тюрко-кочевнических племен VIII—IX вв. был «крест в круге», повсеместно обнаруживаемый в памятниках салтовомаяцкой культуры Хазарии²⁵³. Почитание коней и принесение их в жертву было характерно для гуннов, хазар, болгар, кипчаков и других тюркских племен и народов.

Когда древнейший термин *гур / гуз* — стал заменяться словом *эль / иль*, тогда становится закономерным превращение *маскут / баскут* в *бас-ил* с тем же значением «Главный род», «Главное племя». Не потому ли хазарский хан брал себе жену только из рода басилов (из Главного иля)?²⁵⁴

Этноним «массагет», по нашему мнению, долго не исчезает со страниц истории и лишь с незначительными диалектными разночтениями типа *маза, баса, бас, гур / гуз*, и *эль / иль* доживают до наших дней. Достаточно вспомнить, что в Большой букеевской орде киргизов существует мощный род «маза»²⁵⁵. Можно предположить, что на древней земле массагетов — в северном Прикаспии и Волго-Уральских степях — этот этноним бытует по сей день в названии башкиров *Баш-гурт*, т. е. «Главный род» или «Главное племя». Имя древних массагетов сохранилось и в названии раннесредневековых гуннов — *масаха*, которых многие источники отождествляют с массагетами²⁵⁶. Если исследователи этнической истории Северного Кавказа IV—X вв. с *масаха-гуннами* отождествляют дагестанский топоним «Мушкур»²⁵⁷, то имя балкарского эпического героя Мисака, патронимические имена «Мисака-улу», «Мусук-улу», «Мусука-улу» тем более дают возможность отождествления их с именем древних массагетов и *масаха-гуннами*.

С другой стороны, монгольский термин *гур* — «племя», «народ», зафиксированный во многих тюркских этнонимах, иногда у башкиров звучит как *гурт*. Слово *гурт*, наряду с его удмуртским значением «село», «роди-

на», «деревня»²⁵⁸, более древнюю форму находит в карачаево-балкарском языке, где оно означает «выводок», «потомство» и употребляется в таких распространенных выражениях, как *гурт таукъ* — «курица с выводком»; *гурт сал* — «заложить наседке выводок». Этот же термин сохранился у них в проявлении древнейшего культа змеи. Змею, которая будто бы охраняет потомство и благо дома, хозяйство, карачаево-балкарцы именуют *гурт жилин*. Слово *гурт* — это то же самое, что и *журт*, *юрт* с характерным переходом Г — Ж — Ю. Сказанное позволяет заключить, что *гурт*, *журт*, *юрт* первоначально могло означать «выводок», «потомство», а затем превратилось в обозначение «места обитания потомства», используемое удмуртами как «село», «деревня», «родина». Недаром карачаево-балкарцы называют родину *журт*, а когда строят дом, говорят: *Журт сал* — «Закладывай жилье, место обитания» и т. п. Позднее это понятие стало обозначать «село», «поселение», «родина».

Термин *гурт* (а в иной огласовке *журт*) происходит от слова *гур* или *жур*, первоначально означающих «народ», «племя» с прибавлением к ним аффикса множественности — *т*²⁵⁹. Исследователи полагают, что термин *гурт* во многих случаях выступает и как этноним. По их сведениям, в XIX в. в Ширване жило племя с названием — *гурт*. Кроме того, этот этноним связывается с целым рядом топонимов: Гурт-кала, Гара-Гуртлу. Этноним *гурт* отмечен и в Туркмении, и в других районах тюркской ойкумены²⁶⁰. Таким образом, древнейший этноним *гурт* / *гуз* / *гур* на различных тюркских наречиях звучал по-разному с закономерным переходом Р — З — Т, а в отдельных случаях он заменялся позднейшим термином *аль-иль*, что уже наравне со значением «род», «племя», «народ» употреблялся и для обозначения племенного объединения, союзов, общин, поселений и пр. При подходе к этимологии тюркоязычных этнонимов, топогидронимов и отдельных терминов отмеченные вариации одного и того же термина и их кальку необходимо всегда иметь в виду.

Возвращаясь к тюркскому этнониму «массагет», следует заметить, что еще П. К. Услар писал: «...китайское название «*ta-ië-ta*» для народа, живущего на Сырдарье, буквально соответствует геродотовским «массагетам», живущим в той же области; оба значат «Большие геты». Он же продолжал, что «соотношение между готами и

ie-ta, юэ-та, юэ-чжи принято многими величайшими учеными»²⁶¹.

В завершение всего сказанного о массагетах и их окружении, необходимо остановиться на трех важнейших фактах:

I. *Юе-чжи* и сменившие их *усуни* изначально были тюркскими племенами, живущими в войлочных шатрах (юртах) и питающимися молоком и сыром²⁶². Кроме того, П. К. Услар отождествлял усуней с асами (азами)²⁶³. И. Маркварт называл усуней «а-сун», т. е. также отождествлял эти племена²⁶⁴. Предками средневековых асов считают древних усуней и современные ученые-алановеды²⁶⁵.

II. Одним из самых древних компонентов этногенеза погайцев являлись усуни, входившие в V—IV вв. до н. э. в конфедерацию протогуннских племен²⁶⁶. Этот факт подтверждают и антропологи, признает усуньско-гуннскую конфедерацию и М. И. Артамонов²⁶⁷. Древние письменные источники дают основание считать, что истинное название древнетюркского племени «усуни» было «Каракыргыз» и входили они в состав кыргызского рода «Ассыг»²⁶⁸. Общеизвестно, что родовые подразделения усуни — асы сохранились почти у всех тюркских народов Средней Азии, Алтая, Поволжья, Кавказа.

III. Видные востоковеды и антропологи доказали, что древние массагеты — это 100 %-е туркмены²⁶⁹.

105. *Саи* — одно из подразделений скифов, имя которых пока еще остается без внимания ученых. Мы уже отмечали, что этот этноним происходит от тюркского слова *сай / сый* — «почет», «величие»; *сай-лы / сый-лы* — «выборный», «почетный» и т. п. В добавление к этому можно сказать, что «племя Се или Саи жили на р. Или до прихода туда тюркоязычных юе-чжи»²⁷⁰. «Если допустить, что «Се» или «Саи», вытесненные с Или и Яксарта племенами юечжисцами,— пишет Услар,— суть Саки или скифы классических писателей, то можно заключить, что название это было действительно туземное в Туране». Если же «Се» тождественны «Саям» и «Сакам», тогда мы вправе со своей стороны вспомнить, что «Со», «Сэ» — это древнейший род тюрков²⁷¹, и всякий спор вокруг толкования имени этих племен отпадает сам по себе.

106. Гомер называет «варварское» племя *Абии*, имя которых с греческого означает «бедные», «неимущие».

В. И. Абаев оставляет это имя без внимания, хотя в тюркских языках оно находит достаточно ясную этимологию, являясь всего-навсего калькой термина *языг / жазыкъ*, т. е. «бедный», «неимущий».

107. Скифское племя *Агавы* Абаев также не объясняет. Однако корень этнонима представляет собой общетюркский термин *ага* — т. е. «старший», «старший брат» и т. п. Отсюда и имя племени могло означать «Старшие», «Главные» (ДТС. С. 48).

108. Помпоний Мела и Плиний среди скифских племен называют неких *Турку*, напоминающих геродотовских «иирки». Нам представляется справедливым мнение многих ученых — Эйхвальда, Ямпольского и др., считающих этот этноним тождественным имени «Тюрки».

Например, Б. А. Серебренников пишет, что отдельные тюркские племена проникали в Южнорусские степи и входили в состав скифов²⁷².

109. *Тавры* — одно из скифских племен, имя которых происходит от общетюркского слова *Тав* — «гора». Следовательно, этноним, вероятно, означает понятие «горцы», «горные».

110. Имя племени *Гелоны*, или *Гилы*, буквально соответствует названию одного из ведущих родов печенегов — Гилей²⁷³.

111. Плиний называет среди скифов племя *Бельки*, имя которых в тюркских языках означает: «знак», «примета», «заметный», (ДТС. С. 93). Отсюда, имя данного племени может означать: «Заметные», «Приметные», «Известные» и т. п.

112. Скифское племя *Даки* носит имя, тождественное общетюркскому слову *Дагъ* — «гора», т. е. имя их означает, как и *тавры*, «горные», «горцы» и т. п. После того как усунь отгеснили Юе-чжи на запад от Или на Сырдарью, в нынешний Кокан, по северную сторону Амударьи, к югу от Юе-чжи жили *Та-хиа* (китайская транскрипция). По утверждению П. К. Услара, тождественность *Та-хиа* с даями, дахами, даками не может подлежать никакому сомнению²⁷⁴. По сообщению Страбона (кн. IX, 7, 1), даи жили по соседству с массагетами на восточных побережьях Каспия. И этот факт позволяет сопоставить древних «даев» с ныне существующим казахским родом «Адай»²⁷⁵.

113. *Каспи* — одно из скифских племен. Страбон писал, что «область Каспиана названа по исчезнувшему

теперь племени, именем которого названо море» (кн. XI, 4, 5). Этот этноним состоит из двух тюркских слов: *Каз, Кас* — «кочевать»²⁷⁶, или *Кас / Каш* — «высокий берег», «возвышенность», «холм»²⁷⁷, и слова *Бий* — «владыка», «хозяин». Отсюда, этноним может означать либо «Владыка кочевий», «Владения кочевников», либо «Владыка гор», «Владения горами» и т. п.

114. Плиний и Птолемей называют скифское племя *Осил*; народ *Ос* называют Тацит и Юлий Капитолий²⁷⁸. Этот этноним также состоит из двух тюркских слов: *Ос*, или *Оз, Ас* — это древнетюркские этнонимы²⁷⁹, и слова *Иль / Эль* — «селение», «родина», «община» и т. п. Отсюда и этноним *Осил* означает «Община асов», «Селение асов» и т. п.

115. Плиний называет племя *Оран*, имя которых повторяет этническое название одного из кипчакских родов — «Оран»²⁸⁰.

116. Страбон называет одно из скифских племен *Пассианы*, имя которых состоит из двух тюркских слов: этнонима *Бас*, или *Баси* (одного из хазарских племен), и слова *иан* — «сторона», «край». Отсюда, этноним может означать понятие «Сторона басов», «Край басов».

117. Диодор Сицилийский среди скифских племен называет неких *Агар*²⁸¹. Учитывая уже не раз упоминавшуюся закономерность перехода в тюркских языках звуков Р / З, можно сказать, что данный этноним соответствует общеизвестному тюркскому этнониму *Агар / Агаз / Огуз*²⁸².

118. Страбон называет среди скифо-сарматских племен неких *Панксанов*. Чтобы объяснить этот этноним, нам придется напомнить, что в греческом языке не было шипящих звуков и буква *ч* передавалась через *КС*. В таком случае интересующий нас этноним будет звучать *Панчаны, Пачаны* или *Пачангы*. Этноним в виде *Пачанок, Пачанк-Панчак* (т. е. Печенег.— *И. М.*) довольно распространен в тюркском мире²⁸³.

119. Этноним *Парфы* по-скифски означал «Изгнанные», «Изгнанники». В этом названии корнем слова является общетюркское *Бар* — «исчезать», «бродить» (ДТС. С. 83). Отсюда *Барды* означает «ушедший», «исчезнувший». На чем основывается такое объяснение? В греческом слове буква *Θ* звучит как *Т* или как *Ф*. Если исходить из того, что буква эта означала звук *Т*, тогда мы получаем термин *Бар-*

ты / Барды. Но поскольку звуки Т и Ч в тюркских языках очень часто взаимочередуются, то мы можем получить слово *Барчы* — т. е. «посланник», «посредник», который ходит между сторонами туда (*барчы*) и остается на месте (*калчы*). Но если были изгнанники, значит, должны быть и оставшиеся — *Калчы* (от слова *кѣал* — «оставаться»).

120. *Каллипиды*, или *Каллы*, — одно из скифских племен. Имя их образовано как раз из того самого слова *Кѣал* — «оставаться», *Кѣалып* — «оставшись». По нашему мнению, этот этноним сохранен в позднейшем этнониме *калиб*, или *калибы*. Не исключена возможность, что в данном этнониме сохранено родовое название одного из печенежских объединений — *Кулпеев*, о которых писал Константин Багрянородный. Этот род печенегов жил восточнее Днепра под предводительством вождя по имени Иппоан ²⁸⁴.

Коснувшись этнонимов *парфы* и *калиб*, следует отметить, что позднее некоторые авторы помещают *калибов*, *халибов* где-то в районы Западного Предкавказья либо между Арменией и Анатолией у реки Фермодонт / Термодонт ²⁸⁵. А вот что писал о парфах Юстин: «Парфы были скифские изгнанники. Это очевидно даже из самого их названия: по-скифски изгнанники называются «парфами». Они, будучи изгнанными из Скифии домашними усобицами, тайком заняли степи между Ирканией, Дагами, Апартами и Маргианом. Язык у них — средний между скифским и мидийским, помесь того и другого» ²⁸⁶. В этих словах прежде всего бросается в глаза то, что язык скифов и мидийцев был различным и что скифские изгнанники, расселившись в новых местах, рядом с Маргианом (Мургабские степи кушан.— И. М.) стали говорить на смешанном языке — помеси скифского и мидийского (иранского). О том, что скифы и мидийцы — это разные народы, свидетельствует и Страбон (XI, 8, 8): «В окружности у моря за ирканцами,— пишет он,— обитали марды, анариаки, кедусии, албанцы, каспии, витии и, может быть, вплоть до скифов другие народности. По другую сторону гирканцев живут дербики, а кардусии граничат с мидийцами и матианами у подошвы Параксоафры». Некоторые считают эту гору Малым Кавказом ²⁸⁷, а скорее всего это Паропамиз (Кавказ) других античных авторов. Из слов Страбона ясно, что он отделяет скифов от всех им перечисленных племен, в т. ч.

и от мидийцев. Об этой разнице определенно высказался и Арриан (IV, 4, 2), который вкладывает в уста скифов слова о том, что есть-де разница между скифами и среднеазиатскими варварами. В. В. Григорьев полагает, что варварами здесь Арриан называет оседлых туземцев Средней Азии. «Следовательно,— говорит он,— варварами по ту сторону Сыра, значит, правое побережье этой реки, имело в Александрово время оседлое население»²⁸⁸.

С другой стороны, очень важно, что, тщательно изучив античные источники и прежде всего известия Гекатея из Милета, И. В. Пьянков приходит к выводу: «Когда хорасмии локализовались на юге (т. е. до IV в. н. э.), всю область к северу от хорасанского оазиса, от Аму-Дарьи до Каспийского моря, а на севере, видимо, до Сыр-Дарьи, в том числе и земли по нижнему течению Аму-Дарьи,— занимали племена степного типа. В официальных ахеменидских документах они именуется «острошапочными скифами», а у античных авторов, кроме того, массагетами, дербиками, абиями». В административных списках они представляют отдельный народ, отдельную страну и упоминаются наряду с хорасмиями»²⁸⁹. Отсюда однозначно ясно, что скифы, массагеты, дербики, абии — это не хорасмии, т. е. не персы и не иранцы, и не бактрийцы. В этом контексте очень важно вспомнить, что абиями — бедными и неимущими — называл Гомер доителей кобылиц (Илиада, XIII, 1—7. Перевод В. А. Жуковского).

Здесь же уместно привести слова Эратосфена (234—196 гг. до н. э.), пользовавшегося в античной литературе большой популярностью. В частности о дороге, ведущей из Гиркании (Иркании) к Бактрам, он писал: «Направляясь к равноденственному востоку от Амиса, сначала прибудешь в Колхиду, затем к горному проходу у Гирканского моря (Дербент у Каспия? — И. М.), а вслед за этим — дорога к Бактрам и Скифам». В другом варианте он уточняет, что эта дорога идет «через Колхов и Гирканию вплоть до бактриев и людей по ту сторону их». Эти сведения Эратосфен берет у своего предшественника Гекатея Милетского, основного источника Геродота²⁹⁰. Отсюда совершенно ясно, что скифы — это не бактры, а «люди по ту сторону...». И это полностью соответствует словам Юстина, писавшего спустя 500 лет после Эратосфена.

Приведенные факты и слова Юстина как нельзя со-

звучны позднейшим сведениям Аль-Бируни о том, что некогда из земли гузов (огузов) переселились на берега Амударьи и в Мургабские степи аланы и асы и стали говорить на смешанном печенежском и хорезмийском (иранском.— И. М.) языке. Это сообщение полностью совпадает с известиями русских летописных переводов «Иудейской войны» Иосифа Флавия (I век н. э.) о том, что язык асов «яко от печеженъска рода родяси»²⁹¹.

Если сопоставить сведения Юстина и Бируни, то нельзя не заметить определенной симметрии их фраз: «Язык у них — средний между скифским и мидийским» (Юстин) и «Язык их теперь смешанный из печенежского и хорезмийского» (Бируни). Не может быть сомнения в том, что эта симметричность «печенежского и хорезмийского» против «мидийского и скифского» не является простым совпадением, а соответствует исторической действительности.

Не менее интересные сведения о тюркоязычности скифов дает и скифо-сарматская *топонимика*:

121. *Ыфшандарт* — священное место скифов — В. И. Абаев оставляет без объяснения. В тюркских языках это слово происходит от термина *Ышан* — «вера», «надежда», «надеяться», «доверять» (ДТС. С. 214; Тат.-рус. сл. Казань, 1988. С. 388—389. Далее: ТРС). К этому корню прибавлен тюркский термин *тийре / дире* — «место», «квартал», «округа». Отсюда и значение скифского названия «Место надежды», «Место доверия», «Место верований», т. е. оно полностью соответствует скифскому назначению места «Ыфшандарт» (с учетом искажений варварских терминов античными авторами).

122. *Эksamпай* — священное место скифов, где они хранили свой святой котел, отлитый из стрел воинов. Эллины переводят этот термин как «Святые пути» (Геродот, кн. IV, 81). Это название состоит из упоминавшихся выше тюркских слов: *Ышан*, в котором Ш из-за отсутствия в греческом языке шипящих заменено на КС. Таковую закономерность мы уже отмечали выше. К этому слову прибавлен термин *Бай* — «священный». Таким образом, скифский термин, переданный эллинами как *Эksamпай*, на самом деле звучал как *Ышанбай* и означал «Святая вера», «Священная надежда» и т. п.

Специалисты по скифологии пишут, что некоторые слова, которые Геродот передает в переводах с грече-

ского как «скифские», не всегда можно объяснить из иранских языков. Например, по мнению В. Ф. Миллера, не поддается объяснению слово «Эksamпай». Все предложенные этимологии этого термина с иранских языков неудовлетворительны с лингвистической точки зрения, пишет М. Фасмер²⁹².

123. *Кумания* — крепость у Дарьяльского ущелья (Плиний). Название это происходит от тюркского слова *Ку* — «лебедь», легендарного прародителя одного из древнейших легендарных тюркских родов. От этого имени происходят этнонимы *Ку-киши*, *Ку-ман*, т. е. «Лебединцы». Отсюда, данное название крепости означает *Кумания* — «Лебедия». Страну тюрков *Лебедией* называли и письменные источники²⁹³.

124. *Пантикап* — одна из рек Скифии. В. И. Абаев объясняет это название как «Дорога рыб». На наш взгляд, здесь легко видно греческое *понт* — «море» и тюркское *капы* — «ворота». Следовательно, название означает «Ворота моря», «Вход в море», чем являлась на самом деле данная река.

Название это давно вызывает спор. В 1959 г. чешский ученый Ян Збожик предложил толкование «Пантикапа» как славянское слово *пять* — «путь», а вторую часть возводил к славянскому корню *кап* — «начало». Таким образом, получалось, что слово *Пантикап* означало «Начало пути». Б. А. Рыбаков пишет, что этимология слова в целом остается неясной, но связь с понятием «пути» он «легко» объясняет тем, что у устья Днепра существовала будто бы старинная переправа. Это он видит в том, что одно из селений в этом районе носит название «Переволочка». Через эту переправу, — пишет Рыбаков, — должен (разрядка моя. — И. М.) был идти древний путь из Гелона в Ольвию»²⁹⁴. Трудно судить о том, должен или не должен был идти путь через эту переправу и существовала ли она в эпоху скифов, но нет никакого труда усомниться в предложенных этимологиях, поскольку Пантикапеем греки называли и правый нижний приток Днепра — реку Ингулец²⁹⁵, где ни переправы, ни огромных рыбных богатств не отмечено. Зато достоверно отмечено Страбоном, что «вход (т. е. ворота. — И. М.) в Меотиду называется Киммерийским Боспором; начинается он с довольно значительной ширины, именно около семидесяти стадиев, где и переправляются из окрестностей Пантикапея в ближай-

ший азиатский город Фанагория, а оканчивается гораздо более узким проливом. Этот проход (ворота) отделяет Европу от Азии, подобно тому как и река Танаис» (кн. VII, 4). Страбону вторит и Аммиан Марцеллин: «Из Меотийского болота огромное количество воды прорывается через узкий Пантикапейский пролив (ворота.— И. М.) в Понт»²⁹⁶. Все сказанное позволяет верить в то, что предложенная нами этимология наиболее правдоподобна.

125. Название города *Капа* В. И. Абаев переводит как «Рыба». Мы же полагаем, что в данном случае легко читается тюркское слово *капа*, *капы* — «ворота».

126. Один из городов у устья Кубани назывался *Апатур*. В этом названии ясно видно тюркское слово *тур* — «находиться», и тюркский этноним *Апар* (ДТС. С. 47). Отсюда, название термина означает примерно «Место нахождения племени Апар».

127. Геродот называет на берегу Меотиды торжище *Кремны*. Это название тождественно общетюркскому слову *керман* — «крепость».

128. Геродот называет город Горгаз (IV, 57, 100, 123). В этом названии отчетливо читаются два тюркских слова: *гур* — «племя», «род»; и *газ* — «лебедь», «гусь». Из этих слов складывается значение названия города как «Лебединое племя», т. е. «Лебединцы».

129. *Керчь* — название пролива, города, мыса. Название это происходит от тюркского слова *кир* — «входить», «проникать внутрь», «погружаться» (ДТС. С. 308); якутск., карач.-балк., монгольск. *Къыр* — «край», «берег» и т. п.²⁹⁷ С этим названием созвучно и арабское наименование Черного моря — *Бахр-ель-Кирым*. П. К. Услар предполагает, что такое название может происходить от слова *Хрумнос* — «крутой берег», «крутец», что совершенно соответствует южному берегу Крыма²⁹⁸. Наше толкование слова *Керчь* как *Кирич* — *Кир* — «вход», «выступ горы», «мыс» и т. п. вполне согласуется с географическим положением Керченского пролива, обеспечивающего вход в Черное и Азовское моря, а также с тем, какую роль отводили античные авторы, характеризуя его именно как вход в море. Известно, что у греков Керченский пролив назывался Босфором Киммерийским, а г. Керчь Пантикапеем, этимологию которого мы дали выше («Ворота моря»).

130. *Германассы* — название города у устья Кубани. Происходит это название от тюркского термина *кермен* — «крепость». К этому слову прибавлен древнетюркский этноним *Ас*. Таким образом, название города *Германассы* означает «Крепость асов» («Керменас»). Такое название тождественно балкарскому названию одной из средневековых крепостей «Ас-кала» — крепость асов на Верхне-Чегемском городище. О средневековом городе «Ас-кала» в Алании писали и средневековые авторы. Например, Ал-Идриси (XIII в.), описывая устье Кубани, отмечал, что «это большая река, вытекающая с высот гор ал-Кабк. Далее она течет на север и пересекает земли ал-Ланийа... Затем она течет на запад. От устья этой реки 150 миль до города Аш-касийа. Это красивый город из числа городов ал-Ланийа и один из пограничных областей... От города Аш-касийа до города Аш-кала аланской земли 20 миль. Между Ашкалой и морем около 600 миль»²⁹⁹.

Продолжая рассуждения об асах и связанных с ними топонимах, следует вновь напомнить об обитании асов в Прикубанских районах и о том, что Азией древние греки первоначально называли степи между Доном и Кубанью. Эту точку зрения, как мы уже писали выше, П. К. Услар обосновывал на сведениях Эсхила, Гомера, Страбона и др., на труды которых в свое время ссылался и Вивиен де Сен-Мартен, также поддерживавший эту идею³⁰⁰. По словам Услара, Эсхил за 5 веков до Р. Х., а затем и Страбон называли Азией районы, «орошаемые Кубанью». Лучшим доказательством того, что название Азия — это не только создание греческих поэтов, служит этническое название *Аз*, неизгладимо привившееся к местным топонимам. Так, Птолемей (V, 8) на восточном берегу Азовского моря между Доном и Кубанью называет города Азара, Азараба, Азбеги, тюркское значение которых не может вызывать никакого сомнения. Здесь же увязывается сообщение Страбона о народе Аспургиане в этих областях и утверждение Услара, что название Азовского моря происходит от имени *азов*.

131. В систему топонимов скифо-сарматского периода мы включаем и название горной страны в Малой Азии, в Анатолийском нагорье — *Каппадокия*. В этом названии четко прослеживаются и читаются два тюркских термина: *Капы* — «ворота», и *Дагъ* — «гора». Следовательно, название означает «Ворота гор» или «Гор-

ные ворота». В данном случае есть необходимость напомнить, что каракалпаки и туркмены называют горы, опоясывающие Азию, Капу-Тау или Капу-Дагъ («Ворота гор»), которые являлись воротами для кочевников Средней Азии в страны древней земледельческой цивилизации Передней и Малой Азии. Л. С. Толстова пишет, что переселение огузских племен в Малую Азию происходило через Кавказ, Балканы и Капу-Тау³⁰¹.

132. Название города *Кики* у устьев Кубани восходит к тюркскому термину *Къанкъ* — «лебедь», «селезень»; *Къынкъ* — «голос», «гогот птиц» (карач.-балк. яз.: *Къанкъылда*). Отсюда можно полагать, что данное название города означает «Лебедь», «Лебединый голос» и т. п. В связи с подобным предположением уместно вспомнить слова Помпония Мелы: «При начале берегового изгиба (берег Понтийского моря и Западного Кавказа.— И. М.) лежит город, который, по преданию, назвали Кикном (Лебедем), потому что голос лебедя подал греческим купцам знак, когда они были увлекаемы темною непогодю и не знали, где земля»³⁰².

133. *Кавказ*—название горной гряды от Индии до Понта. Это один из интереснейших топонимов, содержащий важнейшую историческую информацию. Анализ данного топонима следует начать с сообщения П. К. Услара о том, что этот топоним связывается с осетинским *Хох*, иранским *Кох* — «гора», которые на гортанном горском наречии звучат *Гоуг*. К этому корню добавлен этноним *Ас*, и топоним получает значение «Гора азов» (*Хох-аз*)³⁰³. Здесь же Услар пишет, что кавказские туземцы *азами* называют прикубанских жителей, т. к. первоначально Азией античные писатели называли Прикубанье. Хотя объяснение Услара глубоко вошло в литературу, однако, оно не выдерживает никакой критики. Дело в том, что по законам ирано-осетинского языка определяемое слово всегда стоит на втором месте: Адай-хох, Аз-хох, Джимарай-хох и др. Следовательно, на основе ирано-осетинского языка должно было быть не *Хох-аз*, а *Аз-хох*, чего мы не наблюдаем. Гораздо убедительнее звучат слова исследователя, что термин *Кавказ* не находит объяснения ни в греческом, ни в армянском, ни в семитском языках, ни в санскрите, ни на языке кавказских туземцев³⁰⁴. В то же время Гекатей, предшественник Геродота, Плиний и другие писали, что термин

Кавказ — название скифское³⁰⁵, Плиний передавал его как *Крауказ*.

С другой стороны, Услар указывает, что известный ученый Болен объясняет термин *Кавказ* как санскритский: *Граваказа* (*Граван* — «камень», «скала», и *каз* — «блестеть»), т. е. «Блестящий камень», «Блестящие скалы». Однако Бурнюф возразил ему, что согласно санскритской грамматике следовало бы сказать *Казаграван* для обозначения «Блестящих скал», а не *Граванказа*³⁰⁶. Здесь мы вновь встречаемся с тем, что слово *каз* должно было стоять на втором месте. Таким образом, предложенные толкования термина *Кавказ* не находят оправдания. Мы же считаем, что данный топоним состоит из двух общетюркских слов: *Кап* — *Каб* — *Гапы* — «ворота»; и *каз* — «кочевать», «бродить», «странствовать»³⁰⁷. Отсюда, топоним *Кавказ* означает «Ворота кочевий», «Ворота кочевников». Если же принять версию, что слово *каш* означает «возвышенность», «гряда» и т. п.³⁰⁸, тогда топоним будет означать «Ворота горы», «Горные ворота» и т. п. Если вспомним, что греческие и античные авторы термином *Кавказ* называли всю горную гряду, отделяющую кочевнический мир Средней Азии от древних земледельцев Передней Азии, тогда наше объяснение термина *Кавказ* звучит достаточно убедительно. Кроме того, надо иметь в виду, что наше толкование подтверждается тем, что арабские географы X в. (Ибн-Хаукаль, Мас'суди и др.) называли Кавказский хребет горой *Кабк / Кабх*, что на всех тюркских языках означает «Ворота». Например, в орхоно-енисейских надписях VIII в. теснина-проход в Гиссарском ущелье называлась Железными воротами «Темир-капу»³⁰⁹, которые Александр Македонский, по преданиям, запер железными засовами. Таким же термином *Темир-капу* называли тюрки и Дербентский проход. В этой связи весьма красноречивы слова В. В. Бартольда о том, что «главная крепость алан находилась уже в дагестанских горах, которые известны Ибн-Саиду (1214—1272 гг.), как и географам X века, под их тюркским названием «Капык», т. е. «Ворота»³¹⁰. Каракалпаки в своем фольклоре называют Кавказский хребет и горы Северного Ирана термином *Каптау* — т. е. «Ворота-горы»³¹¹.

С объяснением термина *Кавказ* связано и толкование другого скифского слова:

134. *Крауказ* — скифское название Кавказа — «Бе-

доснежный», «Белый от снега» (Плиний)³¹². В этом названии отчетливо читаются тюркские слова: *Крау* — «иней»; *Къар* — «снег»; *Ау* — «пелена», «завеса»; *Каз / каш* — «гряда», «возвышенность». Из этих слов получается значение термина *Крауказ* как «Горы, покрытые инеем», «Покрытые снегом горы», т. е. «Белоснежные горы».

Очень интересные сведения дают и *гидронимы* скифского времени. Но здесь следует особо сказать, что распространенное мнение, будто бы все реки Причерноморья носили «ирано-скифские» имена, не имеет под собой почвы, потому что во времена скифов и Геродота все эти реки носили совершенно иные, чем теперь, названия: Истр, Тирас, Борисфен, Танаис и др., которые не имеют иранского корня *дон*. Возражения может вызвать название реки Танаис.

135. *Танаис* — название реки Дон. В этом названии наглядно видно общетюркское слово *Тын* — «спокойно», «тихо»; *Таныс, Тынч, Тыныч* — на различных тюркских наречиях означают одно и то же — «Тихий», «Спокойный»³¹³. Вероятно, не случайно великий писатель из множества эпитетов выбрал для этой реки прилагательное — «тихий». Следовательно, мы вслед за многими лингвистами-тюркологами подвергаем сомнению утверждение, что данное название реки происходит из иранского слова *дон*.

136. *Борисфен* — название реки Днепр. В. И. Абаев объясняет этот гидроним из авестийского слова *Бару* — «широкий», связывает его с осетинским *Урух* — «широкий» и переводит как «Широкая река». С позиций тюркских языков в этом названии имеется слово *Барух* — «блаженный», «благословленный» (КРПС. С. 103). В таком толковании есть резон, потому что у скифов предание гласило, что Таргитай родился от Зевса и Борисфена. Вероятно, такая река и должна была быть для скифов «блаженной». С другой стороны, слово *Борыс* на тюркских языках означает «Извилистый», «изменяющийся». Поскольку, по скифским легендам, река была матерью их родоначальника, они могли называть ее «изменчивой» (то река, то женщина).

137. *Истр* — название реки Дунай во времена скифов. Чтобы более правдоподобно объяснить этот гидроним, мы обращаем внимание на тот факт, что многие античные и средневековые авторы часто чередовали звуки

АС и ИС: Аспарух — Исперих, Александер — Искандер и т. п. С учетом этой закономерности, мы полагаем, что название «Истр» могло быть и «Астр». Слово *тир* означало понятие «река» во многих тюркских языках — *Терк*, *Тер* («живая влага»), *Тир* — «жить» и т. п. (ДТС. С. 561). Следовательно, названный гидроним может означать «Река асов» (Истр — Астр).

138. Таким же образом мы считаем возможным объяснить название реки Днестр — *Тирас*.

Название «Река асов» напоминает топоним *Кермен асов* («Крепость асов»). Названия селений с этнонимом Ас известны у киргизов: Ассиакала, Аххас» и др.³¹⁴

Толкования последних двух гидронимов согласуются со словами Геродота (кн. IV, 48, 49) о том, что «за Истром начинается собственно Скифия» и с сообщением Помпония Мелы, что река *Ассиаг* (тюркс.: «Сторона асов») граничит между землями каллипидов и скифов-кочевников, а также соответствует известию Страбона, что река Истр на языке ассиаков называется *Матоас*, т. е. «Мутный». Слово *Матоас* тождественно карачаево-балкарскому слову *Мутхус* — «мутный».

139. *Ассиаг* — река, отделяющая земли каллипидов и скифов-кочевников (Помпоний Мела). Это название состоит из древнетюркского этнонима *ас* и тюркского слова *йаг*, *яга*, *ягъ*, *жакъ* — означающего «край, сторона» (ДТС. С. 237). Название *Ассиаг* («сторона асов», «край асов») до сих пор бытует у ираноязычных осетин. Этим термином они называют страну своих извечных исторических соседей — тюркоязычных балкарцев³¹⁵.

140. *Тамарунда* — Плиний говорит, что этим термином скифы называли «Мать моря»³¹⁶. Под Тамарундой древние авторы подразумевали Азовское море. Геродот писал (IV, 86), что «древние полагали, что он питает Понт своими водами, поэтому ее называли матерью, кормилицей Понта». Этот гидроним образован от общетюркского корня *Тамыр* — «корень», «вена», «артерия». А слово *Тамырында* означает «Корневой», «В корне» и т. п.

Такое объяснение данного гидронима вполне соответствует тому, что он питал водами Понт, поскольку являлся корнем, артерией моря, а это действительно может означать понятие «мать».

141. Описывая окрестности Босфора Киммерийского (или Пантикапея — Керченского пролива.— *И. М.*), и касаясь устья Кубани, Страбон писал (кн. XI, 2—11): «Вступающему в Коракамданское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы, Германассы и Апатур». Ближайший последователь Страбона Помпоний Мела уточняет, что за Диоскуриадой и г. Синдом «затем выступает к Босфору, между Понтом и Болотом (Азовским морем.— *И. М.*) неширокая и косая полоса земли, которой река Кораканда, изливающаяся двумя руслами в Озеро и в море, придает почти вид острова. Там лежит четыре города: Германассы, Кепы, Фанагория и Киммерий» (у Страбона Апатур)³¹⁷. Эти слова двух своих предшественников дополняет Плиний. Следуя в своих описаниях от реки Термодонт, или реки Терме-чай, и Кызыл-Ирмак в Анатолии, вдоль кавказского побережья Черного моря, Плиний в земле Синдонов называет реку *Черную*³¹⁸. Эти уникальные сведения Страбона, Помпония Мелы и Плиния в один голос связывают реку «Каракан», или «Кораканда», и реку Черную с устьем Кубани. Это особенно подчеркнуто в дальнейших повествованиях Страбона (кн. XI, 2, 9): «Выше деревни Коракамдам лежит большое озеро, получившее свое название — Коракамдамирис и соединяющееся с морем на расстоянии 10 стадиев от деревни. В это озеро впадает один рукав Антикита и образует остров, окруженный названным озером, Меотийским болотом и рекой. Некоторые эту реку называют Гиппанис» (т. е. Кубань.— *И. М.*). То же самое подтверждают слова Геродота о том, что в устье Гиппаниса (Кубани) находятся город и залив Каркинит (кн. IV, 55). По современным картам этот залив отождествляется с заливом, лежащим между северо-западным берегом Крыма, Перекопским перешейком и южным берегом степи до Ахиллова Бега, писал Ф. Браун³¹⁹.

Все изложенное позволяет объяснить термин *Каракан*, *Караканда*, или реку «Черную», как общетюркское слово, происходящее из терминов: *Кара* — «черный», «черная»; и слова *Кан* / *Хан* / *Хем* — «река», по аналогии *Аба-кан*, *Бас-хан*, *Ор-хон*, *Уллу-хем*, *Байла-кан* и т. д. Таким образом, мы можем подтвердить, что Страбон, Помпоний Мела и Плиний верно переводили термин *Каракан* как «Черная река».

Завершая обзор рек европейской Скифии, считаем

необходимым остановиться на двух терминах, которые чаще других встречаются в названиях скифских рек в Причерноморье. Это термины *Дон* или *Дан* и *Тир*, *Тири*.

Исследователи обычно ссылаются на то, что в Ригведе однажды упоминается слово *Дану* будто бы в значении «река». Но обращает на себя внимание тот факт, что нигде в индоиранском мире Азиатского материка не фиксируется гидроним с *дон*, или с *дану*. В Авесте для этого значения употребляется термин *дарйа*, у персов и иранцев — *руд*. Исключение составляет тюрко-иранское *Термедонт* в Анатолии и несколько речек в Северной Осетии, встречающиеся также исключительно в тюрко-иранском сочетании: *Хазны-дон*, *Гизель-дон*, *Ара-дон*, *Кара(Урс)-дон* и т. п., в которых слова *Хазна*, *Ара*, *Гизель*, *Кара* представляют общетюркские термины: «Богатство», «Середина», «Красивый», «Черный» и т. п. В связи с этими фактами надо отметить исключительно голословное заявление В. И. Абаева, что «специфическое для скифов «дан» — река хорошо представлено в гидронимии Восточной Европы»³²⁰. Этот гидроним вовсе не представлен в скифское время в Восточно-Европейских степях, достаточно обратиться к Геродоту. И вновь слово *дон* в осетинском языке стоит на втором месте!

Однако обратимся к Ригведе. Когда Вритра, сын Дану, олицетворяющий собой силы хаоса и обитавший на горе посреди космических вод, был убит Индрой, то:

«Как мычащие коровы (к теленку), спеша
Прямо к морю сбегают воды...»

и далее:

«У той, чьим сыном был Вритра, жизненная сила
пошла на убыль.

Индра сбросил на нее смертельное оружие.

Сверху была родительница, внизу — сын.

Дану лежит, как корова со своим теленком...»

Таким образом, лишь довольно смутно в воображениях своих человек может предположить, что Дану — родительница, мать Вритры, живущего на горе посреди космических вод и олицетворяющего силы хаоса, могла означать «реку». Однозначно утверждая, что в приведенном упоминании *Дану* невозможно видеть «ре-

ку», можем твердо сказать, что ни сами скифы, ни греческие авторы ни одну реку Скифии этим термином не называют. Более того, если скифо-сармато-аланы были ираноязычными племенами, почему-то не назвали этим названием ни одну более или менее крупную речную артерию Северного Кавказа, куда пришлась основная часть миграции «ираноязычных» племен. Достаточно назвать Кубань, Зеленчук, Малку, Баксан, Чегем, Черек и даже сам Терек — колыбельная для осетин река, все эти реки носят безукоризненные тюркские названия. Если к этому добавить явно тюркские названия всех «пятитысячников», большинства ледников и глетчеров Центрального Кавказа: Минги-тау, Катын-тау, Дых-тау, Азау, Ит-кол, Терс-кол, Чегет, Домбай и даже такие, как Казбек, Дарьял и мн. др., то отмеченный выше фактор приобретает очень серьезное этноисторическое звучание.

Разбирая термин *Тир*, следует остановиться на том, что в шумерском языке *Ти* обозначало «жизнь», что сохранилось в казахском как понятия: «отведать», «выгода», «польза»³²¹. Термин *Тил* во многих тюркских и шумерском языке означало «язык», что довольно близко по смыслу понятию «жизнь». Закономерность перехода звуков Р/Л в тюркских языках устанавливает закономерность перехода терминов *Тил/Тир*. В тюркских языках, в т. ч. карачаево-балкарском, этот термин образует большое гнездо лексем:

тириш — «пытаться жить», «двигаться» и т. п.;

тирил — «оживиться», «жить»;

тир — «жить», «живой» (ДТС. С. 561);

тирлик — «жизненный», «урожай» и т. п.;

тер — «живой», «жизненный»;

тер иш — «дух живого»;

тер жылыуу — «жизненное тепло»;

тер кызыуу — «жизненный огонь»;

тер су — «жизненная влага», «влага живого существа»;

терле — «потеть», «покрываться живой влагой»;

тирил — «жаждать жить»;

терк — «река, быстро»;

терк су — «живая вода», «текущая вода»;

тарк — «течь».

Приведенное ограниченное количество примеров позволяет заключить, что термин *тир/тер* восходит к древнейшей основе *ти/те* — «жизнь», «жизненная сила»,

«движение», «плоть» и т. п. В применении к гидронимам он означает движущуюся воду, т. е. реку, являющуюся основой жизнедеятельности древних племен. Прямым закреплением этого термина в таком значении являются карачаево-балкарский, чувашский, башкирский термины *Терк* и *Тил*, означающие понятие «река». Эти слова закреплены в названиях таких крупных рек, как Волга (или И-тил), Терк (Терек). Данный гидроним закреплен и в названиях европейских рек: «Ис-тир», «Тир-ас», «Днес-тир» и т. п.

Теперь обратимся к этимологиям среднеазиатских рек скифского времени:

142. *Окс*, или *Оксус*, — название реки Амударья. Подобное название становится совершенно ясным, если мы вспомним, что река Амударья в своих истоках называлась *Ак-су*, т. е. «Белая река». Вот как писал об этом один из самых видных исследователей Памира и Средней Азии: «...река Аксу, которая в среднем течении носит название Мургаб и, спускаясь с гор, дает начало самой многоводной реке Средней Азии — Аму-Дарье»³²². Не может быть сомнения в том, что термин *Аксу* у греков легко мог перейти в *Оксу*, кстати, переход общетюркского звука А в узбекском в О хорошо известен, например: Ташкент / Тошкент, Эльдар / Эльдор, Уста / Усто и т. д.

Таким образом, тюркское *Ак-су* в греческом и античном мире было название «Оксу».

143. В азиатских источниках река Амударья называлась *Джейхун*. Это название происходит от общетюркского слова *Джай* — «рассыпай», «разливай». Термин *Джаикъ* — название реки Урала совершенно идентично названию *Джейхун*, тождественному термину *Джай-гъын*, т. е. «разливающийся». Известно, что название реки *Джаикъ / Яик / Урал* идентично названию *Джейхун*, в своем среднем течении она разливается до 10 км, а в низовьях до 50 км. Вот почему подобные названия соответствуют действительности названных рек.

144. *Як-Сарт* — древнее название реки Сырдарья. Данный гидроним состоит из тюркского слова *Як*, *Яг* — «сторона», «край», и тюркского этнонима *Сарт*. Отсюда название реки означает «Сторона, или земля сартов». Сюда же можно добавить, что в данном гидрониме ви-

дится и другой тюркский этноним *Сирь* / *Сырь* (см. этноним *Сирак*).

Плиний *Сартами* называет одно из скифских племен³²³, Н. А. Аристов писал, что слово *Сарт* в тюркских языках ассоциируется с понятием «оседлое население»³²⁴, вероятно, что он при этом ссылался на слова Арриана, который писал, что на реке Сыр размещены оседлые племена.

Очень важно подчеркнуть, что термином *сарт* именуют себя многие группы каракалпаков, туркмен, узбеков³²⁵. Термин «дарья» в этом гидрониме можно связать с авестийским *дарья* — «река», или же с тюркским *дере* — «ущелье». Поскольку реки чаще всего именуются при их истоках, то Сырдарья может означать и «Ущелье Сартов» или «Ущелье Сыров». В этой связи уместно привести и карачаево-балкарские термины *Тар* / *Тары* — «ущелье», и *Тийре* — «округа», а в таком случае термин «Сырдарья» мог означать «Округа сартов». Практика именовать реки именем народа, живущего на ее берегах, имеет глубокую историческую традицию, особенно у тюркских племен (достаточно вспомнить «Армянскую географию», где древние болгарские племена именовались по названиям рек). То же самое относилось и к наименованию Каспийского, а позднее Хазарского моря. Так, например, Помпоний Мела именуется азиатскую часть Каспийского моря, а точнее Аральское море, — Скифским заливом и пишет, что в этот залив впадают реки Окс и Яксарт, которую скифы называли Силисом³²⁶.

145. *Силис* — скифское название реки Сырдарья. (Плиний, кн. VI, 49—50). Мы уже не раз отмечали широкое бытование в тюркских языках перехода Р / З. С учетом этой закономерности, в данном гидрониме легко просматривается древнетюркский этноним *Сирь*, звучащий в приведенном термине как *Силис*. Мы также отмечали существование тюрков / сиров, зафиксированных и в Орхоно-енисейских надписях VIII в. (см. термин *Сирак*). Из сказанного получается, что в названном гидрониме отмечен тюркский этноним *Сирь*. Возможно, что в «варварском» звучании к этому этнониму был добавлен и термин *Су* — «вода», «река». В этом случае мы имеем термин «Река сиров» (сирису).

146. *Сиргиз* — название реки в земле массагетов (Геродот, IV, 23, 57). В этом термине легко читаются два тюркских слова: этноним *Сир*, и *кизи* — «человек». Сле-

довательно, названный гидроним означает место обитания племен сиров, т. е. *Сиркизи* — букв.: «Сир-человек»).

147. *Иллир* — название страны и области в Скифии. По мнению П. К. Услара, это название происходит от имени племени, язык которого не имеет ничего общего с языками арийскими³²⁷. Интересующий нас термин *Иллир* происходит от общетюркского термина *Ил/Эл* — «народ», «селение», «страна», «союз племен» и т. п.³²⁸ К этому термину добавлен аффикс множественности, существующий во многих тюркских языках — *ер*. Таким образом, приведенный топоним означает «Племена», «Селения», «Области», «Объединения племен» и т. п.

Такое толкование данного топонима с тюркского языка станет более очевидным и понятным, если мы вспомним слова Геродота, гласящие, что за Истром начинается исконная Скифия. А Помпоний Мела в сороковых годах I в. писал, что «та река, которая отделяет скифские народы от следующих, берет начало в Германии и в верхнем течении носит иное название, нежели в нижнем; на огромном протяжении среди многочисленных племен она долго называется Данувием, затем становится Истром — как называют его иначе прибрежные жители — и, приняв в себя несколько притоков, делается огромной рекой»³²⁹. А вот что писал по этому поводу Плиний: «Истр берет начало в Германии с горного хребта Абковского, против галльского города Раврина, затем течет на протяжении многих тысяч шагов по ту сторону Альп и через бесчисленное множество народов под именем Данувия; после очень большого пополнения его вод, с того места, где начинает омыwać Иллирию, он получает название Истр; он принимает в себя 60 рек, из которых почти половина судоходна, и изливается в Понт 6-ю широкими устьями»³³⁰. Таким образом, Данувием (Дунаем.— *И. М.*) и сходными с ним терминами во времена скифов, Геродота, Плиния назывались европейские реки только в верхних течениях, а в нижнем Данувий назывался Истром. Здесь очень к месту слова Плиния, что Данувий, вступая в пределы Иллирии, начинает называться Истром. Слова Плиния уточняют сведения Геродота: «Прошедши через всю Европу, Истр вступает наконец в пределы Скифии» (кн. IV, 49). Следовательно, Иллирия Плиния и Помпония Мелы — это Скифия Геродота, а отсюда, огромное значение приобре-

тают приводившиеся выше слова Услара, что язык иллирийцев — не арийский.

Из всего изложенного материала вытекает одно важное заключение: В. И. Абаев не имел никакого научного обоснования считать скифо-осетинскими лексическими схождениями массу слов «не оставивших в осетинском языке даже следа». Напомним еще раз некоторые из них:

<i>Анареи</i>	— «женоподобные»	<i>Ад</i>	— «есть», «кушать»
<i>Алан</i>	— имя племени	<i>Адари</i>	— «внизу»
<i>Ама</i>	— «сильный», «могучий»	<i>Амеуст</i>	— «возвеличивай»
<i>Ап</i>	— «вода»	<i>Арса</i>	— «самец»
<i>Арвант</i>	— «быстрый», «сильный»	<i>Аруа</i>	— «ариец»
<i>Аз</i>	— «гнать», «править»	<i>Ас, исс</i>	— «асы»
<i>Аруана</i>	— «арийский»	<i>Бага</i>	— «бог»
<i>Бахс</i>	— «наделять»	<i>Бахта</i>	— «удел», «счастье»
<i>Чагар</i>	— «раб»	<i>Да</i>	— «установить»
<i>Дарга</i>	— «длинный», «долгий»	<i>Фри</i>	— «любить»
<i>Фриман</i>	— «друг»	<i>Бару</i>	— «тяжелый»
<i>Гасти</i>	— «гость»	<i>Хамара</i>	— «враг»
<i>Хапта</i>	— «семь»	<i>Маиша</i>	— «овца»
<i>Маза</i>	— «большой», «великий»	<i>Пауса</i>	— «вид», «облик»
<i>Паралат</i>	— имя племени	<i>Пари</i>	— «через», «за»
<i>Пати</i>	— «господин»	<i>Пау</i>	— «пить»
<i>Рап</i>	— «служить опорой»	<i>Расма</i>	— «боевая колонна»
<i>Раука</i>	— «светлый», «свет»	<i>Сано</i>	— «вино»
<i>Спанта</i>	— «священный», «святой»	<i>Спарга</i>	— «отпрыск», «побег»
<i>Тава</i>	— «сила», «мощь»	<i>Тура</i>	— «быстрый», «сильный»
<i>Упари</i>	— «сверху», «над», «сверх»	<i>Фаху</i>	— «хороший», «добрый»

<i>Ван</i>	— «побеждать»	<i>Варка</i>	— «волк»
<i>Занту</i>	— «племя»	<i>Вира</i>	— «мужчина»
			и т. д.

Когда у В. И. Абаева речь идет об этих и многих других «скифских» терминах типа: *хшау* — «сиять», «блестеть»; *кана* — «рыба»; *хвара* — «есть», «кушать»; и др., отсутствие указаний на конкретные источники в его трудах значительно затрудняет понимание методики его анализа лексического наследия скифских племен. Создается впечатление, что он вначале подыскивал в Авесте, древнеиранском, древнеперсидском, древнеарийском и других индоевропейских языках схожие значения отдельных терминов, затем априори приписывает их скифам и вновь толкует их с позиций индоиранских и осетинского языка. В итоге смею заметить, что подобный подход прежде всего вызван поверхностным, некритическим отношением иранистов к своему главному источнику — к Авесте, как к чему-то созданному в космическом вакууме, в идеально стерильной ираноязычной среде. Подобное отношение к этому выдающемуся памятнику мировой культуры порождает ложное представление о том, что в Авесте начисто исключены заимствования из синхронно существовавших, соседствовавших языков. Такая оценка памятника мировой культуры не может соответствовать истине, так как подобные памятники всегда создаются путем интеграции мировых культурных течений.

И в действительности, Авеста — памятник далеко не однородный, не изолированно от мировой культуры созданный шедевр. Это — собрание зороастрических религиозных текстов, куда наряду с религиозными терминами входили легенды, предания, наука, право и пр. «И эти тексты, аналогично Библии, представляли собой не монолитный памятник, а результат наслоения преданий и требований различных веков и различных условий, и надо полагать, различных территорий Иранского нагорья»³³¹. Такое заключение специалистов прежде всего очень важно с лингвистической точки зрения. Исследователи Авесты и его языка единодушны в том, что «даже до предполагаемой канонизации учениками Заратуштры (не ранее 1324 г.— И. М.)³³² эти тексты в результате длительной традиционной передачи уже тогда могли представлять не чистый образец живого языка»,

передаваясь из одной диалектной среды в другую и из одного века в другой, естественно, подвергаясь изменениям, особенно тексты, так сказать, «вторичной или второочередной святости»³³³, т. е. именно той лексики, которую чаще всего и прежде всего используют иранисты, когда говорят о скифо-сарматских терминах. Изучение языка Авесты привело С. Н. Соколова к следующему выводу: «Известно, какие изменения претерпевает любой памятник, подвергаясь переписке в течение тысячелетия. Уже отмечалось мнение Хоффмана о влиянии послесасанидского произношения на текст Авесты. Надо учитывать еще и то, что авестийская традиция продолжалась не только в различных областях Ирана, но и вне Ирана, куда, как известно, переместился центр зороастризма в результате миграции иранских и индийских общин. Надо прибавить и то, что с упадком зороастризма падала постепенно и квалификация переписчиков и владение их языком. Таким образом, установление подлинного текста Авесты — дело сложное и далеко не законченное»³³⁴. Конечно, в этой ситуации, когда самый древний сохранившийся и дошедший до нас текст датируется 1324 г., считать, что язык Авесты — это чистейший продукт древнего иранского языка, по меньшей мере кажется фикцией, учитывая всеобщую миграцию, интеграцию, смешение народов того периода великих потрясений XIV в. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к некоторым историческим вехам:

В «Илиаде» (XIII, 1—9), дата создания которой теперь датируется временем от середины VIII в. до 700 г. до н. э., Гомер повествует о том, как Зевс отвратил от Трои свои «светозарные очи, вдаль, созерцающий землю фракийян, наездников конных, мизян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гиппомолгов, бедных, питающихся только млеком, справедливейших смертных». В «Одиссее», созданной на полвека позднее, великий поэт говорит, как корабли странствующего героя... «скоро пришли к глубоководным водам Океана; Там киммериян печальная область, покрытая вечно влажным туманом и мглой облаков...». Еще в древности тщательно изучаемые строки Гомера и позднейшие исследования ученых — историков, языковедов, географов — приводят к убедительным выводам, согласующимся со всей древнегреческой и латинской традицией о том, что Гомер и его ближайшие последователи впервые узнали о ким-

мерийцах и скифах, живущих в VIII—VII вв. до н. э. в Малой Азии, у границ древней Манны и Ассирии. В этих же районах их упоминают и восточные авторы³³⁵. По свидетельству Апполодора и Эратосфена, Гомер еще не имел представления о Северном Причерноморье, о Колхиде, Фазисе и Истре³³⁶. Не знает народов Северного Причерноморья и Библия, в «Таблицу народов» включены только народы Малой Азии³³⁷. Географические рамки «Таблицы народов» охватывают лишь известные во время создания Библии племена и не выходят за пределы Малой и Передней Азии. Черное море еще не было известно библейским авторам, а тем более пространства севернее от него³³⁸. Ведущий специалист по древним языкам Передней Азии И. М. Дьяконов также уверен, что греки впервые узнали скифов в Малой Азии³³⁹.

Млекоеды и доители кобылиц Гомера названы Гесиодом скифами³⁴⁰, «имеющими дома на повозках». Эти характеристики Гомера и Гесиода получают дальнейшую конкретизацию у Эсхила, который пишет: «...что из кумыса сыр едят, то скифы справедливые»³⁴¹. Такая фраза буквально повторяет гомеровское «питающиеся только млеком, справедливейшие из смертных».

Таким образом, «доители кобылиц», «живущие в повозках», «пьющие кумыс и млекоеды» Гомера, Гесиода, Эсхила — это киммерийцы и скифы, обитавшие в VIII—VII вв. до н. э. в Малой Азии. Теперь уместен вполне закономерный вопрос: если мы хорошо знаем, что греки всегда называли неизвестные им племена «варваров» каким-то им свойственным элементом быта, одежды, внешнего вида и пр., то кто такие могли быть народы с только что отмеченными особенностями? Думаю, что это один из тех редких случаев, когда ответ должен быть только однозначным, потому что ни доение кобылиц, ни употребление кумыса и конины, ни изготовление войлока для покрытия своих жилищ ни в древности, ни в средние века, ни в новое время не были традиционной спецификой культуры ни одного из индоевропейских или индоиранских народов, несмотря ни на какие хозяйственные уклады и образ жизни. Если верно подметили древнегреческие писатели и ученые характерные особенности малоизвестных им племен, то это были представители тюрко-монгольской расы, для традиционной культуры которых эти особенности культуры извечно были этнографической спецификой.

Очень важные сведения о киммерийцах и скифах, в пределах Южного Кавказа на стыках Урарту, Мидии и Ассирии, дает Библия, на которую давно обращено внимание скифологов. В книге «Пророка Иеремия», который более других библейских авторов склонен к историзму, скифы характеризуются как народ, пришедший с севера. В ней сказано: «Вот я приведу на вас — дом Израилев, народ издалека, говорит господь, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его как открытый гроб, все они люди храбрые...» Исследователи справедливо видят в этой угрозе облик скифов. Совершенно определенно, как отмечалось нами выше, о скифах и киммерийцах сказано в библейской «Таблице народов», созданной в VIII в. до н. э.³⁴² В ней говорится, что внук Ноя — Гомер (сын Иафета) имел семь сыновей, в числе которых названы Ашкуз (Ашкеназ — эпоним скифов), Рифат и Тагарма (Книга бытия, гл. 10, 2—3). Следовательно, как мы отмечали выше, Ашкуз, Рифат и Тагарма — сыновья Гомера — предка киммерийцев. Конкретные географические координаты страны Гамира дают шпионы ассирийского царя Саргона II (722—705 гг. до н. э.). В письме агента Ашшуррисуа сообщается: «Страна Гуриания и страна Нагиу находятся между страной Урарту и страной Гамира. Последняя платит дань народу Урарту. Когда народ Урарту двинулся против страны Гамира и когда было нанесено поражение народу Урарту...» (далее текст испорчен). Но ясно, что Урарту вело войну с соседней страной киммерийцев. Об опустошительных набегах скифо-кочевнических объединений на Урарту красноречиво говорят выдающиеся результаты раскопок Б. Б. Пиотровского³⁴³. В 70-х гг. VII в. до н. э. скифы вели ожесточенные войны с Ассирией. Ассархадону с трудом удалось заключить сепаратный мир со скифами, отдав за Партатуа свою дочь. Только великими дарами удалось фараону Псаметику I (663—616 гг. до н. э.) отвратить поход скифов на Египет и их дальнейшее продвижение. При столь частых и массовых нашествиях скифы, безусловно, оседали среди мидян и других народов Передней Азии³⁴⁴. Хотя Геродот описывает 28-летнее господство скифов в Передней Азии, действительное господство их могло быть значительно длительнее. Последствия всего этого и оседание части скифов на завоеванных землях не мог-

ли не отразиться на этнокультурных и языковых скрещенных. Безусловно, эти влияния были двусторонними — язык кочевников: «доителей кобылиц», «пьющих кумыс», «живущих в повозках» испытывал серьезные воздействия со стороны мидийского языка. Недаром же Юстин говорил о языке парфян, как смешанном — среднем между скифским и мидийским. Подобными влияниями мы склонны объяснять целый ряд иранских слов, которые, хотя и имеются в Авесте, но не известны осетинам, таджикам, курдам и другим ираноязычным народам, которые, по словам Абаева, должны были относиться к североиранским племенам и народам. Как пример можно привести такие слова: Фахму, Хунер, Сур, Тири, Сир, Аз (Ыз), Ши (Юшю), Эм / Ам, Базук, Гару, Маза и др., широко бытующие у караимов, татар, башкир, балкарцев, карачаевцев, ногайцев, кумыков, азербайджанцев в тех же значениях, что и у скифов, но отсутствуют в словарном фонде перечисленных иранцев. Ко всему сказанному стоит добавить, что даже такой термин, как *арья* в форме *арюю*, сохранился и широко бытует в значении «светлый», «чистый», «красивый» только у тюркских народов. Но из этих фактов вовсе не выходит, что только турки могли быть арийцами, и что только иранцами могли быть скифы. Справедливее всего и более научно обосновано мнение, что наблюдаемые ирано-тюркские лексические схождения уходят в глубь историко-культурных контактов скифов-доителей кобылиц с ираноязычными земледельческими племенами Передней Азии.

Из всего вышеизложенного комплекса материала вытекает следующий принципиальный ряд фактов:

1. По своим религиозным представлениям скифы никогда не были причастны к зороастризму. Они хоронили своих умерших под курганами, в сопровождении массы жертвенных лошадей, перед покойником ставили жертвенную пищу: конину, кумыс, самого его бальзамировали, хоронили в деревянных колодах и саркофагах на погребальной повозке.

2. Персидские военачальники и Дарий даже не знали скифского метода ведения войны, которые, нарочито отступая, заманивали персов в глубь своих степей.

3. Не ведали персы и величайшей святости у скифов могил своих предков, осквернение которых скифы не могли простить никому.

4. Персы даже не могли понять скифского развлечения — погони за зайцем на глазах у грозного войска Дария.

5. Очень характерно, что приближенные Дария не смогли сами отгадать значение таинственных скифских даров, предупреждающих персов: мышь, птицу, лягушку и пять стрел (Геродот, IV, 73).

6. В религиозных и мифологических представлениях иранских народов и племен нет божеств, олицетворенных в женских образах, как Табити, Апи и др.

7. Персы не воздвигают на могилах статуй или жертвенников (Страбон, XV, 111, 13).

8. Персы не предают земле тела своих умерших (Страбон, XV, 111, 20).

Мы убеждены в том, что такие серьезные различия в языке, культуре, быту и хозяйственном укладе вряд ли можно так легко списать за счет того, что будто бы скифы были североиранцами, так серьезно отличавшимися от южных. Трудно верить в это, потому что нет исторических аналогов, когда бы при таких коренных расхождениях и в языке, и в культуре можно было бы считать эти народы едиными. Например, несравненно широко расселившиеся по миру тюркские племена от Якутии до Анатолии, от Орхона до Дуная имеют, несмотря даже на полную языковую ассимиляцию на Дунае, значительно растворившиеся в угорской среде на Волге, смешавшиеся с малоазийцами в Анатолии, в гуще кавказских народов на Центральном Кавказе — все они имеют общие божества — Тенгри, Умай, покровителей Воды, Земли и т. п., легко понимают языки и почти все этнокультурные обычаи, обряды, поверья друг друга.

Общеизвестно, что тюрко-иранские контакты становятся еще более активными и динамичными в эпоху гуннов. Сасанидский Иран вынужден был отгородиться от кавказских гуннов Дербентской стеной³⁴⁵. Многочисленные свидетельства армянских, грузинских и античных источников о сокрушительных погромах гуннов, о частых походах их в страны Передней Азии нашли отражение во множестве исторических трудов К. В. Тревер, М. И. Артамонова, Л. Н. Гумилева, Ф. Мамедовой, А. В. Гадло, Ю. Р. Джафарова и др.³⁴⁶ Наличие огромного археологического наследия кавказских гуннов в Мингечаурской долине Азербайджана свидетельствует о

довольно долгим оседанием обитавших на Кавказе гуннов³⁴⁷.

Хотя отдельные авторы пытаются объявить эти памятники наследием ираноязычных племен I—II вв. н. э., нам уже приходилось подробно рассматривать вопрос о том, что эти памятники ничего общего не имеют с иранскими племенами³⁴⁸. В контексте отношения тюркских племен к Авесте важно иметь в виду, что у гуннов уже в I в. была своя письменность, о чем свидетельствуют новейшие археологические исследования в Монголии³⁴⁹, а по словам Захария Ритора и других восточных авторов, в VI в. письменность существовала и у кавказских гуннов, на которую даже была переведена Библия³⁵⁰. Таким образом, следует учитывать, что постоянно вторгавшиеся в Переднюю Азию, достигавшие пределов Месопотамии, Сирии и Египта гунны первых веков н. э. имели довольно развитую письменную культуру. То же самое надо сказать о тюрках Орхона и Енисея и восточных гуннах, оставивших великолепное алфавитное руническое письмо. Следовательно, постоянные политические и культурно-экономические партнеры иранских племен — гунны Кавказа и Средней Азии, имевшие письменную культуру, — никак не могли стоять в стороне от достижений передовых стран Востока, и прежде всего Ирана. Но если говорить о дошедших до нас канонизированных письменных памятниках древности, в т. ч. и Авесты, то они явно проигрывают на все 13 столетий по сравнению с письменными памятниками гуннов I в. и на семь столетий моложе Орхоно-енисейских памятников VIII в.

Если к изложенному добавить оживленнейшие этнокультурные перетасовки эпохи хазар, огузов, сельджуков, то говорить об Авесте, как о созданном в идеально-стерильной этнокультурной среде и девственно безвинном памятнике «космического» происхождения, из которого все народы только черпали, а иранцы буквально ничего не переняли у своих извечных соседей — тюркских народов, по крайней мере очень опрометчиво. Опрометчиво потому, что значение Хорезма, как центра науки и культуры, наиболее ярко проявилось в конце X — начале XI в., когда здесь творили великие ученые Востока Аль-Бируни, Ибн-Сина, Фирдоуси и др. Но самой блестящей династией востоковеды считают династию Хорезмшахов Ануштегинидов (1097—1231 гг.),

детально изученную недавно акад. З. М. Бунятовым³⁵¹. Именно в этот период Хорезм остается выдающимся центром и религиозной культуры, где, возможно, и создавалась дошедшая до нас редакция Авесты 1278 г. Основателем этой династии был Ануш-Тегин, происходивший из огузского рода Бекдили, что подтверждено Рашид ад-Дином и Хафиз-и Абру³⁵². При правлении Ануш-Тегина и его преемников — Атсызе, Санджаре и др. — особенно усилилось влияние кара-китаев, огузов, кипчаков на политическую и культурно-экономическую жизнь Хорезмского государства. При Санджаре огузы свободно расселялись и кочевали по землям Хорасана, а Атсыз очень искусно вел политику с кара-китаями, огузами и кипчаками. Еще более широкие права в государстве Хорезмшахов того времени получают различные тюркские племена при Хорезмшахе Текише, который успешно использовал в своей стране кипчаков во главе с Кыраном. В одном из своих писем Хорезмшах Текиш (1193—1200 гг.) упоминает страну «Гур» — землю тюркского племени, где обитало «бесчисленное множество кипчаков во главе с вождем тюркского племени «Уран» Алп-Қара и его старшим сыном Кыраном, стоявшим во главе отрядов детей беков племени «Угур»³⁵³. Эти племена свободно расселялись и кочевали по стране хорезмийцев, и, конечно же, язык этих племен был хорошо известен и, безусловно, был распространен при династии тюркских хорезмшахов периода канонизации Авесты.

По заключениям специалистов, в процессе различных историко-этнических перетасовок и перемещений, миграций племен и т. д. в древности и в средние века, «происходил естественный отбор в связи с изменениями языка и графики Авесты»³⁵⁴.

Все сказанное выше не дает никакого права отдельным авторам утверждать, что любой термин, встречающийся в Авесте, непременно иранский. Надо в каждом конкретном случае проверять, насколько этот термин иранский, в каких иранских языках бытует, что означает он в иранских языках и есть ли ему альтернатива в других языках, и в частности в тюркских, извечно тесно связанных с иранскими? Подобным утверждениям, между прочим, противоречит и сама Авеста. Известно, что Ахура Мазда создал 16 индоиранских стран, или областей, в числе которых нет и упоминания о стране Тур, Туран. Но в текстах ее очень много описаний кровопро-

литных войн именно с туранцами. Ни с одним из известных Авесте народов или стран так усиленно и постоянно не воюют иранцы, как с туранцами и Тураном. При этом они именуются не иначе, как самые злые, самые коварные враги потомков Ахура Мазды. Ни к одному из известных Авесте народов так неизменно не приписываются эпитеты: «Служители Дэвов» (авестийские божества зла), «злодей туранец», «наделенные злой сущью», «обитатели восьми адских пещер» и пр., как только к туранцам³⁵⁵.

Исследователи уже обратили внимание на то, что у авторов, пытающихся отождествить Туран и «ираноязычную» Скифию, нет никаких оснований. В связи с этим Г. А. Гейбуллаев приводит весьма существенное замечание такого авторитетного источника, как «Армянская география», где сказано: «Скифия, т. е. Анахтарк, то же самое что и Турки»³⁵⁶.

Сторонники ираноязычности скифов и туранцев исходят лишь из того, что в пехлевийских источниках и Шах-Наме имеется сведение о том, как Фаридун по библейской формуле разделил мир между своими сыновьями. Старшему, Сельму, он отдал «Земли Рума и Запад», среднему, Туру,— Китай и Туран, младшему, Ираджу,— Иран. Если на основании этих показаний делать вывод, что туранцы ираноязычны, то возникает необходимость признать ираноязычность и греков, и китайцев, которые также происходят от сыновей Фаридуна. Кроме того, подобный подход к определению языка народов ставит нас перед необходимостью признать все народы Кавказа — хазар, асов и др.—единоязычными племенами, так как древнегрузинские хроники происхождения их связывают с неким легендарным праотцом Кавкасом.

Авторы, пытающиеся на основании Авесты отождествить скифов и ариев, не обращают внимания на следующие несоответствия текстов источника и их утверждений: Ахура Мазда дал Йиме, предку Заратуштры, два священных небесных предмета — «золотую стрелу и золотом украшенную плеть». А у скифов, как мы знаем, такими предметами были плуг, секира, чаша. У скифов божеством войны был тот самый небесный меч, или секира, а у ариев таким божеством был созданный Ахура Маздой Вертрагна в образе вепря. Трудно полагать, чтобы скифы обожествляли вепря, если не имели даже домашних свиней. Вспомним слова Геродота (Кн. IV, 63):

«Свиньями же они вовсе не пользовались и даже не желают разводиться их».

И, наконец, давно пора обратиться к авестийским именам туранских (тюркских) вождей, витязей и прочих бойцов. Поскольку эти имена повторяются в Авесте и Шах-Наме, дадим их параллельно с их тюркскими значениями:

Авеста	Шах-Наме	Тюркские
148. Асанбан	—	<i>Асан</i> — «трон», «сидение» <i>Асанбан</i> — «тронный» (ДТС. С. 59).
149. Вара	Барман	<i>Бар</i> — «наличный», «присутствующий» (ДТС. С. 83)
150. Вэсак	Биса	<i>Баса</i> — «следовать» <i>Басиг</i> — «следующий за ним» (ДТС. С. 85)
151. Пешана	Пашанг	<i>Пачанг</i> — «печенег» ³⁵⁷
152. Дурэкэтай	—	<i>Даругъа + тай</i> — «управитель» (ДТС. С. 159)
153. Хумайак	Хуман	<i>Кюмак</i> — «охрана», «присмотр», «хранение» (ДТС. С. 326)
154. Кара	—	<i>Кара</i> — «черный». Мощный, Истинный, великий, настоящий, множество личных имен ³⁵⁸ .
155. Франграсйан	Афрасиаб	<i>Фирагъа</i> — «очень большое число», «множество» (ДТС. С. 634) <i>Сан</i> — число. Отсюда: <i>Фирагасан</i> — «огромное число, множество»
156. —	Алькус	<i>Алгъа</i> — этноним одного из огузских племен (ДТС. С. 37) <i>Кус / Гуз</i> — «род», «племя»
157. —	Агрират	<i>Агрит</i> — «причинять боль». <i>Агрират</i> — «причиняющий боль» (ДТС. С. 22).

158. — Пиран *Пир* — «старец», «старый», «древний», «почитаемый» (АзРС. С. 286)
159. — Хазарван *Хазар* — этноним тюркского народа
160. — Шамашас *Шамаш* — съедобное растение, множество личных имен (ДТС. С. 520)
161. — Кулбад *Къол* — «рука», *Бат* — «скоро», «тотчас» (ДТС. С. 88—89). Отсюда: «Быстрорукий», «Расторопный»

В связи с тем, что первая редакция рукописи Шах-Наме датируется 992 г., а конечная 1010 г., следовательно, на 3—4 столетия она старше, чем дошедшая до нас редакция Авесты, то принципиально важное значение имеют следующие слова великого Фирдоуси:

«И рухнул царь, лицом коснулся праха
Стеной туранцы окружили шаха...

Царь Афрасиаб покинул степь Мугана,
Увел войска свои в пределы Дамгана.
Ропща, горюя, в ранах и в пыли —
Джейхун широкий тюрки перешли.

Встал Афрасиаб. Как тучи, рати сбил он
О пище, сне и отдыхе забыл он.
В Иран туранцы хлынули волной,
Был мир нарушен смутой и войной...

Тази разгром от тюрков потерпели,
Все потеряли, чем вчера владели».

Подводя итог всему изложенному о «стерильном» ираноязычии всех авестийских терминов и слов, а также о распространенном мнении об «ираноязычии» Турана и туранцев, мы склонны предостеречь некоторых уче-

ных от опрометчивых утверждений на этот счет в каждом конкретном случае и одновременно указать на беспочвенность вступления в спор с Фирдоуси по вопросам ирано-арийской традиции в восточной литературе и этнокультурной характеристики народов Хорезмийского государства и его ближайших соседей.

* * *

Изложенные в данном разделе факты дают нам полное право рассматривать скифо-сарматскую эпоху как второй и очень важный этап формирования этногенетической основы тюркских народов, в т. ч. балкаро-карачаевского народа. Уверенность в этом придает сохранение в традиционной культуре названных народов специфических особенностей языка и этнокультурных черт скифов. Наравне с массой скифо-тюркских лексических сходжений огромное значение приобретают этнографические особенности, сохранившиеся в традиционной культуре балкарцев, карачаевцев и многих других тюркских народов: конина, кумыс, квашеное молоко — айран, оригинальный способ варки мяса, гадание на прутьях, игра в альчики, гадание на бараньей лопатке, традиционное извечное изготовление войлока и войлочных изделий и мн. др.

Особенно эту черту подтверждают балкаро-карачаевские астрономические соответствия названий упавших с неба скифских священных предметов. Как и скифская чаша, большим почетом пользуется карачаево-балкарская чаша — гоппан, предназначенная для торжественных и ритуальных церемоний.

В завершение уникальных скифо-балкаро-карачаевских и скифо-общетюркских этнокультурных параллелей, хочется остановить внимание читателя на некоторых принципиально важных итогах своего исследования:

1. Многие греческие и античные писатели отмечали наличие в среде скифских племен тюркских групп.
2. Этнокультурные особенности культуры скифских племен до наших дней являются специфической особенностью традиционной культуры тюркских народов.
3. В языке скифских племен, включая ономастику, топогидронимику, этнонимы и пр., обнаруживается масса тюркских слов.

4. Древнейший тюркский этноним *Ас-киши* является этническим именем скифов — «Ашкузы».

5. Этноним *Ас*, лежащий в основе этнонима *Ас-киши*, существует в эпоху средневековья в среде древних болгар, аланов, сохранился до наших дней как название балкарцев в устах ираноязычных осетин.

6. По сведениям ал-Хварезми, «Армянской географии», страна Скифов — это страна турков, тогузогузов и т. д.

Скифо-сарматское наследие в этногенетическом процессе тюркских народов находит свое отражение и в последующие эпохи. Вполне понятно, что однажды влившееся в этот процесс племя и его культура бесследно не исчезают, а трансформируются и участвуют в дальнейшем формировании того или иного этноса. Однако, то или иное племя, вклинившееся в этногенез, не может на протяжении многих веков и событий неизменно выступать в письменных источниках под одним и тем же именем. В определенные периоды, в зависимости от определенных событий, на арену истории выходит то или иное подразделение одних и тех же племенных объединений, играющих более или менее существенную роль в тех или иных исторических событиях. В эпоху VII—IV вв. до н. э. это были различные скифские племена, в разной степени участвовавшие в различных областях и в различных событиях. Затем их сменили сарматы, среди которых в разных условиях и регионах ведущую роль играли то сираки, то аорсы, то язаматы и т. д. Среди последующих гуннов в разной степени выступали то кутургуры, то утигуры, то гунны-эфталиты, то гунны-кидариты и т. д. В болгаро-аланское время в различных ситуациях на арену выходили то асы, то дахсасы, то болгары, то барсилы, то хазары и т. д. Но надо учитывать то обстоятельство, что в науке нет никаких оснований считать все эти племена разноязычными. Мы скорее всего склонны считать, что почти все эти племена были разночтениями имен отдельных подразделений одних и тех же племенных объединений. В данном конкретном случае мы не можем пройти мимо того факта, что все эти названия насквозь пронизывает древнейший этноним — асы, носители которого находились в среде скифов, болгар, аланов и доживают до наших дней в лице осетинского этнонима балкарцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3. С. 296; Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе // ССКГ. Тифлис, 1881. Вып. 10. С. 550.
- ² Латышев В. В. Указ. раб. // ВДИ. 1947. № 1. С. 310.
- ³ Латышев В. В. Указ. раб. // ВДИ. 1947. № 2. С. 269.
- ⁴ Правда. 1986. 24 окт. № 297.
- ⁵ Путешествие в Восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 32.
- ⁶ Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. Ч. 1—2. С. 199.
- ⁷ Чистякова Е. В. Русский историк Л. И. Лызлов и его книга «Скифская история» // Вестник по истории мировой литературы. 1964. № 1. С. 117.
- ⁸ Лаппо-Данилевский А. С. Скифские древности // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археографического общества. СПб., 1887. Т. 4. С. 361.
- ⁹ Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986. С. 55.
- ¹⁰ Латышев В. В. Об истории и государственном устройстве города Ольвии. СПб., 1887. С. 19.
- ¹¹ Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982. С. 81—82.
- ¹² Мищенко Ф. Г. К вопросу о царских скифах // Киевская старина. Киев, 1884. Т. 9. С. 57.
- ¹³ Deutsche Altertumskunde, von Karl Müllenhof. Berlin, 1892. Т. 3. С. 15.
- ¹⁴ Мизиев И. М. Указ. раб. С. 47.
- ¹⁵ Lehrbuch der alter Geographie Leipzig, 1878. P. 315—344.
- ¹⁶ Колобова К. М. К вопросу о сарматском языке // Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933. С. 416.
- ¹⁷ Там же. С. 433.
- ¹⁸ Там же. С. 434.
- ¹⁹ Шафарик П. Славянские древности. 1848. Т. 1. Кн. 2. С. 22.
- ²⁰ Браун Ф. Разыскания в области гого-славянских отношений. СПб., 1898. Ч. 1. С. 71, 74.
- ²¹ Ученые записки императорской Академии наук по I и III отд. СПб., 1855. Т. 3. Вып. 5. С. 114—115.
- ²² Мищенко Ф. Г. Известия Геродота о внескифских землях России // ЖМНП. 1896. № 12. С. 128 сл.; Этнография России у Геродота // ЖМНП. 1896. № 5. С. 79.
- ²³ Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980. С. 62; Нейхардт А. А. Указ. раб. С. 4.
- ²⁴ Латышев В. В. Известия... СПб., 1904. Т. 2. Ч. 1. С. 63
- ²⁵ Ган К. Известия... С. 199.
- ²⁶ Симюката Ф. История / Под ред. Н. В. Пигулевской. М., 1957. С. 160—161.
- ²⁷ Калинина Т. М. Сведения ранних ученых арабского Халифата: Тексты, переводы, комментарии. М., 1988. С. 96—97.
- ²⁸ Дьяконов И. М. Пути и судьбы // Знание — сила, 1988. № 9.
- ²⁹ Латышев В. В. Известия... СПб., 1906. Т. 2. Ч. 2. С. 339.

³⁰ *Эйхвальд Э. Н.* О древнейших обиталищах племен (славянских, турецких и монгольских) в южной России по Геродоту // Библиотека для чтения. СПб., 1836. кн. 27. Отд. 3. С. 57, 60, 75, 78; *Ямпольский Э.* О тюрках V века до н. э. // Ученые записки Азерб. гос. университета. Серия языка и лит.-ры. Баку, 1970. № 5—6.

³¹ *Кречетов П. Н.* Письма о геродотовской Скифии // ЗООД 1889. Т. 15. С. 494; *Нейхардт А. А.* Указ. раб. С. 38—39.

³² *Куклина Н. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985. С. 64—65.

³³ *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 26, 68 сл.; *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // СА. 1953. № 18. С. 59; *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л., 1956. С. 228, 238.

³⁴ *Куклина Н. В.* Указ. раб. С. 192.

³⁵ *Нейхардт А. А.* Указ. раб. С. 68.

³⁶ *Мизиев И. М.* Указ. раб. С. 41—44.

³⁷ Повесть временных лет. М., 1950. Т. 2. С. 223.

³⁸ *Ковалевская В. Б.* Скифы, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мрозели // Вестник АН ГрССР, серия истории, археологии, этнографии и истории искусств. Тбилиси, 1975. № 3. С. 67, 70.

³⁹ *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5. С. 490, 587; М., 1973. Т. 8. С. 109; *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Отд. Этнографии императ. русск. географ. об-ва. СПб., 1896. Вып. 3—4, С. 279; *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965. С. 174; *Потапов Л. Н.* Очерки истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 5—6.

⁴⁰ *Аристов Н. А.* Указ. раб. С. 346; *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. С. 71—91; *Шатинова Н. И.* Семья у алтайцев. Горноалтайск, 1981. С. 149.

⁴¹ *Бартольд В. В.* Т. 5. С. 109, 293.

⁴² *Баскаков А. Н.* Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 72.

⁴³ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор... М.; Л., 1949. С. 213.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Никольский М. В.* Клинописные надписи Закавказья // Материалы по археологии Кавказа. М., 1896. Вып. 5. С. 431—432 (Далее: МАК.); *Караимско-русско-польский словарь.* М., 1974. С. 165; *Ростовцев М.* Античная декоративная живопись на юге России СПб., 1914. С. 519; *Блаватский В. Д.* Дорийская фаланга и ее происхождение // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 226—227.

⁴⁶ *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 255. 335.

⁴⁷ *Городцов В. А.* Бытовая археология. М., 1910. С. 344; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1962. С. 55. 114.

⁴⁸ *Крупнов Е. И.* Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. 1958. № 68. С. 194.

⁴⁹ *Нейхардт А. А.* Указ. раб. С. 73 (примеч. 13).

⁵⁰ *Крупнов Е. И.* Древняя история... С. 113.

⁵¹ Там же. С. 114.

⁵² Там же. С. 116.

- ⁵³ Там же. С. 117.
- ⁵⁴ Там же. С. 118—128.
- ⁵⁵ Там же. С. 135.
- ⁵⁶ Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе // ССКГ. Тифлис, 1881. Вып. 10. С. 323, 326.
- ⁵⁷ Артамонов М. И. История хазар... С. 285; Мурзаев Э. М. Очерки топонимии. М., 1974. С. 164.
- ⁵⁸ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. С. 598—599; Мурзаев Э. М. Указ. раб. С. 184—186; Мусукаев Б. Х. Топонимия высокогорьев Балкарии. Нальчик, 1981. С. 63—64.
- ⁵⁹ Мурзаев Э. М. Указ. раб. С. 184.
- ⁶⁰ Там же. С. 187.
- ⁶¹ Байчоров С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы, Ставрополь, 1989.
- ⁶² Прокопий Кесарийский. Война с готами. Кн. V—VIII. Из «Истории войн Юстиниана с персами, вандалами и готфами» / Пер. С. П. Кондратьева М., 1950. С. 384; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 85.
- ⁶³ Артамонов М. И. Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ. 1947. № 3. С. 75.
- ⁶⁴ Смирнов А. П. Скифы. М., 1966. С. 12.
- ⁶⁵ Нейхардт А. А. Указ. раб. С. 83.
- ⁶⁶ Куклина В. И. Указ. раб. С. 16.
- ⁶⁷ Мищенко Ф. Г. К вопросу о царских скифах...
- ⁶⁸ Руденко С. И. Горно-алтайские находки и скифы... М.; Л., 1952. С. 258; Плетнева С. А. Кочевники средневековья... С. 22—23.
- ⁶⁹ Грач А. Д. Древние кочевники в Центральной Азии. М., 1980. С. 14, 94.
- ⁷⁰ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 125—129, 131—133, 144, 148.
- ⁷¹ Москвич Г. Путеводитель по Кавказу. Издание XIX. С. 121—126; Шаманов И. М. Развитие скотоводства в XIX—XX вв. // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985. С. 156.
- ⁷² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 117; Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., С. 45.
- ⁷³ Иордан. Указ. раб. С. 327 (примеч. 620).
- ⁷⁴ Байчоров С. Я. Гуннско-протобулгарско-сезерокавказские языковые контакты // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982. С. 49—50.
- ⁷⁵ Бетрозов Р. Ж. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980. С. 113—122.
- ⁷⁶ Плетнева С. А. Кочевники средневековья... С. 16—17, 22; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1966; Археология Венгрии II тыс. до н. э. — I тыс. до н. э. М., 1986. С. 324—333; Дуйшиев Б. Правда Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. С. 81.
- ⁷⁷ Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы... С. 110; Евразийские степи в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981. С. 19, 83.
- ⁷⁸ Путешествие в Восточные страны... С. 102.
- ⁷⁹ Плетнева С. А. Кочевники... С. 151—152.

- ⁸⁰ Хетагуров К. Сочинения. М., 1974. Т. 2. С. 251.
- ⁸¹ Латышев В. В. Известия... // ВДИ. 1947. № 1. С. 295; ВДИ. 1947. № 2. С. 296—298; ВДИ. 1947. № 4. С. 319.
- ⁸² Бичурин (Иакинф). Известия о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. СПб., 1851. Т. 1. С. 27; Потанов Л. Н. Очерки истории алтайцев... С. 78—79.
- ⁸³ Байчоров С. Я. Гуннско-протобулгарско-северокавказские языковые контакты...
- ⁸⁴ Латышев В. В. Известия... // ВДИ. 1947. № 4. С. 179.
- ⁸⁵ Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1979. С. 187—188.
- ⁸⁶ Гомер. Илиада XIII, 1—7; Страбон. География. М., 1964. С. 275, 277, 284, 815; Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. С. 47.
- ⁸⁷ Латышев В. В. Известия... // ВДИ. 1947. № 1. С. 282.
- ⁸⁸ Артамонов М. И. История хазар... С. 56.
- ⁸⁹ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979. С. 15.
- ⁹⁰ Мищенко Ф. Г. К вопросу... С. 58, 60, 76; Мищенко Ф. Г. Опыты этнологии с помощью этимологии // Университетские известия. Киев, 1883. Май.
- ⁹¹ Страбон. Указ. раб. С. 276; Геродот. История. М., 1974. С. 193, 205.
- ⁹² Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. С. 22; Руденко С. И. Указ. раб. С. 37, 40, 226.
- ⁹³ Дуйшиев Б. Указ. раб. С. 86; Текеев К. М. Карачаевцы и балкарцы. М.: Наука, 1989. С. 344 сл.; Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв. М., 1989. С. 16 сл.; Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX—начале XX в. М., 1976. С. 111; Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII—XVIII вв. Нальчик, 1991. С. 53, 87, 88; Кшибеков Д. Кочевое общество. Алма-Ата, 1984. С. 176—181.
- ⁹⁴ Руденко С. И. Указ. раб. С. 37, 48.
- ⁹⁵ Грязнов М. П. Второй Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Госэрмитажа, 1950. С. 49—62; Руденко С. И. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Госэрмитажа, 1948. С. 18, 57.
- ⁹⁶ Адыги, балкарцы... С. 208.
- ⁹⁷ Пржевальский Н. М. Монголия и страна таигутов. М., 1946. Т. 1. С. 69.
- ⁹⁸ Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии / Пер. с китайского монаха Иакинфа. СПб., 1829. Ч. 1—2. С. 42, 45—46.
- ⁹⁹ Евтюхова Л. А. Южная Сибирь в древности // По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 206.
- ¹⁰⁰ Мукунов М. С. Казахская юрта. Алма-Ата, 1951. С. 215—216.
- ¹⁰¹ Чупелев В. А. Дневник путешествия по Средней Азии. М., 1924. С. 54.
- ¹⁰² Путешествие в Восточные страны... С. 28, 91.
- ¹⁰³ Валиханов Ч. Собрание сочинений в 5 томах. Алма-Ата, 1964. Т. 3. С. 26.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 27.
- ¹⁰⁵ Кшибеков Д. Указ. раб. С. 176—177.
- ¹⁰⁶ Латышев В. В. Известия... // ВДИ. 1947. № 1. С. 257—258

(примеч.)

- 107 Смирнов А. П. Скифы... С. 182.
- 108 Кишибеков Д. Указ. раб. С. 58.
- 109 Мизиев И. М. Очерки... С. 74.
- 110 Руденко С. И. Указ. раб. С. 32—33, 224—226 сл.
- 111 Там же. С. 134.
- 112 Мищенко Ф. Г. К вопросу о царских скифах... С. 72.
- 113 Руденко С. И. Указ. раб. С. 134—135.
- 114 Там же. С. 232—233. Рис. 139.
- 115 Граков Б. Н. Скифы... С. 114.
- 116 Руденко С. И. Указ. раб... С. 238—239. Рис. 140—141.
- 117 Там же. С. 226 сл.; Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Госэрмитажа, 1948. С. 10—11, 56—57 сл.; Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Госэрмитажа. 1950. С. 16—21, 59, 71. (рис. 2—5).
- 118 Федоров-Давыдов Г. А. Указ. раб. С. 130. Рис. 29.
- 119 Руденко С. И. Горно-алтайские находки... С. 142—143. Рис. 87, 100.
- 120 Там же. С. 242—243. Рис. 144.
- 121 Gmelin. Reise durch Sibirien. Т. 1. S. 209; Мищенко Ф. Г. Указ. раб. С. 72.
- 122 Семенов А. И. Ксилотомическое свидетельство культа таволги на средневековом Кавказе // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: (Тезисы докладов). М., 1980. С. 57—59.
- 123 Юсифов Ю. Б. Актуальные проблемы этнической истории Азербайджана // Проблемы изучения источников по истории Азербайджана. Баку, 1988. С. 22.
- 124 Иордан. Указ. раб. С. 91, 102.
- 125 Липец Р. С. Меч из редкотной бронзы // СЭ. 1978. № 2. С. 109.
- 126 Граков Б. Н. Указ. раб. С. 29, 81.
- 127 Ковалевский М. М., Миллер В. Ф. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Кн. 4. С. 575.
- 128 Холаев А. З. Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1974, С. 103—104.
- 129 Сейдимбеков А. Поющие куволы. Алма-Ата, 1985. С. 9; Кишибеков Д. Указ. раб. С. 56.
- 130 Мизиев И. М. Очерки... С. 33.
- 131 Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 207.
- 132 Батчаев В. М. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 2. С. 125, 145.
- 133 Мизиев И. М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 97—98. Рис. 8.
- 134 Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 141—142. Рис. 41 (7).
- 135 Дьяконов Н. М. Люди города Ура. М., 1990. С. 116. Рис. 42а.
- 136 Мищенко Ф. Г. Указ. раб. С. 73.
- 137 Латышев В. В. Известия... // ВДИ. 1947. № 1. С. 308.
- 138 Голубовский П. Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884. С. 222—223.

- ¹³⁹ *Кшибеков Д.* Указ. раб. С. 57—58.
- ¹⁴⁰ *Геродот.* История. М., 1974. С. 189.
- ¹⁴¹ *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. 4—2. М., 1974. С. 50—52; *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния на Алтае. Новосибирск, 1984. С. 180—229
- ¹⁴² *Сулейменов О.* Аз и Я. Алма-Ата, 1975. С. 276.
- ¹⁴³ *Плетнева С. А.* Кочевники... С. 22—23.
- ¹⁴⁴ Указанные работы *С. А. Плетневой*, *В. Д. Кубарева*; *Смирнов А. П.* Скифы... С. 175. Рис. *Биджиев Х. Х.* Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкесии и сопредельных областей // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987. С. 31, рис.
- ¹⁴⁵ *Граков Б. Н.* Скифы... Табл. IX; *Руденко С. И.* Второй Пазырыкский курган... С. 36; *Он же.* Горно-алтайские находки... С. 99. Рис. 41; *Он же.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960; *Щульц П. Н.* Прикубанские изваяния скифского времени // Тезисы докладов Всесоюзной археолого-этнографической конференции: (Дополнительный выпуск). Тбилиси, 1971. С. 23—24; *Сысов В. М.* Древности по верхнему течению Кубани // МАК. М., 1904. Вып. 9. С. 150—165.
- ¹⁴⁶ *Мизиев И. М.* Очерки... С. 62; *Халиков А. Х.* Маклашевская всадница // СА. 1971. № 1. С. 113; *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1953. Рис. 121; Материалы по археологии средневекового Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 133; *Карачаевцы...* С. 162.
- ¹⁴⁷ *Сысов В. М.* Указ. раб. С. 148—150. Рис. 59.
- ¹⁴⁸ *Мизиев И. М.* Очерки... С. 141.
- ¹⁴⁹ *Джуртубаев М.* Пути предков // Терс. (Балкарский форум). 1991. Дек. (г. Нальчик.)
- ¹⁵⁰ *Карышевский П. О.* О монетах с надписью // СА. 1960. № 1. С. 179—195.
- ¹⁵¹ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 207 (прим.).
- ¹⁵² *Кононов А. Н.* Семантика цветообразования в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 г. М., 1976. С. 161—162.
- ¹⁵³ *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен... С. 367; *Баскаков Н. А.* Имена половцев и названия их племен в русских летописях // Тюркская ономастика Алма-Ата, 1981. С. 171.
- ¹⁵⁴ Поэзия и предания древнего Востока // Библиотека всемирной литературы. М., 1973. С. 539.
- ¹⁵⁵ *Руденко С. И.* Горноалтайские находки... С. 136—137.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 135 (рис. 61Б), 220 (рис. 123а).
- ¹⁵⁷ *Граков Б. Н.* Указ. раб. С. 83—86; *Алексеев Ю. А.* О скифском царе Аресс // Археологический сборник. Л., 1980. С. 15.
- ¹⁵⁸ *Граков Б. Н.* Указ. раб.
- ¹⁵⁹ *Мизиев И. М.* Очерки... С. 151.
- ¹⁶⁰ *Байчоров С. Я.* Указ. раб. С. 45—46.
- ¹⁶¹ *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3. С. 86.
- ¹⁶² *Мизиев И. М.* Шаги... С. 21.
- ¹⁶³ *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение I века н. э. на Южном Буге. Киев, 1986. С. 5, 10, 12, 15, 24.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 67. Рис. 70, 71, 72.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 71.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 76.
- ¹⁶⁷ *Латышев В. В.* Известия... // СПб., 1904. Т. 2. Вып. 2. С. 192.

- ¹⁰⁸ Мизиев И. М. Очерки... С. 144.
- ¹⁰⁹ Мищенко Ф. Г. Указ. раб. С. 58.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 70.
- ¹⁷¹ Мизиев И. М. История рядом. Нальчик, 1990. С. 61—62; Он же. Шаги к истокам... С. 44—50.
- ¹⁷² Грантовский Э. А., Раевский Д. С. К вопросу об элементе индоарийского языка в Северном Причерноморье в античную эпоху // Античная Балканистика: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1980. С. 15.
- ¹⁷³ Брун Ф. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею земель // Черноморье, 2. Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1872. Вып. 2. С. 51.
- ¹⁷⁴ Миллер В. Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНИ. 1886. Окт. С. 267—268.
- ¹⁷⁵ Миллер В. Ф. Осетинские этюды... С. 116, 136.
- ¹⁷⁶ Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С. 29.
- ¹⁷⁷ Русско-осетинский словарь / Сост. В. И. Абаев. М., 1970. С. 569; Караимско-русско-польский словарь. М., 1974. С. 612; Еремеев Е. Д. Изменения типов жилищ и поселений юрюков при оседании // КСИЭ. М., 1963. Вып. 38. С. 94—99.
- ¹⁷⁸ Трубачев О. Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 53.
- ¹⁷⁹ Геродот. История... С. 519; Лурьев С. Я. История древней Греции. Л., 1940. Ч. 1. С. 100.
- ¹⁸⁰ Хеннинг Р. Неведомые земли. 1961. Т. 1. С. 96; М., 1961. Т. 2. С. 85.
- ¹⁸¹ Севортыан Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. Т. 1. С. 321.
- ¹⁸² Кумыкско-русский словарь. М., 1969. С. 78.
- ¹⁸³ Латышев В. В. Известия... // ВДИ. 1947. № 2. С. 279; Ган К. Указ. раб. С. 17.
- ¹⁸⁴ Абаев В. И. Осетинский язык... С. 153; Он же. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 279.
- ¹⁸⁵ Толстов С. П. Тирания Аброя: (История классовой борьбы в Согдиане и тюркском каганате во второй половине VI века) // Исторические записки. 1938. № 3. С. 42; Кумыкско-русский словарь... С. 104—105.
- ¹⁸⁶ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 303.
- ¹⁸⁷ Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987. С. 62.
- ¹⁸⁸ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 489. (Далее: ДТС.)
- ¹⁸⁹ Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Указ. раб. С. 62, 65.
- ¹⁹⁰ Аристов Н. А. Указ. раб. С. 380.
- ¹⁹¹ Латышев В. В. Известия... // ВДИ. 1947. № 1. С. 315.
- ¹⁹² Кудагина Н. К этимологии слова «Бай» в алтайском языке // Советская тюркология. 1980. № 5. С. 82—83; Потапов Л. П. Сакральное значение слова «Богатый» в тюркских языках // Материалы по этнографии Грузии. Т. 22: Хелаури, посвящ. 95-летию Г. С. Читая. Тбилиси: Мацниереба, 1985. С. 181—182; Кишибеков Д. Кочевое общество... С. 154.
- ¹⁹³ Кайдаров А. Т. Структура односложных корней-основ в казахском языке. Алма-Ата, 1985. С. 186.

- ¹⁹⁴ Древнетюркский словарь. С. 195; Караимско-русско-польский словарь... С. 159.
- ¹⁹⁵ Корнелий Т. История. Кн. 3 // Историки Рима. М., 1969. С. 340.
- ¹⁹⁶ Молчанов О. Т. Топонимический словарь горного Алтая. Горноалтайское кн. изд-во, 1970. С. 297; Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980. С. 136; Худяков Ю. С. Типология и хронология средневековых памятников Табита // Урало-алтаистика: История, археология, этнография... С. 88—100.
- ¹⁹⁷ Кишибеков Д. Указ. раб. С. 55—57.
- ¹⁹⁸ Гроденков Н. И. Киргизы и кара-кыргызы Сыр-Дарьинской области. Ч. 1 // Юридический быт. Ташкент, 1889. С. 41.
- ¹⁹⁹ Толстова Л. С. Несколько слов об ониме Томирис. // Этническая ономастика... С. 164—165.
- ²⁰⁰ Там же. С. 166—167.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² Мизиев И. М. Шаги к истокам... С. 21—22.
- ²⁰³ Эйхвальд Э. И. Указ. раб. С. 80.
- ²⁰⁴ Добродомов И. Г. Не «река», а «женщина». (О достоверности топонимических этимологий) // Этническая ономастика. М., 1984. С. 138—143.
- ²⁰⁵ БСЭ. 3-е изд. Т. 27. С. 60; Ахметьянов Р. Г., Бахтиев Ш. К этимологии гидронима Яик (Джайк) // Советская тюркология. 1986. № 3. С. 18.
- ²⁰⁶ Новгородова Э. А. В стране иероглифов в эдельвейсов. М.: Знание, 1978. С. 79.
- ²⁰⁷ Русско-турецкий словарь. М., 1945. С. 253; Караимско-русско-польский словарь. С. 609.
- ²⁰⁸ Латышев В. В. Известия... // ВДИ. 1947. № 1. С. 307; ДТС. С. 460; Караимско-русско-польский словарь. С. 334; Турецко-русский словарь. С. 360.
- ²⁰⁹ ДТС. С. 48.
- ²¹⁰ ДТС. С. 88—89.
- ²¹¹ Латышев В. В. Указ. раб. С. 270.
- ²¹² ДТС. С. 85.
- ²¹³ Баскаков А. Н. Тюркизмы в «Слове о полку Игореве». С. 44.
- ²¹⁴ Гроденков Н. И. Киргизы, кара-кыргызы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889. Ч. 1. С. 41.
- ²¹⁵ Жуковская Н. Л. «Подарок — отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // Монголика... С. 165.
- ²¹⁶ Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана. Баку, 1986. С. 27.
- ²¹⁷ Латышев В. В. Известия... // ВДИ. 1947. № 4. С. 181
- ²¹⁸ Там же.
- ²¹⁹ Латышев В. В. Известия... // ВДИ. 1948. № 1. С. 309.
- ²²⁰ Там же.
- ²²¹ Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов — Ануштегинидов 1097—1231 гг. М., 1986. С. 46.
- ²²² Сидоров Е. И. Этноним «Саха» // Этническая ономастика... С. 39—43.
- ²²³ Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия... С. 318; Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М., 1980. С. 12.
- ²²⁴ Латышев В. В. Известия... СПб., 1904. Т. 2. Ч. 1. С. 185.
- ²²⁵ Услар П. К. Указ. раб. С. 155.

- ²²⁶ Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана... С. 21.
- ²²⁷ Услар П. К. Указ. раб. С. 156.
- ²²⁸ Бернштам А. Н. Происхождение турок // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1935. № 5—6. С. 52.
- ²²⁹ Ксенофонтов Г. В. Урангхай — Сахалар: (Очерки по древней истории Якутов). Иркутск, 1937. С. 92—95; Т. 1. Аристов Н. А. Этнические отношения на Памире и прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим источникам // Русский антропологический журнал. 1900. № 3. С. 63—65; Услар П. К. Указ. раб.
- ²³⁰ Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1964. С. 22—26.
- ²³¹ Доники А. Люди, идолы, боги: Очерки истории религии. М., 1966. С. 21—22.
- ²³² Токарев С. А. Указ. раб. С. 25.
- ²³³ Хазанов А. М., Шкурко А. И. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 43—45.
- ²³⁴ Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen. Wisbaden, 1964. P. 142.
- ²³⁵ Черняков С. С. Загадки золотого кургана. М., 1965. С. 56.
- ²³⁶ Хазанов А. М., Шкурко А. И. Указ. раб. С. 45.
- ²³⁷ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе... С. 278.
- ²³⁸ Там же. С. 279.
- ²³⁹ Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 109—110.
- ²⁴⁰ Аристов Н. А. Указ. раб. С. 291; Бернштам А. Н. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня // По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 272, 274, 281, 303; Карамышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С. 100, 230; Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана, Алма-Ата, 1974. С. 247; Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1960. С. 127; Атаниязов С. Толковый словарь географических названий Турмениистана. Ашхабад, 1980. С. 313; Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана. Баку, 1986. С. 27; Эрдели И. Вооружение древних венгров как источник по истории основания венгерского государства // Урало-алтаистика: Археология, этнография, язык. М.: Наука, 1985. С. 16.
- ²⁴¹ Ибн-Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1988. С. 138.
- ²⁴² Бернштам А. Н. Указ. раб. С. 272, 283.
- ²⁴³ Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976. С. 38, 49; ДТС. С. 107; Бравин Н., Беляев И. Указатель племен к статье Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе...» // Записки императорского русского географического общества по отдел. Этнографии. XXVIII. Вып. 2. СПб., 1903. С. 22—23, 312—380, 412.
- ²⁴⁴ Толстова Л. С. Исторический фольклор каракалпаков как источник по изучению этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 152.
- ²⁴⁵ Баскаков Н. А. Тюркизмы в «Слове о полку Игореве». С. 39.
- ²⁴⁶ Баскаков Н. А. О происхождении этнонима «башкир» // Этническая ономастика... С. 13 сл.

- 247 Услар П. К. Указ. раб. С. 162.
- 248 Топонимия Башкирской АССР. Уфа, 1980. С. 83, 98—99, 174.
- 249 Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. С. 508; Яхонтова Н. С. Влияние тибетского языка на синтаксис ойратских переводов // Монголика. Памяти Б. Я. Владимирцева. М., 1986. С. 113; Санжеев Г. Д. Изоглоссы в монгольских языках // Там же. С. 94—95.
- 250 Услар П. К. Указ. раб. С. 163.
- 251 Там же.
- 252 Каганкатвази М. История Агван. СПб., 1861. С. 193 сл.
- 253 Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 175.
- 254 История Армении, приписываемой Моисею Хоренскому / Пер. Н. О. Эмина. М., 1893. С. 267.
- 255 Аристов Н. А. Заметки... С. 380.
- 256 Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа... С. 29, 31, 33.
- 257 Там же. С. 35.
- 258 Мурзаев Э. М. Народные географические названия М., 1974. С. 165.
- 259 Баскаков Н. А. Происхождение этнонима «башкир».
- 260 Гейбуллаев Г. А. Указ. раб. С. 61.
- 261 Услар П. К. Указ. раб. С. 170.
- 262 Там же. Т. 165—166, 168, 170.
- 263 Там же. С. 167.
- 264 Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. 2. С. 25.
- 265 Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. Вып. 106. С. 124.
- 266 Зуев Ю. А. К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 13.
- 267 Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Л., 1949. С. 28; Артамонов М. И. История хазар... С. 100.
- 268 Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. С. 268.
- 269 Дьяконов И. М. Пути и судьбы // Знание сила. 1988. № 9. С. 28.
- 270 Услар П. К. Указ. раб. С. 167; Мизиев И. М. Шаги... С. 83—84.
- 271 Гумилев Л. Н. Древние тюрки... С. 24.
- 272 Серебренников Б. А. Происхождение чувашей по данным языка // Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 42.
- 273 Багрянородный К. О фемах и народах / Предисловие Гавр. Ласкина. М., 1899. С. 140.
- 274 Услар П. К. Указ. раб. С. 168, 171.
- 275 Кшибеков Д. Указ. раб. С. 57.
- 276 Артамонов М. И. Указ. раб. С. 114—115; Плетнева С. А. Кочевники средневековья... С. 51.
- 277 Мурзаев Э. М. Указ. раб. С. 165.
- 278 Латышев В. В. Известия... // ВДИ. 1949. № 3. С. 257.
- 279 Евтюхова Л. А. Южная Сибирь в древности // По следам древних культур от Волги до Тихого океана... С. 214—215.
- 280 Буниятов З. М. Указ. раб. С. 46.
- 281 Латышев В. В. Известия... // ВДИ. 1947. № 4. С. 265, 272.

- ²⁸² *Аристов Н. А.* Указ. раб.
- ²⁸³ *Гейбуллаев Г. А.* Указ. раб. С. 30; *Он же.* К этногенезу азербайджанцев по данным топонимики // К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984, С. 120—121.
- ²⁸⁴ *Багрянородный К.* Указ. раб. С. 140—141.
- ²⁸⁵ *Ган К.* Указ. раб. С. 43; *Латышев В. В.* Известия... СПб., 1906. Т. 2. Ч. 2. С. 325; ВДИ. 1947. № 4. С. 283.
- ²⁸⁶ *Латышев В. В.* Известия... Т. 2. Ч. 1. С. 63.
- ²⁸⁷ *Алиев К.* Античные источники по истории Азербайджана. Баку, 1986. С. 111 (примеч. 41).
- ²⁸⁸ *Григорьев В. В.* Походы Александра Македонского в Западный Туркестан // ЖМНП. 1871. Окт. Ч. 217. Отд. 2. С. 27.
- ²⁸⁹ *Пьянков И. В.* Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 15.
- ²⁹⁰ Там же. С. 7.
- ²⁹¹ *Волин С.* К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941 № 1. С. 194; *Мещерский Н. А.* История иудейской войны в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 454.
- ²⁹² *Куклина И. В.* Указ. раб. С. 7.
- ²⁹³ *Симмоката Ф.* История / Под ред. Н. В. Пигулевской. М., 1957. С. 141—142.
- ²⁹⁴ *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979. С. 45—46.
- ²⁹⁵ Там же. С. 40.
- ²⁹⁶ *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1949. № 3. С. 287.
- ²⁹⁷ *Мурзаев Э. М.* Народные географические названия... С. 327—328.
- ²⁹⁸ *Услар П. К.* Указ. раб. С. 282.
- ²⁹⁹ *Бейлис В. М.* Ал-Идриси о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине Русских земель // Древние государства на территории СССР. М., 1984. С. 209—210.
- ³⁰⁰ *Услар П. К.* Указ. раб. С. 323—326.
- ³⁰¹ *Толстова Л. С.* Исторические предания южного приаралья. М., 1984. С. 101—102; *Она же.* Исторический фольклор каракалпаков как источник по этногенезу и этнокультурным связям этого народа. Этническая история и фольклор. С. 158.
- ³⁰² *Латышев В. В.* Известия... Т. 2. Ч. 2. С. 118.
- ³⁰³ *Услар П. К.* Указ. раб. С. 489—491.
- ³⁰⁴ Там же. С. 486—487.
- ³⁰⁵ *Куклина И. В.* Указ. раб. С. 128.
- ³⁰⁶ *Услар П. К.* Указ. раб. С. 493.
- ³⁰⁷ *Артамонов М. И.* Указ. раб.; *Плетнева С. А.* Указ. раб.; ДТС. С. 305.
- ³⁰⁸ *Мурзаев Э. М.* Указ. раб. С. 265.
- ³⁰⁹ *Стеблева И. В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976. С. 47, 55.
- ³¹⁰ *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1973. Т. 8. С. 109.
- ³¹¹ *Толстова Л. С.* Указ. раб. С. 147—148.
- ³¹² *Ган К.* Указ. раб. С. 100, 101; *Латышев В. В.* Т. 2. Ч. 1. С. 185.
- ³¹³ *Закиев М. З.* Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986. С. 29—30.
- ³¹⁴ Арабо-персидские источники по истории тюркских народов. Фрунзе, 1973. С. 45.
- ³¹⁵ *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 98.

- ³¹⁶ Латышев В. В. Т. 2. Ч. 1. С. 180; Услар П. К. Указ. раб. С. 447.
- ³¹⁷ Латышев В. В. Указ. раб. С. 118.
- ³¹⁸ Там же. С. 178.
- ³¹⁹ Браун Ф. Разыскания в области Готославянских отношений. Ч. 1. // Сборник отд. Русск. языка и словесности императорск. АН. СПб., 1899. Т. 64. № 12. С. 219.
- ³²⁰ Абаев В. И. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1971. С. 11.
- ³²¹ Кайдаров А. Т. Указ. раб. С. 285.
- ³²² Бернштам А. Н. Указ. раб. С. 276.
- ³²³ Латышев В. В. Т. 2. Ч. 1. С. 172.
- ³²⁴ Аристов Н. А. Указ. раб. С. 431.
- ³²⁵ Биржанов К. А. Этнографические группы «Сувек» у присырдарьинских казахов // Тезисы докладов Всесоюзной этнографической конференции. Йошкар-Ола, 1986. С. 72—73.
- ³²⁶ Латышев В. В. Т. 2. Ч. 1. С. 125, 185.
- ³²⁷ Услар П. К. Указ. раб. С. 227.
- ³²⁸ Аристов Н. А. Указ. раб. С. 283; Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. С. 43, 301—302; Боровков А. К. Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. Л., 1932. Вып. 7. С. 50; Толстов С. П. Тирания Абура... С. 42.
- ³²⁹ Латышев В. В. Т. 2. Ч. 1. С. 121.
- ³³⁰ Там же. С. 171.
- ³³¹ Соколов С. Н. Язык Авесты // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 129—130.
- ³³² Литература древнего Востока. Тексты. Изд-во МГУ, 1981. С. 5.
- ³³³ Соколов С. Н. Указ. раб. С. 131.
- ³³⁴ Там же. С. 134—135.
- ³³⁵ Куклина И. В. Указ. раб. С. 48—51.
- ³³⁶ Томсен Дж. История древней географии. М., 1953. С. 44—48.
- ³³⁷ Куклина И. В. Указ. раб. С. 63.
- ³³⁸ Редер Д. Г. Комментарии к восточным темам // ВДИ. 1947. № 1. С. 265.
- ³³⁹ Дьяконов И. М. История Мидии. М.; Л., 1956. С. 224.
- ³⁴⁰ Латышев В. В. Известия... // ВДИ. № 1. 1947. С. 295.
- ³⁴¹ Там же. С. 303; Ган К. Указ. раб. С. 9; Страбон. География. М., 1964. С. 275, 277, 284, 815.
- ³⁴² Смирнов А. П. Скифы. С. 28—29.
- ³⁴³ Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тыс. до н. э. Л., 1942. С. 121—124.
- ³⁴⁴ Смирнов А. П. Указ. раб. С. 29—30; Дьяконов И. М. История Мидии... С. 60, 73, 238, 246. сл.
- ³⁴⁵ Кудрявцев А. А. Древний Дербент. М., 1982.
- ³⁴⁶ Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959; Артамонов М. И. История хазар...; Гумилев Л. Н. Древние тюрки...; Гадло А. В. Указ. раб.; Джафаров Ю. Р. Гунны в Азербайджане. Баку, 1985; Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986.
- ³⁴⁷ Алиев И., Алиев В. Г. О сармато-аланских памятниках на территории Нахичеванской АССР // СА. 1978. № 1. С. 178—186.

- ³⁴⁸ *Мизиев И. М.* Шаги к истокам... С. 140—145.
- ³⁴⁹ *Хоржаубай С.* Документ из первого века // Монголия. Улан-Батор, 1986. № 5. С. 31.
- ³⁵⁰ *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники. С. 165—167; *Гейбуллаев Г. А.* Топонимия Азербайджана... С. 83—84.
- ³⁵¹ *Бунятов З. М.* Указ. раб. С. 6
- ³⁵² Там же. С. 46—48.
- ³⁵³ *Гейбуллаев Г. А.* Указ. раб. С. 25.
- ³⁵⁴ Литература древнего Востока... С. 4—5
- ³⁵⁵ *Ибн-Хордадбех.* Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 60—61, 157—158.
- ³⁵⁶ Литература древнего Востока... С. 18—20.
- ³⁵⁷ *Гейбуллаев Г. А.* К этногенезу азербайджанского народа... С. 120—121.
- ³⁵⁸ *Кононов А. Н.* К семантике цветообразования... С. 161—162.

Гунно-болгарские племена—предки балкарцев и карачаевцев

Все изложенные материалы о скифо-сарматских племенах приводят к одному очень важному факту: среди названных племен были племена с тюркским языком, особенно это относится к скифам-кочевникам, скифам-царским и сарматам-«конеядам». Они приняли самое активное участие в процессе этногенеза высокогорных тюрков Кавказа — балкарцев и карачаевцев. Древнейшее название кочевников — *асы*, позднее превращенное в этноним скифов *Ас-киши* (*Ашкузы*), до сих пор сохранено в названии балкарцев и Балкарии — *асы*, *Ассиаг*, бытующее у их ближайших исторических соседей — осетин. Асами балкарцев называли и летописцы, сопровождавшие Тимура в XIV в.: Шереф ад-Дин Йезиди, Низам ад-Дин Шами. О тюркском характере сармат говорит их самоназвание или имя, данное им их соседями, — *сарма* — «рыжий», «желтый», с прибавлением аффикса множественности *т*, *ты* (П. Ф. Сум, М. З. Закиев и др.); птолемеевская кличка «сарматы-конеяды»; монголоидные скульптурки сарматов из погребений на Южном Буге и другие факты.

Таким образом, древнейшее название кочевников-ямников *ас*, *аз*, этноним скифов *Ас-киши* и поныне закреплены за балкарцами и являются удивительной и весьма уникальной особенностью этнической истории тюркских народов Центрального Кавказа — балкарцев и карачаевцев.

Генетическими наследниками скифов являются племена гуннов. Они были прямыми продолжателями почти всех элементов традиционной культуры скифов: жили в войлочных шатрах-повозках, вели подвижный скотоводческий образ жизни, разводили коней, ели конину, пили

кумыс, хоронили своих умерших в курганах, в деревянных колодах и срубам, поклонялись верховному боже-ству Тенгри, обожествляли легендарный меч, будто бы упавший с неба, и многое другое из жизни и быта скифов.

Со скифами прямо или косвенно отождествляли гуннов многие античные авторы: Клавдий Клавдиан, Клавдий Птолемей, Дионисий Периегет, Зосим, Приск и др.¹ Например, Приск Панийский (V в.) в своем специальном трактате повсюду отождествляет эти племена. По его словам, даже римские дипломатические круги ставили знак равенства между гуннами и скифами², что однозначно видно из того факта, что гуннский царь Руа послал в Рим своего посла Эсли, а римляне в ответ послали к гуннам Плинта «родом из скифов». Автор V в. Зосим, описывая скифов, подчеркивал, что «некоторые называют этот народ уннами, другие говорят, что его следует называть царскими скифами, которые, по Геродоту, живут на берегах Истра (Дуная.— И. М.)³. Все сказанное не дает возможности полагать, что римляне не знали, кого и к кому посылать. Отправляя послом к гуннам скифа, видимо, они знали об их родственных отношениях. Этот факт подкрепляется сведениями других источников о том, что гуннов следовало называть царскими скифами.

Археологические памятники гуннов обнаружены во многих пунктах Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и других районах Северного Кавказа, Дагестана, Крыма⁴. Установлено, что типично гуннскими предметами являются изделия полихромного характера: украшения, пряжки, бляшки ремней, предметы конской сбруи и т. п., а также изделия из мелких пластинок, напоминающих рыбью чешую. Явно гуннскими проявлениями погребального обряда считается сопровождение умерших панцирями черепах. Черепаха обожествлялась гуннами, ее изображения широко практиковались на саваннах гуннских захоронений. Эти изображения распространены в изделиях прикладного искусства алтайцев, чувашей и других тюркских народов. Изображениями черепах украшались бубны шаманов хакасов, большим почтением пользуется черепаха или лягушка-жаба у балкаро-карачаевцев в ритуальных играх⁵.

Древнегрузинские хроники «землей гуннов» называли область между реками Терек и Кубанью. С гуннами

V в. в них отождествляли овсов / асов, живших в Северном Дагестане. Особенно однозначно об этом говорится в «Жизни Вахтанга Горгасала» (V в.). Хотя в этом жизнеописании говорится об овсах / асах, в действительности там содержатся сведения о северокавказском союзе гуннских племен⁶.

Этноним северодагестанских гуннов *масаха-гунн* сохранился в имени одного из родоначальников балкарского общества — Мисака и отразился в патронимическом названии фамилий: Мисака-улу, Мусук-улу и др.⁷ Название гуннов закреплено в массе топонимов Балкарии, Дигории, Карачая⁸. Среди таких топонимов бросаются в глаза такие, как *Сабири-ком* («Ущелье сабиров») в Осетии (Дигории); урочище *Гунн-тала* («Долина гуннов») в Балкарии и т. п.

О присутствии в V в. гуннов на Центральном Кавказе, в районе Дарьяльского ущелья, писал автор VI в. Прокопий Кесарийский. По его словам, «перешед пределы Иверийские, путник находит посреди теснины тропу, простирающуюся на 50 стадий. Эта тропа оканчивается местом утесистым и совершенно неприступным, тут не видно никакого прохода и только сама природа образовала дверь, сделанную как будто бы руками, который издревле называется каспийским»⁹ (Дарьяльский проход.— *И. М.*). Здесь поселились, продолжает Прокопий, «почти все гуннские племена... Александр, сын Филиппа, которому это было известно, построил на сказанном месте ворота и укрепление, которое в разное время занимаемо было между прочим и Уннами во главе с Амбазуком (с тюркского буквально означает: «Наитолстый», «Самый мощный» — «Эмбазыкъ»). Амбазук умер и Кавад (Персидский падишах.— *И. М.*) между 507—508 гг. завладел Воротами». Я полагаю, что именно с этого времени на Северном Кавказе начинается массовое расселение ираноязычных племен.

Наиболее авторитетные средневековые авторы, современники гуннов и болгар,— Иордан, Прокопий, Малала, Виталиан и другие — единодушно отождествляют гуннов и болгар¹⁰. Например, Прокопий писал, что болгары «в древности назывались киммерийцами». Он же приводит гуннскую легенду о том, что у гуннского царя были два сына: Утигур и Кутигур. Потомки этих сыновей стали впоследствии называться болгарами. Как известно, в разные исторические периоды, в силу различ-

ных геополитических событий, на арену истории выходят то одни, то другие подразделения одного и того же этноса. Этот вывод в свое время остроумно подметил еще В. П. Татищев, который писал, что имя скифов хотя и угасло в определенный исторический период, «однако же те народы не исчезли, но где-либо под другими именами поднесь остались»¹¹. Эти слова можно проиллюстрировать следующими фактами: в VIII—IV вв. до н. э. известны были Ас-киши (Ашкузы), или «Ысхылты» (Сколоты) — скифы; затем те же племена появляются под именем сармат-«конеядов» (языгов, аорсов) на рубеже двух исторических эр; во II в. до н. э., в 127-м и в 114 г., древнеармянские источники называют Кавказские горы «землей болгаров»¹². В III—IV вв. н. э. имя болгар заменяется именем гуннов, среди которых два вышеназванных родных брата — родоначальников болгар. Во времена алано-болгар VI—XIII вв. на историческую арену вновь выходят имена асов, тождественных аланам. Если к этим фактам добавить сведения Прокопия, что болгары прежде назывались киммерийцами, тогда становится понятной вся цепочка витиеватой исторической спирали различных тюркских этнонимов, в различные времена заменявших одно другим.

Таким образом, мы считаем, что начиная со времен скифов на исторической арене под различными именами фигурируют различные этнонимы одного и того же тюркского этноса: асы — ас-киши — Ашкузы — сколоты — скифы — сарматы — болгары — гунны — аланы — асы и т. д.

Наряду с письменными источниками, гунно-болгарские и карачаево-балкарские этногенетические и этнокультурные сходжения подтверждают и *данные языка*. Идентичность этнонимов *болгар/малкар* в сочетании с рядом письменных свидетельств позволила в свое время Н. Ходневу, В. Миллеру, М. Ковалевскому, М. И. Артамонову, Л. Н. Гумилеву и многим другим ученым сделать вывод о том, что болгары и малкары/балкарцы — это одно и то же этнообразование.

Впервые достаточно подробно о языковой близости болгар и балкаро-карачаевцев говорили на специальной Всесоюзной научной сессии по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев в 1959 г. А. Х. Соттаев и др. Такая языковая близость признана видным антропологом акад. В. П. Алексеевым¹³. К сожалению, балкаро-

карачаевские ученые в те годы не привели достаточного лексического материала, соответствующего существованию Кавказской Болгарии, а все выводы строились лишь на языковых данных болгарских эпитафий XIII—XIV вв. на территории Волжской Болгарии более позднего периода. В последние годы лингвистам-тюркологам удалось расшифровать более 30 древнеболгарских надписей в Карачае и Балкарии и доказать прямую генетическую связь между ДЖ-, ДЗ-диалектами карачаево-балкарского и других тюркских языков с языком кавказских болгар.

Все изложенное подтверждается *данными антропологии*. Академик В. П. Алексеев признавал, что «для болгар был характерен европеоидный тип, отличающийся умеренной брахикранией и широкоголовостью, относительной широколицестью, т. е. теми же особенностями, которые выражены и в типе балкарцев и карачаевцев»¹⁴. Болгарский антрополог Ц. Кристанов, в 30-х гг. проживавший в Кабардино-Балкарии, а в годы войны занимавшийся антропологией тюркских народов Средней Азии, обследовав более 2000 балкарцев и карачаевцев — мужчин, женщин, стариков и детей, установил их чрезвычайную близость с дунайскими болгарам¹⁵.

Достаточно наглядно обрисовывают близость названных народов и *данные археологии*. Пожалуй, впервые среди археологов специфические атрибуты древних болгар в виде глиняных котлов с внутренними ушками (ручками) в комплексах Северного Кавказа выделил В. А. Кузнецов¹⁶. Его взгляды получили признание у всех археологов Северного Кавказа: Е. П. Алексеевой, А. В. Гадло, Я. А. Федорова и мн. др.¹⁷ Особенно плодотворными в этом плане оказались работы В. Б. Ковалевской, по исследованиям которой в т. н. скальных захоронениях (гробницы, выдолбленные в скалах) «погребали своих умерших не только (а может, и не столько!) ираноязычные аланы, но и тюркоязычные народы, очевидно болгары, генетическая связь которых с балкарцами и карачаевцами безусловна»¹⁸.

Массовое расселение тюрков-болгар в верховьях рек Уруп, Кыфар, Уллу-кам, Индыш и прилегающих областях, где расположены известные Нижне-Архызское, Кыфарское, Урупское, Гилячское, Узун-кольское, Адюхское городища и поселения с рядом размещенными могильниками, достаточно хорошо иллюстрируют

древнетюркские изваяния, древнеболгарские рунические надписи и петроглифы¹⁹.

Археологические памятники кавказских болгар в виде скальных захоронений, грунтовых ям, обложенных досками и плахами, поселений с грубой лепной керамикой, украшенной бессистемными следами пучка травы, нанесенными по сырой поверхности сосудов, с глиняными котлами с внутренними ушками, хорошо известны на более чем 20 поселениях в окрестностях г. Кисловодска, у селений Схауат, Кенделен, Верхний Чегем, Былым, Лашкута, Нижний Чегем, в урочище Кешене-аллы близ Кашха-тау, на горе Муртаза у сел. Аргудан и т. д.

Обряд погребения, украшения в виде сережек, напоминающих вопросительный знак и др., находят прямые аналогии в болгарских памятниках на Волге, Харьковщине, в Крыму, на Дунае, а также в захоронениях болгарского времени в Мингечаурской котловине Азербайджана и т. д.

Весьма богатую информацию о близости болгар с карачаево-балкарцами содержит *этнографический материал*, который уже введен в научный оборот²⁰.

Одной из этнографических особенностей балкаро-карачаевцев являются срубные жилища, которые на Северном Кавказе строились только в верховьях рек Кубани, Баксана и частично Чегема, т. е. на территории расселения балкаро-карачаевцев²¹. Поиски аналогий подобным жилищам уводят нас в глубь веков к культуре древних болгар, алтайцев эпохи Пазырыкских курганов VII—V вв. до н. э.

У многих тюркских народов, в том числе балкарцев и карачаевцев, болгар, татар и др., излюбленным украшением одежды являлась меховая оторочка по вороту, подолу и рукавам. Фрагменты подобной одежды часто обнаруживаются в археологических памятниках Балкарии, Карачая и в других районах, связанных с древними кавказскими болгарами²².

Балкаро-карачаевские и другие тюркские женщины носят рубашку туникообразного покроя с разрезом на груди и маленьким стоячим воротом. Происхождение этого типа рубахи, являющейся неотъемлемой частью женской одежды башкир, татар, казахов, туркмен, азербайджанцев и др., исследователи связывают с древними болгарами. Столь же характерной особенностью женской одежды тюркских народов являются платок-плед *джау-*

лукъ, широко распространенный под этим же названием у болгар, татар, казахов и др.²³

Излюбленным напитком болгар, балкарцев, карачаевцев и многих других тюркских народов являлся кумыс, а ныне столь же популярен айран — кислое коровье молоко, отмеченное еще в середине XIII в. Гильомом Рубруком и Карпини²⁴.

Широко распространенные в погребениях ямников (курганников) рубежа IV—III тысячелетий до н. э. войлочные изделия являлись спецификой материальной культуры скифов, гуннов, болгар и многих других древних тюркских племен и народов. Такой же спецификой подобные изделия являлись и в традиционной культуре карачаево-балкарцев, о чем неоднократно и с восхищением писали И. Гильденштадт, Ю. Клапрот и др.²⁵

Огромный научный потенциал для раскрытия генетического родства древних болгар, гуннов и многих тюркских народов содержит роль верховного божества всех тюрков — великого Тенгри (балк.-кар.: Тейри). Он руководил всем ходом жизни: давал счастье, посылал беды, обеспечивал хороший приплод скота, богатый урожай и т. п. При различных весенне-полевых работах и обрядовых празднествах — выход на полевые работы, выгон скота на летние пастбища и пр. — непременно обращались с просьбами к Тенгри / Тейри. В засушливое время года у Тенгри просили дождя, устраивали в его честь различные игрища и тризны, жертвоприношения и пр. Карачаевцы и балкарцы, прежде чем строить дом или загон для скота на избранном месте, оставляли на ночь чашу с молоком, предназначенную Тейри, если к утру молоко не убавлялось, значит, место считалось удачным, и наоборот.

Большой интерес к этнографическим проявлениям культа Тейри у болгар, балкарцев, карачаевцев и других тюркских народов объясняется тем, что у соседних северокавказских народов божество Тенгри / Тейри не фиксируется, тогда как у тюркских народов он широко бытует.

У древних тюрков Тенгри был неразрывно связан с культом и духом неба и солнца, и в этом значении он известен еще по Орхонским надписям VIII в. В них отмечено, что «в начале было наверху голубое небо, а внизу темная земля; появились между ними сыны человеческие...».

Обряд принесения жертвы небу сопровождался молениями, возлияниями кумыса, айрана, молока, мясного отвара (шорпа), принесением в жертву лошадей, баранов и пр. Описывая жизнь и быт тюркских племен Северного Кавказа и Дагестана V в., Моисей Каганкатваци неоднократно подчеркивал, что среди множества божеств наиболее почитаемым был Тенгри-хан в виде чудовищного громадного героя, бога неба и солнца. Ему посвящались деревья (дубы), строили в его честь капища, приносили в жертву коней, кровь которых проливали вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучья.

В связи с культом деревьев и рощ, посвященных Тенгри / Тейри, большой интерес представляют балкарские и карачаевские священные деревья «Раубазы» — дикая груша в ауле Мухол в Верхней Балкарии, и одинокая сосна — «Жангыз терек» у аула Хурзук в Карачае. Карачаевцы и балкарцы приносили этим деревьям жертвы, пекли в их честь пироги, обращались к ним с просьбами, чтобы они давали бездетным — детей, пастухам и чабанам — хороший приплод, бедным — богатство и т. п.²⁶ То же самое мы наблюдаем у многих тюркских народов. Так, например, бесплодные киргизские женщины катались по земле под одинокой яблоней²⁷, у многих болгарских племен существовало поверье: в канун Рождества крестьянин замахивался топором на бесплодное фруктовое дерево, а стоявший рядом человек вступался за это дерево со словами: «Не срубай его! Оно будет плодоносить!» Так повторялось трижды. После этого считалось, что дерево на следующий год обязательно должно плодоносить²⁸.

Бросается в глаза еще одно важное этнографическое наблюдение среди крымских болгар в сел. Карачоле. Этнограф Фонберг писал, что здесь 21 мая — в день древнего земледельческого праздника — выносили иконы святых Константина и Елены. Торжественно несли их к роднику, где иконы постоянно стояли. На рассвете к источнику собирались из Карачола и соседних селений, пригоняли пожертвованный скот. Самой главной жертвой был бык с «золочеными рогами». К этому быку подходил почтенный старец из часовни и, шепча ему на ухо заклинание, закалывал его, а затем горячей кровью мазал себе лоб и щеки. Мясо быка варили, угощались, танцевали, устраивали веселые игры²⁹.

Подобный обряд отмечали в Балкарии М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер. По их словам, в Верхнем Чегеме на правом берегу речки Джилги-су стоял каменный домик — «Нартжия». Это было небольшое святилище, при котором «держали быка на общественных началах и обязательно кормили его всем аулом до дня весеннего праздника — начала полевых работ. В этот день выводили его в поле и гадали об урожае и приплоде скота. Если он мычал, поднимая голову вверх, то будет урожай на верхних полях, если же мычал, опустив голову вниз, то ожидался урожай на нижних полях. Затем быка резали и устраивали торжественный пир, игрища, песнопения и пр. Каждая семья к этому дню пекла пироги, несла их к этому домику. Напротив домика была площадка, на которой собирались петь магическую песню «Чоппа». Эту песню поют вокруг человека, пораженного молнией»³⁰. По сведениям многих авторов, пораженные молнией люди сопровождалась различными обрядами почти у всех тюркских народов: болгар, гагаузов, кумыков, алтайцев и др.

Распространенный у многих кавказских народов институт *аталычества*, название которого означает с тюркского языка «отцовство», арабский ученый путешественник Ибн-Фодлан в 922 г. отмечал у древних болгар.

В этнологической науке принято считать определенные этнонимы этническим «паспортом» племен, живших в районе распространения этих этнонимов (Ж. Дюмезиль). Если подходить с этих позиций к массе болгаро-карачаево-балкарских этнонимов, тогда многие из них приобретают исключительно важное место в рассматриваемой проблеме этногенеза тюркских народов. Речь может прежде всего идти о том, что первоначальное место поселения древних болгар на Дунае, куда они переселились из Прикубанья, называлось «Старое жилище», что расположено недалеко от древнейшей дунайской родины болгар — Абоба Плиски. В окрестностях этого поселения имеются такие топонимы, как Мухла-ауз, Карноват, Мара, Карачала-обасы и пр.³¹ Интересно сопоставить, что карачаевцы таким же термином «Старое жилище» (Эски-Журт) называли место первоначального расселения своего родоначальника Карча в верховьях реки Архыз. А упомянутые топонимы абсолютно совпадают с топонимами Балкарии и Карачая: Мухол, Курнаят, Мара и др.

Имена родоначальников древних болгар — братьев Кутургу и Утургу закреплены за названием древнего балкарского селения *Гюдюрю* в верховьях реки Чегем. Название древних болгар — *Б-л-нг* сохранено в названии старинного балкарского сел. *Булунгу*. С именами отдельных подразделений болгар связываются и названия таких балкарских селений, как Былым, Чалмас и др. В болгарских эпитафиях XIV в. известны родо-племенные подразделения *Балымар*, в именах которых аффикс *ар* языковеды связывают с понятием «человек», «мужчина», что вполне понятно и характерно для тюркских народов: алтайцев, якутов, башкир, енисейских тюрков и др. В летописных материалах болгар и их потомков очень часто встречается этноним с корнем *чал*, который у многих народов употребляется в значении «седой», «седина». У дунайских болгар это слово означает устаревшую форму понятия «вершина гор». Специалисты полагают, что в данном случае это понятие связано с заснеженными вершинами³². Такое толкование вполне правомерно, так как заснеженные вершины гор Приэльбрусья хорошо видны и украшают пейзаж окрестностей балкарского сел. Чалмас в Баксанском ущелье по пути к Эльбрусу. Не потому ли Кавказские горы назывались в древнеармянских источниках землей болгар?

Следует остановиться еще на одном важном топониме Карачая — на названии сел. *Учкулан*. В этом названии нетрудно различить число *уч* — «три» и родовое имя болгар — *укуль* (*куль*), известное в «Именнике болгарских князей» IX в.³³ Следовательно, в названии карачаевского селения очевидно наличие «трех болгарских родов укуль», образованное по тем же принципам, как и многие тюркские этнонимы: Тогуз-огуз, Огуз-татар, Уч-огуз и т. п.

Известно, что древние тюркские племена, в т. ч. и болгары, именовали себя по названиям рек, на берегах которых они устраивали свои поселения. Так, «Армянская география» VII в. подчеркивает, что на Кубани и южнее «живут народы Турков и Болгар, которые именуются по названиям рек: Купи-Булгар, Дучи-Булкар, Огхондор-Блкар, — пришельцы и Чдар-Болкар». С тех пор ученые немало спорили, объясняя эти названия, но не пошли дальше признания осторожного предположения К. Патканова о возможности видеть в названии «Купи» греческое название реки Кубани — «Куфис».

Однако, как отмечал и сам Патканов, река Кубань стала называться Куфисом только в VI в., а до того называлась Вардан, Валданис, Гиппанис и т. п. Да и Патканов продолжал называть Кубань Валданисом. А уже в VI—VII вв. Болгария на Кубани именовалась в письменных источниках «Древней, Великой Великогорной». Безусловно, чтобы заслужить такой титул, болгары должны были здесь прожить не одно столетие, иначе они могли и должны были называться «Гиппанис-болгар», «Варданис-болгар» и т. п., чего история не зафиксировала!

«Армянская география» является одним из ранних средневековых упоминаний балкарской общины — *Уллу-малкгар*, т. е. «Большая Балкария» в верховьях реки Черек. Дело в том, что на цокающем диалекте карачаево-балкарского и дигорского (осетинского) языков слово *Чдар* звучит как *Цдар*, или *Стар*, что означает «Большой», «Большая», как в названиях: *Стур-Дигора*, *Стур-Ассиаг* («Большая Дигория», «Большая Асия» — Карачай).

Таким образом, изложенный в этом разделе материал неопровержимо говорит о том, что древние кавказские болгары являлись одним из существенных компонентов в сложном процессе этногенеза многих тюркских народов, особенно балкарцев и карачаевцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Латышев В. В. Известия...//ВДИ. 1948. № 4. С. 283; Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. Ч. 1. С. 134, 193; Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 101—102.

² См. указанные работы.

³ Латышев В. В. Известия...//ВДИ. 1947. № 4. С. 244—245 (Примечания); Ган К. Указ. раб. С. 214; Иордан. Указ. раб.

⁴ Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 98; Рунич А. П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из кироводской котловины//СА. 1976. № 3. С. 256, 266. Рис. 2—6; Бетров Р. Ж. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии//Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 113—122.

⁵ Мизиев И. М. Шаги к истокам... С. 143.

⁶ Там же. С. 60—69, 141—142.

⁷ Абаев М. Балкария. Исторический очерк//Мусульманин. Париж, 1911. № 10, 11.

⁸ Цагаева А. Дз. Топонимика Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971. Ч. 1. С. 145—147.

- ⁹ *Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, вандалами и готфами* / Пер. Г. Дестуниса. СПб., 1876. С. 111—116.
- ¹⁰ *Он же. История войны Юстиниана с персами, вандалами и готфами* / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950. С. 384; *Артамонов М. У.* Указ. раб. С. 80—81.
- ¹¹ *Татищев В. Н.* История Российской. М.; Л., 1964. Т. 3. С. 232—233; *Артамонов М. И.* Указ. раб. С. 87.
- ¹² *История Армении (Моисея Хоренского)* / Пер. Н. О. Эмина. М., 1893. С. 55, 62.
- ¹³ *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа... С. 19.
- ¹⁴ *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы этногенеза балкарцев и карачаевцев по данным антропологии // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 329.
- ¹⁵ *Кристинов Ц.* Към вопроса этногенеза на българският народ // Исторически преглед. София, 1966. № 3. С. 33—51.
- ¹⁶ *Кузнецов В. А.* Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. М., 1964. Вып. 99. С. 34—39.
- ¹⁷ *Мизиев И. М.* Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII—XVIII вв. Нальчик, 1991. С. 129.
- ¹⁸ *Ковалевская В. Б.* Указ. раб. С. 174.
- ¹⁹ *Байчоров С. Я.* Наскальная панорама раннесредневекового художника и писца // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачасво-Черкесии. Черкесск, 1987. С. 21; *Биджиев Х. Х.* Раннесредневековые изваяния Карачасво-Черкесии и сопредельных территорий // Там же. С. 27—44.
- ²⁰ *Мизиев И. М.* Этнографические данные об этногенезе балкарцев и карачаевцев // Этнография и современность. Нальчик, 1984; *Он же.* О болгаро-балкаро-карачаевских исторических параллелях // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- ²¹ *Мизиев И. М.* Очерки... С. 141.
- ²² *Потапов Л. П.* Очерки истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 80—81; *Смирнов А. П.* Волжские Болгары. М., 1953. С. 80; *Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом и археологическом отношениях // СМОМПК. Тифлис, 1913. Вып. 43. С. 66.
- ²³ *Мизиев И. М.* Очерки истории... С. 142.
- ²⁴ Путешествия в восточные страны Плана Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 97.
- ²⁵ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов... С. 208, 249—251, 256—257; *Мизиев И. М.* Очерки... С. 82, 88.
- ²⁶ *Мизиев И. М.* Указ. раб. С. 146—147.
- ²⁷ Там же. С. 148.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Фонберг.* О пережитке культа быка в сел. Карачоле // СЭ: 1936. № 3. С. 84—85; *Мизиев И. М.* Указ. раб. С. 150—153.
- ³⁰ В горских обществах Кабарды. Из путешествия В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского // Вестник Европы. 1884. Кн. 4. С. 562—569; Карачаевцы. Этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 275.
- ³¹ Альбом к X тому Русского археологического института в Константинополе. Вена, 1905. Табл. XXIV, XXVI, CXVI; *Мизиев И. М.* Очерки... С. 139.
- ³² *Мизиев И. М.* Указ. раб. С. 137—178.
- ³³ *Тихомиров М. И.* Именник болгарских князей // ВДИ. 1946. № 3. С. 87.

Асы и аланы—предки тюркских народов

Вопрос об органическом участии ала-но-асов в процессе этногенеза многих тюркских народов является одним из самых важных, потому что в литературе так же голословно, как и в случае со скифо-сарматами, сложилось тенденциозное утверждение об их ираноязычии.

В последние годы в науке отмечены существенные факты, отрицающие ираноязычность аланов и асов, а также приведены неоспоримые свидетельства предвзятого подхода целого ряда ученых к этнической истории, культуре и языку названных племен¹. Исходя из этого, в предлагаемом разделе работы мы остановимся лишь на некоторых принципиальных фактах, считая, что дискуссии по этим вопросам на нынешнем уровне науки уже изжили себя. Итак...

1. Что означают слова «ас» и «алан»?

В кавказских письменных источниках этноним *ос* (*асы*) впервые встречается в древних грузинских хрониках, и ученые считают, что этот этноним является видоизменением этнонима *ас*, тождественного древнерусскому «ясы»². В то же время данный термин ни на грузинском, ни на русском или осетино-иранском в кавказских языках не имеет смысла. Следовательно, надо искать ответ на закономерный вопрос: может ли какой-либо народ именовать себя таким термином, который ему не понятен? В подобных случаях, вероятно, такие термины являются заимствованными из другого языка, народа, либо этнонимы и народ не связаны между собой.

Известно, что одним из самых древних компонентов этногенеза ногайцев являлись *усуни*, входившие в

V—IV вв. до н. э. в конфедерацию протогуннских племен³. Это подтверждают и антропологи, и исследования М. И. Артамонова⁴. Кроме того, нужно отметить, что истинное название древнетюркского племени усуней было «Кара-кыргыз», они входили в состав кыргызского рода «Ассыг»⁵. Имя усуней, растворившихся в V в. среди других названий, сохранилось среди казахов. Правдивы слова И. Маркварта, что имя «усунь», как «а-сунь»⁶, нашло отражение в том, что усунь входили в кыргызский род «ассыг». Приведенные выше факты особенно важны, потому что многие ученые, в т. ч. С. П. Толстов, В. А. Кузнецов, Шерпантье, считают, что древние усунь были предками асов⁷.

В тюркских языках слово *ас* имеет множество значений, но из большого перечня значений старейшими являются «переходить, переваливать, пробираться через гору», «сбиваться с пути», «блуждать», что, на мой взгляд, весьма близко к понятию «кочевать».

Преобразование географического понятия *ас* в этноним иллюстрирует древнетюркская легенда о том, что некогда в пещерах Алтая от одного израненного тюркского мальчика спасшая его волчица родила четырех сыновей, которые положили начало древнему тюркскому роду *Асян*. Именно поэтому волк считается тотемным животным для всех тюрков, тем более что на арабском языке слово *ашин* означает «благородный волк». Именно поэтому китайские авторы отождествляли хана тюрков с волком. Я полагаю, что древнетюркская легенда через гуннов попала в греческий мир и легла в основу греческой легенды о Ромуле и Реме, точно так же, как древние греки перенимали у «варваров» легенды о Прометее, Амирани и пр. Во-вторых, слово *асян* с тюркского буквально означает: «сторона гор», «душа гор» и пр., что равнозначно понятию «горец», «горный» и т. п.

Из изложенного выше материала вытекает вывод, что в этнониме *ас*, или в названии древнейшего тюркского рода *асян*, отражены понятия: «горный перевал», «переваливать через горы», а также название тотемного для тюрков животного — волка.

В отдельных работах утверждается мнение В. И. Аббаева, что слово *алан* тождественно авестийскому *арйа*, т. е. «арийский». Столь же широко пытаются утвердить мнение Г. Вернадского, возводившего *алан* к древнеиранскому *елен* — «олень». Однако ни один из множеств-

ва византийских, римских, арабских и других древних авторов — современников аланов — даже по ошибке ни разу не назвал аланов термином *арйа*, или «олень». Наоборот, все они, без исключения, именуют их только термином *алан*, ни разу его не исказив. Также не убедительны попытки некоторых карачаевских авторов связать термин *алан* с тюркским словом *оглан* — «сын», так как ни один из множества тюркских народов не зафиксировал переход этих терминов друг в друга, хотя слова *оглан* и *алан* бытуют почти у всех тюркских народов. Все это заставляет искать иное решение затронутого вопроса о значении термина *алан*. На алтайском, турецком, татарском языках слова *алан*, *йалан* означают «долина», «опушка», «поляна» и равносильно понятию «равнинный», «степной».

Таким образом, два термина *ас*, *алан* превратились из географических понятий в этнонимы. В таком случае скажется очень близким к истине автор IV в. Аммиан Марцеллин, который писал, что название аланов происходит от имени гор. Его поддержали Э. Шерпантье, К. Мюлленгоф, уточнявшие, что такой горой могла быть одна из гор Алтая. Со своей стороны, нам бы хотелось сказать, что этноним *алан* происходит от того, что так были названы алтайскими горцами те племена, которые покинули горы и поселились на равнине. Этим самым оставшиеся в горах Алтая горцы — асы противопоставляли себя равнинникам, степнякам, покинувшим горные ущелья или легендарную пещеру, где произошло их происхождение от волчицы. Обо всем этом говорят древнекитайские источники, собранные Иакинфом Бичуриным.

2. Что писали об аланах и асах древние авторы

Античные авторы I в. до н. э. и I в. н. э. — Анней Лукан, Дионисий Периегет, Страбон, Плиний, Валерий Флакк и другие — помещают аланов на Кавказе, в устье Дуная, в междуречье Днепра и Дона, вокруг Азовского моря (меотиды). Выдающийся античный картограф Клавдий Птолемей (120—170 гг. н. э.) размещал в окрестностях Азова неких «скифов-алан». Одноименный термин *алан* — *сармат*, намекая на их тождество, отмечает и автор IV в. н. э. Маврикий.

В 1256 г. Гильом Рубрук определенно намекает, что так называемые «Аланские горы» — это Западный Кавказ. Хотя Валерий Флакк в поэме «Аргонавты», а также Лукан и другие, называли аланов прикавказским народом, все же наиболее конкретные сведения об участии аланов в кавказских событиях имеются у Светония, Диона Кассия, Иосифа Флавия, Аммиана Марцеллина⁸. Эти ученые особенно четко описали участие аланов в борьбе кавказских государств с Мидией и другими восточными странами, часто выступая в составе армянских, грузинских, азербайджанских войск.

О массовом проникновении аланов на Северный Кавказ писал Аммиан Марцеллин (род. в 330 г. н. э.). Описывая события 353—378 гг., он сообщает, что вокруг Азовского моря «живут *разные по языку* якзаматы, меоты, языги, роксаланы, аланы, меланхлены, гелоны, агафирсы и другие неизвестные вследствие того, что живут вдали от всех... Племя гуннов живет за Меотийскими болотами... сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашном рубятся очертя голову, уклоняясь от ударов, набрасывают на врага аркан и опутывают его... Это подвижный народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, *дошел до аланов, прежних массагетов*». (А массагеты антропологами признаются на 100 % туркменами.— И. М.) По словам Аммиана Марцеллина, аланы по сравнению с гуннами более мягкие по характеру и вели более культурный образ жизни. Описав способ перекочевки с места на место, пастушеский образ жизни и пр., Аммиан Марцеллин говорит, что аланы «во всем похожи на гуннов и по варварскому обычаю втыкают меч в землю и поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют». Этот варварский обычай, перенятый аланами, тождествен скифскому и гуннскому обычаю поклонения мечу. Если, по словам Марцеллина, аланы отличались от гуннов только более культурным образом жизни, а во всем остальном похожи на них, включая и ведущие элементы духовной культуры, следовательно, есть все основания предполагать этнокультурную близость гуннов и аланов.

Почти у всех перечисленных античных авторов наряду с аланами примерно в тех же областях отмечаются и

асы. Страбон писал, что среди скифских племен на Яксарте (Сырдарье) живут племена *асии*. Есть у него упоминание и о племенах *ассиак*, *аттасии*, на языке которых Азовское море — Меотиды называлось *Матаос* — т. е. «Мутный». Интересно отметить, что термин «мутный» на карачаево-балкарском языке звучит как *мутхус* и совершенно напоминает страбоновский термин. Кроме того, соседи балкарцев — осетины и поныне называют балкарцев этнонимом *ассиак*.

В середине I в. поэт Лукан писал, что «асы» — это скифское племя, живущее у Танаиса и Меотиды, а Плиний отмечает в 72 г. «ассиев» в устье Дуная, где когда-то он размещал и аланов. У Птолемея значатся племена «ас-саи», также расположенные у Танаиса и Меотиды, т. е. там же, где он размещал и аланов.

Из этих фактов становится понятным, что племена аланов и асов в первых же ранних европейских известиях размещаются в одних и тех же местах — у берегов Танаиса, Меотиды, в устье Дуная и в Предкавказье.

По мнению ряда ученых, асы античных источников — это, как мы уже говорили, есть те же усунь китайских авторов первых веков (Н. А. Аристов, В. В. Бартольд и др.). В таком случае весьма уместно напомнить, что родо-племенные группы асов — усуней сохранились у многих тюркских народов: ногайцев, алтайцев, киргизов, казахов и др. Потомки усуней на Западном Тянь-Шане до сих пор именуют себя кыргызами, а кыргызы Абакапа и Енисея были потомками одного из сыновей упомянутой тотемной волчицы.

Тюркские племена *Ас*, *Ас-киши* отмечаются в VII в. на Северном Кавказе как *Аш-дигоры*, в X в. — на Иртыше, в XIV в. — в Крыму и на Центральном Кавказе у Дарьяльского ущелья и на территории Балкарии. Вероятно, обитавшие в V в. у Дарьяла гунны-усунь, или асы, называли это ущелье *Дар-Йол* — *Дарьял* — т. е. «Тесная дорога»⁹. Как сообщают грузинские источники, асы (овсы) активно участвовали в событиях Закавказья. В этих источниках повествуется, как в 70-е гг. I в. цари Азорк и Армазел призвали на помощь в борьбе с армянами овсов (асов) во главе с их предводителями — богатырями по имени *Базук* и *Амбазук*, что в переводе на тюркский язык означает «Толстый», «Мощный», «Самый мощный», «Самый толстый» и т. п.

В 182—186 гг. овсы предпринимают вторжение в Грузию с целью взять город Мцхети. Руководил этим вторжением богатырь Хуан-ху. В 262—265 гг. грузинский царь Асфагур пропустил через свои земли овов, леков и хазар, чтобы вместе с ними воевать против персов. Очередное нашествие асов на Грузию было совершено при малолетнем царе Вахтанге Горгасале (446—499 гг.). Напавшие на Грузию асы обитали в Северном Дагестане и отождествляются с северокавказскими гуннами¹⁰.

В VI в. учащаются сведения и об аланах Предкавказья, особенно прикубанских. Прокопий Кесарийский помещает их между сванами, абхазами и гуннами Терско-Кумского междуречья. В 576 г. аланы Прикубанья были разбиты и подчинены тюрками, а в 40-х гг. VII в. на Кубани образовалось государство болгар — «Держава Кубрата». После этих событий почти на целое столетие аланы исчезают со страниц письменных источников и верховенство получают болгары.

«Армянская география» VII в. довольно четко очерчивает территорию аланов в центре Северного Кавказа: «За дигорами, в области Ардоз кавказских гор...» В. Ф. Миллер отождествлял область Ардоз с Владикавказской равниной. По данным письменных и археологических источников, в VII в. на Западном Предкавказье, включая районы верховьев Кубани, Малки, Баксана, по соседству с абхазо-адыгами жили асы, а восточнее, по соседству с вайнахскими племенами в бассейне Терека, т. е. примерно в «области Ардоз», обитали аланы.

В IX—X вв. имя аланов вновь начинает пестрить в сообщениях византийских, арабских и иных авторов средневековья. Среди них особое место занимает сообщение Мас'уди (985 г.), на которое не обращено должного внимания ученых. Речь идет о том, что «царство алан представляет непрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов». Это сведение часто цитируется, но исследователи не замечают, что в нем имеется намек на то, что аланы жили в предгорьях и на равнине. В горах такое размещение поселений просто невозможно. О том, что аланы во времена Мас'уди действительно жили на равнине, говорят его слова:

«Между царством Аланов и горами Кабх есть крепость и мост, перекинутый через громадную реку. Эта крепость называется «Крепость Алан»... Там размещается стража для защиты от аланов дороги к горам Кабх». Некоторые авторы пытаются доказать, что упомянутая крепость идентична башне в Дарьяльском ущелье, несмотря на то, что Мас'уди совершенно однозначно пишет, что там размещается стража для охраны от аланов дороги к горам. В другом месте своего трактата автор подчеркивает, что эта крепость находится в устье большой реки, именуемой Курк-руд, что означает «Волк-река». В этом названии трудно не узнать реку Терек, один из рукавов которой и поныне называется *Бёрючюк* — «Волчонок».

Завершая экскурс о письменных источниках, повествующих об аланах, хочется отметить, что аланский хан V в. Кандак увел с собой в Нижнюю Мезию (в устьях Дуная) свою орду под названием «Керти алан»¹¹, т. е. «Истинные аланы», «Настоящие аланы». Если учесть что этот термин до сих пор оставался непонятным¹², тогда мы получаем весьма ценное сведение об этническом облике аланов, приведенный этноним которых объясняется только с карачаево-балкарского языка.

В XI—XII вв. имя асов все чаще начинает фигурировать в русских и грузинских документах. Между асами Северного Кавказа и царствующими дворами Грузии устанавливаются тесные родственные связи, заключаются династические браки. Видным политическим деятелем асов, поддерживавшим тесные отношения с Грузией и Византией, был асский царь Дургулель Великий. Грузинский царь Баграт IV (1027—1072 гг.) был женат на сестре Дургулеля — княжне Борене. На дочери Баграта и Борены — Марии женился византийский император Михаил Дука. Царь Грузии Георгий III (1156—1184 гг.) был женат на принцессе Бурдухан — дочери асского царя Худдана.

Русские летописи одиннадцать раз упоминают асов ясов. В этих сообщениях интересно, что суздальский князь Андрей Боголюбский был женат на ясыне родом из болгар. У них родился сын Юрий, который после смерти отца был вынужден бежать из Киева на Северный Кавказ к родственникам своей матери. Здесь, на Кавказе, Юрий женится на дочери Георгия III и Бур-

духан — царице Тамар, которая после смерти своего отца заняла грузинский трон. Юрий был переименован в Георгия, брак его с Тамар был недолгим, всего несколько лет (1185—1187 гг.). В 1189 г. Тамар вторым браком выходит замуж за Давида Сослана — сына асского царя. Давид воспитывался при царском дворе Грузии у бездетной тети Тамар — асской принцессе Русудан, т. е. у сестры Бурдухан.

В XIII—XIV вв., как и прежде на протяжении более тысячи лет, аланы и асы живут в тесном соседстве в горах Центрального Кавказа, в Крыму, Подонье. В XIV в. асов-тюрков в Крыму, Западном Предкавказье и у Дарьяльского ущелья знают выдающиеся арабские географы Ибн-Саид, Абу-л-Фида и др. В горах Балкарии и Карачая отмечают асов летописцы тимуровских походов: Шереф ад-Дин Йезиди, Низам ад-Дин Шами и др. Ипатьевская, Воскресенская, Троицкая и другие русские летописи под 1116 г. повествуют, что князь Ярополк Владимирович «ходи на половецкую землю к реце Дон и ту взя полон землю, грады Суров, Шарукан и Балин... и приведя с собой ясы и жену полоня ясыню красну вельма». Нельзя не обратить внимания на слова, что русский князь ходил походом на половцев, а в плен привел асов и жену полонил себе ясыню.

В 1237-м и 1241 г. большие массы асов переселились в Венгрию, где они именовались «яссонес». Недаром венгерский хан Джеке, после неудачи в борьбе за власть со своим братом Теке, бежал в свои владения на Дунае «в страну асов», где размещалась его 10-тысячная армия асов.

Приведенные факты говорят о том, что этнонимы *алан* и *асы* появились в письменных источниках в одно и то же время — на рубеже первых всков. Оба народа на протяжении 14 веков жили в тесном общении и постоянном соседстве в Подунавье и на Алтае, на Кавказе и в Южнорусских степях.

3. Что мы знаем о языке, ономастике и топонимике аланов?

Многочисленные средневековые авторы, жившие во времена аланов и близко их знавшие, оставили достаточное количество сведений об их образе жизни, пра-

вах и местах обитания, но ничего не сказали об их языковой принадлежности. Всё, что говорят об их языке иранисты, строится на ирано-осетинской этимологии отдельных аланских личных имен, как и в случае со скифо-сарматами. Однако в последние годы выдвигаются серьезные тюркские альтернативы ирано-осетинским толкованиям этого материала (М. З. Закиев, М. А. Хабичев, С. Я. Байчоров, И. М. Мизиев, Б. Мусукаев, Х.-М. И. Хаджилаев и др.). Для наглядности можно привести хотя бы некоторые явно тюркские имена аланов, которые с ирано-осетинского языка либо вовсе не объясняются, либо объясняются весьма смехотворно:

Аланские	По Абаеву	Тюрко-балкарские
<i>Алда</i>	Встречается в осе-тинском фольклоре	«Впередивой», «Предводитель»
<i>Аддах</i>	—	«Обет», «Обещанный»
<i>Аспар</i>	<i>Асп</i> — «конь»	«Гордый», «Благородный»
<i>База</i>	<i>Базу</i> — «плечевая кость»	«Сила», «Мощь», «Опора»
<i>Буюргур</i>	<i>Бева</i> — «много», <i>корун</i> — «правлящий»	«Повелитель», <i>Буюр</i> — «повелевай»
<i>Еохар</i>	<i>Ей</i> — «есть», <i>хвар</i> — «просо», т. е. Просоед	<i>Ав</i> — один из огузских родов. <i>гур</i> — «народ», «племя». Этноним огузского рода
<i>Кандак</i>	<i>кан</i> — «конопля». Холст, Холщовый	<i>Хан / Кан</i> — «князь» <i>Ханлык / Канлык</i> — «Будущий хан», «Принц»
<i>Хаскар</i>	—	<i>Каскыр</i> — «волк»

Мы полагаем, что тюркские толкования даже этих аланских имен не оставляют сомнений в том, что аланы,

если судить по их именам, были тюрками по языку. Вряд ли утопавший в роскоши аланский князь V в. Кандак мог носить имя «Холст», или «Холщовый».

В европейских местах обитания аланы оставили о себе память в виде топонимов на картах XIII в.: можно насчитать более 20 топогидронимов, содержащих этноним «алан». Поэтому вызывает удивление, что на территории Северной Осетии, где будто бы сосредоточились аланы VII—XIII вв., не сохранилось ни одного подобного топогидронима со словом «алан».

Пытаясь доказать ираноязычность аланов, отдельные авторы ссылаются на аланское приветствие византийского поэта и писателя Иоана Цеца (1111—1180 гг.). Выдающийся поэт своего времени передал аланское приветствие в поэтической форме. Следовательно, можно предполагать, что буквальный перевод его текста, как правило, бывает далеко не связным текстом. Так получилось и в данном случае. Для эпохи XII в. приветствие звучит довольно странно: «Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты? Тебе не стыдно, госпожа моя?». Нет сомнений в том, что эта фраза могла оказаться последней в жизни ее произнесшего! Вот как исказил буквальный перевод в поэтической форме!

В своих попытках иранисты прибегают к изрядным искажениям отдельных слов этого приветствия. Поэтому фраза Иоана Цеца была нами подвержена тщательному анализу¹³. Вот фрагменты этого анализа:

Иоан Цец	По Абаеву	Тюрко-балкарские
<i>Мас</i>	<i>Ма</i> — «мой», «моя»	<i>Маз(д)</i> — «величие», «благородство» <i>Мазаз</i> — «Поклонение», «поклоняющийся».
<i>Фули</i>	<i>Эфсин</i> — «хозяйка», «госпожа»	<i>Вали</i> — «Повелитель», «Правитель» <i>Фал</i> — «Предзнаменование»
<i>Коина</i>	<i>Хсина</i> — «госпожа»	<i>Хоина</i> — «расположенный где-то», «откуда-то»

<i>Хотн</i>	—	<i>Хотн</i> — «госпожа»
<i>Хос</i>	<i>хорз, хварз</i> — «хороший», «добрый»	<i>Хош</i> — «добрый», «хороший», «приятный», «радушный»
<i>Кордин</i>	<i>Кордингай афсин</i> — «откуда ты, госпожа»	<i>Кординг</i> — «увидел»
<i>Фарнетчу</i>	<i>фарн</i> — «благодарить»	<i>Фарр</i> — «блеск», «великолепие», «пышность», «изумительная прелесть»
<i>Каитариф</i>	—	<i>Каитариф</i> — «вернув обратно», «вернувшись»
<i>Кинжи</i>	<i>Кинз чунз</i> — «невеста» «молодуха»	<i>Кенже</i> — <i>Генже</i> — «молодуха», «молодая», «младшая»
<i>Оюнге</i>	—	<i>Оюнге</i> — карачаево-балкарская идеоматическая фраза: «Как же так?» «Что же могло случиться?»

Наличие тюркских терминов и фраз, имеющих прозрачные значения, особенно идеоматическая специфическая фраза «Оюнге», которая вообще осталась непонятной ученым, да и самим поэтом переведенная «как тебе не стыдно», — все это дает полное право считать, что фраза Иоана Цеца была тюркской.

Вторым письменным документом тюркоязычности аланов является т. н. «Зеленчукская надпись», найденная в 1888 г. на Верхне-Архызском городище (*Эски-Джурт* — «Старая Родина») в верховьях реки Зеленчук.

В. Ф. Миллер, предпринимая попытку прочесть надпись с позиций иранского языка, добавил к тексту восемь букв, которых там не было и без которых он не мог ее прочесть. Но и внесенные им изменения не могли дать ему законченную смысловую надпись. Однако поправки Миллера были взяты на вооружение всеми ира-

нистами и с осетинского языка текст читают следующим образом: «Исус Христос святой (?) Николай Сахира сын Х...р; Х...ра сын Бакатар Бакатара сын Анбал Анбалана сын Лаг их памятник». Следовательно, мы имеем дело с родовым захоронением, усыпальницей, где погребены последовательно четыре человека. Но дело в том, что в радиусе 50 км от места обнаружения надписи не найдено ни одного ни коллективного, ни одиночного захоронения иранских племен, хотя постоянные поиски таковых проводились здесь с момента обнаружения надписи.

Кроме того, подобная трактовка текста наталкивается на ряд серьезных препятствий:

1. Даже если согласиться с тем, что осетиноведы узрели в надписи слова *Ифоурт* — осетинское *Фырт* — «сын», к сожалению, в тексте оно встречается четыре раза, а в переводе только дважды. Недостающие два слова дописаны Миллером и другими авторами перевода.

2. По заключению самого Миллера, две последние строки надписи, несмотря на все попытки и искажения, остаются «совершенно гадательными». Но именно эти две строки представляют собой безукоризненные тюркские слова: *Итинир* — «строится»; *Те* — «скажи», «повествуй»; *От зл* — «год быка».

3. В. Ф. Миллер сам признал, что слово *Бакатар* явно тюркское. Если к сказанному добавить такие тюркские слова текста, как *Ата* — «отец», *Бек* — «владыка», *Юй / Ой* — «дом» и пр., то становится понятным, что и этот памятник свидетельствует о тюркоязычности аланов и не оставляет ничего утешительного для тех, кто пытается использовать данное приветствие для доказательства ираноязычности аланов.

Последним аргументом в пользу иранского языка аланов / асов всегда считают небольшой словарь венгерских асов, составленный в 1422 г. Он был найден в судебных документах об имени Басиановых (ср. балкарских и болгарских Басиатовых.— *И. М.*). Из 40 слов глоссария венгерские ученые и иранисты смогли объяснить 11 слов, 13 слов понятны только на дигорском диалекте осетинского языка (весьма близком карачаево-балкарскому языку.— *И. М.*). Остальные слова имеют прозрачные тюркские значения:

Асские:

Тюрко-балкарские

<i>буха</i>		<i>бугъа</i>	— «бык»
<i>арпа</i>	— «ячмень»	<i>арпа</i>	— «ячмень»
<i>газ</i>	— «гусь»	<i>къаз</i>	— «гусь»
<i>гусса</i>	— изделие из тес- та	<i>Геже</i>	— ритуальная кашица из злаков (балк.)
<i>база</i>	— «похлебка»	<i>боза</i>	— «напиток из ячменя»
<i>каса</i>	— «вареное»	<i>кочо</i>	— «кашица»
<i>йаука</i>	— «яйцо»	<i>гаккы</i>	— «яйцо»
<i>боза</i>	— «теленок»	<i>бузоу</i>	— «теленок»
<i>табакъ</i>	— «тарелка»	<i>табакъ</i>	— «тарелка»
<i>чуган</i>	— «кастрюля»	<i>чоюн</i>	— «чугун»
<i>гшит</i>	— «творог»	<i>хушт</i>	— «творог»
<i>фит</i>	— «мясо»	<i>эт / ит</i>	— «мясо»

Как видим, и этот памятник говорит о тюркоязычности аланов и асов.

4. Что мы знаем о языке, ономастике и топонимике асов?

О тюркском языке асов, тождественных аланам, пишут средневековые авторы, жившие во времена аланов-асов. Выдающийся ученый-энциклопедист Востока Аль-Бируни (973—1050 гг.), описывая изменения русла реки Амударьи, сообщает, что в первый раз река изменила русло и «вода уклонилась к краям страны гузов». Вторично изменившееся русло «запрудилось, и вода повернула налево, вплоть до земли печенегов... она затопила много местностей на долгое время и разрушила их также, жители их переселились на побережье Хазарского моря (Каспийское море.— И. М.). Это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского»¹⁴. Слова Аль-Бируни, отлично знавшего народы и языки Востока, говорят о том, что из страны гузов (огузов) и печенегов в районы Каспийского моря переселились аланы и асы, и язык их стал смешанным из тюркского и иранского. Его слова отдаленно напо-

минают сведения Юстина о смешанном языке парфян — из скифского и иранского языков.

О том, что язык асов сродни языку печенегов, говорят и древнерусские письменные источники, например, древнерусский перевод «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, где четко сказано: «...язык же ясеський ведомо есть яко от печеженьска рода родяси»¹⁵. Трудно уповать на то, что Аль-Бируни не знал языка народов Средней Азии, а русские летописцы не ведали о языке печенегов!

Свидетельством о тюркском языке асов является и упоминавшееся сообщение о жене Андрея Боголюбского — ясыне родом из болгар. Нелишне напомнить, что сын ногайского хана Джеке бежал не куда-либо, а к своим воинам-асам на Дунае¹⁶.

В 847—848 гг. Ибн-Хордадбех, а затем и Махмуд Кашкарский (XI в.) называют среди тюркских народов Ас-киши и помещают их между Алтаем и Балхашем. А Ибн-Саид ал-Магриби (1214—1274) писал: «Из кавказских народов самыми западными были народ «каса», далее к востоку жили «Ас-киши», «Абхазы» и «Аланы». Все они были христианами; *кроме абхазов, все считались тюрками*»¹⁷. Эти слова подтвердил другой арабский историк и географ XIV в. Абу-л-Фида (1273—1331), писавший: «К востоку от абхазов на берегах моря находится город Алан. Этот город назван так по имени народа алан, который его населяет; *аланы — суть тюрки, которые приняли христианство*»¹⁸.

Везде, где только прежде обитали асы, сохранилось множество топонимических названий с этим этнонимом. В Молдавии о них говорят названия города и области «Яссы», «Яшко» и др. В Венгрии, в местах обитания асов / ясов, сохранились названия семи пунктов «Ясслар». По справедливому мнению венгерских ученых, эти названия образованы от этнонима *ас*, к которому прибавлен тюркский аффикс множественности *лар*. Такие топонимы, как *Яссжаг*, т. е. «Сторона асов»; *Ясс-базар*, *Ясс-фалли* и др., говорят о том, что венгерские яссы были тюркоязычными. Совершенно очевидно, что венгерское *Яссжаг* идентично осетинскому названию Балкарии *Ассиаг*. Оба термина восходят к тюркскому и означают «Сторона асов», «Край асов» и т. п.

В Крыму, в местах расселения асов, сохранились

топонимы *Биук-ас*, т. е. «Большая асия»; *Кичик-ас* — «Малая асия» и др.¹⁹

О языке асов свидетельствует их ономастика. В письменных источниках известны имена многих асов, которые имеют явно тюркские значения, полностью соответствующие социальному статусу носителей этих имен:

Имена асов	Тюрко-балкарские значения
Базук (I в.)	<i>Базыкъ</i> — «Толстый», «Мощный»
Амбазук (I в.)	<i>Эмбазыкъ</i> — «Самый толстый», «Наимощный»
Хуанхуа (II в.)	<i>Хуанхар</i> «Кровожадный», «Лютый», «Жестокий»
Урдур (XI в.)	<i>Урдур</i> — «Бьющий», «Поражающий»
Бурдухан (XII в.)	<i>Бурди</i> — «Благоухать», «Благоухающий хан»
Дургулэль (XII в.)	<i>Тургу</i> тюркс. этноним + <i>эл</i> — «народ», «племя»; «Народ тургу»
Борене (XI в.)	<i>Боре</i> — «Строгий» + <i>ана</i> — «мать». Отсюда: «Строгая мать»
Худдан (XII в.)	<i>Худа'а</i> — «Обман», «Хитрость»
Алтун (XIII в.)	<i>Алтын</i> — «Золото»
Сатхи (XIII в.)	<i>Сатхи</i> — «Поверхностный»
Узур-бек (XIII в.)	<i>Озар</i> — «Обгоняющий» + «бек»
Параджан (XIII в.)	<i>Пара</i> — «деньги» + <i>Джан</i> — «душа»; «Денежная душа»
Ачав (XIII в.)	<i>Ачыу / Ачев</i> — «Зло», «Боль»
Хан-Ху-Сы (XIV в.)	<i>Хусэ-улу</i> — древнетюркский род
Арыслан (XIV в.)	<i>Арслан</i> — «Лев»

Матарша (XIV в.)	<i>Батырча</i>	— «Как батыр»
Бурикан (XIV в.)	<i>Бури</i>	— «волк» + <i>кан</i> — «кровь»: «Волчья кровь»
Буриберди (XIV в.)	<i>Бури</i>	— «волк» + <i>Берди</i> — «данный»: «Вол- ком данный»

Этот конкретный ономастический материал подтверждает нашу мысль о том, что асы были тюркоязычным народом.

5. Сохранилась ли народная память об асах и аланах?

Древнетюркский этноним *ас* сохранился у казахов, киргизов, узбеков, ногайцев, алтайцев, каракалпаков как названия отдельных родо-племенных групп. У одних только ногайцев бытуют подразделения: «Шомишли-ас», «Дорт-ас», «Кара-ас», «Ак-ас», «Култы-ас», «Тарту-ас» и др.²⁰ Имя асов осетинский народ сохранил как название своих исторических соседей — балкарцев. Этот этноним сохранился в топонимии Венгрии, Молдавии, в районах Подунавья. На Алтае этноним *ас* сохранился в названии реки и административного района — Ас-кизи, которое восходит к понятию *Ас-киши*. Следует напомнить, что древнегрузинский этноним *овс* (*ос*), под которым во времена Вахтанга Горгасала (V в.) имелись в виду гунны, а уже в XV в. выдающийся грузинский историк и географ Вахушти прямо относит к балкарцам²¹. По мнению Н. Я. Марра, в гебском говоре рачинского диалекта грузинского языка «ос-и», или «овс-и», означает карачаевцев, а «осури» — карачаевский язык. Что же касается, продолжает Марр, того, что «овс» относится к осетинам, то это «плод влияния грузинского литературного языка, или точнее, грузинской речи интеллигенции»²². Очень важно, что речь идет о рачинском языке, так как рачинцы очень хорошо знали карачаевцев и балкарцев по еженедельным базарам в Рачи и Они²³.

Переходя к этнониму *алан*, надо напомнить, что на древней территории тюркских племен — на Алтае до сих пор сохранилась родо-племенная группа *Аландан келген*, т. е. «Пришедшие с равнины»²⁴. Представители родо-племенной группы аланов проживают в Туркменистане,

Узбекистане, Таджикистане. В Туркмении, например, они известны в составе племени «Салыр», как отдельная родовая группа — ветвь «караманов». Язык этих аланов туркменский, схожий с диалектом «сарыков». По сообщению старожилков, в сороковых годах их насчитывалось до 1500 хозяйств. Интересны и родовые названия этих аланов: Мирши-Кар, Болук-аул, Аяк-чак, Кара-мугул, Тогуз, Кер, Бельке, Эшек и т. п. По родовым преданиям, лет 250 тому назад, до переселения в Туркменистан, они проживали на Мангышлаке, имели свою крепость «Алан»²⁵, о которой писал выдающийся исследователь Средней Азии и Хорезмского государства С. П. Толстов. Народные предания о переселении с Мангышлака очень напоминают сведения Аль-Бируни о переселении рода аланов и асов в устье Амударьи.

Древние и средневековые авторы Аланией называли верховья Кубани — Карачай, а не Осетию в верховьях Терека. Так же именовался Карачай и в военно-топографических картах Кавказа XVIII—XIX вв. В кратком описании Абхазии неизвестного автора первой половины XIX в. говорится, что «от Сухума имеется дорога через нижние горы в Цебели и к аланам». Цебели, или Цебельда, лежит по правую сторону от р. Кодор к северу от Сухума. В смежности с Цебельдой, к северу у верховьев Кубани, сплошной массой живут карачаевцы. В примечаниях Гербера к «Географии Российской X века», составленной проф. Байером, говорится, что «от аланов есть остаток, они живут подле авазгов в ближайших горах к северо-востоку». А ближайшими соседями авазгов/абхазов к северо-востоку являются карачаевцы²⁶.

На «Генеральной карте грузинских царств — Карталии, Кахетии и смежных земель», созданной не позже 1784 г., названы все горские общества Осетии, Чечни, Ингушетии, Сванетии, названы Куртатинское, Алагирское, Дигорское, Кобанское ущелья, нанесены реки Гизельдон, Ардон, Урух и пр. Но интересно, что к западу от сванов, в горах между Кубанью и Лабой, т. е. приблизительно в тех же местах, где сейчас проживают карачаевцы, названы аланы.

Аланией Карачай назывался и в период строительства Военно-Грузинской дороги через Владикавказ, когда картографы не могли не знать, кто проживает в тех местах строительства важнейшей стратегической дороги!

Показания этих карт подкрепляются тем, что в устах соседних народов, например, мегрелов, аланами называются не осетины, которых они также хорошо знали, а карачаевцы (В. И. Абаев).

Все изложенное можно подкрепить тем, что этноним *алан* на Кавказе сохранился только у карачаево-балкарцев в значении «человек», «соплеменник», «сородич». Очень важно отметить, что этноним *алан* у карачаево-балкарцев употребляется применительно только к людям, понимающим их язык. К человеку, не понимающему их язык, данный этноним не относится. Это еще раз доказывает, что этноним *алан* у балкарцев и карачаевцев используется в значении «соплеменник», «сородич» и т. п.

6. Тождество аланов и асов

Первыми это тождество высказали Ян Потоцкий и Г.-Ю. Клапрот. Они исходили из слов путешественников XIII—XV вв.— Гильома Рубрука, Плано Карпини, Иосафата Барбаро и др. Описывая в 1246 г. земли и народы, покоренные монголами, П. Карпини перечислял: «Аланы или Асы, Обезы или Георгиане... Малая Индия или Эфиопия...» Будучи в 1253—1255 гг. в степях между Крымом и устьем Дона, Г. Рубрук писал: «Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие Алапы, которые именуются там Аас»²⁷. Как теперь известно, асами на Кавказе назывались многие родовые группы ногайцев, а осетины по сей день именуют асами не себя, а балкарцев.

Недавно В. А. Кузнецов писал, что асами до XV в. назывались осетины. В данном случае законно обратиться к ученому с вопросом: что же могло случиться с осетинским народом с XV по XVII в., что он отдал свое имя соседнему народу — балкарцам, ведь с XV по XVII в. на Северном Кавказе никаких этнических перетасовок и коренных перемещений не было?

Анализируя древнеармянские и древнегрузинские письменные известия, В. Ф. Миллер показывает тождество аланов — асов — печенегов²⁸. Грузинский царь Баграт IV, женатый на сестре асского царя Дургулеля, бывая на охоте, «доходил до Понтийского моря и в страну алан...». Ему «приносили дары и братались с ним

многие цари, служили ему скифы, хазары, аланы». «В страну алан приезжал» и отец Тамар — Георгий III, женатый на прекрасной Бурдухан — дочери асского царя Худдана. Зная эти документы, трудно уповать на то, что Баграт и Георгий не знали аланов и асов.

В заключение необходимо напомнить незаслуженно «забытые» выводы виднейшего осетинского ученого проф. Г. А. Кокиева, писавшего: «Изучение имеющегося в нашем распоряжении материала приводит нас к заключению, что насколько сомнительно отождествление предков осетин с аланами, настолько основательно отождествление балкарцев и карачаевцев с кавказскими аланами»²⁹.

Таким образом, вполне закономерно наше убеждение в тождестве аланов и асов с балкарцами и карачаевцами. Следовательно, аланы и асы были средневековыми тюркскими народами, а их имена поныне сохранились как этнические названия многих родо-племенных групп тюркоязычных народов Алтая, Средней Азии, Кавказа.

7. Этнокультурные черты алано-асов

Этнокультурный облик и истоки алано-асского наследия ученые Северного Кавказа связывают с т. н. катакомбами эпохи средних веков. Однако, если проникновение катакомбных захоронений II тыс. до н. э. в данный регион из Поднепровья уже доказано³⁰, то проникновение их сюда с востока из-за Каспия археологически не документируется. В связи с этим заслуживает внимания утверждение М. П. Абрамовой, что «рассматривать предкавказские катакомбы как памятники ираноязычных алано-сармат у нас нет оснований, так как они не находят аналогий среди погребальных памятников сарматов»³¹.

Неудачная ссылка В. А. Кузнецова на Ю. В. Готье будто бы доказавшего принадлежность средневековых катакомбных захоронений «ираноязычным» аланам, не подкрепляется исследованиями сарматологов. Следовательно, мнения Кузнецова и Готье считаются безнадежно устаревшими. Впрочем, точка зрения В. А. Кузнецова с самого начала была построена на искажении мыслей Ю. В. Готье. Последний *доказывал лишь сходство*

катакомб на харьковщине и в Северной Осетии, но не принадлежность катакомб аланам, как это воспринял и преподнес читателям В. А. Кузнецов. Вот слова Готье, на которые ссылается Кузнецов: «Все, что я хочу сказать, это то, что в IV—V вв. на всем юге России от Оренбургской и Черниговской губерний и Изюмского уезда Харьковской губернии, и от Северного Кавказа до Курской губернии господствовала единая культура, которую Ростовцев и другие исследователи называют сарматской, а сарматы в лице аланов существовали на Северном Кавказе до XIV века... *Сходство культуры Верхнего Салтова* и сходных с салтовскими могильниками городищ по среднему Дону и Донцу с такими могильниками Осетии можно считать доказанным»³². Таким образом, Готье считал доказанным лишь сходство памятников, а для Кузнецова этого сходства достаточно, чтобы утверждать: «...принадлежность катакомбных могильников эпохи раннего средневековья потомкам ираноязычных сарматов — аланам доказана»³³. Однако, переход культуры сарматов в культуру аланов никто не доказал, и, как мы уже отмечали, для сарматов катакомбные могильники не были характерны. Дело в том, что из более чем 500 погребений т. н. прохоровской археологической культуры сарматов только 33 составляют катакомбы, а для I в. н. э. известны всего три катакомбы. В позднесарматский период, по словам М. П. Абрамовой, катакомбы нехарактерны ни для Приуралья, ни для Поволжья. Развивая эту мысль Абрамовой, В. Б. Ковалевская также приходит к заключению, что земляные катакомбы до тщательного анализа всего материала пока еще не могут являться этнической особенностью северокавказских аланов³⁴. Еще более определенно М. П. Абрамова высказалась в другой своей работе: «Распространение катакомбных могильников на Северном Кавказе вряд ли мы можем связывать с влиянием, вернее, проникновением сюда сарматских племен, которые, кстати сказать, не имели ни одного катакомбного могильника и у которых этот обряд был менее всего распространен»³⁵. О неразработанности вопроса о происхождении катакомбных захоронений гунно-сарматского времени писал и А. П. Смирнов³⁶.

Выше мы уже отмечали, что исследования большого катакомбного могильника IV—II тыс. до н. э. на реке Сумбар у пос. Кара-кала в Южной Туркмении приво-

дит ученых к убеждению, что «вопрос о путях проникновения индоариев и иранских племен на территорию Ирана и Средней Азии можно считать решенным... исходным пунктом следует считать район Юго-Восточного Закаспия»³⁷.

На фоне богатейшей Сумбарской катакомбной культуры, имеющей многотысячелетнее развитие, весьма легковесно звучат попытки некоторых авторов генетически связать возникновение катакомб средних веков с подбойными погребениями Прикаспийских и Нижневолжских степей, смежных с северными районами Туркмении. Но вряд ли была необходимость древним племенам заново «придумывать» катакомбные захоронения, будучи хорошо осведомленными с последним сумбарцев.

Сведения П. Карпини говорят о том, что куманы «делают большую яму и с боку этой ямы делают другую яму под землей и в ней хоронят усопшего». Данные захоронения очень похожи на катакомбы. Совокупный анализ археологических источников говорит о том, что древние и средневековые катакомбы принадлежали иранским племенам, но назывались ли они аланами — весьма и весьма сомнительно и никем не доказано, потому что среди массы первоисточников — авторов средневековья — нет ни одного, который бы писал об их иранском языке.

Нехарактерны для аланов не только иранский язык, но и многие черты этнической культуры иранских племен. Так, например, Г. Рубрук писал, что прежде, чем принять христианскую религию, обряды и обычаи, аланы спрашивали его, могут ли они принимать их, если прежде они пили кобылье молоко — кумыс. Он же далее продолжал, что аланы «в пищу им подавали только очень кислое коровье молоко»³⁸. Эти специфические для тюрков черты культуры совершенно чужды всем иранским и индоевропейским народам. Поэтому вряд ли эти особенности можно оставить без внимания при определении этнического облика аланских племен. Более того, выдающийся осетинский просветитель и знаток этнографии Коста Хетагуров прямо писал, что «лошадь была прежде роскошью. Она применялась только для верховой езды и перевозки вьюков. *Ни мясом, ни молоком, ни кожей ее не пользовались*»³⁹.

Таким образом, рассмотренные в этом разделе сведения античных, римских, византийских, арабских и других авторов I—XIV вв., данные языка и этнотопонимики, сохранившаяся у многих народов память,— все это говорит о том, что алано-асские племена были тюркоязычными и являлись генетическими предками многих тюркских народов, особенно балкаро-карачаевцев, которые и поныне употребляют этноним *алан* при обращении к сородичам, соплеменникам. Этнонимы *алан* и *ас* сохранили за ними и многие их соседи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Мизиев И. М.* Шаги к истокам...; *Он же.* История рядом...; *Он же.* Ответ Каминскому // СА. 1991; № 2; *Он же.* О культуре и быте ногайцев // Вопросы древней и средневековой археологии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990. С. 82—89; *Он же.* Древнейшие этнокультурные пласты истории тюркских народов // Алем. Алма-Ата. 1991. Вып. 1. С. 134—154; *Лайпанов К. Т., Мизиев И. М.* О происхождении тюркских народов. Черкесск. 1993. С. 97—113; *Закиев М. З., Кузьмин-Юманди Я. Ф.* Волжские булгары и их потомки. Казань, 1993. С. 75—80.

² *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 127.

³ *Зуев Ю. А.* К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 13.

⁴ *Трофимова Т. А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л., 1949. С. 28; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 100.

⁵ *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. М., 1963. С. 25; Т. 5. М., 1968. С. 268; *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. 3—4. С. 40, 48—54, 121, 135—136, 163.

⁶ *Бартольд В. В.* Указ. раб. Т. 2. С. 25; Т. 5. С. 399.

⁷ *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа: (Материалы исследований по археологии СССР // МИА. М., 1962. Вып. 106. С. 124.

⁸ *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. М., 1984. С. 80—87.

⁹ *Марков Е.* Очерки Кавказа. Картины природы и кавказской жизни. СПб.; М., 1887. С. 90; *Логашева Б. Р.* Тюркские топонимы на северо-востоке Ирана // Этническая ономастика. М., 1984. С. 152.

¹⁰ *Леонти Мровели.* Жизнь карллийских царей / Пер. коммент. Г. В. Цулая. М., 1979. С. 81—91.

¹¹ *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 119, 174.

¹² *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений. Ч. 1. Готы и их соседи до V века // Сборник отдел. русского языка и словесности. СПб., 1899. Т. 64. С. 125.

¹³ Мизиев И. М. Шаги к истокам... С. 130; Он же. История рядом... С. 86—87.

¹⁴ Волин С. К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1. С. 194; Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические надписи М., 1964. С. 174—175.

¹⁵ Мецгерский Н. А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 454, 533; Закиев М. З., Кузьмин-Юманди Я. Ф. Волжские булгары и их потомки. Казань, 1993. С. 74—79.

¹⁶ Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С. 66; Тизенгаузен Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 116.

¹⁷ Бартольд В. В. Указ. раб. Т. 5. С. 587; Т. 8. С. 109; Кляшторный С. Г. Указ. раб. С. 34.

¹⁸ Geographi d'Abulfeda. Par. M. Reinand. t. II. Paris, 1848. P. 227.

¹⁹ Кулаковский Ю. Указ. раб. С. 64—65.

²⁰ Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 12.

²¹ Вахушти. География Грузии // Записки Русского географического общества. Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5. С. 150—151.

²² Марр Н. Я. Предисловие к книге А. Ониани «Сборник сванских наименований деревьев и растений». Птг., 1917. С. 14—15; Дзидзигури Ш. Грузинский вариант нартекского эпоса. Тбилиси, 1971. С. 105.

²³ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 203, 208.

²⁴ Потапов Л. П. Очерки истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 255.

²⁵ Бахтияров А. Осколки «исчезнувших» аланов // Туркменоведение. 1930. Вып. 8—9. С. 39—40; Бартольд В. В. Указ. раб. Т. 5. С. 204, 587; Т. 2. С. 492; Т. 8. С. 109; Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984. С. 187; Мизиев И. М. О роли объективного освещения историко-этнографического наследия народов в современных межнациональных отношениях // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991. С. 88—89; Закиев М. З., Кузьмин-Юманди Я. Ф. Указ. раб. С. 75.

²⁶ Кокиев Г. А. К вопросу о происхождении и расселении на нынешней территории балкарцев и карачаевцев // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 28 янв.; Он же. Алано-балкаро-карачаевские этнические сближения (рукопись, хранящаяся в Краеведческом музее г. Владикавказа. Список архивного фонда Г. Кокиева. № 33).

²⁷ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 57, 106; Аталиков В. М. Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 20.

²⁸ Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории... С. 68—70.

²⁹ Кокиев Г. А. Указанные работы.

³⁰ Клейн Л. С. Прототипы катакомбных курильниц и проблемы происхождения катакомбной культуры // Археологический сборник. М.; Л.: 1968. Советский художник, Вып. 8; Попова Т. Б. К вопросу о курильницах северокавказского типа // СА. 1967. № 1.

³¹ Абрамова М. П. Культура сарматских племен Волжско-днепровских степей (II в. до н. э.—I в. н. э.): Автореф. канд. дис.

М., 1962. С. 4; *Она же*. Кочевые ираноязычные племена Предкавказья по данным археологии // IV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: (Тезисы докладов). Махачкала, 1988; *Она же*. Катакомбы и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМа. Вып. 54. М., 1982. С. 15; *Ковалевская В. Б.* Указ. раб. С. 160; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры // Археологические источники. Д. 1—10. М., 1963. С. 21; *Мизиев И. М.* История рядом... С. 34—35.

³² *Готье Ю. В.* Кто были обитатели Верхнего Салтова? // Известия Гос. Академии истории материальной культуры. Л., 1927. Т. 5. С. 74—75.

³³ *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа... С. 14.

³⁴ Указанные работы М. П. Абрамовой; Указанные работы В. Г. Ковалевской.

³⁵ Там же.

³⁶ *Смирнов А. П.* Рецензия на книгу Л. Р. Кызласова «История Тувы в средние века» // СА. 1971. № 1. С. 300.

³⁷ *Хлопин Н. И.* Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы: (По материалам Сумбарского могильника). Л., 1983; *Мизиев И. М.* История рядом... С. 34—36.

³⁸ Путешествия в восточные страны... С. 32.

³⁹ *Хетагуров К.* Собрание сочинений. Т. 2. М., 1974. С. 251.

Заключение

На рубеже IV—III тыс. до н. э. в степях Волго-Уральского междуречья сложилась древнейшая историко-культурная область носителей древнеямной (или курганной) археологической культуры. Древнеямные племена представляли собой европеоидный антропологический тип, вели подвижный кочевой образ жизни, разводили мелкий скот — овец, баранов и т. п. Шерсть, шкуры, кожа, мясо разводимого скота полностью обеспечивали эти племена всем необходимым для успешного развития.

Своих умерших ямники хоронили под курганной насыпью, которую они впервые создали в истории человеческой цивилизации. Под курганом вырывалась большая просторная яма, ее облицовывали срубом, сверху яму покрывали бревенчатым накатом в несколько слоев, дно могилы устилали войлоком, травой, камышом, кустарником, чистой желтой глиной и т. п. Погребенного чаще всего укладывали на спине с подогнутыми в коленях ногами, головой обращали к востоку. Реже усопшего клали на бок в скорченном состоянии.

По комплексу этих признаков вся археологическая культура получила название ямной, или курганной.

Поскольку ямные племена вели кочевой образ жизни, поэтому в их быту очень редка была керамика, которую трудно сохранить при перекочевках. Вся утварь делалась из дерева, кости, кожи, шерсти. Редко обнаруживаемая керамика была яйцевидной формы с узким горлом и днищем, изготовлена из грубого теста вручную с примитивным орнаментом, нанесенным по сырой глине пучком травы. Украшения и оружие ямники изготавливали из кости, камня, меди и бронзы.

Из своего древнейшего очага зарождения ямная культура во всем наборе своих ведущих этнокультурных

черт веерообразно распространилась в среду финно-угров, древних праславян, в глубину Средней Азии и Алтая, где приняла участие в создании новой ямно-афанасьевской этнической общности. Через юг Туркмении, Кавказский хребет данная культура проникла в Переднюю и Малую Азии, где столкнулась с древнейшими земледельческими оседлыми племенами.

Основные черты ямной культуры, подвижный скотоводческий образ жизни ямников получили дальнейшее развитие и сохранились исключительно только в среде кочевых и оседлых тюркских племен и народов Алтая, Средней Азии, Поволжья и Кавказа. Поэтому есть все основания считать энеолитическую ямную культуру в своей основе пратюркской, или прототюркской, археологической культурой. Распад и расселение ямной культуры по времени совпадают с распадом древней индоевропейской общности. Именно этот факт может объяснить обнаружение в тюркских языках массы праславянских, **угро-финских, семитических, кавказских** и иных лингвистических сходжений, включая и само слово «курган», объясняющееся только на тюркских языках: «кюре», «кура», «кур» и т. п. (А. Н. Баскаков). Отныне и сама курганная насыпь становится украшением степного пейзажа на огромных евразийских просторах и на Кавказе.

Продвигаясь в кавказском направлении, «курганники» прочно освоили поначалу предгорья. В районах Прикубанья, Центрального Предкавказья, в Приморском Дагестане обнаружены многие подкурганные захоронения древнеямного характера. Здесь «курганники» вступили в тесный контакт с древнейшими кавказскими племенами.

К середине III тыс. до н. э. ямно-кавказский, или горско-кочевнический, симбиоз создает известную курганную майкопскую культуру. Вне курганов эта культура неизвестна. В горах курганы не возводились. Для Кавказа и гор вообще курганы явились нововведением.

Ранние захоронения майкопской культуры почти ничем не отличались от «чистых» ямников кочевнического мира. Со временем все чаще обнаруживаются вклинивания кавказских элементов погребальной культуры — каменные ящики, каменные склепы, гробницы, галечная подсыпка дна могилы, каменный наброс сверху могилы и т. п. Влияние ямно-курганной культуры было настолько сильно, что общий облик погребального обряда оста-

вался курганным. Даже такие громадные мегалитические сооружения, как дольмены, и те «заходят» под курганныю насыпь (Т. Попова). Последние факты настолько серьезны при определении этнической основы майкопской культуры, что не замечать это невозможно и антинаучно.

В конце IV тыс. и позднее — в середине III тыс. до н. э., в эпоху расцвета майкопской культуры, курганы внезапно вторгаются в Анатолийскую равнину, Сирию, Турцию и прилегающие районы. Через Южный Кавказ курганы в этот период через районы Бедени, Уч-тепе, Лчашени, по территории Азербайджана, Грузии, Армении проникают далее в Переднюю Азию, вплоть до озера Урмия. Здесь курганники вступают в контакт с древнейшими земледельцами и создают оседло-земледельческое и скотоводческое хозяйство.

Весь имеющийся в нашем распоряжении материал мы старались пропустить сквозь призму традиционной культуры и языка высокогорных тюркских народов Кавказа — балкарцев и карачаевцев.

Некогда обитавшие на огромных просторах Северного Кавказа предки балкаро-карачаевцев после известных событий XIII—XV вв., связанных с монгольским нашествием, походами Тимура и продвижением адыго-кабардинских племен, оказались замкнутыми в горах Центрального Кавказа. Оказавшись в окружении иноязычной среды, оторвавшись от других тюркских народов и языков, они в наиболее чистом виде сохранили древнейшие особенности тюркских языков. Именно поэтому в свое время Н. А. Боровков писал с точки зрения изучения всей системы тюркских языков о карачаево-балкарском языке: «Мал золотник, да дорог».

В изолированных от внешнего мира глубоких ущельях Кавказа сохранены древнейшие черты традиционной культуры и языки многих кавказских народов — как в зоне вечной мерзлоты сохраняются останки первобытных животных (акад. И. Радде).

Изложенные обстоятельства объясняют тот факт, что многие сотни шумеро-тюркских лексических сходжений в наиболее полной и убедительной форме разъясняются с позиций карачаево-балкарского языка, вплоть до самых прозрачных совпадений отдельных слов и фраз шумерских текстов.

Шумеро-балкаро-карачаевские лексические параллели подкрепляются массой шумеро-майкопских археологических аналогий. Важно отметить, что эти аналогии почти не обнаруживаются на Южном Кавказе, что создает впечатление, что шумерские изделия и их прямые аналогии шли из Шумер в Предкавказье транзитно, не оседая в Азербайджане, Грузии, Армении. Вероятно, это обусловлено тем обстоятельством, что шумеры были давно оторвавшейся огромной частью пратюркской, или прототюркской, массы — носителей курганной культуры.

Шумеро-тюркские лексические схождения являются не случайными совпадениями, как иногда их преподносят индоевропейцы. Эти схождения охватывают всю систему шумерского и тюркских языков, наблюдаются в местоимениях, числительных, названиях частей тела, половозрастных групп, терминах родства, названиях божеств, легендарных героев и т. д. Если бы индоевропейцы обнаружили хотя бы в одном из индоевропейских языков десятую долю совпадений, они бы не стали так скептически и пессимистично оценивать наследие шумерского языка. К тому же индоевропейцы никогда не хотели замечать массу шумеро-тюркских совпадений.

Прежними местами обитания ямников на Северном Кавказе и их путями через Кавказ в Переднюю Азию позднее овладели генетические потомки ямников — скифы. Они сохранили весь комплекс погребального обряда и ведущие черты традиционной культуры, кочевой образ жизни: курганную насыпь над могилой, облицованные срубом могильные ямы, захоронения в деревянных колодах, на повозках, почти полное отсутствие керамики, разведение лошадей, употребление жумыса, конины, изготовление войлока и войлочных шатров — юрт и т. п. Все это совершенно чуждо индоевропейским народам, поэтому нет никакой возможности утверждать, что скифы являются индоиранским племенем. Наоборот, перечисленные элементы культуры и быта являются специфической этнокультурной особенностью тюркских народов средневековья и современности.

Сходство скифо-тюркской культуры подкрепляется множеством лингвистических данных: сходством скифских личных имен, именами царей и божеств, обрядами и обычаями духовной культуры. Особый интерес представляют имена таких божеств, как Тарги-тай (Тангри-тай); Кулак-сай, Арпак-сай, Липок-сай; Атей (Ата — отец),

Папай (Бабай — предок, дед), и многие другие имена с явно тюркскими значениями. В этом отношении бесценной является балкарская трактовка скифской легенды об упавших с неба предметах: золотой чаше, секире, плуге и пр., которая с позиций индоевропейских языков до сих пор остается непонятной. В этот же ряд ложится название уникального скифского котла, изготовленного из стрел всех воинов. Такой котел существовал у балкарцев под названием *Тайпок къазан*, т. е. «Казан племени».

Я считаю, что с древними ямниками, шумерами, киммерийцами и скифами связан древнейший этап процесса этногенеза тюркских народов.

Этот этап неотрывен от кочевых племен «Ас», от имени которых происходит древнейшее название «Азия», расположенная, по словам древних греков, в Предкавказье (П. Услар). К имени «ас» скифы добавили тюркское слово *киши* — «человек», «мужчина» («Ас-киши»). С древними «Ас-киши» вероятно, связано название современных азербайджанцев — «Аз-Эр», что равнозначно «Ас-киши». Термины *эр* и *киши* являются синонимами и означают понятия «человек», «мужчина», отсюда «Аз-эр» равнозначно термину «Ас-киши».

Другими слагаемыми в этом процессе были древние этнонимы «кам-эр», «суб-ар» — «суб-ар» (Сомар, шумер). В названиях этих племен четко читается слово «река» — *кам, сув, суб*. Недаром «Армянская География» VII в. сообщает, что древние тюркские племена очень часто называли себя по названиям рек, по берегам которых они устраивали свои стойбища. Таковыми этнонимами являются «Чу-киши» — чуйцы, т. е. «Люди реки Чу»; «Ку-киши» — лебединцы, т. е. «Люди реки Ку» (Лебеда) и т. д.

Вторым этапом в этногенезе тюркских народов является болгаро-гуннский период, охватывающий на Кавказе примерно время между II в. до н. э. и VII в. н. э. В этот период мы вкладываем время между первым упоминанием кавказских болгар в древних армянских источниках II в. до н. э., именуя Кавказ землей болгар, и период зарождения и развития Прикубанской «Державы Кубрата».

В V в. н. э. в Приморском Дагестане существовало мощное гуннское государство, тогда же гунны владели

Дарьяльским ущельем и проходом через Кавказский хребет (М. Каганкатваца, П. Кесарийский).

По бытовавшим легендам, у гуннского царя были два сына: Кутургу и Утургу, потомки и сподвижники которых сложились в болгарский этнос. Важно подметить, что, по словам Прокопия Кесарийского, болгары прежде назывались киммерийцами. В этом отношении названия «кам-эр» (киммер) и «балк-эр» (болгар) идентичны, поскольку и в том и другом случаях в наименованиях четко читается слово «река» — *кам, балк*.

После распада Великой Болгарии Кубрата гунно-болгарские племена начали широкое расселение и приняли самое активное участие в формировании дунайских болгар, татар Поволжья, балкарцев Центрального Кавказа. Этноним «болгар» сохранился как самоназвание балкарцев — «малкъар» и дунайских болгар.

Имя гунно-болгар отразилось во множестве топонимов Балкарии, Болгарии и Карачая (Курнаят, Мара, Камчай и др.). Между болгарами и балкар-карачаевцами обнаруживаются чрезвычайно уникальные антропологические, историко-этнографические, этнокультурные и иные сходжения. Эту близость фиксирует масса археологических источников: керамика, украшения, погребения, рунические письмена и т. п.

Как и в предыдущем этапе, в этногенезе тюркских народов продолжают занимать важное место племена асов.

По нашему мнению, завершающий этап процесса этногенеза тюркских народов связан с племенами ала-но-асов.

В предыдущем разделе работы мы приводили достаточно объективных сведений о том, что аланы и асы были изначально тюрками. Подводя итог всему сказанному, хочется выстроить эти факты в один стройный ряд:

1. Термин *алан* является тюркским и на алтайском, татарском, турецком языках означает понятие «долина».

2. Географический термин *алан* превратился в этноним отдельных подразделений у алтайцев, туркмен, каракалпаков и бытует у них до сих пор.

3. По сведениям средневековых авторов, аланы, отождествляемые с крымскими базарианами, говорили на тюркском языке (Ю. Кулаковский).

4. Тюркский язык аланов подкрепляют «Аланское приветствие» Иоана Цеца, «Зеленчукская надпись» и другие документы.

5. По сведениям Аммиана Марцелина, аланы — прежние массагеты, а последние, по данным антропологов, являются стопроцентными туркменами.

6. Аланы являются потомками скифов, а Скифия, по данным письменных источников VIII—IX вв., является землей тюрков, тогуз-огузов и т. п. (М. Хварезми).

7. По словам Ибн-Саида, аланы были тюркским народом.

8. Аланами мегрелы называют карачаевцев. Аланией называли Карачай и военно-топографические карты Кавказа XVIII—XIX вв.

9. Термин *алан* до сих пор бытует у балкаро-карачаевцев как обращение друг к другу в значении «сородич», «соплеменник».

Столь же категоричны сведения о тюркоязычности асов:

1. *Ас* — это древнетюркский этноним, известный по китайским источникам первых веков.

2. *Ас* — это древнетюркский этноним, известный по Орхоно-Енисейским письменам VIII в.

3. *Ас-киши* — это тюркский этноним, означающий «асский человек», зафиксированный в X в. Ибн-Хордадбехом, в XIV в. Ибн-Саидом, Абу-л-Фидой. «Ас-киши» — это то же самое, что и осетинское название балкарцев — «асс-он».

4. *Ас* — это татарское племя по анонимному автору XIV в.

5. *Ас* — это родо-племенные группы у ногайцев, каракалпаков, алтайцев, узбеков, казахов, киргизов и др.

6. *Ас*, *Ишбай-ас*, *Хусин-ас* — это топонимы в Каракалпакии.

7. Ярополк ходил войной на половцев, а в плен приводил асов.

8. Жена Андрея Боголюбского была болгарка родом из асов.

9. По сведениям древнерусских текстов, «язык асов / ясов» похож на язык печенегов.

10. *Су-ас* — марийское название волжских татар.
11. *Ассиаг* — осетинское название Балкарии.
12. *Стур ассиаг* — осетинское название Карачая.

* * *

Проанализированный в нашей работе материал приводит нас к единственно верному в подобных случаях выводу о том, что племена скифов (Ас-киши) — аские люди; сарматы — «рыжие», аланы — «долинники», «равнинники», асы — «кочевники, сбившиеся с пути», «переваливающиеся через горы», а тем более гунны, болгары, хазары — все они были предками многих тюркских народов. Эти этнонимы порой существовали синхронно, иногда заменяли друг друга в зависимости от различных исторических событий и ситуаций.

Процесс этнической интеграции различных племен в тюркские народы начался еще в эпоху энеолита, в период распространения в Евразийских степях курганной (ямной) археологической культуры на рубеже IV—III тыс. до нашей эры.

Проследив пути распространения древнейших пратюрков через Предкавказье на юг, мы все же ощущаем некоторую незавершенность общей затронутой темы этногенеза тюркских народов. В связи с этим хотелось высказать одну мысль, что для полноты исторической картины необходимо было бы дополнить нашу работу новыми исследованиями типа: «Евразийские степи, Алтай и Шумеры», «Евразийские степи, Приаралье и Шумеры» и др. Но эта мысль остается пока нашим добрым пожеланием коллегам археологам и тюркологам, этнографам Средней Азии и Алтая.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- СА — журнал «Советская археология».
СЭ — журнал «Советская этнография».
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
КЧНИИ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт.
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.
ГАИМК — Государственная Академия института материальной культуры.
ИГАИМК — Известия ГАИМК.
КСИА — Краткие сообщения института археологии АН СССР.
ВДИ — Вестник древней истории.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Древнейшие предки балкарцев и карачаевцев	14
Прародина и расселение древнейших кочевников-овцеводов	26
Расселение наследников древнейшей культуры	91
Курганная культура и индоевропейцы	129
История тюркских народов начинается с курганов	158
Древнейший этап формирования этнической основы балкарско-карачаевцев	172
Шумеро-балкарские лексические сходжения в свете этногенеза балкарцев	188
Скифо-сарматское наследие в истории и культуре тюркских народов	214
Гунно-болгарские племена — предки балкарцев и карачаевцев	328
Асы и аланы — предки тюркских народов	340
Заключение	361
Список принятых сокращений	372

Научное издание

Мизиев Исмаил Муссаевич

**ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО ПОХОДОВ ТИМУРА**

Заведующий редакцией *В. Н. Котляров*
Редактор *Л. Т. Юркова*
Художник *А. К. Царикаев*
Технический редактор *Л. И. Прокопенко*
Корректор *И. А. Шекихачева*

ЛР № 010238 от 27.04.92

Сдано в набор 5.02.96. Подписано в печать 12.05.96.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 19,74. Уч.-изд. л. 21,76.

Тираж 1000 экз. Заказ № 266

Издательский центр «Эль-Фа»
при полиграфкомбинате им. Революции 1905 г.

Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.

Мининформпечати КБР

360000, г. Нальчик, пр. Ленина, 33